

МОСКОВСКИЕ ГОСУДАРИ В XVII ВЕКЕ

XI

Людмила Черная

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ В XVII ВЕКЕ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Annotation

При дворе первых царей династии Романовых традиционные элементы русской жизни соседствовали с театром и парсунами, барочной поэзией и садовым искусством. Каждый из них возвращал древо российской государственности и был способен на неординарные поступки. Михаил Федорович, покорный матери, разлучился со своей избранницей, но потом вопреки воле властных родственников восемь лет не женился. «Тишайший» Алексей Михайлович охотился с рогатиной на медведя, был щеголем и графоманом. Интеллектуал Федор Алексеевич знал о системе Коперника, изучал латынь, писал вирши и любил лошадей.

Книга доктора исторических наук Людмилы Черной рассказывает, кому подражали, что перенимали и от чего отказывались московские государи; почему выбирали жен незнатного происхождения; какие люди и вещи окружали их на войне, на дворцовых приемах, на отдыхе в загородных резиденциях, в паломничествах по монастырям, на охоте; как при дворе боролись с обыкновением иностранных дипломатов прихватывать с собой драгоценные кубки с царского стола.

-
- [Людмила Черная](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Государев чин](#)
 - [Государева честь](#)
 - [Венчание на царство](#)
 - [Объявление наследника престола](#)
 - [«Видеть царские очи»](#)
 - [«Ратного строя николи же позабывайте»](#)
 - [«Ударить челом государю»](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Священство и царство](#)
 - [Церковные праздники](#)
 - [Паломничества по святым местам](#)
 - [Милостыня и призрение](#)
 - [Глава третья СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ](#)
 - [«Государева радость»](#)
 - [Несостоявшаяся свадьба](#)

- [Теремные затворницы?](#)
- [Дни рождения и «ангелы»](#)
- [Воспитание и обучение царских детей](#)
- [«Терпеть болезни — веселие стариков...»](#)
- [«На санех»](#)
- [Глава четвертая](#)
 - [Обустройство Кремлевского дворца](#)
 - [Загородные резиденции](#)
 - [Распорядок дня членов царской семьи](#)
 - [«Наш чин не любит овчин...»](#)
 - [«Трапеза многообразных брагиен»](#)
 - [Баня, мыльня, мыленка](#)
- [Глава пятая](#)
 - [«Многие великого государя иконописные дела»](#)
 - [Книга печатная и рукописная](#)
 - [Придворная поэзия](#)
 - [Театр](#)
 - [Музыка](#)
- [Глава шестая](#)
 - [Домашние «потехи»](#)
 - [«Ловы»](#)
 - [«Вертограды»\[30\]](#)
- [Послесловие](#)
- [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

Людмила Черная

**Повседневная жизнь московских государей
в XVII веке**

Предисловие

Литература, посвященная царствованиям первых Романовых, до недавнего времени насчитывала сотни книг и статей, а в связи с празднованием четырехсотлетия династии многократно увеличилась. Но история повседневности московских государей XVII столетия еще не написана. Дело в том, что повседневная жизнь составляет совершенно особую область изучения, поскольку теснейшим образом связана с культурой. Еще Василий Осипович Ключевский подчеркивал эту связь, определяя культуру как «выработку человеческого общежития», опирающуюся на традиции — «скарб идей, условностей, привычек, но если отнять это у общества, то у него ничего не останется». По сути, Ключевский одним из первых осмыслил, что такое «повседневность». Еще одно прекрасное определение ей дал французский ученый Фернан Бродель: «...та сторона жизни, в которую мы оказались вовлечены, даже не отдавая себе в том отчета, — привычка, или даже рутина, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничьего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания... Неисчислимы действия, передаваемые по наследству, накапливающиеся без всякого порядка. Повторяющиеся до бесконечности, прежде чем мы пришли в этот мир, помогают нам жить — одновременно подчиняют нас, многое решая за нас в течение нашего существования. Здесь мы имеем дело с побуждениями, импульсами,

стереотипами, приемами и способами действия, а также различными типами обязательств, вынуждающих действовать, которые порой, причем чаще, чем это можно предполагать, восходят к самым незапамятным временам». Эти-то привычные каждодневные действия и поступки, а также мысли и побуждения людей XVII века и стали предметом нашего исследования.

Повседневная жизнь московских государей настолько богато представлена в источниках, фиксировавших каждый их шаг (дворцовых разрядах, чинах венчаний на царство, объявлений наследника престола, свадебных и др.), что трудно найти в средневековой русской истории более благодатную тему для изучения. Но, несмотря на обилие литературы, посвященной московским государям XVII века, истории повседневности касаются лишь единицы.^[1]

Ближе других дореволюционных исследователей подошел к изучению повседневности венценосцев Иван Егорович Забелин. Его замечательные книги «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» (М., 1862) и «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях» (М., 1869) содержат богатейший материал по строительству Теремного дворца в Кремле, наполнению его предметами быта и художественными произведениями. Но в них историк лишь слегка коснулся темы повседневного обихода, в основном рассматривая дворцовый быт в контексте положения женщин в древнерусском обществе. Зато в других изданиях Забелин подробно рассказал о царских паломничествах (Троицкие походы русских царей. М., 1847) и охотничьих пристрастиях (Охотничий дневник царя Алексея Михайловича 1657 г. М., 1858).

В советской науке историей повседневности не занимались вовсе. Только в последние годы оживился интерес к ее изучению. Сейчас работы, посвященные повседневной жизни первых Романовых, можно пересчитать по пальцам, но появилась, хочется думать, устойчивая тенденция к росту их числа.^[2] Современная интерпретация повседневной жизни включает жизненный уклад, традиции, привычки, этические и эстетические нормы, удовлетворение материальных и духовных потребностей и т. д. Порой под повседневностью понимают только жизнь личную, что, на наш взгляд, не совсем верно, ведь московские цари в XVII столетии изо дня в день занимались и государственными делами. Естественно, во главу угла будут положены не внутренняя и внешняя политика государства и не события, связанные с управлением страной, а личности и характеры первых Романовых, определявшие их образ жизни, приоритеты в быту и

культурные предпочтения, отношения с придворными и родственниками и т. п. Интересно проследить, как менялся вековой традиционный жизненный уклад русских государей при правителях новой династии, к тому же избранной «всею землею», поскольку, с одной стороны, они должны были всячески демонстрировать преданность привычкам жизни Рюриковичей, подчеркивая свою родственную связь с ними, но, с другой стороны, всё же не могли не откликаться на новации «бунташного столетия», перекраивавшие жизнь царского двора на европейский лад.

В сферу нашего внимания попадает почти весь XVII век, с 1613 года — времени избрания на царство первого представителя дома Романовых — до 1682-го, когда на престол уже был посажен десятилетний Петр Алексеевич, затем к нему номинально присоединили его старшего брата Ивана, считавшегося непригодным к царствованию, а фактически с этого момента по 1689 год у власти находилась их сестра. Повседневная жизнь правительницы Софьи Алексеевны может стать отдельной темой исследования; нас же интересует время утверждения новой династии: правление Михаила Федоровича (1613–1645), Алексея Михайловича (1645–1676) и Федора Алексеевича (1676–1682).

Первые три монарха из дома Романовых имели массу сходных черт, что объясняется и их кровным родством, и ранним вступлением на престол, и суровыми реалиями «бунташного» столетия. Все они характеризуются современниками как «благочестивые» государи, радеющие о пользе народа. «Тихий» Михаил Федорович вырастил «тишайшего» Алексея Михайловича; правда, у третьего правителя, Федора Алексеевича, «тихость» лишь декларировалась, зато вполне явственно проступала реформаторская жилка. Все они были женаты дважды, несмотря на то, что Михаил и его сын прожили по полвека, внук — только до двадцати годков... Всех их, без сомнения, объединяла родственная любовь, выраженная однажды Михаилом словами, обращенными к отцу: «Что же ли в человеческом естестве любезнейши рожшаго и что сладчайши рожденнаго?» Но при всей схожести первые цари новой династии

отличались друг от друга и образом правления, и образом жизни, и характерами. Личность и характер отца, сына и внука, безусловно, наложили яркий отпечаток на их повседневную жизнь.

Первый царь из дома Романовых, хорошо осознававший отсутствие «кровного» основания своей власти и свою зависимость от избравшего его народа, априори должен был ориентироваться на возрождение утраченных в Смуту норм придворной жизни. Вернуться к «старине», любезной сердцу всего русского общества, но утраченной в кипящем котле Смуты среди войн, бунтов и полного разорения, — вот суперзадача, которую поставил перед собой новый правитель.

Если Михаил Федорович внес мало нового в жизнь царского двора, то Алексей Михайлович с лихвой компенсировал безынициативность отца, введя в придворный быт театр, барочную поэзию, партесное пение и инструментальную музыку, «живоподобное» искусство и многое другое.

Юный Федор Алексеевич первые три года своего правления был слишком мал для каких бы то ни было новаций, но начиная с семнадцати лет стал так смело и активно менять жизнь вокруг себя, а затем в столице и в стране в целом, что остается не только удивляться, но и сожалеть о краткости жизни столь решительного реформатора.

Хорошо заметно, как на протяжении столетия возрастает уверенность государей в своем праве на российский престол, а вместе с ней и стремление к новациям. Они формируют новую опору своей власти — придворную аристократию, в которую попадают и знатные, и незнатные служилые люди, сумевшие продемонстрировать свои способности и познания на государевой службе. При царском дворе складывается своеобразная придворная культура, ориентирующаяся на западноевропейскую, в особенности на польскую. Повседневная жизнь царского двора становится всё разнообразнее и насыщеннее, в ней появляются невиданные дотоле черты. Все эти перемены интересно проследить, анализируя разные стороны повседневной жизни московских государей XVII столетия.

Образ жизни русских правителей начал складываться издревле, как только было образовано государство. Уже тогда князь имел свой «двор» — военную дружину и круг приближенных слуг. Но придворная культура веков Древней Руси отличалась от культуры всех остальных социальных слоев общества лишь обилием и богатством. Конечно, была особая честь в том, чтобы служить князю, а не боярину, о чем метко сказано в «Молении Даниила Заточника». Автор XII века, хорошо знавший жизнь княжеского двора, дал образные характеристики его жизни: «Паволока (ткань. — Л. Ч.)

бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людьми честен и славен по всем странам». Но пиры и охотничьи вылазки великих и удельных князей всё же мало чем отличались от подобных развлечений бояр, а позднее и дворян. Как князь, так и «муж»-дружинник, а позднее боярин-земледелец обязаны были устраивать пиры для своего двора. Тот же Даниил Заточник свидетельствует: «Зане князь щедр отец есть слугам многим: мнозии бо оставляют отца и мать, к нему прибегают. Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится болшей работы. Зане князь щедр — аки река, текуща без берегов сквози дубравы, напаяюще не токмо человеки, но и звери; а князь скуп — аки река в брезех, а брези камены: нелзи пити, ни коня напоити».

Социокультурный раскол — проще говоря, «раздвоение» культуры на придворную и культуру простых подданных — наглядно проявился лишь в эпоху петровских преобразований, но возник ранее, в «бунташном» XVII столетии. Тогда у царя и его окружения появилась потребность в создании и выделении своей особой субкультуры, более «ученой» и светской, ориентированной на придворные традиции западноевропейских правителей, более привилегированной, наполненной свойственными только ей содержанием и смыслом. Но можно ли назвать изменения, происходившие в придворной культуре XVII века, европеизацией? Как известно, реформирование по западноевропейским образцам разных сторон повседневной жизни началось при Петре Великом. Именно тогда произошла полная замена традиционных средневековых норм культуры и быта при дворе, в Табели о рангах (1722) придворная служба впервые была выделена в отдельный род государственной деятельности наряду с военной и гражданской. Нам известно, как происходил отбор европейских образцов, в соответствии с которыми менялся русский царский двор, по каким каналам поступала в Россию информация об устройстве европейских дворов, как оценивали европеизацию российского двора сами придворные и иностранцы. А что же происходило в этом направлении при деде, отце и

старшем брате Петра Великого и как изменилась их повседневная жизнь?

Отвечая на этот вопрос, постараемся показать, каким образом в жизни первых Романовых, как и во всей русской культуре переходного периода от Средневековья к Новому времени, традиционные начала тесно переплетались с новыми веяниями; охватить все стороны жизни московских государей, начиная с официальных мероприятий и заканчивая развлечениями. О том, какое место заняли в жизни московских государей «живоподобное» искусство, придворный театр и поэзия, инструментальная музыка, барочные сады, как возникали и трансформировались западноевропейские новации в придворной культуре, кто был законодателем мод при дворе, как менялась на протяжении столетия повседневная жизнь женщин царского семейства, расскажет наша книга.

Глава первая
СОБЫТИЯ «ГОСУДАРЕВОЙ
ВАЖНОСТИ»

Государев чин

Понятие «чин» в средневековой культуре было очень емким и насчитывало множество значений (порядок, подчинение, последование, правило, устав, степень, должность, сан, сонм, знамя, значение, время и др.). На первом месте стояло пришедшее из Византии толкование «чина» как правильного, утвержденного Богом миропорядка. Сама идея строгой уравновешенности жизни, подчиняющейся иерархии, была свойственна христианскому мировоззрению и опиралась на тезис о божественном происхождении чина. Богослов IV века Григорий Назианзин писал: «Елма же и чин добр вьсему начинаему слову и деянию от Бога же начинати и в то скончевати». Отталкиваясь от представлений о божественной сущности чина, средневековые авторы проводили мысль о его совершенстве и незыблемости: «Колико зло есть, еже чин свой комуждо преступати и уставные пределы без боязни миновати». Сформулированный в «Шестодневе» тезис неоднократно встречается в самых разных средневековых источниках, закрепляя «чин» как ограду существующего порядка во всех элементах, на всех уровнях...

Жизнь русских царей емко обозначалась понятием «государев (царев) чин», включавшим в себя всё, что должен был и мог делать государь всея Руси, все его права и обязанности перед Господом и людьми. В средневековой иерархии мироустройства государь занимал верхнюю ступень — выше был только Бог. В Смутное время государеву чину был нанесен сильнейший урон, и перед первыми царями из дома Романовых встала сложнейшая задача — возродить его утраченную чистоту, освоить царскую службу, привести всю свою жизнь в соответствие с ним. Как московские государи XVII столетия решали эту задачу, что нового они привнесли?

По мнению историков, русское средневековое государство было «вотчинным»: правитель страны считался (и ощущал себя) полновластным собственником подвластной ему территории и людей, ее населявших. Внешние проявления государева чина начали складываться под ощутимым влиянием Византийской империи с ее отработанными веками пышным церемониалом. Ко времени правления Ивана III (1462–1505) относится не только появление великокняжеского герба и регалий, но и оформление всего комплекса поведенческих канонов государя всея Руси. До того момента повседневный быт русских великих князей мало чем отличался от

обихода их бояр: они так же соблюдали церковные обряды, занимались государственными делами, участвовали в военных походах, ходили на охоту, устраивали пиры с музыкой и скоморохами, отдыхали в загородных садах и усадьбах, держали во дворце карликов и уродцев, слушали сказителей, «калик перехожих» и пр. Государь был доступен и прост в обхождении, («любосовестен», как позднее сказал о нем князь Андрей Курбский). Его могли упрекать в нерешительности и даже трусости (к примеру, ростовский архиепископ Вассиан Рыло во время знаменитого Стояния на Угре 1480 года), ему могли говорить в глаза «противности»; считалось даже, что он приближал к себе именно таких людей, которые решались ему возражать (по словам дворянина И. Берсеня-Беклемишева, государь «против себя стречу любил и тех жаловал, которые против его говаривали»). Архиепископ Вассиан в своем послании привел также определение «правильного» государя, данное античным философом Демокритом: «...князю подобает имети ко всем временным ум, а на супостаты крепость, и мужество, и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок». В этих словах нас особенно интересует последнее требование — иметь «любовь и привет сладок» к своей дружине, составлявшей в те времена двор князя. Примерно к тому же позже призывал его сына Василия знаменитый мыслитель Максим Грек; «Такожде и сущая о тебе пресветлыя князи и боляры и воеводы преславныя и добряя воины и почитай и бреги и обильно даруй; их же бо обогащая, твою державу отвсюду крепиши...»

Образ жизни великого князя начал меняться на глазах после его второй женитьбы (1472) на Софье Палеолог. «Цареградская царевна» (ее отец был братом последнего византийского императора Константина XI и деспотом одной из греческих провинций) в раннем детстве имела перед глазами образцы пышного и насыщенного символикой византийского церемониала, дополнявшиеся сценами жизни двора римского папы, где она выросла. В России Софья Фоминична, жившая воспоминаниями о былом величии, получила право принимать иностранных послов, имела свой штат придворных, приехавших вместе с ней из Италии. С ее появлением в Москве оформляется государственная символика и начинает быстрыми темпами развиваться внешняя сторона государева чина — продуманное и расписанное до мельчайших деталей ритуальное поведение, призванное демонстрировать значимость власти великого князя и каждого действия при его дворе как частицы иерархического мироустройства.

Сын Ивана III и Софьи Палеолог Василий III (1505–1533) внес свою лепту в наполнение государева чина глубоким внутренним содержанием.

При нем складывается концепция «Москва — третий Рим», придавшая новый статус московскому правителю, создается «Сказание о князьях Владимирских», представляющее род Рюриковичей потомками Пруса, родственника римского императора Августа, и подчеркивающее «богоизбранность» русского государя. Ко второй половине XVI века существовал уже полный набор государственных регалий: скипетр, держава («царского чина яблоко»), коронационная шапка Мономаха, бармы-оплечье, золотой наперсный крест.

Первый титулованный царь (1547) Иван IV, как известно, уже настолько усвоил представление о безграничности власти государева чина, возложенного на него самим Богом, что считал себя его прямым наместником на земле.

Со смертью его сына Федора (1598) пресеклась династия Рюриковичей и на престоле оказались «самовластцы» (их в публицистике Смутного времени противопоставляли законным наследственным правителям — «самодержцам»), а затем и самозванцы. Кстати, Василия Шуйского современники называли «самоизбранным» царем. Чем сомнительнее было право монарха на российский престол, тем пышнее становился придворный церемониал, роскошнее пиры, масштабнее царские выходы, крупнее вклады в монастыри и церковные святыни и т. п. К примеру, Борис Годунов потрясал воображение иностранных дипломатов и числом сопровождавших его карету конных и пеших бояр, дворян и стрельцов, и богатством их одежд. Прославились и пиры первого избранного царя. Так, однажды в Серпухове пиршество длилось шесть недель, при этом число его участников достигало десяти тысяч. Столовое серебро того времени представляло собой огромные бочки, блюда, вазы и т. п. По свидетельству иностранцев, серебряные тазы поднимали за ручки четыре человека, а вазы, из которых чашами черпали мед, были рассчитаны на 300 персон.

Особенно старался Годунов произвести впечатление на датского принца Иоанна, которого метил в женихи своей дочери Ксении. На царском приеме не только выносили еду на серебряных и золотых блюдах, но горы подносов, чаш, кубков и других золотых предметов были выставлены на особом столе подле столовой, причем иностранцы отметили не только обилие драгоценного металла, но и красоту форм и тонкость работы. Чтобы поразить потенциального жениха, Борис продемонстрировал ему свой трон из чистого золота, рядом с которым стоял серебряный столик с позолотой, покрытый скатертью из золотых и серебряных нитей. Годунов любил также удивлять гостей невиданными по щедрости подарками, в особенности дорогими заморскими тканями — бархатом, парчой, камчатным

(узорчатым) шелком.

Первый самозванец на русском престоле — Григорий Отрепьев, выдававший себя за сына Ивана Грозного Дмитрия, — по примеру Годунова отстроил себе великолепный дворец в Кремле и не скупился на роскошные пиры и другие царские потехи. Осталось описание дотоле невиданного сооружения — крепости на колесах, в небольших окнах которой, имевших вид чертовых голов, были поставлены маленькие орудия. По утверждению голландца Исаака Массы, «москвитяне называли эту крепость адским чудовищем, и после смерти Дмитрия, которого они называли чародеем, говорили, что он на время запер там черта, впоследствии сожженного вместе с этой крепостью и с трупом Самозванца». Лжедмитрий I (1605–1606) допустил целый ряд ошибок, разрушив традиционный русский государев чин: выстраивал свою повседневную жизнь по польскому и западноевропейскому образцам, позволял себе прогуливаться по Москве без должной пышности, не спал после обеда, как было положено у русских, не носил царского платья с подобающим величием и т. п.

Падение авторитета царской власти продолжилось и в правление Василия Шуйского (1606–1610), и тем более при «избрании» на российский престол польского королевича Владислава... Казалось, вместе с умалением государева чина погибнет и вся Россия. Именно поэтому в 1612 году после освобождения Москвы от польских войск и встал со всей остротой вопрос о возрождении высокого статуса. Его носителем должен был стать незапятнанный грязью Смуты, а потому, конечно, молодой человек, способный стать символом возрождающейся страны, каковым и виделся тогда всему народу Михаил Романов.

Первый государь из новой династии, будучи не «прирожденным» царем, а избранным Земским собором в 1613 году, должен был проявить определенное мужество, принимая управление разоренной и полностью вышедшей из повиновения страной. Неудивительно, что шестнадцатилетний избранник долго не соглашался взвалить на свои плечи столь тяжкую ношу и пролил много слез, а позднее пытался переложить груз ответственности на боярское правительство, на мать, старицу Марфу, а затем и на отца, патриарха Филарета.

Исследователи правления Михаила Федоровича (В. Н. Татищев, В. О. Ключевский, С. В. Бахрушин и др.) в основном склонялись к выводу, что отголоски тяжелых детства и юности наложили отпечаток на его личность. Современники характеризовали его как тихого и кроткого человека, во всём походившего на Федора Ивановича, его двоюродного дядю по матери: «Сей

убо благочестия рачитель присно восхваляемый благоверный и христоролюбивый царь и великий князь Михаил Федорович, всеа Руси самодержец, бысть благоверен, зело кроток же и милостив»; «Не точию убо в телесных добротах сияше, но и душу мужествену являя и благодатми светящуюся отвсюду, бе бо всеми добрыми делы украшая себе, постом и молитвою, правдою и целомудрием, чистотою и смиренномудрием, правдосудием и благоговеинством присно украшая себе, лести же и лукавства и всякого зла отнюдь всяк ненавистен бысть... и не храня вражды всякия, ниже злобе или гневу в сердце своем место даяше, ко всем бысть всегда тих и кроток». То, что Россия не погибла после Смуты, а выправилась и поднялась, современники (голландский купец Исаак Масса, подьячий Григорий Котошихин и др.) считали заслугой не царя, а боярского правительства. Большинство историков также считают, что царь мало занимался государственными делами, а все ответственные решения принимал Земский собор, практически постоянно действовавший при правительстве вплоть до 1619 года. Но некоторые их коллеги пытаются защитить царя от этих обвинений. Л. Е. Морозова (Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. № 1) утверждает, что выбор пал на Михаила Романова не потому, что бояре решили, будто он «молод, разумом не дошел и нам будет поваден»: «Если бы дело обстояло именно так, то боярам совсем не нужно было бы выбирать царя, поскольку в период «семибоярщины» власть и так была в их руках. Правда, стране это правление принесло только новые бедствия и страдания. Очевидно, что для спасения государства требовался не временщик «на час», а защитник «сырых и обездоленных», щедрый покровитель, справедливый судья для своих «чад». Такого человека видели тогда в Михаиле Романове и не ошиблись». На наш взгляд, в 1613 году выбирали не самого Михаила Федоровича, а прославленный и многострадальный род Романовых, в основном на формальном основании родственной связи с Рюриковичами через первую жену царя Ивана Грозного и мать Федора Ивановича Анастасию Романовну.

В. Н. Козляков в биографии Михаила Федоровича, вышедшей в серии «ЖЗЛ» (2-е издание — М., 2010), констатирует: «Он вступил на престол в возрасте 16 лет. За сравнительно небольшой срок его правительство решило труднейшие задачи: примирило враждующие группировки, отразило атаки интервентов, вернуло некоторые исконно русские земли, заключило с соседями мирные договоры, наладило в стране хозяйственную жизнь. Что обеспечило этот успех? Какие-либо особые личные качества молодого царя, которые традиционно приписываются опытному

руководителям: трезвый и глубокий ум, отвага и решительность, обширные знания, богатый личный опыт? Ответ может быть только отрицательным: у тихого и скромного Михаила этих качеств не было». За 32 года царствования Михаила Федоровича в его правительстве («ближнем кругу») побывали родственники Иван Никитич Романов, князь Иван Борисович Черкасский, Федор Иванович Шереметев, а также Борис и Михаил Михайловичи Салтыковы (последние — за исключением опалы в 1623–1633 годах), каждый из которых вносил вклад в решение важнейших проблем государства. Если начать выяснять, в чем состоял вклад самого царя, оказывается, что Михаил Федорович, начавший после смерти матери (1631) и отца (1633) вершить государственные дела, наделал массу ошибок: допустил к управлению казнокрадов и взяточников, вернул тех, кого убрал из управленческого аппарата «гневный» патриарх Филарет, а самое главное — снова проявил неуверенность в себе и начал созывать Земские соборы, чтобы переложить ответственность за принимаемые решения на «людей всей земли».

Первый период царствования Михаила Федоровича продлился до возвращения патриарха Филарета из плена. Рюрикович Василий Шуйский, неудачно правивший (1606–1610) и свергнутый, являл собой яркий пример того, что может случиться в России с выборным царем. Долгая и кровопролитная Смута породила массу страхов и перед соседними державами, особенно Польшей и Швецией, и перед собственным народом, готовым в любую минуту поднять бунт. Новоизбранному царю даже негде было жить в Кремле, поскольку он был разорен и сожжен, и мать Михаила в письмах в Москву требовала, чтобы для него были отстроены хоть какие-то хоромы. Первые шесть лет правления Михаила Федоровича в Кремле постоянно действовал Земский собор, принимавший самые сложные решения по выходу страны из кризиса. Пустую государственную казну пытались пополнить и путем введения чрезвычайного налога — «пятинной деньги», и за счет средств богатого купечества. Купцы Строгановы, например, получили уникальное («никому не в пример») почетное звание «именитых людей» за те огромные пожертвования, которые вынуждены были внести в казну. Выборный царь очень хорошо осознавал отсутствие «кровного» основания своей власти и свою зависимость от избравшего его народа. В этот начальный и самый сложный период его правления ни одно решение не было принято им самостоятельно; даже отказ от избранной невесты Марии Хлоповой он в 1616 году переложил на плечи Земского собора, заявив, что поступит так, «как укажут люди»...

После возвращения из плена отца государя и до самой его смерти

Михаил целиком подчинялся воле Филарета, властного и сильного человека, принявшего титул «государь патриарх», то есть официально ставшего вторым по рангу, но реально являвшегося первым правителем, в ведении которого была и внутренняя, и внешняя политика. Кстати, именно он разобрался с делом «порчи» царской невесты Марии Хлоповой и отправил в ссылку виновных в интригах против нее родственников своей супруги Салтыковых. Письма Михаила Федоровича Филарету красноречивы — он всегда предстает в них только любящим сыном, тогда как отец ему видится «равноангильным жизнью», «вселенским пастырем», «подражателем Христовых велений», «Святых апостол преемником», «церковных кормил правителем, каравль православия неблаженно направляюще во пристание благоверия...» и т. п. Себя Михаил неоднократно сравнивает с оленем, коленопреклоненно пьющим духовную влагу, источаемую священным источником пастырских слов: «...желаем бо, святой владыко и государь мой, предобрый твой глас слышати, яко желательный елень напаятися». В конце писем обязательно прибавляет, что не только целует святительскую руку, но и «касается стопам его преподобия».

После смерти Филарета возмужавший царь (на тот момент ему исполнилось 37 лет) мог бы продемонстрировать характер и силу. Ан нет — всё вернулось на круги своя: Михаил проявлял уступчивость в важных вопросах, стараясь не обидеть «сильных людей», сохранить «мир и тишину в государстве».

Но, будучи не очень способен к самостоятельному правлению, Михаил Федорович хорошо подходил по характеру для того, чтобы быть символом объединения страны после Смуты. Он, подобно птице феникс, олицетворял возрождение из пепла всей Русской земли, а заодно и рода Романовых. Слова великого историка С. М. Соловьева отражают эту сущность: «...личность царя Михаила как нельзя более способствовала укреплению его власти: мягкость, доброта и чистота этого государя производила на народ самое выгодное для верховной власти впечатление». Верхушка русского общества, ввергшая страну в хаос, после победы ополчения Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, должна была оглядываться на народ, своими силами добившийся освобождения Москвы от поляков: кого он примет в цари, какой претендент наиболее соответствует государеву чину, отражающему идеал «богоизбранного» православного самодержца. Михаил Федорович как никто подходил для этой роли — незапятнанной в хаосе Смутного времени юностью, чистотой, добротой и, главное, «тихостью». (Историк В. Н. Козляков считает, что царя Алексея

Михайловича стали называть «тишайшим», оглядываясь на его «тихого» отца.)

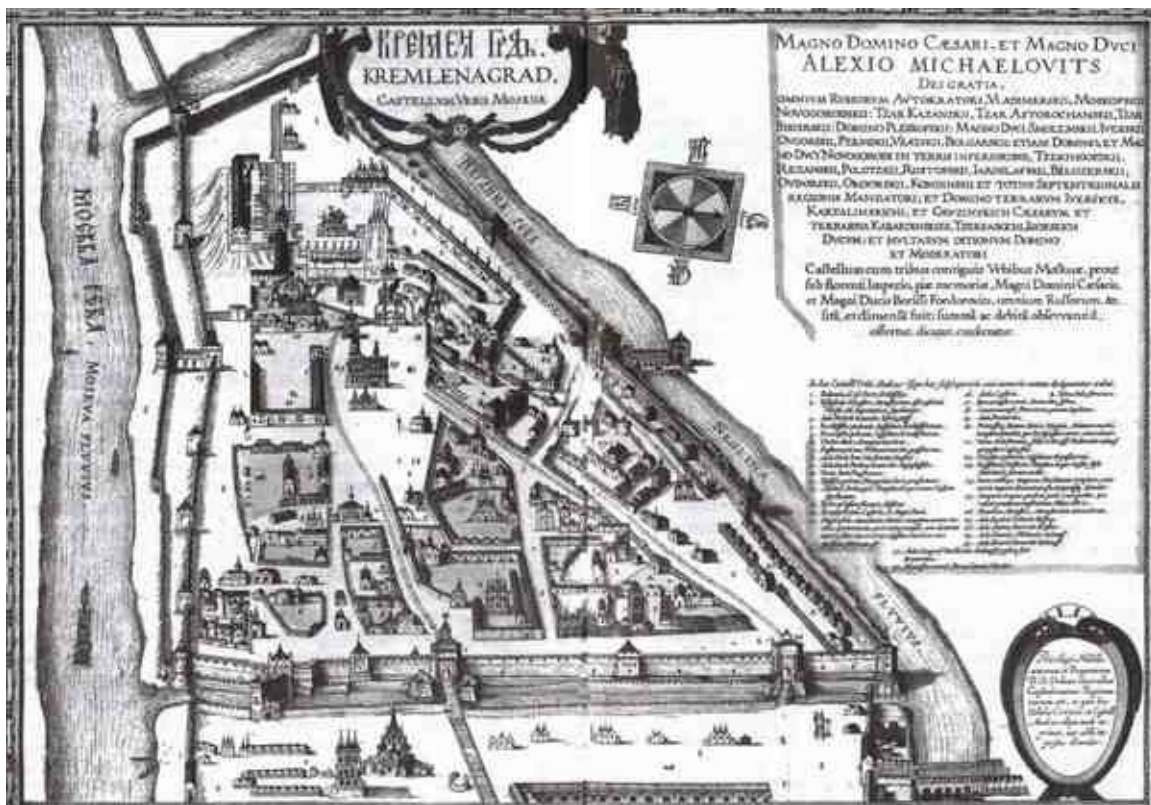
Не вторгаясь в гущу государственной работы, Михайл Федорович старался соответствовать государеву чину: быть милостивым, судить по правде, благочинно и благочестиво жить... Это была ноша, вполне достаточная для избранного царя. Его задача — олицетворять собой великую страну в глазах иноземцев и божественную справедливость в глазах подданных — одним словом, быть чинным государем. Всё это в большей или меньшей степени ему удавалось. Судя по всему, эти же принципы он старался внушить и сыну.

Государев чин поначалу воспринимался Михаилом Федоровичем как тяжкий крест, возложенный на него «всею землею» в годину испытаний для страны и народа. Только с начала 1630-х годов, после наполнения казны, наведения относительного порядка в землевладении и взимании налогов, царь начал получать от него удовольствие. При Михаиле Федоровиче соблюдались все сложившиеся к тому времени ритуалы. Так, например, церемония «празднования нового лета» начиналась на «площади против Архангела» (на Соборной площади Московского Кремля напротив Архангельского собора); царь и патриарх должны были произносить определенные речи; были оговорены даже позы, поклоны и «примолвки». По совершении обряда патриарх входил к царю и «здравствовал» его, а тот в ответ должен был произнести: «Я, великий государь и великий князь, имярек, всея Руси самодержец, в сии настоящий день начинаем начало индикту, сиречь вход новому лету и молвим... о вселенском устроении и благостоянии в святых Божиих церквах и о многолетнем здравии...» Во время правления двух «государей» — с 1619 года до кончины Филарета в 1633-м — царю и патриарху предписывался весь порядок встреч и разговоров, несмотря на их родственные связи. Так, если предстоятель приходил к монарху «для земских великих дел», то должен был «поклонитца государю в землю»; тот, в свою очередь, обязан был спросить о патриаршем здоровье и получал чинный ответ: «...и вашим царским призрением богомолец ваш еще жив». Царю на аналогичный вопрос надлежало отвечать: «Божиею милостию и... твоим благословением дал Бог жив».

Совсем в ином положении оказался его наследник.

Алексей Михайлович усвоил не только «уроки» отца, но и пример, подаваемый твердой и целеустремленной матерью, прошедшей тяжелую школу жизни, прежде чем стать царицей. Кроме того, изменившиеся условия, само время властно вторгались в его жизнь, формируя личность

самодержца. Для него государев чин стал судьбой с самого детства. Мы можем хотя бы отчасти судить о том, что вкладывал Алексей Михайлович в это понятие, благодаря многочисленным сохранившимся посланиям царя, адресованным самым разным учреждениям и лицам, и его указам. Создается впечатление, что царь, как и его подданные, не сомневался в божественной природе своей власти, однако всё время старался доказать свое соответствие званию государя. Царствование для него — «Божья служба», «Божье дело». Например, обращаясь в 1668 году к князю Г. С. Куракину, он требует, «чтобы дело Божие и его государево совершалось в добром полководстве». Принимаемые им решения соотносятся с волей Всевышнего: «Статьи прочтены и зело благополучны и угодны Богу на небесах, и от создания руку его и нам, грешным»; «...а ты Божие повеление и наш указ и милость продал же лжею... Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди свои на востоке и на западе и на юге и на севере вправду; и мы Божии дела и наши государевы на всех странах полагаем смотря по человеку...» В другом письме, адресованном князю Н. И. Одоевскому, царь поставил вопрос: «Как жить мне, государю, и вам, боярам», — и сам же на него ответил: «...а мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя... чтобы Господь Бог... даровал нам, великому государю, и вам, бояром, с нами единоюдушно люди Его, Световы, разсудити вправду, всем равно». Таким образом, задачу правителя, поставленного делать «Божье дело», он видел в том, чтобы «править и рассуждать людей своих... вправду». Это не просто слова, а выстраданное, продуманное утверждение человека, осмыслившего свое жизненное кредо. Именно так понимал Алексей Михайлович свой долг перед Господом и народом, считал своей миссией роль судьбы своих подданных и не стремился братья за исполнение всего и вся, как его сын Петр Великий.

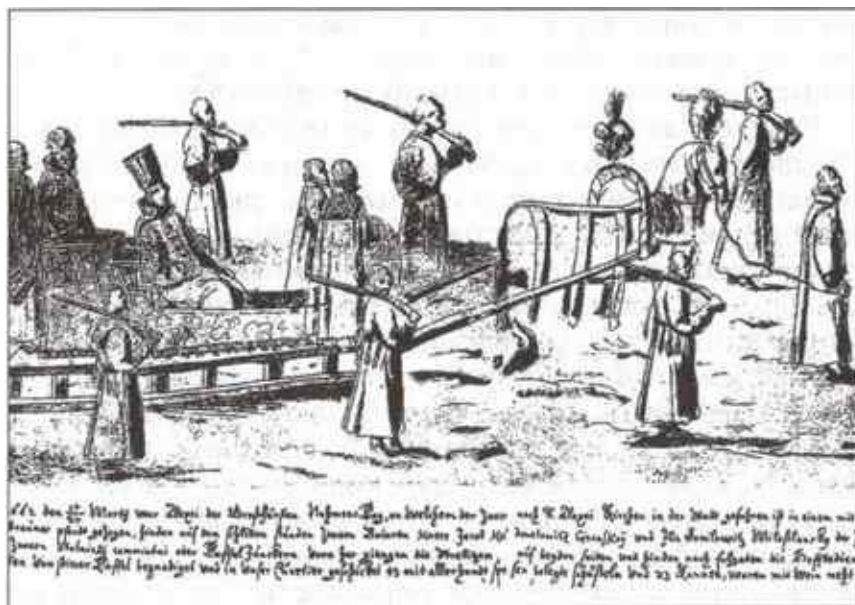
План Кремля. Надпись гласит, что он посвящен царю Алексею Михайловичу, но сделан «под державою царя Бориса Федоровича». «Большой атлас, или Космография Блау». Амстердам, 1662 г.

Созданный Алексеем Михайловичем образ царя включал также совесть, истинную религиозность, смирение, доброту и милосердие. Он постоянно проявлял смирение «тленного царя», противопоставляемого «царю нетленному» — Богу. С другой стороны, называя себя «тленным царем», Алексей Михайлович намекал на свою нерасторжимую связь с «царем нетленным», «великим и вечным». В грамотах В. Б. Шереметеву он неоднократно это подчеркивает: «Ведомо тебе самому, как великий Царь и вечный изволил быть у нас, великого государя и тленного царя, тебе, Василью Борисовичу в боярех... Не просто Бог изволил нам, великому государю и тленному царю, честь даровати, а тебе принята... Как по изволению Божию и по нашему великого государя и тленного царя указу...» Алексей Михайлович любил называть себя «многогрешным царем», однако не забывал при этом добавлять, что рукой его водит сам Господь, всегда стоящий за его спиной.

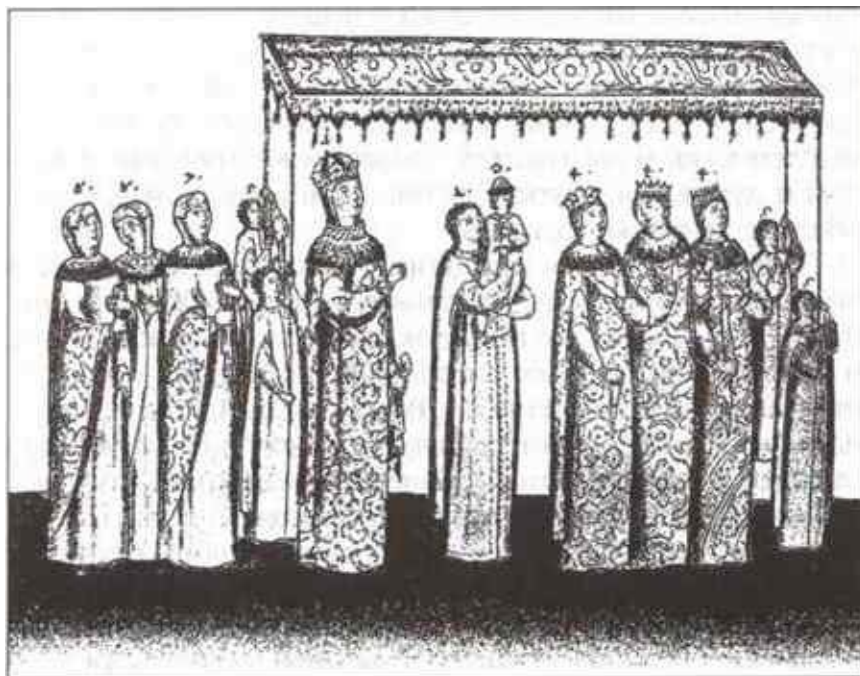
В документах Тайного приказа, созданного в 1654 году, хранились

записки царя о себе, в которых осмыслились его статус и положение в русском обществе. 1 июля того же года во время военных действий против Польши царь восстановил официальный титул, столь любимый его кумиром Иваном Грозным; в его походном дневнике была сделана запись: «...государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси указал свое государское именованье во всяких делех писати — всея великия и малыя России самодержцем».

Второй Романов на российском престоле начал примеряться и к образу императора. Примером для подражания ему служил Константин Великий, чьей основной заслугой в истории было признание христианства государственной религией Восточной Римской империи. Христианская значимость императора для русского правителя была важнее всего. Алексей Михайлович стремился быть таким же ревностным защитником православия и Церкви. Он заказал в Константинополе державу и диадему «против образца благочестивого греческого царя Константина». Современники не раз в обращениях к русскому царю называли его то «новым Константином», то «вторым Константином»; в особенности это характерно для греческих церковных иерархов, мечтавших привлечь Россию к борьбе за освобождение своей земли от турецкого владычества.

Выезд царя Алексея Михайловича в церковь в день своих именин в 1662 году (вверху).

Выход царицы Марии Ильиничны с царевичем Алексеем и царевнами в церковь в 1662 году (внизу). Гравюры из книги А. Мейерберга «Путешествие в Московию». 1666 (1679?) г.

В целом же для Алексея Михайловича выполнение государева чина и всех проистекающих из него разнообразных церемониалов составляло едва ли не самое главное дело в жизни, стояло на первом месте и в государственных делах, и в общественных отношениях, и в семье — везде и всегда. Ему были подчинены венчание на царство, все царские выходы, военные парады, встречи иностранных послов, церковные действия («Шествие на осляти», «Пещное действо»), крестные ходы и службы, весь придворный церемониал, а также вся каждодневная жизнь царского двора. Из записок дьякона Павла Алеппского, сопровождавшего в 1655 году антиохийского патриарха Макария, явствует, что во время церковных обрядов царь следил за точным их исполнением, благоговейно выполняя все положенные действия и говоря все положенные слова. С другой стороны, есть свидетельства, что царь не хотел принуждать кого-либо к выполнению церковных ритуалов. Он писал неистовому Никону, тогда еще митрополиту Новгородскому: «...не заставляй у правила стоять: добро, государь владыко святой, учить премудра — премудрее будет, а безумному — мозолие ему есть!» По убеждению Алексея Михайловича, эти действия должны быть осмысленными и вызываться глубоким внутренним чувством и духовной потребностью. Сам он в полной мере обладал этими

качествами.

Применительно к придворной культуре царь внес в понятие «чин» дополнительный смысл — эстетический. Для него правильный порядок (и миропорядок в целом, и порядок вещей) обязательно должен быть прекрасным. Второй царь из дома Романовых не только ревностно почитал чин как ритуал, канон, но и требовал от него красоты, а потому повседневная жизнь при дворе Тишайшего была исполнена благолепия, насыщена всем тем, что казалось ему величественным и прекрасным.

Царь не только стремился соблюдать все ритуалы, но и сам создавал новые («Чин объявления царевича народу», «Чин освящения огородов в Измайлове» и др.). «Книга, глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чину сокольничья пути» (1656) начинается с развернутого обоснования: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович... указал быть новому сему образцу и чину для чести и повышения ево государевы красныя и славныя птичьи охоты, сокольничья чину. И по ево государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без устройства уряженого и удивительного не было, и чтоб всякой вещи честь, и чин, и образец писанием предложен был. Потому, хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна — никто же зазрит, никто же похулит, всякой похвалит, всякой прославит и удивитца, что и малой вещи честь, и чин, и образец положен по мере. А честь, и чин, и образец всякой вещи большой и малой учинен потому: честь укрепляет и возвышает ум, чин управляет и утверждает крепость, урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление, стройство же предлагает дело. Без чести же малитца и не славитца ум, без чину же всякая вещь не утвердитца и не укрепитца, безстройство же теряет дело и воставляет безделье». Таким образом, именно чин придает всему на свете «меру, стройность и благочиние», вызывает похвалу, удивление, приносит славу его создателю и исполнителю. Красота же связана с чином через «урядство», то есть устройство и украшение.

Столь подробное толкование ритуала, впервые встречающееся в средневековой литературе, свидетельствует не только о том, что царь осмыслил его сам и приказал описать составителю «Урядника», но также и о том, что чин играл в Средневековье роль своеобразного золотого сечения, был мерилем гармонии.

Если у Михаила Федоровича уходило много сил на доказательство легитимности своей власти на международном уровне, то второй Романов на российском престоле уже мог спокойно осмысливать свой царский статус в метафизическом плане, что занимало его чрезвычайно.

Современники Алексея Михайловича, оставившие описания его внешности, характера, образа правления, общения с людьми, в один голос утверждали, что он олицетворял собой русский идеал настоящего, доброго батюшки-царя. Практически все писавшие о нем отмечали доброту его синих глаз, благообразность всегда спокойного лица, внушавшего собеседникам и очевидцам уверенность в том, что перед ними не злой, не спесивый, не гордящийся и самовластный человек, а истинный отец отечества, готовый прийти на помощь, понять, простить...

В отличие от Михаила Федоровича его сын за время правления сильно «вырос». В первое десятилетие царствования молодой государь определенно был не уверен в себе, искал опору в своем «дядьке»-воспитателе Борисе Ивановиче Морозове, в родственниках царицы, в своем духовнике Стефане Вонифатьеве, возглавлявшем «ревнителей древлего благочестия», в патриархе Никоне. Его даже как будто удивляло, что во дворце его принимают с почтением. Так, в письме Никону в 1652 году он оговаривается: «А слово мое ныне во дворце добре страшно, и делается без замотчанья (промедления. — Л. Ч.)!» В зрелости же он предстает уверенным в себе монархом, умело и самостоятельно решающим самые сложные вопросы, не побоявшимся пойти против патриарха Никона и лишить его сана.

Границей между этими периодами стала русско-польская война 1654–1667 годов, в которой царь принимал личное участие, трижды отправляясь в военные походы. И хотя он не был таким увлеченным полководцем, как впоследствии его сын Петр, но военное дело, в особенности артиллерийское и строевое, знал, разбирался в самых разных военно-технических вопросах, читал много военной литературы. Видимо, освоившись с царским статусом, окрепнув в борьбе с внешними и внутренними врагами, Алексей Михайлович стремился преодолеть свою «тихость», крепко взять бразды правления в свои руки. Он требовал беспрекословного подчинения и беспредельного уважения уже не только к своему царскому чину, но и к своей личности.

В первые десять лет на престоле он еще был склонен разделять эти две свои ипостаси, что видно, например, в его откровении патриарху Никону: «А про нас изволишь ведать, и мы, по милости Божии и по вашему святительскому благословению, как есть истинный царь христианский наричюся, а по своим злым мерзким делам недостоин и во псы, не токмо в цари!» В 1655 году он иронизировал над почестями, которые ему воздавали шведы: «...посланник приходил от шведского Карла короля, думный человек, а имя ему Уддеудла. Таков смышлен: и купить его, то дорого дать

что полтина, хотя думный человек; мы, великий государь, в десять лет впервые видим такого глупца посланника!.. Тако нам, великому государю, то честь, что прислал обвестить посланника, а и думного человека. Хотя и глуп, да что же делать? така нам честь!» Но во второй половине своего царствования подобных шуток над царским статусом и личностью государя Алексей Михайлович уже не допускал!

Неудивительно поэтому, что лидер старообрядцев протопоп Аввакум неоднократно сравнивал царя с Навуходоносором, обожествившим себя в «златом теле» и заставлявшим подданных поклоняться ему, что было хорошо известно всем русским по знаменитому «Пещному действу», регулярно проводившемуся в храмах обряду, показывавшему трех иноков, отказавшихся поклоняться «телу златому» и не сгоревших в печи. Аввакум также разоблачал «мысли» Алексея Михайловича — тот якобы думал, как Навуходоносор: «Бог есмь аз! Кто мне равен? Разве Небесной! Он владеет на небеси, а я на земли, равен ему!» Вероятно, подобные мысли и впрямь не были чужды Тишайшему, хотя он всячески подчеркивал, что для него христианское смирение является более привлекательным, чем возношение, схожее с гордыней, являющейся, как известно, смертным грехом. Возможно, порой царь мысленно одергивал себя — так же, как он одергивал других: «Почто вознесся?...и то помышление высокое и Богу гневное и мерзкое...»

За свое длительное пребывание у власти Алексей Михайлович прошел эволюцию от «тишайшества» к «грозности». Кажется, он сознательно начал изучать политику своего «прадеда» Ивана IV, обращение к авторитету которого было осознанным и исторически оправданным. Как доносил один из иностранных агентов, «царь так увлекается чтением сочинений по истории Грозного и его войн, что наверное захочет идти по его стопам». Алексей Михайлович часто служил панихиды по Ивану Грозному, защищал его имя на соборе, осудившем патриарха Никона. Царь собирал документальные данные об эпохе своего кумира и хранил их в Тайном приказе, причем других исторических документов там почти не было. Вот заголовки некоторых из этих материалов: «...как великий государь царь и великий князь Иван Васильевич с сыном своим Иоанном Иоанновичем из Пскова изволили идти войною и полки отпустить под немецкие города... и те города имали и ково в тех городех воевод оставляли»; «Список с грамоты от цареградского патриарха с собором к царю Иоанну Васильевичу, что зватися ему царем». В приказе сохранился «Столпик, в коем писаны государские титла, как писали к полским королем блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич и сын

ево царь Федор Иоаннович, и государь царь и великий князь Алексей Михайлович». В 1657 году Алексей Михайлович учредил Записной приказ с целью «записывать степени и грани царственные». Понятно, что новый царский род должен был подчеркивать свою родственную связь с государями из дома Рюриковичей; но несомненен также персональный интерес Алексея Михайловича к личности Ивана Грозного, его военным делам и политике. Наконец, какой учитель в деле становления абсолютизма мог быть лучше, чем Иван IV?

О преемнике Алексея Михайловича Федоре, взошедшем на престол в 15 лет и немного не дожившем до двадцати одного года, можно говорить как о несостоявшемся реформаторе — очень уж молод он был и очень короток временной отрезок, когда его именовали российским самодержцем. Как и Михаил Федорович, его внук мучился от болей в ногах (из-за «скорбута» — цинги). Федор неделями вынужден был лежать в постели и не выходить из своих комнат. Из-за тяжелого недуга царь не успел осуществить многое из задуманного. А задатки преобразователя у Федора Алексеевича, несомненно, были.

Он формировался под сильным влиянием придворного поэта Симеона Полоцкого, обучавшего будущего царя польскому языку и поэтическому искусству. Известно, что Федор переложил стихами 135-й и 142-й псалмы царя Давида — в 1680 году они вошли в издание Симеона Полоцкого «Псалтирь рифмотворная». Взойдя на престол, Федор открыл для своего наставника первую частную типографию, не подчинявшуюся патриарху и находившуюся непосредственно в царском дворце — «Верхе», а потому и именовавшуюся Верхней. К тому же в детстве Федор был участником всех культурных начинаний отца: смотрел спектакли придворного театра, листал великолепные книжные фолианты, специально изготовленные в Посольском приказе для царской семьи, перечитывал книжечки с поздравительными и утешительными стихами Симеона Полоцкого, гулял в барочных садах Измайлова. Он, естественно, продолжил развитие придворной культуры в направлении, заданном Алексеем Михайловичем. К тому же ориентацию на польскую культуру поддерживала его первая жена Агафья Грушецкая.

Поначалу Федора не готовили в цари, поскольку преемником отца был объявлен старший сын Алексей, а его младшего брата одно время прочили в польские короли и даже обучали латыни — впрочем, недолго: когда проект провалился, обучение прекратили. Однако судьба распорядилась иначе — после смерти старшего брата в 1674 году наследником Алексея Михайловича был провозглашен Федор.

Во время недолгого правления Федора Алексеевича власть сосредоточилась в руках его ближайшего окружения. Правда, некоторые историки считают, что юный царь сразу же прочно взял власть в свои руки (см.: *Богданов А. П.* Несостоявшийся император. М., 2009). Их оппоненты на основании детального изучения архивных документов утверждают, что в первые месяцы страной правили несколько влиятельных бояр — князь Ю. А. Долгоруков, Б. М. Хитрово, князь Н. И. Одоевский и другие, — а затем власть оказалась в руках царских родственников бояр Милославских (см.: *Седов П. В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2006). В 1676–1677 годах были ликвидированы Приказ тайных дел, Монастырский и Челобитный, которые при Алексее Михайловиче были органами контроля царской власти над всей системой управления, включая церковное землевладение. С 1680 года царь приблизил к себе постельничего И. М. Языкова, стольника А. Т. Лихачева и князя В. В. Голицына, ставших его советниками во всех государственных делах. Само за себя говорит возрастание числа членов Боярской думы с шестидесяти шести в 1676 году до девяноста девяти в 1682-м.

А. П. Богданов, Н. Ф. Демидова и другие историки считают, что Федор вынашивал планы преобразований, по размаху и целям сравнимых с реформами Петра I. Однако всё же маловероятно, что подобные замыслы успели сложиться к пятнадцати годам, когда он оказался на престоле. Правда, с 1679 года юный царь начал совершать самостоятельные поступки, идущие вразрез с традициями старины, противоречить боярам и принимать независимые решения. Это касается внешней и внутренней политики, но в особенности — его собственного поведения и быта. Федор сам выбрал себе в жены Агафью Грушецкую — дочь польского шляхтича, выехавшего на русскую службу. Вскоре после бракосочетания (1680) у царя стала явно проявляться «полонофилия». Он принял польских послов, одевшись в польское платье, издал указ об обязательном ношении одежды тех же фасонов всеми прибывающими на царский двор. В его комнатах появились портреты польских королей, он велел перевести с латыни книгу о законодательстве Речи Посполитой и первым из русских царей посетил Немецкую слободу.

Возможно, здесь сказывалось влияние жены-полячки, но и до женитьбы царь имел пристрастие к польской культуре. Как считал современник событий, ученик Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев, увлечениям царя потакали ближние советники, которые вводили «всякие новые дела в государстве... иноземским обычаям подражающее. В их числе были не только И. М. Языков и братья А. Т. и М. Т. Лихачевы, но и

несколько иностранцев, в частности польский шляхтич Павел Негребецкий, по царскому повелению составлявший проект академии и первую в истории России гербовную книгу русского дворянства, а также стольник С. Ф. Николев (сын французского полковника протестанта Никола де Манора), которому Федор Алексеевич поручил ведать «церковное и дворовое, и хоромное, и садовое строение на Москве». Царское окружение приветствовало ориентацию на политические порядки Речи Посполитой, поскольку они давали широкие полномочия шляхте, выбиравшей короля. Польское влияние в политике оборачивалось умалением абсолютизма и формированием придворной аристократии, включавшей как боярские, так и дворянские роды, пробившиеся к трону. (Справедливости ради следует заметить, что «полонизация» русской культуры началась задолго до правления Федора Алексеевича — еще в Смутное время.)

Самой мощной реформой в правление Федора была отмена местничества. Какова была роль самого царя в ее проведении? Князю В. В. Голицыну, возглавившему Ответную палату, было поручено подготовить реформу. 24 ноября 1681 года царь подписал указ, а 12 января 1682-го под руководством князя М. Ю. Долгорукова состоялись его торжественное оглашение на Земском соборе и сожжение местнических документов. Текст Соборного деяния перечисляет участников комиссии, собравшейся для рассмотрения «ратных дел»: «Боярин князь Василий Васильевич с товарищи... выборные стольники и генералы, стольники же и полковники рейтарские и пехотные, и стряпчие, и дворяне, и жильцы, и городовые дворяне же, и дети боярские». Следовательно, над реформой работали представители служилых людей — «шляхетства». Молодой царь не принимал активного участия в решении этого сложнейшего и животрепещущего вопроса. Отмена местничества давала возможность продвижения по службе не очень знатным, но образованным и умным людям, к каковым относились и ближайшие советники царя. Чтобы пресечь местнические иски, были сожжены все разрядные книги с перечнями назначений на должности за предшествующее время. Взамен сожженных разрядных книг было приказано завести «Родословную книгу князей и дворян российских и выезжих», называемую также «Бархатной» по материалу переплета.

Большинство планов нового царя и его советников остались неосуществленными. Среди них — намерение ввести некое подобие позднейшей петровской Табели о рангах с разделением военной и гражданской службы и перечнем служебных чинов с целью окончательной ликвидации местничества. Проект учреждения академии был реализован

спустя пять лет после смерти Федора Алексеевича. Сохранившийся «Привилей на Академию», составленный, скорее всего, Сильвестром Медведевым на основе предложений Симеона Полоцкого, с одной стороны, предполагал организацию высшего образования по типу западноевропейских университетов, с другой — содержал пункты, которые С. М. Соловьев сравнил «со страшным инквизиционным трибуналом»; например, чтение книг на иностранных языках и общение с иностранцами запрещались под угрозой ссылки в Сибирь и даже сожжения на костре. «Привилей» начинался сравнением Федора с его любимым героем, библейским царем Соломоном, стремящимся к мудрости — «царских должностей родительнице и всяких благ изобретательнице и совершительнице». В качестве предтечи академии в 1679 году царь указал открыть греческое училище при Печатном дворе («типографское»).

Нельзя не упомянуть и о таком распоряжении Федора Алексеевича, как запрет в челобитных писать, «чтоб государь пожаловал, умилосердился, аки Бог». Видимо, сравнение с Господом, столь любимое отцом государя, сам он считал неуместным.

В целом же всё правление Федора Алексеевича связано с деятельностью его ближайшего окружения, «сильных людей», «царских предстателей», освещается отраженным светом их реформ и проектов преобразований, их незаурядных личных качеств. О личности и характере самого юного государя сведений мало. Известно, что он часто ездил на богомолье, любил поэзию, лошадей и сады... В записках современников образ рано ушедшего из жизни монарха идеализирован. Обычно подчеркивается его благочестие, унаследованное от отца, и акцентируется внимание на обширном круге деяний правительства Федора (естественно, все заслуги приписываются лично ему). В этом смысле показательна знаменитая посмертная парсуна, написанная в 1686 году Иваном Салтановым, Ерофеем Елиным и Лукой Смоляниновым и изображающая Федора Алексеевича в рост в царском облачении. В четырех барочных картушах по сторонам от фигуры царя помещены тексты. В них подводятся итог его недолгого, но насыщенного новациями правления. Так, в одном из картушей перечисляются «памяти достойные и церкви полезные дела» царя, среди которых особо выделяется «освобождение из басурманского плена» и «научение свободных мудростей», о котором монарх «присно помышляющий и монастыр Спасский иже в Китае на то учение определил и чудную и похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту со всяким опасным веры охранением на то учение написа». В другом говорится о социальной политике и градостроительной деятельности

Федора: «Домы каменные на пребывание убогим и нищим доволным пропитанием содела, и оных упокоиша многия тысящи, царских многолетних долгов народу отдаде, и впредь дани облегчи, богоненавистная враждотворных и междоусобных в местничества брани прекрати. Царский свой дом и грады Кремль и Китай преизрядно обнови и многоубыточные народу одежды премени, и иная многая и достохвалная и памяти должная содеял...» Такова панегирическая эпитафия юного преобразователя, именуемого иногда предтечей Петра Великого.

В недолгое правление Федора не сложилось новой концепции государева чина, как при его отце. Можно только убедиться в том, как универсально было это понятие, отраженное в «Чине поставления на царство» 1676 года. Здесь чин — это и весь порядок проведения церемонии, что видно из заголовка, и царские регалии («А несли с казенного двора царский чин: крест Господен, царский венец...»), и ступень должностного или родового достоинства (на церемонии крест целовали «по чину и по целовании поклонялись святому патриарху и ставились по своим степенем»).

К XVII столетию государев чин составляет стержень повседневной жизни царского двора. Были отработаны и выверены все его составляющие, начиная с пробуждения поутру и заканчивая отходом ко сну. И царь, и его слуги прекрасно знали, что, когда и как надо делать, что говорить, как себя вести. Традиционные обрядовые действия оформлялись в очередной образец, который в дальнейшем копировался. Весь царский двор должен был соблюдать все установленные традиции, причем не только в общественной, но и в частной жизни. А составленный в XVI столетии свадебный чин вообще касался абсолютно всех слоев населения, содержал последовательное изложение слов и действий всех участников обряда независимо от их происхождения и места на социальной лестнице. Его текст часто присоединяли к «Домострою», отразившему весь уклад русской жизни.

Государев чин имел скрупулезно разработанное внешнее обрамление в виде церемониалов, особых знаков отличия и регалий, убранства интерьеров, должных отражать особое положение царя в обществе. С ним же были связаны поведенческие стереотипы: подступать к царю, стоять перед ним, говорить с ним, целовать его руку следовало «чинно».

Наполнение всей этой атрибутикой и в целом значимость государева чина зависели в определенной степени от личности монарха, от того, какое содержание сам он вкладывал в это понятие. Но главную роль всё же играла традиция, неотменно соблюдавшаяся придворными. От личного

отношения монарха к древнерусским традициям зависело и толкование
государевой чести.

Государева честь

Еще одной опорой придворной жизни, помимо чина, была честь. Средневековая иерархия чести, начинаясь с Бога, переходила далее на его наместника на земле — царя. Пирамида, на вершине которой стоял самодержец, состояла из множества ступеней, занимаемых придворными, обладавшими, по выражению «Домостроя», «должной» честью, мера которой была, по-видимому, хорошо известна всем людям того времени. Честь оценивалась через «бесчестье», выражавшееся чаще всего в словесных оскорблениях, «непригожих словах», «лае и брани» («дурак», «вор», «из-под печки тебя вытащили» и т. п.). В Судебнике 1550 года, а затем и в Соборном уложении 1649 года понятие чести царя, священнослужителей, знати и простых людей было кодифицировано. Оно всё более «огосударствляло» (термин Д. С. Лихачева) человека, лишая его индивидуальной значимости и ценности, приравнивая личное достоинство к социальному статусу.

Честь воздавалась по чину, а тот, в свою очередь, давался по «породе» (происхождению) и заслугам предков. Местничество пронизывало насквозь придворную жизнь. Борьба княжеских и боярских родов за место возле трона, соблюдение своей родовой чести и нарушение чужой — при назначении на высшие военные и административные должности, рассадке на царских пирах и т. д. — отнимала у ее участников массу времени и сил, уходивших на бесконечные судебные иски и тяжбы по обвинению в бесчестье, не говоря уже о том, что мешала нормальной работе государства. Мы увидим в дальнейшем, к чему приводили местнические споры. Не останавливаясь подробно на феномене местничества, отметим только, что оно вошло в плоть и кровь российской аристократии и даже после отмены в 1682 году не исчезло совсем, а еще долго продолжало подспудно существовать и регулировать взаимоотношения при царском дворе.

Охрана чести государя считалась одной из важнейших задач служилых людей по прибору, начиная с самых верхов и кончая низами. Формирование штата придворных, обслуживавших государев чин и оберегавших честь государя, прослеживается издревле. Вначале это были люди, состоявшие в войске феодала. Так, в Новгородской первой летописи под 13Ю годом говорится: «Иде князь Ярослав Пльскову на Петров день... сам седе в Пльскове, а двор свои послав с плековици воевать». Понятие «двор» в значении «свита государя» оформилось, скорее всего, значительно позднее,

в переходный период от Средневековья к Новому времени, когда формировалась придворная культура нового типа. По современным подсчетам, в XVI столетии царский двор составлял около тысячи человек, а к концу XVII века увеличился до семи тысяч. Тогда их могли именовать еще «дворскими людьми» (в «Гражданстве обычаев детских» Епифания Славинецкого они называются «буими и прохладными», то есть разгульными и бездельными, и противопоставляются людям, занимающимся тем, что «прилично сущу естеству, разуму»). К началу XVIII века и существительное, и прилагательное «придворный» уже окончательно связываются с царским дворцом.

«Вотчинный» характер средневекового русского государства выражался в том, что оно считалось собственностью правителя, его наследственным владением, вследствие чего отсутствовало разделение на придворную, военную и гражданскую сферы служения ему. В названиях должностей традиционно использовалась вотчинная терминология: конюший, ключник, постельничий, стольник, спальник и т. п. Лица, дневавшие и ночевавшие в царских комнатах и обслуживавшие любые нужды монарха, вплоть до выноса ночного горшка, оказывались самыми приближенными и доверенными лицами. Особенно возвысились они в правление Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Четыре поколения князей Одоевских были царскими спальниками и стольниками при дворе наследника престола, за что и попали в состав Боярской думы. Служба в «комнатах» царя привела Бориса Михайловича Хитрово в самый ближний круг «думцев» Алексея Михайловича — у него даже была кличка «шепчущий любимец». Одним из самых удачливых придворных прослыл Иван Михайлович Языков, характеризовавшийся современниками как «глубокой дворских обхождений проникатель».

Среди значимых придворных должностей был и пост служилого человека «у крюка», открывавшего дверь в царские комнаты и впускавший к государю придворных. Именно таким образом выдвинулись на первые роли при дворе Б. М. Хитрово, Ф. М. Ртищев, А. Т. Лихачев и др. Каждый придворный стремился стать ухабничим (поддерживать государя на ухабах при поездке в санях), возничим (ведать царскими транспортными средствами), постельничим и т. п. Командиры стрелецких полков также попали в самый ближний круг царя Алексея Михайловича; когда он после смерти царицы Марии Ильиничны надумал жениться вторично, то именно им поручил подыскивать кандидаток в невесты. Полковник Лутохин нашел сразу двух, а удачливый царедворец Матвеев — только одну, Наталью Нарышкину, но она и стала новой царицей. После этого события

произошел крутой взлет карьеры Матвеева — он возглавил Посольский приказ и стал, по выражению одного из иностранных резидентов, «царьком».

«Дворовые люди» служили в многочисленных дворцовых ведомствах — Конюшенном, Сытном, Кормовом и др. При первых Романовых эти мелкие слуги тоже стали пробиваться к вершинам политической власти, достигая высших придворных и думных чинов, чего даже нельзя было представить в XVI столетии.

Придворные считались слугами при государе, а потому за слово «неслуг» могли привлечь к суду как за бесчестье. Примечательно, что сами они устраивали в собственных владениях некие подобию царского двора: заводили дворецкого, казначея, конюшего, стольников, жильцов и других слуг. Представители дворянских семейств становились «держальниками и хлебояжцами» при дворах думных бояр.

Соблюдение чести государя обеспечивали чины думные (бояре, окольные, думные дворяне, думные дьяки), московские (стольники, стряпчие, московские дворяне, дьяки и жильцы) и дворовые (конюхи, сокольники, сытники, хлебники и пр.). Самодержец ощущал себя полновластным хозяином страны и относился к подданным как к своим «обельным» (полным) холопам. Только введенная Петром Великим Табель о рангах (1722) выделила придворные чины в отдельную категорию государственных служащих наряду с военными и чиновничьей бюрократией.

Присягая новому царю и подписывая крестоцеловальную запись, придворные брали на себя особую миссию сбережения царской чести. Так, в «Утвержденной грамоте» об избрании Михаила Романова (1613) зафиксирована присяга всех участников Земского собора: «Богом избранному и Богом возлюбленному царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси самодержцу, его благоверной царице и их царским детем, которых им, государем, вперед Бог даст, служити верою и правдою, а зла некоторыми делы на них, государей наших, не думати и не мыслити, и не измените им, государем, ни в чем».

В крестоцеловальных записях разных чинов общая задача служения конкретизировалась. Так, члены Боярской думы (коих в 1613 году насчитывалось 29 человек) особо клялись не разглашать государственную тайну («его царския думы и боярского приговору никому не пронести»), не злоупотреблять властью («земския всякие дела делати... вправду, безо всякие хитрости»), не принимать самостоятельных решений («самовольством... без государева ведома никаких дел не делати»). Думные

дьяки обещали «с иноземцы про государство Московское и про все великия государства царства российскаго ни на какое лихо не ссылатись и не думати», а также вести дела беспристрастно, невзирая на лица и руководствуясь законом: «...и судныя всякия дела делати и судить вправду, по недружбе никому ни в чем не мстить, а по дружбе никому мимо дела не дружити, и государевою казною ни с кем не ссужатися отнюдь никакими обычаи, и посулов и поминков ни у кого ничего не имати и правити... государю своему, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, и его государевым землям во всём вправду и до своего живота по сему крестному целованью».

Алексей Михайлович придавал огромное значение приведению к присяге, а посему в 1653 году приказал составить особый «Чин, како подобает приимати обещающагося служити государю царю всею правдою», содержащий подробное описание процедуры, начиная с прихода в храм архиерея и лиц, «хотяй быти верен Государю царю», установки аналоя, вынесения Евангелия и лампы со свечой, чтения и пения священных текстов и заканчивая перечислением обязательств вступающего в должность при дворе и словами клятвы «хранит истинное послушание и веру державнейшему и великому князю Алексею Михайловичу Всея России...». Примечательно, что присяга приносилась всему венценосному семейству: царю, царице, царевичу (в данном случае, в 1653 году, еще не было сына-преемника, поэтому в «Чине» говорилось: «...и благоверному царевичу и великому князю, имярек») и царевнам, которые также перечислялись по именам.

Нарушители присяги сурово карались. Так, в декабре 1626 года дьяк Посольского приказа Иван Грамотин был обвинен в том, что, «будучи у государева дела... указу не слушал, делал их государские дела без их государского указу, самоволством, и их государей своим самоволством и упрямством прогневил». Нерадивый чиновник был отправлен в дальнюю ссылку — в город Алатырь в Поволжье.

Постельничие, находившиеся ближе всех к телу государя, также клялись не разглашать царские «думы», а кроме того — «в их государском платье, и в постелях, и в изголовьях, и в подушках, и в одеялах и в иных во всяких государевых чинех никакого дурна не учинити». Придворные низших рангов — стольники, стряпчие, шатерничие — принимавшие участие в приготовлении пищи и обслуживании царского стола и царских комнат, давали зарок «зелья и коренья лихаго в платье и в иных ни в каких государевых чинех не положить».

Поскольку честь государя считалась общенациональным достоянием,

все подданные должны были бережно хранить ее. Каждый служилый человек боялся «кручинить», а пуще всего «прогневать» государя. Но и то и другое частенько случалось в повседневной жизни, особенно часто при быстром на гнев Алексее Михайловиче.

Честь царя падала тенью и на всё его ближайшее окружение, в особенности на патриарха. В период двоевластия, когда все важнейшие указы исходили от имени Михаила Федоровича и Филарета, царь заявлял, что «честь государя и патриарха нераздельна». Алексей Михайлович, также наделивший патриарха Никона огромными полномочиями, в том числе правом вторгаться в светские дела, всячески поддерживал равновесие чести главы государства и главы Церкви. Но патриарх начал возвышать свою честь, исповедуя принцип папы римского «священство выше царства». Частная ссора между слугами патриарха и царя переросла в противостояние светской и церковной властей, патриарх начал мериться честью с царем, что и привело в конечном итоге к его падению и ссылке. Для государственного устройства средневековой Руси, ориентировавшегося на пример Византии, гораздо более привычной и приемлемой была так называемая симфония (согласие) — союз светской и церковной властей, в котором вторая находилась под эгидой первой. После падения Никона патриархи больше никогда уже не претендовали на более высокую честь, чем царская, а при Петре I управление Церковью и вовсе перешло к коллегиальному Синоду.

Сопричастными государевой чести считали себя и члены Думы — бояре, окольничие, думные дворяне. Государь должен был «держат в чести» своих слуг. Недаром Лжедмитрий I в посылаемых в Москву «прелестных грамотах» всячески подчеркивал, что будет соблюдать установившийся порядок вещей, в том числе «держат в чести» и «миловать» служилых людей. Царь поднимал человека на вершину власти избранием в свою Думу, и он же мог лишиться этой чести. Существовавшая уже тогда поговорка «из грязи в князи» подразумевала по умолчанию, что и из князей обратно в «грязь» дорога отнюдь не заказана, опять-таки по воле царя... Показателен в этом смысле пример Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, псковского небогатого дворянина, достигшего вершин власти благодаря своим проектам (Новоторговому уставу и др.) и делам. В 1658 году он был произведен в думные дворяне с определением: «Пожаловали мы тебя, Афонася, за твои к нам, великому государю, многая службы и радение, что ты, помня Бога и его святые заповеди, алчных кормишь, жадных поишь, нагих одеваешь, странных в кровы вводишь, больных посещаешь, в темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и наше

великого государя крестное целование исполняешь, нам великому государю служишь, о наших великого государя делах радеешь мужественно и храбро, и до ратных людей ласков, а вора́м не спускаешь, и против свейского короля славных городов стоишь с нашими людьми смелым сердцем...» Государь брал на себя защиту чести своих протеже. Так, однажды Алексею Михайловичу стало известно о ссоре князя Хованского с Ординым-Нащокиным, и он тут же послал гонца объявить князю: «...тебя, князя Ивана, взыскал и выбрал на эту службу великий государь, а то тебя всяк называл дураком, и тебе своею службою возноситься не надобно;... великий государь велел тебе сказать имянно, что за непослушание и за Афанасия тебе и всему роду твоему быть разорену». Князь был отправлен в ссылку и лишен части имений. Ордин-Нащокин получил должность главы Посольского приказа, но, несмотря на дарованную ему государем честь, всё же не совладал, по его собственным словам, с «одебелившим завистью боярством», был обвинен в лоббировании польских интересов, после чего подал в отставку и ушел в монастырь.

Честь государя символически отражалась в его «именовании» — титуле. Чем больше подвластных земель перечислялось в нем, тем выше и значимее была честь государя на международной арене. Именно поэтому искажение титула даже в мелочах, умолчание хоть одного словечка из него считалось величайшим оскорблением. В 1620 году Михаилу Федоровичу пришлось столкнуться с невиданным уязвлением государевой чести послами Речи Посполитой и приехавшими с ними «урядниками и державцами» литовских городов, в своих обращениях намеренно пропустившими его царский титул с явным намеком на то, что законным монархом они считают польского королевича Владислава, приглашенного на московский престол в 1610 году. Михаилу Федоровичу пришлось также доказывать, что степень его родства с Рюриковичами именно такова, какой ее провозгласили в Москве: Федор Иванович приходится ему «дядей» (на самом деле — двоюродным дядей) и, следовательно, Иван Грозный — «дедом». Возмущению царского двора и в особенности патриарха Филарета не было предела. Польским послам Александру Слизню и Николаю Анфоровичу был подготовлен категоричный ответ с упреками в том, что они «от царского сродства его государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси отчитают, деда его государева царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси дедом, а сына его дяди государева царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси дядею писать не велят».

В большинстве же случаев ущемление чести государя через титул

было куда менее оскорбительным. Но всё равно русские послы и посланники за границей и чиновники, принимавшие иностранные посольства в Москве, внимательно следили, чтобы все составляющие титула были прописаны и произнесены полностью и правильно. Любая описка или оговорка воспринимались как бесчестье. В 1668 году стольник П. И. Потемкин, будучи послом к французскому королю, заявлял: «Самое большое дело государскую честь остерегать; за государскую честь должно нам всем умереть. Прежде всего нужно оберегать государское именование. Начальное и главное дело государей чести остерегать». Он утверждал, что послы, узнав о «прописке» (ошибке) в царском титуле, бывают так огорчены, что не то что есть, а даже и на свет белый смотреть не могут от горя, потому что усматривают в этом «великого государя нашего, его царского величества, в самом великом его государском деле страшное нарушение».

В лучах царской чести согревался каждый, попавший под сень крыл двуглавого орла. Частица государевой чести переходила на русских послов и посланников. Насколько четко дипломаты осознавали это, видно на примере действий русского посла в Лондоне в 1600–1601 годах Григория Микулина: он отказался от приглашения на прием к мэру города только потому, что там оговаривалось: мэру «сидети по своему чину в большем месте, а послам ниже его места». Дипломат мотивировал свой отказ тем, что не может сидеть ниже мэра, поскольку представляет своего государя и «читать» его следует «для царского величества имени». В своем Статейном списке Микулин рассказывает об одном случившемся с ним казусе, который демонстрирует, что кроме царской чести, носителем которой являлся посол во время выполнения дипломатической миссии, личной чести он как бы и не имел. На приеме у королевы Елизаветы русский посол отказался умыть руки перед обедом в присутствии королевы и из того же сосуда, что и она: «...великий государь наш... Елизавету-королевну зовет себе любительною сестрою, и мне, холопу его, при ней рук умывати не пригодитца». Микулин подчеркнул, что его ответ якобы очень понравился королеве, поскольку не ущемил ее чести и превознес честь московского государя, поставив их на одну высоту, а самого посла поместил внизу иерархической лестницы.

В сочинениях, написанных уже при правлении Михаила Федоровича и анализировавших события Смутного времени, особо подчеркивалась идея восстановления царской чести, попранной самозванцами. Так, в «Хронографе» (1617) говорилось, что Борис Годунов «хитростным пронырством» пробрался к трону, расстрига Гришка Отрепьев дьявольским

наущением «простоокія люди русскія прелстил... и царство сице восхити»; патриарх Гермоген, поддавшись лести мятежников, сначала дал им «попрать царскій венец», а затем и сам был подвергнут унижению («святительскую красоту зле поруганием обезчестиша»). Наконец, воцарение Михаила Романова преподносилось читателю как божественное изволение, восстанавливающее честь царского образа: «...бысть православию главе и богозрачному благочестию начало, и государь всем правоверным». Князь Иван Хворостинин в сочинении «Словеса дней и царей и святителей московских» как бы подвел черту под обсуждением вопроса попрания царской чести в Смуту. Он видел причину потрясений, произошедших в России, в том, что после пресечения царского рода незаконный правитель Борис Годунов с помощью чародейства покусился на абсолютную честь: «...и вознесся зело, и почитание сотвори себе яко Богу, и восписовашеся: «Паче Творца тварь почтесе!»».

Восстановленная после Смуты иерархия чести была закреплена в Соборном уложении. Открывался этот свод законов статьями о чести Христа, Богородицы, Церкви и священнослужителей. Возложившему хулу на Бога, Богородицу, честной крест, святых угодников полагалась казнь сожжением. Если же во время церковной службы один прихожанин «обесчестит словом» другого, то должен был нести двойное наказание: заплатить пострадавшему и отбыть месячный срок за «церковное бесчинство».

Вторая глава Уложения «О государьской чести и как его государское здоровье оберегать», включавшая 22 статьи, содержала юридические нормы, касавшиеся самых крамольных изменнических и бунташных дел. Она открывалась статьями, предусматривавшими смертную казнь за «умышление злого дела» на здоровье государя, измену, сдачу города врагу, поджог. Затем следовал ряд положений о «государеве слове и деле»: как производить дознание и очные ставки, как наказывать тех, кто оклеветал невиновных «пьяным обычаем» или «избывая от кого побои», и т. д. Зная про «скоп и заговор» против государя, но не донесших следовало «казнить смертью безо всякия пощады». Заканчивалась глава статьями о мерах в отношении пришедших «самовольством, скопом и заговором» к царскому величеству либо к боярам, окольным, ближним и думным людям, воеводам и приказным людям: если они имели злой умысел — хотели «грабити и побивати», то их ждала смертная казнь; если же «немногие люди» приходили с челобитьем, их мирные цели следовало доказывать «всем городом допряма».

Третья глава — «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от

кого никакова бесчинства и брани не было» — начиналась словами: «Буди кто при царском величестве, в его государеве дворе... не опасаячи чести царского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе... и по сыску за *честь государева двора*... (курсив наш. — Л. Ч.) посадити в тюрьму на две недели». Девять входивших в главу статей касались не только словесных оскорблений, но и драк на государеве дворе, угроз действием (если кто-то «вымет саблю» или другое оружие) и убийства. Разница в наказании зависела от того, произошел ли инцидент на глазах царского величества или в его отсутствие. В первом случае наказание было суровым: за убийство и даже ранение — смертная казнь, за угрозу оружием — отсечение руки. Во втором случае честь государева двора оценивалась ниже и наказания были мягче: за угрозу оружием полагалось трехмесячное тюремное заключение; за увечье обидчику отсекали руку, если раненый выживал, а в противном случае виновного ждала смертная казнь. Заканчивалась глава статьями, запрещавшими появляться на царском дворе с «пищальями, луками и иным каким оружием»; нарушителей били батогами и сажали на неделю в тюрьму. Некого дворового человека за стрельбу по воронам в Кремле приговорили к отсечению руки и ноги, а затем сослали в Сибирь. Видимо, стрельбой он перепугал Алексея Михайловича и весь царский двор — возможно, они решили, что началась какая-то «замятя», а то и бунт. Государь мог помиловать провинившегося, но по какой-то причине (возможно, из-за его низкого происхождения) не захотел.

В других статьях Соборного уложения нарушение любого закона считалось прежде всего ущемлением государевой чести. Из них явствует, что «всяких чинов люди» рассматривались как делающие «государево дело», то есть взявшие на себя толику царской власти, поэтому их ответственность за исполнение порученного считалась ответственностью перед царем за сохранение его чести. Так, в первой статье десятой главы «О суде» указывалось: «Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича... судити бояром и околничим и думным людям и дьяком... вправду... и никому ни в чем ни для чего не норовити, делати всякие государевы дела, не стыдяся лица сильных». В 150-й статье той же главы говорилось, что «воеводы, и дьяки, и всякие приказные люди», уличенные в злоупотреблениях, должны платить государю пеню за нанесение ущерба его чести.

В Соборном уложении защищалась и честь самих государевых людей. Новшеством было введение телесных наказаний и тюремного заключения

за бесчестье думных людей, в то время как остальные служилые люди по-прежнему получали только денежное возмещение. Та же ситуация была и в церковной иерархии: за бесчестье патриарха полагались торговая казнь (публичная порка) и месяц тюрьмы, митрополита — битые батогами и четыре дня тюрьмы, архиепископа и епископа — батоги и три дня тюрьмы, далее по чинам и санам — денежная компенсация от ста (архимандриту Троице-Сергиева монастыря) до шести рублей, в зависимости от места монастыря на лестнице чести.

В Соборном уложении, как ранее в Судебнике 1550 года, выстраивалась цепочка штрафов: по-прежнему дети боярские получали компенсацию за словесное оскорбление, «сколько которой жалованья имал», «полатным и дворцовым безчестие, что царь и великий князь укажет», «торговым людем и посацким людем и всем середним бесчестие пять рублей», крестьянская честь оценивалась в рубль. Отдельно оговаривалось, что «торговые гости большие» получали за обидные слова в их адрес 50 рублей. Советский историк П. П. Смирнов полагал, что еще в XVI столетии купцы были намеренно выделены в «особый честный чин» с целью создания опоры царской власти в их богатой среде. В Соборном уложении эта норма сохранилась, с добавлением особой статьи о сторублевом штрафе за бесчестье «именитых людей Строгановых». Памятуя о вкладе в царскую казну, сделанном в 1613 году этой фамилией, понятно, почему «именитые люди Строгановы» были наделены особой («не в пример другим») честью и получали двойную компенсацию за ее нарушение.

В Соборном уложении Алексея Михайловича не только повторялись известные ранее нормы штрафов за бесчестье, но и впервые вводился новый принцип расплаты, когда размер штрафа зависел от статуса не только потерпевшего, но обидчика. Так, если «непригожими словами» схлестнулись думные люди и патриарх, то первых выдавали второму «головой» (отдавали на расправу по его усмотрению); если же думные люди оскорбили церковных иерархов саном пониже, то митрополиту они платили 400 рублей, архиепископу — 300, епископу — 200. Введение разных норм наказания за бесчестье одного и того же лица говорит об усложнении придворной иерархии и о повышении статуса думных людей, но нигде в законодательных памятниках не встречается даже намек на признание чести как личного достоинства человека, присущего ему по естеству. Об этом речь пойдет значительно позже...

Упоминавшаяся в Соборном уложении честь государева двора требует особого рассмотрения. Почти вся жизнь царя, его семьи и приближенных

протекала в Московском Кремле и загородных резиденциях, изредка выплескиваясь за их стены — в подмосковные монастыри и Троице-Сергиеву лавру, еще реже — за границу (например, во время трех военных походов Алексея Михайловича во время русско-польской войны 1654–1667 годов). При этом пространство, в котором находился царь, по издавна сложившейся особенности восприятия власти на Руси всегда приобретало особый, сакральный статус. Царя не просто тщательно охраняли и оберегали от любых неприятностей, будь то нежелательные контакты с населением или дорожные неудобства, ухабы и колдобины, — берегли как зеницу ока его путь (не только дорогу в прямом смысле, но и выложенную драгоценными тканями и мостками траекторию прохода во время того или иного церемониала, и сами эти ткани), чин, честь, здоровье. Понятие царского двора как сакрального пространства, наделенного особой честью, наверняка появилось значительно раньше, но было законодательно оформлено лишь в статьях третьей главы Соборного уложения. На наш взгляд, это было вызвано Соляным бунтом 1648 года, когда массы народа бесчинствовали перед самыми окнами Кремлевского дворца. В Уложении честь государева двора была вписана в особую «лествицу», на верхних ступенях которой стояли честь Господа, Девы Марии, царя, его семьи, Церкви и священнослужителей. Г. Котошихин сообщает, что даже самые знатные бояре сходили с коня или выходили из саней, «не доезжая двора, и не близко от крыльца». Большинство же служилых людей предпочитали от греха подальше спешиваться на Ивановской площади. Только бояре и служилые люди имели право входить на царский двор.

В обыденной жизни государева двора существовала своя иерархия чести: чем ближе к царским покоям, тем значимее была честь места. Кремлевский дворец («Верх») имел три вихода, каждый из которых был наделен определенным статусом: самым высоким обладал Красный виход, примыкавший к Грановитой палате, вторым — виход через паперть Благовещенского собора, самым низким — средний виход, пролежавший примерно посередине между Грановитой палатой и Благовещенским собором и ведущий в Среднюю палату. Встреча тех или иных царских гостей происходила на разных ступенях лестницы: наиболее значимых — в самом низу (этой чести удостаивались, как правило, иностранные послы и резиденты), менее чтимых — на середине лестницы, а совсем незначимых — непосредственно перед дверью в царские комнаты. Сам царь встречал «в сенях» (прихожей) перед своими апартаментами только очень почетных посетителей, например Михаил Федорович — своего отца патриарха Филарета.

Непосредственно в «Верх» вела Золотая лестница, начинавшаяся у Спасского собора с двумя площадками («рундуками»), которые украшали с каждой стороны по две позолоченные фигуры львов. Естественно, палаты государя обладали наивысшим статусом среди всех помещений царского двора; поэтому и должность боярина «у крюка», допускавшего посетителей непосредственно в царские покои, имела важное значение. На Постельничем крыльце обычно объявлялись царские указы и решения по судам, и у него с самого утра толпились жаждавшие услышать их служилые люди.

Большое значение имело и Красное крыльцо, ведущее в Грановитую палату, в которой наряду с Золотой палатой проходили самые важные государственные мероприятия. Каждый из трех его пролетов увязывался с честью поднимавшихся по ступеням посетителей.

Царский двор тщательно сторожили 500 стрельцов. Большая часть их охраняла Красное крыльцо и Красные (Колымажные) ворота. Внутренние покои охраняли жильцы (40 и более человек), царицыны палаты днем и ночью стерегли дети боярские. Известно письмо, посланное бывшим в отъезде Алексеем Михайловичем его доверенному лицу, двоюродному брату Афанасию Матюшкину, с требованием, чтобы охрана несла службу как положено под страхом сурового наказания: «И ты прикажи диаку Петру Арбенеvu моим словом про детей боярских, по сколку у них наряжают человек на лестницу, и они б отнюдь не отходили, разве для нужды; да и то мол[ви] Петру, чтоб сам почаству их днем и ночью смотрел, таки ль все тут, да и сам ты смотри их почаству; да прикажи и то ему; а которова не будет, и он бы на смерть сек батоги; да и истопничим мол[ви], чтоб и у них бережно было и пьяных бы не было, а за пьянство бы на смерть били...» Видно, случалось, что охрана засыпала на посту, а истопники напивались...

Начиная с правления Алексея Михайловича особое внимание уделялось не только порядку и тишине на государевом дворе, но и чистоте и красоте его. Если намечалось какое-либо государственное мероприятие, то всем прибывающим на него вменялось в обязанность надеть приличную чистую одежду, чтобы не ущемить честь государева двора.

Царское величие на протяжении XVII столетия постоянно нарастало, что было вызвано укреплением самодержавия, всё более опиравшегося не на боярскую аристократию в целом, а на приближенных придворных, в особенности спальников. Алексей Михайлович создал особый Тайный приказ и теперь мог отдавать свои распоряжения через него, минуя Боярскую думу. Усиливалось и преследование за нанесение урона чести царя и его двора. Доносы по поводу «государева слова и дела» связаны в

основном со словесными оскорблениями монарха. При первом царе из дома Романовых бесчестье нового правителя выражалось в упреках со стороны столичных жителей и провинциалов в излишней «тихости»: его «и не слышно», он не может навести порядок даже в своей семье, а не то что в государстве, и т. п. Целый ряд угроз в адрес царя и патриарха был высказан «спьяну» и «сдуру». Так, казак Ивашка Панов грозился: «Я царю горло перережу!», брянский сын боярский Нехороший Семичев говорил: «Яз на патриарха плюю». Можайские жители упрекали: «Не умеет государь матушку свою за смутню, в медведную ошив, собаками травить». Честь второй жены Михаила Федоровича, Евдокии Лукьяновны Стрешневой, ущемляли ходившие среди придворной прислуги и служилых боярынь намеки на ее незнатное происхождение: «Не дорога она, государыня; знали оне ее, коли хаживала в жолтиках (простых сапожках), ныне де ее, государыню, Бог возвеличил».

О преемнике Михаила, появившемся на свет после двух старших сестер, ходили слухи: «А что де государь Алексей Михайлович, и тот де царевич подменный». В 1633 году архимандрит новгородского Хутынского монастыря Феодорит был сурово наказан за слова: «Бог де то ведает, что прямой ли царевич, на удачу де не подметный ли?»

«Брань и лая» в адрес царя, наносившие урон его чести, карались строго, но, как свидетельствуют источники, смертная казнь по этим делам всё же не применялась. Только за прямое посягательство на царскую власть (наряду с торговлей табаком и изготовлением фальшивых денег) полагалась смертная казнь. Однажды князя Шаховские чуть было не заплатились жизнью за то, что в пьяном угаре на пиру затеяли опасную игру: «выбрали» своего брата Михаила «царем», а он их пожаловал в свои «боляры»...

В целом государева честь определяла всё устройство жизни при дворе, диктовала нормы и правила поведения придворных и остальных подданных как в повседневной, так и в торжественной обстановке. И опять-таки, как и в случае государева чина, соблюдение государевой чести во многом зависело от личности самого правителя, уделявшего больше или меньше внимания подобным вопросам.

Венчание на царство

Церемониал являлся стержнем и основанием придворной культуры. Основопологающим церемониалом русского государства, экстраординарным событием в повседневной жизни царского двора, знаменовавшим вступление монарха в свой «государев чин», было венчание на царство.

Обряд венчания на царство первого государя из дома Романовых почти не содержал новшеств по сравнению с аналогичными процедурами его венценосных предшественников. Лишь среди атрибутов одеяния монарха впервые появилась золотая цепь с выгравированным на ней полным титулом российского государя. Возможно, мощная цепь с крепко скованными звеньями (каждое было прикреплено не только к соседнему, но и к трем следующим) символизировала возрожденное единство страны. В остальном же обряд венчания намеренно строился по традиционному канону, чтобы всем его ходом подчеркнуть преемственность законной царской власти.

Однако необычным был ход предшествовавших событий. 2 мая 1613 года состоялся торжественный въезд в Москву избранного царя, встречать его вышли жители города с чудотворными иконами. Шествие, в котором якобы участвовали все жители Москвы «от мала до велика», возглавлял Освященный собор архиереев Русской православной церкви. Войдя в Кремль, крестный ход направился в Успенский собор, где был отслужен праздничный молебен. После этого члены Боярской думы и государева двора, а также присутствовавшие на церемонии «всяких чинов люди» приняли присягу. Какие чувства наполняли душу юного царя, когда после присяги ему целовали руку все старейшины Думы и двора? Михаил перестал быть частным лицом, становясь «царским ликом», новой святыней государства. очевидцы свидетельствовали, что на глазах присутствующих блеснули слезы умиления и восторга, питаемые надеждой на скорое умиротворение страны.

Венчание же на царство произошло спустя более чем два месяца, 11 июля 1613 года. Подготовка этого грандиозного события проходила в тяжелых условиях — надо было при опустевшей казне привести в порядок разрушенный Кремль, поэтому неудивительно, что она заняла так много времени. Можно было ожидать даже еще более продолжительного подготовительного периода, однако в связи с незавершившейся Смутой

надо было поскорее закрепить решение Земского собора и провести надлежащую церемонию. Деньги начали собирать со всей «земли». Царю и его матери каждое утро в соответствии с традицией «ударяли челом», то есть приветствовали подарками и деньгами. Так, выборные люди из Вятки привезли «три сорока соболей и 50 золотых». И таких подношений было немало, особенно от богатого купечества.

Накануне венчания во всех московских храмах начали служить торжественный молебен, после которого был оглашен указ о завтрашних торжествах и приглашении всех жителей города участвовать в них с условием надеть нарядное «золотое» платье.

Дошедший до нас «Чин венчания» описывает всё происходившее в деталях. Самое непосредственное участие в подготовке церемонии принимал руководитель второго ополчения, в 1612 году освободившего Москву от поляков, князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Он вместе с будущим казначеем Никифором Васильевичем Траханиотовым на Казенном дворе «берег со страхом» царские регалии — скипетр, державу, шапку Мономаха и бармы — и сопровождал их в Царскую палату, где шапка Мономаха была передана непосредственно в руки дяди царя Ивана Никитича Романова. Михаил Федорович, поклонившись символам царской власти и поцеловав крест, остался в своих покоях, а процессия с регалиями тронулась через Соборную площадь в Успенский собор: во главе шел боярин Василий Петрович Морозов, за ним боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой нес царский скипетр, боярин Иван Никитич Романов — венец, боярин князь Борис Михайлович Лыков — «державное яблоко». Затем Морозов вернулся в царские палаты и возглавил второе шествие в Успенский собор, уже вместе с виновником торжества. Царя окружали окольничие и десять избранных стольников — все молодые, под стать правителю: князь Юрий Яншеевич Сулешев, князь Василий Семенович Куракин, князь Иван Федорович Троекуров, князь Петр Иванович Пронский, Иван Васильевич Морозов, князь Василий Петрович Черкасский, Василий Иванович Бутурлин, Лев Афанасьевич Плещеев, Андрей Андреевич Нагой, князь Алексей Михайлович Львов. Вслед царскому эскорту шли остальные участники церемонии: бояре, дворяне, дьяки, члены Земского собора, избравшего царя и приехавшие в Москву из разных уездов, а также масса горожан — «им же несть числа».

Очень подробно «Чин венчания» пересказывает обращенные к новоизбранному монарху слова казанского митрополита Ефрема, заменявшего отсутствующего патриарха и дававшего наказ от его имени и по поручению «всей земли»: «Боляр же своих, о благочестивый,

боголюбивый царю, и вельмож жалуй и береги по их отечеству, ко всем же князьям и княжатам и детям боярским и ко всему христолюбивому воинству буди приступен и милостив и приветен, по царскому своему чину и сану; всех же православных крестьян блюди и жалуй, и попечение имей о них ото всего сердца, за обидимых же стой царски и мужески, не попускай и не давай обидети не по суду и не по правде».

Поскольку до сей поры не обнаружено так называемой ограничительной записи, которую якобы давал первый Романов при избрании и о которой писал Г. Котошихин, многие исследователи полагают, что слова митрополита и есть те требования, которые предъявляли к избранному царю от имени всего народа. На наш взгляд, перечисленные в речи архиерея пожелания содержат лишь традиционные для «государева чина» политические и социальные идеи, известные еще с XVI века. Более того, речь Ефрема почти дословно повторяла речь митрополита Макария при коронации в 1547 году первого венчанного русского царя Ивана Грозного: «...Бояр же своих и вельмож жалуй и береги по их отечеству, ко всем князем и княжатам и детям боярским и ко всему христолюбивому воинству буди приступен, и милостив, и приветен по царскому своему сану и чину...» Понятно, почему Ефрем ориентировался на речь предстоятеля более чем полувековой давности: важно было восстановить преемственность власти, в том числе самой процедуры венчания на царство, поэтому за образец был взят весь чин венчания Ивана Грозного, дополненный некоторыми деталями из чина Федора Ивановича. Митрополит говорил о вероломстве и коварстве поляков, подчеркнул значимость избрания законного наследника престола — Михаила Романова.

Затем наступил кульминационный момент церемонии — миропомазание.^[3] После него богоизбранность царя становилась как бы окончательно узаконенной, освященной Богом. Впервые миропомазание было включено в церемонию в 1584 году при венчании Федора Ивановича, кровного родственника по материнской линии Михаила. После миропомазания царь прошеествовал в Архангельский собор, где по традиции приложился к гробам великих князей (подчеркивая тем самым свою связь с домом Рюриковичей, хотя они и не были его кровными предками), а затем в Благовещенский. При выходе из каждого собора царя осыпали золотыми монетами, которые после окончания церемонии расхватывали зеваки — кто сколько смог.

В завершение мероприятия по традиции состоялся пир, созванный «ради царского обирания без мест», то есть не предписывавший определенную рассадку участников за столом, а посему предотвращавший

местнические споры, как правило, отравлявшие все праздничные пиры «с местами». Застолье продолжалось три дня и сопровождалось раздачей чинов и подарков, что тоже было старой традицией. Государь награждал земельными пожалованиями и повышениями по службе. Князь Дмитрий Пожарский получил боярский чин, нижегородец Кузьма Минин — звание думного дворянина, князь Дмитрий Трубецкой был награжден вотчиной, ранее принадлежавшей Борису Годунову. Символично, что сразу же после венчания на царство Михаил Федорович приказал починить часы на Фроловской (Спасской) башне, как бы давая отсчет новому времени, начавшемуся с его правления.

Венчание на царство Алексея Михайловича состоялось 28 сентября 1645 года. Оно откладывалось дважды — сначала из-за траура по отцу, а затем — по матери и, наконец, состоялось на следующий день после сороковин по царице Евдокии Лукьяновне. Церемониал отличался от предшествующего — да и от последующих — большей пышностью, демонстрируя особую любовь нового царя к обрядам. За день до торжества, 27 сентября, в соборе было устроено царское «чертожное место», описанное в «Чине венчания» следующим образом: «...высокое место вельми украшено, а у него учинили 12 ступеней и оболкли то чертожное место и ступени сукнами, багрецами добрыми». Там установили царский трон персидской работы и кресло для патриарха. Алексей Михайлович вообще любил сидеть на возвышении и созерцать свысока все происходящее, а посему любой ритуал в его царствование сопровождался возведением пышных шатров с большим или меньшим количеством ступеней. Перед самым началом венчания с Казенного двора доставили царские регалии и животворящий крест. Духовник Алексея Михайловича, протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев, нес, поставив на голову, тяжелое золотое блюдо, на котором лежали животворящий крест, шапка Мономаха, диадема и цепь, а казначей Б. М. Дубровский и боярин В. И. Стрешнев — скипетр и державу. Регалии внесли в собор и разложили на трех аналоях, откуда их уже брали по «чину» в нужное время определенные люди.

Во втором часу дня, то есть в 9–10 часов утра (отсчет дневных часов начинался с рассвета), Алексей Михайлович пришел в Золотую палату, где был встречен боярами и приближенными людьми, одетыми в «золотое платье». Отсюда процессия «со всяким благочестием» отправилась в Успенский собор. Во время шествия царя в собор казначей и два дьяка «берегли путь», то есть следили, чтобы никто не пересек дорогу государю. Соблюдение этой приметы, существовавшей еще с языческих времен, было

очень важно для суеверного Алексея Михайловича, всю жизнь опасавшегося сглаза, порчи, «баб шепчущих» и других подобных вещей.

В Успенском соборе был отслужен молебен, после которого царь и патриарх Иосиф поднялись по ступеням на помост и заняли свои места. Справа от них расположились бояре, слева — священнослужители. Затем царь и предстоятель обменялись чинными речами. Алексей Михайлович упомянул Рюрика, Владимира Мономаха, своего «деда» Федора Ивановича, коснулся событий Смуты, нарушивших порядок передачи власти, сказал несколько слов о восстановлении законного правления при его отце Михаиле Федоровиче и о его благочестивом правлении, а в заключение попросил патриарха совершить над ним, законным наследником престола, обряд венчания. В его речи настойчиво подчеркивалась мысль о законности его прав на трон, о преемственности власти. С одной стороны, это был ответ на слухи о «подменном» царевиче, ходившие в народе из-за того, что Алексей был третьим ребенком уже немолодого отца; с другой — отклик на порой высказывавшиеся «спьяну» предложения передать власть датскому королевичу Вальдемару или иному иностранному правителю. Наконец, этот настойчивый рефрен о законности новой династии проистекал из неуверенности ее членов, боязни очередных самозванцев и смут.

Патриарх, в свою очередь, поддержал и продолжил основную идею монолога царя. К речи патриарха была впервые добавлена молитва о власти русского правителя над всей Вселенной. (Эта идея должна была импонировать Алексею Михайловичу, особенно в зрелые годы, когда он мечтал возглавить весь православный мир и примерялся к роли «второго Константина Великого». По сути, начавшиеся в 1653 году церковные реформы патриарха Никона, направленные на унификацию русских и греческих церковных обрядов и богослужебных книг, работали на эту идею возвышения русского монарха до вселенской роли, а посему и были столь ревностно поддержаны царем.) После этого патриарх принял из рук царского деда по матери, боярина В. И. Стрешнева, Мономахов венец и возложил его на Алексея Михайловича, вручил ему скипетр и державу.

Присутствующие бояре поздравили государя, а патриарх произнес поучение: «Глаголет бо Господь Бог пророкам: Аз воздвигох тя, царя правды, и приях тя за руку и укрепих тя. Сего ради слышите царие и князи и разумеите, яко от Бога дана бысть держава вам и сила от Вышняго, вас бо Господь Бог в Себя место избра на земли, и на свой престол вознес и посади, милость и живот у вас положи. Вам же подобает, приемше от Вышняго повеления правления человеческого ради православным царем, не токмо о своих пещися и свое точию правити, но и все обладаемое от

треволнения спасти и соблюдати стадо его от волков невреждимо, и бояться серпа небесного...» Можно представить, каким бальзамом лились эти слова на сердце шестнадцатилетнего «ревнителя древлего благочестия».

Далее была отслужена торжественная обедня, которую Алексей Михайлович отстоял «во всем своем царском сане». Завершилась литургия чином миропомазания и причащением. Во время миропомазания царский венец держал Ф. И. Шереметев. По окончании церемонии царь на выходе из Успенского собора был осыпан золотыми монетами Никитой Ивановичем Романовым, своим двоюродным дядей (тот еще до царского венчания был вместе с князем А. Н. Трубецким пожалован в бояре, а посему золотой дождь обещал пролиться и на его голову). Процессия при огромном стечении народа прошествовала в Архангельский собор «приложиться к гробам предков», затем в Благовещенский. О народе в «Чине венчания» сказано особо: «Всенародное многое множество бесчисленное православных христиан стояху кийждо на своем месте со страхом и трепетом, со мноюю сердечною радостью».

Пир, завершавший «вступление в должность» нового царя, был грандиозным («зело честной и великой») и длился несколько дней в Грановитой палате. Каждый день царь кого-то жаловал и миловал. Высший думный чин был пожалован князьям Я. К Черкасскому, М. М. Темкину-Ростовскому, Ф. Ф. Куракину. Они и вошли в придворную элиту под эгидой царского «дядьки» Бориса Ивановича Морозова.

Коронационные торжества закончились посещением любимых царем монастырей «по обещанию», то есть по клятвенному обету: Саввино-Сторожевского, Николо-Угрешского и Пафнутьево-Боровского.

Алексей Михайлович любил вспоминать это событие, а посему указал ежегодно 28 сентября, «на сей день венчался царским венцем», служить патриаршую литургию и звонить в колокола. Например, в 1668 году служба прошла в дворцовой церкви Святой Евдокии, «и звон от Евдокеи сверху».

Венчание его сына Федора Алексеевича могло бы и не состояться, если бы в 1670 году не умер его старший брат Алексей. Отцу пришлось назначать другого преемника — им и стал Федор. В день новолетия по допетровскому календарю, 1 сентября 1674 года, прошел чин объявления царевича наследником престола. И спустя два года, после скоропостижной кончины Алексея Михайловича, состоялось венчание на царство Федора. Поскольку оно было уже третьим по счету для династии Романовых, то впитало опыт двух предыдущих церемониалов. Устроители данного обряда лишь добавили или изъяли некоторые детали. Любопытную характеристику правления Алексея Михайловича дал патриарх Иоаким в

речи, обращенной к его сыну и преемнику: «...своим царским бодроопасным и храбрым содержательством, во всем своем великом Российском царствии крепце соблюде, и многая государства и земли мечем и милостию своею государскою в подданство приведе, и все православное христианство в покое, и тишине, и в благоденствии тихо и немятежно строя, и всеми благими на вселенной цветяше, и во всех великих окрестных государствах у государей славно и страшно бысть имя его, и все окрестные великие государи с ним, великим государем, с его царским величеством в дружбе и в любви быти желяху».

Федор, как и отец, указал устроить в Успенском соборе «место высокое, еже есть чертожное, где ему, великому государю, на свой царской превысочайший престол венчатися царским венцем, и святыми бармами, и всем своим царским чином, и вся, яже к тому царскаго величества венчанию годно, то все указал изготовить». Поутру в день венчания в храм принесли трон — «царское место золотое с драгим со многим камением, зовомое персидское, и приступ оболочен бархатом золотным»; рядом поставили кресло для патриарха. Некоторые историки считают, что, памятуя о претензиях патриарха Никона на власть, при венчании Федора кресло для патриарха не ставили рядом с креслом монарха. Но это утверждение не подтверждается источником, в деталях описывающем весь церемониал. В «Чине поставления на царство Феодора Алексеевича» говорится также, что патриарх в сопровождении церковных иерархов первым пришел в собор и занял свое чертожное место. Царь же сначала зашел в свой домовый храм Спаса Нерукотворного и приложился к иконам, затем отправился в Грановитую палату, где собрались придворные чины в золотных одеждах с жемчужными ожерельями, высоких шапках и золотых «чепях». Здесь было оглашено пожалование государем в бояре И. М. Стрешнева (из окольных) и М. И. Морозова (из стольников), а в думные дворяне — А. С. Хитрово.

Затем царь в золотном опашне^[4] с низаным (жемчужным) кружевом и жемчужной же нашивкой, украшавшей грудь, в окружении бояр, думных, окольных и комнатных людей чинно проследовал в Успенский собор. Путь из церкви Спаса в Грановитую палату, а из нее в Успенский собор кропили святой водой протопопы этих храмов. Государеву духовнику протопопу Благовещенского собора Никите Васильеву было доверено золотое блюдо с крестом и бармами, два дьякона поддерживали его под руки. Царский венец нес боярин И. М. Стрешнев, скипетр — И. Ф. Стрешнев, «яблоко царскаго чину» — казначей И. Б. Камынин, «блюдо золотое с драгим камением» — думный дьяк Дементий Башмаков, а стоянец

(подставка под державу) — думный дьяк Василий Семенов. Шествие, совершаемое под непрерывный колокольный звон, было, по-видимому, очень красивым, потому что автор описания церемонии особо подчеркнул, что благочестие и благочиние процессии произвели на всех присутствующих большое впечатление.

При венчании на царство Федора Алексеевича царя впервые после миропомазания допустили для причащения непосредственно в алтарь, куда до него не входил ни один из русских монархов. Это была часть византийского церемониала венчания императоров, подчеркивающая святость светской власти. Еще Алексея Михайловича греческие иерархи, регулярно приезжавшие в Россию то за милостыней, то на церковные соборы, называли «вторым Константином Великим», но он не принял императорский титул и при его венчании на царство не использовалась эта деталь византийского чина поставления. Только его младший сын Петр в 1721 году после окончания Северной войны был удостоен титула императора одновременно с прозваниями Отец Отечества и Великий. Федор Алексеевич, хотя и не был провозглашен императором, но прошел обряд вхождения в алтарь для причащения, что стало важным промежуточным этапом восхождения русских правителей к императорскому титулу.

Во всём остальном чин венчания на царство Федора следовал чину его отца. И тот и другой всячески подчеркивали кровную преемственную связь с византийским императорским домом: в процессе церемонии не раз звучала мысль, что «превысочайшую честь и царский венец и диадиму от греческаго царя Константина Мономаха восприим: сего ради и Мономах наречеса, от него же вси великие государи царствия венцем венчахуся».

Абсолютным новшеством было поднесение царю особого стихотворного опуса «Гусль доброгласная», написанного по торжественному случаю Симеоном Полоцким.

Составители «Чинов венчания», фиксируя весь ритуал, неоднократно подчеркивали, что всех присутствующих сковывали «страх и трепет» перед величием и благочестием сего таинства. Подобные торжественные события надолго врезались в память их современников и еще долгое время оставались темой для обсуждений и воспоминаний.

Конечно, венчание на царство было самым ярким событием всего правления российского самодержца, но далеко не единственным запоминающимся торжеством в повседневной жизни царского двора.

Объявление наследника престола

Наследовал трон по традиции старший сын великого государя, что подчеркивалось на всех церемониалах, связанных с его рождением, крещением, именинами.

Статус, получаемый им сразу же при появлении на свет, хотя и не закреплялся юридически до официального «объявления» наследника, но подчеркивался целым рядом мероприятий. Алексей Михайлович в письмах всячески акцентировал «участие» новорожденного сына Алексея в принятии тех или иных государственных решений, в поздравительных речах государя и в жизни страны в целом, называя царевича то «виновником» военных побед, одержанных в 1655–1656 годах, то «просителем» за подданных или пленных, а в 1655 году он вообще оставил годовалого царевича «управлять на Москве» вместе с боярами. Сохранился целый комплекс указов, написанных от имени младенца Алексея Алексеевича. Это делалось, конечно же, с целью упрочения царской династии и борьбы с претензиями на престол продолжавших появляться за границей самозванцев. Когда будущий правитель страны достигал двенадцати-тринадцати лет, что в Средневековье считалось совершеннолетием, его официально провозглашали наследником престола — «объявляли народу». Для первых Романовых очень важно было закрепить свою династию, с этой целью в 1643 году совершеннолетие Алексея Михайловича было отмечено проведением официального обряда. После вступления царевича в совершеннолетие для него заканчивалась детская пора и начиналась взрослая жизнь будущего правителя. До объявления наследником он не появлялся на дворцовых публичных мероприятиях, ездил на богомолье в кортеже царицы в окружении «дядек» и учителей и вел довольно замкнутый образ жизни. После обряда наречения жизнь будущего государя резко менялась. Отныне его место всегда было рядом с отцом, он начинал принимать участие в приемах иностранных послов, охотах, пирах и т. д. Порой он замещал отца на каких-то семейных мероприятиях. Так, когда в 1674 году после осеннего пребывания в Преображенском (с 25 октября по 13 декабря) Алексей Михайлович отправился в село Соколово на охоту, а всё его семейство возвращалось в Москву, царский поезд возглавлял Федор, ставший как бы заместителем отца, «старшим» в семье. Царевич ехал в «избушке» (зимнем возке), запряженной шестеркой темно-серых лошадей. Вдоль всего пути

шли пешие стрельцы с батожьем. Наследника уже сопровождали не только его «дядьки», но и бояре, окольниковые, ближние люди, весь его большой двор.

Обычно ритуал объявления царевича происходил 1 сентября, в Новый год по тогдашнему летосчислению. Алексей Михайлович, страстно любивший всякие церемонии, принимавший непосредственное и, видимо, самое активное участие в разработке особой процедуры объявления царевича народу, конечно, не предполагал, что ее придется проводить дважды, поскольку царевич Алексей Алексеевич, провозглашенный наследником 1 сентября 1667 года, умер в 1670-м, а его место спустя четыре года занял его младший брат Федор.

Чин 1667 года начинался словами, призванными показать, с какой радостью «всё христианское множество» восприняло «объявление благородного и благочестивого великого государя нашего царевича и великого князя Алексея Алексеевича». Церемония проходила сначала «в передней его царского величества каменной палате», где к стоящим перед царским тронном грузинскому, касимовскому и двум сибирским царевичам, боярам, окольниковым и думным людям царь «простре» свое слово. Далее помещена речь государя; видно, что сочинял ее сам Алексей Михайлович. Речь начиналась его любимым оборотом «приспе день и час лепотный», то есть настал час красоты... (Эти слова многократно употреблялись и в «Уряднике сокольничья пути», и в других указах и записках царя, который любил таким образом подчеркивать значимость того или иного события.) В своем «слове» самодержец подчеркнул, что «отрасль царских чресл царевич» прошел все ступени возмужания: был «порожден крещением во святей соборней апостольской церкви купели», «наощрен предобрими ученьми» и «в возраст приличествующий днем его приспеша». А посему государь «изволял» привести сие «непорочное овчарни Христовы чадо» в Успенский собор Кремля и «всенародно объявить» его перед лицом вселенских патриархов Паисия и Макария, патриарха Московского и всея Руси Иоасафа, Освященного собора и царских подданных «всех всякаго чина и возраста людей». Все присутствовавшие в передней комнате «били челом» государю с благодарностью за то, что он изволил поделиться с ними этой мыслью, и с мольбой об объявлении царевича наследником в Успенском соборе. В их «ответословии» звучали также похвала Богу и пожелание великим государям многолетия, всяческим благополучием преисполненного, здоровья и победы над врагами. Похвалив придворных за ответ, Алексей Михайлович вместе с ближними боярами пошел в хоромы за сыном. При возвращении процессии в царские покои архимандрит

Чудова монастыря Иоаким, сопровождаемый диаконами с кадилами и свечами, нес перед ней чудотворную икону Спаса из храма Спаса Нерукотворного на Сенях. Автор описания постоянно подчеркивает, что всё было «благославно» и «благочинно»: и слова, и действия, и шествие, и украшения, и одежды. Через Постельное крыльцо и лестницу подле Грановитой палаты процессия проследовала в Успенский собор. Весь ее путь, устланный многоценными коврами, кропили святой водой два иерея. Царь и царевич были одеты в суконные опашни с жемчужными нашивками и кружевами. Всю дорогу князь И. П. Пронский от имени царевича спрашивал о здоровье стольников, стряпчих, дворян московских и всяких чинов людей. Этим действием подчеркивалась милость наследника, поступающего уже по государеву чину. Войдя в собор, Алексей Михайлович и Алексей Алексеевич целовали иконы, мощи митрополитов Петра, Ионы и Филиппа, а также «цельбоносную» Ризу Господню, затем приняли благословение вселенских патриархов и московского предстоятеля. В это время государевы певчие провозглашали многолетие царю и его отпрыску. Из Успенского собора под молебное пение вся процессия перешла в Архангельский собор, где ежегодно отмечалось новолетие. Там около паперти напротив «государских мест», устланных червчатым бархатом, был установлен особый «рундук», покрытый коврами, на который поставили «чудно украшенные налои с Честным и Животворящим Крестом Господним и святыми иконами». Царское и патриаршее места были огорожены деревянными перилами, расписанными красками по золотому фону; между ними располагались представители Церкви, государевы люди, стрельцы «в ратном платье» и «иноземцы полковники и подполковники». Живописно расположенные группы людей на возвышениях, устланных коврами, создавали особую торжественную атмосферу.

В Архангельском соборе состоялось моление «о новом лете», после чего начались поздравления и благодарения государю и его сыну от всех социальных групп, представленных на церемонии. От лица Освященного собора речь на греческом языке произнес александрийский патриарх Паисий, а ее перевод зачитал митрополит Сарский и Подонский Павел. Ответная речь объявленного царевича привела всех в полный восторг, ибо стоял он перед своим отцом, «яко светлосияющая луна пред светлым солнцем», а слова его были мудры. «Извитием благословесия» Алексей Алексеевич «возвеселил» сердце царя и всех присутствующих, так что они воздали Богу хвалу за дивное чадло. Реакции собравшихся на его речь был посвящен целый риторический пассаж в «Чине объявления царевича

народу», в котором автор не скупился на риторические вопросы, к примеру: «Кто от разумия внимающих, видя пречеснейшаго великаго государя, христоробивую его царскаго величества отрасль рождшему его так вельможнейшему обладателю сладкоточивые гласы произносяща и сими всех увеселяюща и радостному умилению не подвижся?» У всех очевидцев потекли «благоразумный веселыя слезы», а Алексей Михайлович поцеловал свое дитя в голову. Затем начались многочисленные поздравления, речь от Боярской думы произнес ее глава князь Никита Иванович Одоевский. Завершилось празднество возвращением царя и наследника во дворец, в Столовую избу, а священного синклита — в Успенский собор. «Для своей царскаго величества всемерныя радости объявления сына своего государева» Алексей Михайлович пожаловал боярам по 100 рублей, окольничим и кравчему — по 70, казначею, постельничему и думным людям — по 60, печатнику, стряпчему с ключом и ловчему — по 55, думным дьякам — по полста, комнатные стольники получили по 15 рублей, дворяне московские и жильцы — по 12 и так далее в соответствии с чином и окладом каждого. Из Столовой избы государь с сыном вернулись в свои хоромы под пение канона Воскресению Христову, «что поется в самый светлосиятельный день живоносныя Пасхи, зело благочинно и сладкопесенно».

Алексей Михайлович вернулся в Успенский собор на литургию и только после нее «пожаловал» придворных — велел им быть на пиру в Грановитой палате (о том, что подавали к столу, мы узнаем в дальнейшем). Особое место на пиру отвели учителю царевича Симеону Полоцкому — посадили за особый стол рядом с тронем и предоставили слово. Его стихотворная поздравительная речь очень понравилась царю, и он наградил поэта зеленой атласной шубой на соболях. Симеон Полоцкий не просто произнес речь — он написал и преподнес государю специально посвященное замечательному событию сочинение — «Орел Российский».

Церемония объявления наследником Федора в 1674 году во многом повторяла предыдущую, но масштаб ее был скромнее. По окончании литургии царь так же пригласил всех «есть хлеб» и также в честь праздника были пожалования; в частности, думный дворянин Иван Богданович Хитрово, бывший «дядька» царевича, получил чин окольничего.

Особое внимание, уделявшееся Алексеем Михайловичем объявлению наследника, было, несомненно, связано со стремлением усилить представление о святости царской власти, с одной стороны, и подчеркнуть прочность новой царской династии путем торжества принципа преемственности — с другой. Чин объявления царевича народу стал

вторым по значимости после церемониала венчания на царство.

«Видеть царские очи»

Одной из основополагающих частей государева чина были приемы иноземных посольств. Олицетворяя собой державу, государь встречался с представителями других властителей. Тут уж ударить лицом в грязь было никак нельзя. Мельчайшие детали должны были работать на возвеличение чести и достоинства монарха и страны. Поэтому к приему иностранных послов готовились самым тщательным образом, заранее расписывая все детали предстоящего церемониала.

Еще в XV–XVI веках приему иностранных дипломатов отводилось одно из центральных мест в деятельности государя. Каждый участник аудиенции знал свое место и роль в поддержании монаршего престижа. Трон охраняла вооруженная личная гвардия монарха, против чего неоднократно возражали иноземцы. Например, Антонио Поссевино, посланный в XVI веке папской курией наводить мосты между католичеством и православием, заметил боярам, что в Западной Европе при приеме послов в тронных залах нет охраны, но услышал в ответ, что воины около русского монарха не что иное, как «государей чин и гроза». После вручения грамот послы должны были удаляться, пятясь назад, ни в коем случае не поворачиваясь к царственной особе спиной. Кстати, этот обычай сохранился в России даже в «просвещенном» XVIII столетии.

С самого приезда с послами «церемонились» — опекали и охраняли, порой до такой степени, что иностранцам не без основания казалось, что их держат под домашним арестом. Неприкосновенность послов и посланников, а также членов их свиты касалась в том числе и криминала: за преступления, совершённые в России, их могли наказать лишь на родине.

Каждого прибывавшего в Россию дипломата на границе встречал пристав, посланный воеводой пограничного русского города, вручал опасную (охранную) грамоту и сопровождал до Москвы. В опасной грамоте, выданной в 1639 году члену голштинского посольства Адаму Олеарию, в частности, от имени царя было сказано: «Ведомо нам учинилось, что ты гораздо научен и навычен в астрономии, и географус, и небесного бегу, и землемерию, и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а нам, великому государю, таков мастер годен». Лестные слова, возможно, были высказаны с задней мыслью пригласить Олеария на русскую службу.

На подъезде к столице посольский кортеж должен был остановиться и ожидать позволения въехать в город. Когда разрешение бывало получено, московский пристав выезжал встречать иностранных дипломатов. Ему строго предписывалось никоим образом не уронить честь государя — первым не снимать шапки в знак приветствия, первым не сходить с коня, ехать в карете с послем «под высокую руку», то есть с правой стороны, и пр. Сохранилось множество забавных описаний взаимных препирательств, уловок и обманных действий — каждая сторона старалась поставить честь своего правителя выше. Так, имперский посол Сигизмунд Герберштейн гордился тем, что обманул русского пристава, ловко сделав вид, будто хочет сойти с лошади первым. Молодой голландец Николаас Витсен, входивший в состав голландского посольства к Алексею Михайловичу в 1664–1665 годах, назвал «настоящим спектаклем» встречу голландского посла с приставом вблизи Москвы: «Весь вопрос был в том, кто из них первым — посол или пристав — выйдет из саней и обратится к другому. Оба встали, но медлили; как только посол поставил ногу на край саней, русский отступил назад, после чего посол не только отступил, но и совсем сел... дважды посол делал вид, что падает, когда собирался выйти из саней; русский же всякий раз отступал назад и, поглаживая бороду, снова садился».

После взаимных приветствий пристав пересаживался в карету посла и ехал с ним либо до Посольского двора на Ильинке, либо до отведенных для пребывания иностранных дипломатов частных домов. Вдоль всей дороги стояли всадники в ярких одеждах с оружием, а также пехота со знаменами и пушками.

Ожидание аудиенции — позволения «видеть царские очи» — было тягостным, поскольку иностранцам не разрешалось покидать двор, охраняемый стрельцами. Правда, самые ловкие надевали русское платье и выбирались в город инкогнито. Пристав с охраной должен был обеспечивать иноземцев всем необходимым. Ежедневно им полагался «корм» за казенный счет, в том числе напитки (в среднем по семь чарок вина «двойного», то есть водки двойной перегонки, по две кружки рейнского и столько же ромanei, по четыре кружки различных сортов меда и по ведру пива на каждого члена посольства), а также «изобильные» яства. Часто присылалось угощение из Кремля, с царского стола — множество кушаний и напитков. Помимо пристава, в распоряжении иностранцев был переводчик, который передавал их поручения стрельцам, а те уже совершали необходимые покупки.

Наконец, на Посольский двор являлась русская делегация для

сопровождения иностранцев в Кремль, на долгожданный прием в царском дворце. Повторялась история с борьбой обеих сторон за честь своего государя: послы не хотели встречать придворных московского царя на нижней ступеньке лестницы, а те не имели права допустить унижения царя. Как правило, в конце концов достигался компромисс: встреча происходила на середине лестницы.

Как уже отмечалось, при приеме иностранных послов и посланников в царском дворце огромное значение имела иерархия пространства, на которой строился весь церемониал. Четко фиксировалось местоположение русских придворных, встречающих иностранных послов: в зависимости от значимости посольства гостей встречали либо у самой кареты внизу лестницы, ведущей в царские покои, либо на середине этой лестницы, либо же на самой верхней ступени... Для дипломатов из христианских стран использовали восток, находившийся рядом с Благовещенским собором и проходивший через его паперть, а для послов нехристианских правителей — среднюю лестницу. Все эти меры касались не только церковной чести, но и чести государева двора.

Въезд в Кремль оформлялся как торжественное шествие. Вдоль пути следования иностранной делегации выстраивались войска, толпился народ. Впереди шли стрельцы, за ними несли многочисленные привезенные иноземцами дары; секретарь посольства демонстрировал в высоко поднятой руке верительную грамоту, обернутую шелковой тканью; за ним в окружении приставов ехали члены посольства на лошадях, присланных из царских конюшен. Темп шествия регулировался из дворца: давалось указание не спешить или, напротив, с гонцами посылалось требование скорейшего прибытия. Тут тоже затрагивалась честь государя — нельзя было допустить, чтобы он ожидал иностранных послов!

Время торжественного первого приема послов обычно выбиралось между заутреней и обедней, поскольку обедали по традиции в полдень. Сначала звучало «объявление», произносимое назначенным придворным; «поклон» — приветствие с расспросом о здоровье государя; ответное осведомление царя о здоровье его «брата» — правителя иностранной державы; вручение «верющей» грамоты, удостоверяющей личность и права посла; целование царской руки для христиан либо возложение государем руки на головы мусульман; наконец, представление подарков и разговор.

Приемы происходили, в зависимости от ранга послов, в Столовой, Большой либо Малой Золотых палатах, изредка — в Грановитой палате. Чаще всего использовалась Большая Золотая палата, где тронное возвышение находилось в юго-восточном углу (так же, как в зале приемов

византийских императоров). Палата была украшена иконами и фресками: над престолом царя висела икона Богородицы, на противоположной стене — Николая Угодника, справа от тронного места на стене был изображен Бег Саваоф с державой, а слева — царевич Иоасаф и пустынник Варлаам. Монарх в большом (шапка Мономаха, скипетр, держава) либо малом (венеч и скипетр) наряде восседал на троне, для послов выносили скамью и объявлялось, что царь разрешил им садиться.

Количество и качество даров, присланных русскому государю его иноземными коллегами, должны были адекватно отражать декларируемое уважение к нему, поэтому «поминки» тщательно взвешивались, описывались и оценивались. Европейцы привозили в основном золотую и серебряную посуду самых разнообразных объемов и форм (кубки, кувшины, тарелки, подносы и пр.), часы напольные, настольные и ручные, украшения; восточные монархи — экзотических животных, специи, драгоценности. Персидский шах Аббас, например, прислал в 1625 году слона, а шах Сулейман в 1692-м — льва и львицу. Европейцы старались дарить не просто крупные изделия из золота или серебра, но произведения искусства, выполненные на самом высоком художественном уровне, поэтому их порой раздражало, что русские обращают внимание только на вес предметов из драгоценных металлов, не беря в расчет искусность работы. А чиновники Посольского приказа обязаны были прежде всего взвешивать золотые и серебряные вещи и объявлять их вес при описании подарков. Порой подарки не получали должной оценки не только в связи с малым весом, но и по другим причинам. Иван Грозный в 1559 году отказался принять от датских послов часы, украшенные знаками зодиака, на том основании, что эти «планетные знаки» рисуют еретики и ему, православному правителю, смотреть на них не подобает. (Интересно, что век спустя Алексей Михайлович приказал изобразить знаки зодиака на потолке Столовой палаты.)

После торжественной аудиенции иногда следовал обед в царских покоях либо (что случалось в XVII веке значительно чаще) послы отправлялись восвояси, а царский «стол» в виде большого числа кушаний и напитков им приносили непосредственно на Посольский двор.

Первая аудиенция с вручением грамот и подарков-«поминков» могла дополняться еще несколькими приемами. Их количество зависело от цели посольства и значимости того или иного государства, по мнению московского правительства. После первой встречи послов с царем иноземцам разрешалось покидать Посольский двор, но и дальнейшее их пребывание в Москве жестко регламентировалось и контролировалось.

Многие иностранцы, побывавшие в Москве с дипломатическими миссиями, оставили записки, содержащие, в том числе, наблюдения за жизнью московских государей.

Суть дела, по которому приехали послы, должна была излагаться письменно. На ознакомление с привезенными верительными грамотами уходило несколько дней, после чего послов снова приглашали во дворец на встречу с царем и сообщали, что ответ на все поднятые вопросы будут давать назначенные для этого бояре в Ответной палате. На этом церемонии заканчивались и начиналась обычная черновая работа, во время которой переговорщики уже могли поносить друг друга непригожими словами, кричать и браниться.

Последняя — как правило, третья по счету — аудиенция называлась отпуском. Если результатом посольства становился договор, то на отпуске происходил обряд крестного целования, есть подтверждавшей договор присяги, заменявшей царскую подпись, поскольку по русской традиции государи руку к документам не прикладывали, так как это считалось делом не царским, а дьяческим! Думный дьяк заверял документ своей подписью, а царь скреплял его крестным целованием. Для совершения обряда приглашался придворный протопоп. Докончальную грамоту клали под Евангелие, протопоп зачитывал «заклинательное письмо о содержании вечного покоя», царь повторял за ним слова клятвы, целовал крест, брал грамоту и вручал ее послам. Значение крестного целования уходило корнями в Древнюю Русь, когда языческое понимание поцелуя как действия, скрепляющего телесную целостность, дополнилось толкованием креста как наивысшего христианского символа. Для русских нарушение крестного целования приравнивалось к смертному греху.

Если посольство прошло гладко и завершилось к всеобщему удовольствию, то на отпуске иностранцев угощали хмельным напитком из меда. К XVII веку у иноземцев сложилось обыкновение забирать кубки, из которых их угощал царь, в качестве сувениров, положив их за пазуху. Русские осуждали эту традицию, но терпели, а вскоре придумали, как минимизировать ущерб: в Англии были заказаны медные кубки, посеребренные или позолоченные и по внешнему виду ничем не отличавшиеся от драгоценных.

В первые годы после Смуты правительству требовалось восстановить дипломатическую активность, поскольку связи с иностранными державами были нарушены. В разные страны были отправлены гонцы и посланники с извещением об избрании нового царя. Они должны были особенно настойчиво внушать зарубежным правителям, что новая власть в России

легитимна. Когда гонцу Ивану Фомину, отправившемуся в 1614 году к «цесарскому» двору, указали, что кланяться императору надо до земли, он с достоинством ответил, что «во всей вселенной у великих государей того не ведется, которые посланники и гонцы от великих государей к великим государям посылаемы бывают, что им до земли кланяться», подчеркивая тем самым, что австрийский император и русский царь — монархи одного ранга. В 1613–1614 годах в Москву, приветствовать нового государя, прибыли дипломатические представители разных стран. Прием посольств должен был полностью соответствовать аналогичным церемониям при Рюриковичах — на это обращалось особое внимание. Встречать послов каждой страны надо было именно в том месте, где их встречали ранее. Так, в конце 1614 году английских дипломатов во главе с Джоном Мерриком велено было встретить за Сретенскими воротами, «выехав за ров, где и прежних аглинских послов встречивали».

В 1613 году, когда молодому государю еще не отстроили достойных хором, а казна была пуста, самые существенные расходы потребовались именно на церемониальные и посольские дела. Одними из первых в разоренную Москву приехали «крымские гонцы», для встречи с которыми царю приготовили дорогие одежды. В первые годы нового царствования частыми были визиты послов и «купчин» от персидского шаха. Надолго запомнилось всей Москве персидское посольство 1625 года от шаха Аббаса I, привезшее не только слона с арапами, но и частицу Ризы Господней. Шведские послы прибыли в 1626 году, чтобы заключить военный союз против Речи Посполитой, что тогда было для России немыслимо, но всё же стороны обменялись заверениями в дружбе и любви между монархами. Сохранилось описание трех посольских встреч русских со шведами, состоявшихся 22, 25 и 30 ноября 1626 года в Малой Золотой палате, а также отпуска посольства 3 декабря. Всё было предельно традиционно: в сенях перед палатой послов встречал окольный князь Г. К. Волконский, «объявлял» царю окольный Ф. Л. Бутурлин. Михаил Федорович, как обычно, сидел на троне в окружении рынд в белых одеждах с топориками в руках. Думный дьяк Иван Грамотин передал послам указание сесть, и далее церемония проходила, что называется, в штатном режиме.

При Алексее Михайловиче зарубежные связи России резко возросли. Впервые в стране появились постоянные резиденты иностранных держав, а русский резидент В. Тяпкин впервые с 1668 года начал постоянно жить в Речи Посполитой и регулярно посылать в Москву сообщения о международной обстановке в Европе. Справедливости ради следует упомянуть, что вопрос о русском резиденте в Швеции поднимал еще в

1620-х годах думный дьяк Иван Грамотен, но тогда он не был решен положительно.

С одной стороны, дипломатический церемониал, разработанный до мельчайших подробностей, соблюдался как никогда дотошно, с другой — Алексею Михайловичу было важно произвести хорошее впечатление на иностранцев, особенно европейцев, ведь он хотел стать в один ряд с западными монархами, поэтому условия пребывания в Москве европейских дипломатов были смягчены. Послам дружественных стран разрешили покидать отведенные им дома сразу по прибытии в Москву, еще до первого визита в Кремль; они могли приглашать к себе гостей и сами ходить в гости и встречаться с разными людьми. Учитывая европейский этикет, Алексей Михайлович присылал для посольского кортежа уже не только лошадей, но и кареты. Судя по всему, государь не просто лично следил за соблюдением каждой детали посольского церемониала, возвышающего его самого и Российское государство, а создавал новые правила дипломатического этикета. Так, он потребовал, чтобы послы были на аудиенции с непокрытой головой, чего ранее не бывало.

Скажем кстати, что чужеземцы, принимаемые на службу при Алексее Михайловиче, тоже почувствовали его доброе отношение. Так, голландский путешественник и дипломат Яков Рейтенфельс, находившийся в Москве с 1670 по 1673 год, фиксировал: «Когда иностранцы вступают в русскую службу, то царь дарит им одежды, лошадей и прочее, как бы в залог будущих милостей. Вообще иностранцы теперь живут в Московии гораздо свободнее, нежели прежде. Алексей Михайлович такой государь, какого желают иметь все христианские народы, но немногие имеют». По свидетельствам иностранцев, совершенно не заинтересованных в том, чтобы приукрашивать русского монарха или льстить ему, Алексей Михайлович являлся образцовым христианским правителем. Тот же Рейтенфельс писал: «Царь Алексей Михайлович роста среднего, имеет лицо полное, несколько красноватое, тело довольно тучное, волосы цвета среднего между черным и рыжим, глаза голубые, поступь величавую; на лице его выражается строгость вместе с милостью, взглядом внушает каждому надежду и никогда не возбуждает страха. Нрав его истинно царский: он всегда важен, великодушен, милостив, благочестив, в делах государственных сведущ и весьма точно понимает выгоды и желания иностранцев». Посетивший Россию в 1661–1663 годах дипломат Священной Римской империи барон Августин Мейерберг, беспристрастно оценивавший все недостатки русского общества, в том числе безграничное самовластие правителей и рабское подчинение подданных, тем не менее

подчеркивал, что при столь благоприятных условиях для произвола царь Алексей не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь... По его словам, Алексей Михайлович — «замечательный человек, одаренный живостью чувства»; «кроткий и милостивый, он лучше хочет, чтобы не делали преступлений, нежели имеет дух за них наказывать». Секретарь посольства императора Леопольда I в Россию в 1675 году Адольф Лизек выразился еще более определенно: «Нынешний царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями. Он покорила себе сердца всех своих подданных, которые столько же любят его, сколько и благоговеют пред ним. Его беспримерные к нам милости достойны того, чтобы немецкие писатели увековечили его имя хвалами».

Иностранные авторы отмечали в своих записках и особое восприятие государя его подданными. Так, Исаак Масса утверждал, что русские «считают своего царя за высшее божество». Его мнение разделяли другие иностранцы, в частности швед Генрих Седерберг и австриец Иоганн Георг Корб. Английский граф Чарлз Говард Карлейль, несмотря на неудачу своей дипломатической миссии, отметил, что роскошь русской придворной жизни во времена Алексея Михайловича как нельзя лучше отражала идею обожествления царя: «Двор московского государя так красив и держится в таком порядке, что между всеми христианскими монархами едва ли есть один, который бы превосходил в этом московского. Всё сосредоточивается около двора. Подданные, ослепленные его блеском, приучаются тем более благоговеть пред царем и чествуют его почти наравне с Богом».

Перед началом каждой церемонии наступал, по выражению Алексея Михайловича, «час красоты» — царский дворец в Кремле или дворцы в загородных усадьбах «уряжались»: украшались тканями, коврами, подушками и другими предметами, превращаясь в подобие драгоценной шкатулки; потолки, полы и стены сливались в одно сверкающее, переливающееся золотом и серебром пространство. Сукно и бархат были повсюду и заглушали звук шагов, так что участникам церемонии казалось, что они передвигаются совершенно беззвучно. Особенно пышно декорировались помещения, где происходили приемы иноземных послов. В царской Казенной палате хранились многочисленные золотые и серебряные сосуды, напольные и настольные часы, ковры и другие предметы, предназначенные исключительно для этой цели. В 1674 году кремлевский часовщик-иноземец Иван Яковлев чинил «часы большие медные, которые ставятся у великого государя в комнате на окне *при послах* (курсив наш. — Л. Ч.) с трубою и со слоном». Как видно из записок иностранных

дипломатов, они обращали пристальное внимание на оформление помещений и фиксировали все детали церемониала. Как только он завершался, ткани, ковры и всё прочее собиралось и уносилось в Казенную палату. Парадные одежды, выдаваемые участникам того или иного действия, сразу же после его окончания также возвращались в кладовые. Иностранных гостей нередко удивляла та поспешность, с которой русские прямо у них на глазах снимали с себя парчовые одеяния с жемчугами и драгоценными камнями и облачались в затрапезное платье.

Приемы иностранных послов в Москве порой резко отличались от дипломатических церемоний в Европе. Русские за границей гордо говорили, что им «не в образец» правила, действующие при европейских дворах, ибо у них есть свои, установленные их государем. Московские послы требовали, чтобы иностранный правитель не только вставал, но и снимал шляпу во время приветствия, тогда как царь вставал, не снимая венца. Когда в 1658 году венгерские послы обиделись за это на Алексея Михайловича, им разъяснили, что, поскольку у царя не шляпа, а корона, которую он не снимает даже во время церковной службы, ему тем более не пристало делать это при приеме послов. Российские дипломаты за рубежом настаивали на передаче грамот правителю той страны, куда они прибыли с официальным визитом, из рук в руки; в Москве же документы от иностранных послов принимал не сам царь, а дьяк Посольского приказа. Послам запрещалось входить во дворец со шпагами, а у царского трона всегда стояли рынды с топориками. Возмущал иностранцев и обычай московских государей умывать руки после обряда целования царской руки, не нравилось им и то, как придворные «сторожили» монаршую руку, чтобы послы при целовании не коснулись ее своими руками. Так, руку Алексея Михайловича во время ритуала целования в 1661 году поддерживал его двоюродный брат князь Яков Черкасский, а царский тесть Илья Милославский следил за тем, чтобы никто не дотронулся до нее, и всё время кивками давал понять послам, чтобы они всё делали по этикету. После этого Алексей Михайлович еще и обмыл руку, которую лобызали послы, из серебряного рукомошника — как им было не обидеться!

При царе Алексее резко возросло количество дипломатических приемов во дворце. Государь любил и сами приемы, и иностранцев, часто приглашал их на военные смотры, парадные выходы и выезды, «шествие на осляти» в Вербное воскресенье и другие праздники. Порой по его указанию для иностранных представителей ставили особый высокий шатер, из которого им была видна вся красочная картина придворного действия. Царь и сам любил устраиваться на подобных возвышениях, чтобы

полюбоваться на благочиние и красоту своих церемониалов.

Но Алексей Михайлович, надо отдать ему должное, всё же старался уйти от восточной пышности, которую европейцы называли «варварской». Он вписывал в русский чин европейские детали, в особенности польские. В росписи, посланной из Тайного приказа торговому агенту Иоганну Гебдону, от имени царя указывалось купить за границей «кружив, в каких ходит шпанской корол и французской и цесарь, протазанов, с какими перед ними и около их ходят», а также «рукавиц хороших нитяных королевских» и «королевских попон бархатных и тканых и простын хороших», «труб и литавр королевских», «мест (тронов. — Л. Ч.) королевских розных государей», «убойку полатную королевскую» (ткань для обивки стен, а также, возможно, гобелены), «кореты дорогие королевские». Новым украшением в теремах Алексея Михайловича стали «большие хоромные зеркала», также привезенные из Европы. Зеркала вообще получили широкое распространение в тогдашнем быту знати, причем им придавалось особое значение: их помещали в киоты-складни, с их помощью прочитывали надписи на иконах и картинах, выполненные в зеркальном отражении (подобные иконы были у царевны Софьи), они стали излюбленным украшением интерьеров — к примеру, их было множество в доме князя В. В. Голицына. Новшеством стала и европейская мебель. В царских дворцах теперь можно было сесть не только на лавки, но и на стулья и кресла. У Алексея Михайловича был трон польского образца с надписями на польском языке.

Тот факт, что новым предметам в придворном обиходе второй половины XVII века уделялось особое внимание, подтверждается челобитной неизвестного иностранного мастера (1683): «Я, иноземец, надеясь на вашу государскую милость, в вашем великих государей царстве вновь вещи завел, чего в предках не бывало».

Функции вещей в посольском церемониале были весьма разнообразны: центр пространства, где он происходил, обозначал царский трон, а различные предметы роскоши, расставленные на определенных местах, являлись точками притяжения внимания. Стоявшие или сидевшие в чинном порядке придворные в специально подготовленных единообразных нарядах в некотором смысле тоже превращались в «вещи», образуя линии, маркировавшие и украшавшие границы церемониального пространства. Именно так они выглядят в составленном Яковом Рейтенфельсом описании царских торжественных обедов с участием иностранных гостей: «Тогда длинные ряды более важных придворных лиц стоят, тесно сплоченные, неподвижно по всему дворцу в широких

шелковых, изукрашенных дорогими камнями одеждах...»

Вещь в русской придворной культуре была значима не только за счет своего качества — важную роль играл и количественный показатель: обилие и даже переизбыток дорогих вещей и богато одетых людей («восточная роскошь», по мнению европейцев) при оформлении церемоний стояли едва ли не на первом месте. Рейтенфельс назвал «войском Дария» выстроенные вдоль дороги при приеме польских послов в 1672 году 16 тысяч служилых людей «отборнейшей конницы и пехоты» и добавленных к ним «для усиления великолепия» бояр и московских дворян, «красовавшихся в пышных азиатских одеждах, роскошно украшенных».

Однако торжество бессловесной вещи в русском придворном обиходе нарушил тот же Алексей Михайлович, введший в него поэзию и театр. Начиная с 1664 года словесная составляющая придворных церемониалов постоянно нарастала, но всё же окончательно не вытеснила вещи. Другим «врагом» вещей оказалась их имитация, подделка, появившаяся в первом придворном театре 1672–1676 годов. Причем первая пьеса, поставленная в нем, «Артаксерово действо», еще воспринималась устроителями как очередной церемониал: царь один сидел в «зрительном зале» на троне, а бояре «обрамляли» сцену, безмолвно стоя на протяжении всего многочасового действия. Поэтому и вещи, использованные при постановке первой «комидии», были подлинными: короны взяты из казны, костюмы сшиты из дорогих мехов, бархатных и шелковых тканей и пр. Однако уже во второй постановке, «Иудифи», устроители начали использовать бутафорию. Блеск вещи оказался важнее ее подлинности, что не могло не повлиять на оформление придворных церемоний. В дальнейшем имитации золота и серебра использовались в них очень широко. Например, для украшения стрелецких кафтанов, сшитых для очередного важного события, закупили так называемые польские нашивки, представлявшие собой поперечные полоски из золотистой тесьмы с отверстиями для пуговиц. От обычных нашивок они отличались цветом и особым изяществом изготовления.

Вещь в придворной культуре XVII века должна была демонстрировать уже не только мощь и богатство русского царя, но и его близость к европейской культуре, знание технических и культурных новинок Запада, просвещенность и любовь к науке, стремление к новизне и т. д. С развитием вербального искусства (придворных поэзии и театра) люди-«вещи» начали обретать новые функции: теперь они уже не безмолвно обрамляли пространство, а участвовали в декламациях и песнопениях, разыгрывали театральные действия. На смену Средневековью

приходило Новое время с доминированием европейских культурных норм.

Приемы иностранных послов, превратившиеся при Алексее Михайловиче в грандиозные празднества, несколько поугасли при Федоре Алексеевиче. Не было уже прежнего любования государем: хрупкая фигура юноши-царя не шла ни в какое сравнение с величественной и степенной фигурой его отца. Свидетельства о посольских приемах в 1676–1682 годах немногочисленны, но отражают смелые новации в поведении государя. Он мог вручить иностранному дипломату несколько русских книг — в качестве подарка «в память о царе и для практики в русском языке». Именно такой презент получил в декабре 1681 года во время прощальной аудиенции датский посол Гильдебрант фон Горн: целых 12 прекрасно переплетенных книг на русском языке. Богемец Бернгард Таннер, казначей польского посольства 1678 года, оставил описание не только приема послов, но и выездов царя на богомолье и загородные прогулки: катание верхом, посещение сада, устроенного рядом с Немецкой слободой «на итальянский лад».

Таннер, сопровождавший царя в поездках, сообщает, что этот сад так понравился Федору, что он ездил туда каждую неделю. Не прошло незамеченным для поляка и особое пристрастие молодого государя к лошадям и красивой одежде.

Некоторое оживление дипломатической жизни в Москве намечается с 1679 года, когда молодой царь начал проявлять устойчивый интерес к международным делам. Федор Алексеевич считал необходимым укрепить связи с Речью Посполитой и заключить с ней союз. Не найдя в этом вопросе поддержки у бояр, он вызывает А. Л. Ордина-Нащокина и поручает ему разработать статьи союзного договора. Ордин еще в бытность главой Посольского приказа при Алексее Михайловиче считал союз с Польшей более предпочтительным, нежели со Швецией, и требовал выполнения русской стороной всех договоренностей Андрусовского перемирия 1667 года, за что и был отправлен в отставку. Он давно уже жил в Крыпецком монастыре, приняв постриг под именем старца Антония. Идея русско-польского военного союза была по-прежнему близка ему, но по-прежнему чужда членам Боярской думы. Прибывшим в Москву польским дипломатам был устроен не просто роскошный, а сердечный прием: царь предстал перед ними одетым в польский кафтан, явно давая понять, что готов признать Польшу старшим участником предстоящего союза. Но «вечный мир» с Польшей так и не был заключен при его жизни — это случилось уже в регентство царевны Софьи в 1686 году.

«Ратного строя николи же позабывайте»

Авторство этого совета, высказанного в «Уряднике сокольничья пути», безусловно, принадлежит самому Алексею Михайловичу, а сам совет прекрасно вписывается в систему его взглядов на государеву службу. Он постоянно требовал от своего воинства исполнять царские указы, во-первых, «не мешкая», во-вторых, с «урядством» (в должном порядке) и, в-третьих, радостно. Последнее требование кажется удивительным только на первый взгляд, ведь царь считал радость от службы одной из общехристианских норм жизни. Например, весной 1654 года перед началом русско-польской войны он наставлял воеводу князя А. Н. Трубецкого: «Заповеди Божии соблюдайте и дела наши с радостью исправляйте; творите суд в правду, будьте милостивы, странноприимцы, больных питатели, во всём любовны, примирительны, а врагов Божиих и наших не щадите, да не будут их ради правые опорочены».

Ратное дело было исконно государевым. Правда, к XVII столетию уже устоялось представление, что царь не обязан быть полководцем, возглавлять военные походы, как исстари водилось среди великих князей; его задача — руководить действиями армии, оценивать ситуацию в целом и давать важнейшие указания. Из первых Романовых лишь Алексей Михайлович участвовал в военных походах, но все они прошли обучение военному делу, включенное в программу подготовки наследников престола. «...Храброму учению навычен и к воинскому ратному рыцарскому строю хотение держит большое по своему государскому чину и достоянию, выезжая в поле сам тешится и велит себя тешить своим ближним людям служилым строем; играют перед ним дровками, стреляют из луков и пищалей», — рассказывали за границей русские послы об Алексее Михайловиче.

Смутное время показало отсталость русского войска и по части вооружения, и в плане тактики ведения боя. Новое правительство должно было приняться за реформирование армии. За образец были взяты воинские подразделения европейских держав. В полках «иноземного строя» вместо сотен создавались роты по 200 человек (120 мушкетеров и 80 копейщиков). Уже в 1630 году было начато формирование двух пехотных полков по 1600 солдат (восемь рот) — вначале из беспоместных детей боярских (провинциальных дворян), но поскольку их оказалось всего 60 человек, в полки стали набирать казаков, татар и прочих «охочих людей».

Во главе полка стоял полковник, затем шли полковой большой поручик, майор, капитаны, поручики, сержанты — всего 176 «начальных людей». Укомплектованные полки отправляли на «ратное учение» под начало иностранцев. В 1632 году было создано еще четыре солдатских полка и один рейтарский (конный). Потребность в новых частях обострилась в связи со Смоленской войной (1632–1634); к ее окончанию в русской армии насчитывалось уже десять полков нового строя общей численностью 17 тысяч человек. Но это были еще не регулярные войска — сразу же после войны они были распущены.

Трудно сказать, насколько все эти перемены в военном деле волновали Михаила Федоровича, но, без сомнения, он принимал участие в обсуждении вопроса о создании новых полков. На время его правления приходится также формирование драгунских и солдатских полков для охраны южных границ от набегов орд крымского хана. В 1630-х годах шло интенсивное укрепление Засечной черты, строились новые крепости. В 1638 году, когда угроза войны с Крымом стала реальной, был издан указ о возвращении в службу солдат и рейтар, участвовавших в Смоленской войне. В пограничные подразделения набрали драгун и солдат, каждую весну на военных сборах проходивших обучение. Борьба с набегами крымских татар, грабивших русские поселения и уводивших жителей, продаваемых затем в рабство, отнимала много сил. Постоянная опасность вторжения крымчан, несшихся на степных лошадях с кличем «Олай!» и наводивших ужас на население, породила поговорку, внесенную в составленный в XVII столетии сборник пословиц и поговорок: «Олай-булай — крымские песни, с ними и тресни!»

Стройность и маневренность новых полков произвели на Михаила Федоровича столь сильное впечатление, что уже на рубеже 1630–1640-х годов при дворе начинают регулярно устраивать парады рейтарских и солдатских полков, проводить их смотры, до деталей следуя принятым в Европе обычаям. Сами же полки «иноземного строя», в свою очередь, стали образцом строевой подготовки, которому начали подражать московские стрельцы.

При Алексее Михайловиче в ратное дело были внесены коррективы, инициатива которых исходила по большей части лично от царя. Продолжилось формирование полков «иноземного строя», хотя и традиционные дворянские сотни продолжали существовать. В Соборном уложении фиксировалось, что «новичков» верстали в службу «по отечеству» начиная с восемнадцати лет. Но число служилых «по отечеству» постоянно сокращалось, а число солдат росло. Так, в 1651 году из дворян и детей

боярских в новых полках служило только 4,5 процента, а в 1672-м — уже 50,3 процента. В 1649 году были созданы полки для охраны северо-западной границы. Новым был не только набор «даточных людей» — крестьян, но и их обеспечение: если дворянское ополчение складывалось из отрядов, приводимых каждым помещиком, обязанным являться «конно, людно и оружно», то полки «иноземного строя» содержались (хотя и не постоянно) за государственный счет: солдаты начали получать пятирублевое денежное жалование, а также порох, пищали и пр.

Царь захотел внести в военное дело, как и во все остальные дела, чинность и благолепие. Первые нововведения Тишайшего касались утверждения в войсках благочестия. В самом начале царствования он указал заменить рисунки на знаменах полков «иноземного строя» по лично им созданному образцу: вместо разношерстных изображений теперь вверху знамени у древка помещался восьмиконечный православный крест. Это, с точки зрения Алексея Михайловича, резко повышало статус знаменосца, поэтому он указал, чтобы дворяне несли не только главные полковые стяги, но и сотенные знамена. В 1646 году Боярская дума, следуя этому указу, определила в знаменщики родовитых дворян. Однако эта перемена вызвала местнические жалобы, поскольку знаменосцы теперь оказались наравне («в версту») с сотенными головами. Тогда Алексей Михайлович отдал указание: «Быти головам и знаменщиком у сотен без мест (то есть без учета родовитости. —Л. Ч.) и промышляти государевым делом в сотне голове и знаменщику вместе соопча заодин»; если же кто-то посмеет обижать («бесчестить») знаменосцев, то отправится в Сибирь. Знаменщикам повысили оклад, а также придали специальных людей, возивших знамя между боями.

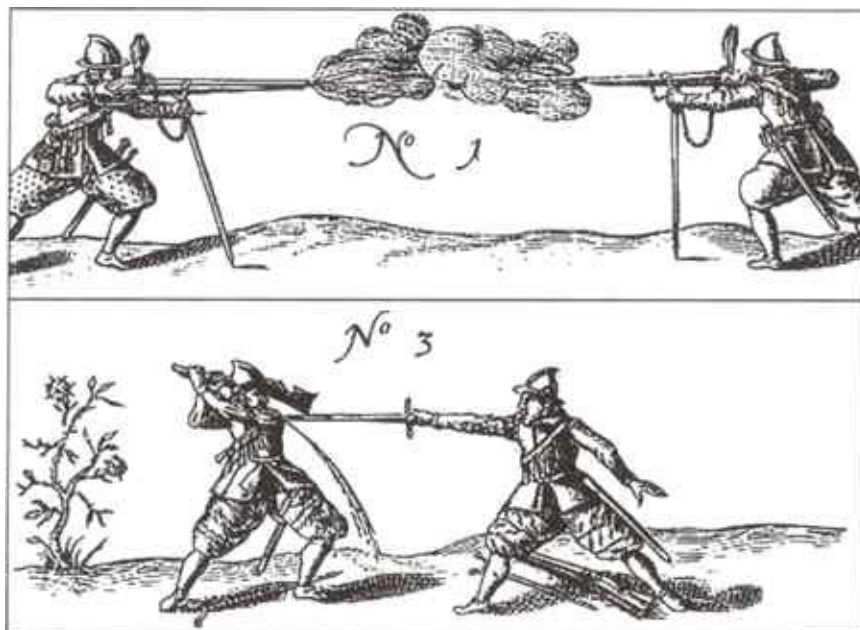
Государь распорядился благословлять воинство крестом с частицами чудотворных мощей, уподобляя его кресту византийского императора Константина Великого, с которым тот побеждал в битвах. Отправляясь в 1655 году в свой второй военный поход, он испросил благословение крестом с частицами Животворящего Древа Господня не только у патриарха Московского, но и у гостившего в Москве патриарха Антиохийского.

Но Алексей Михайлович не ограничился подобными нововведениями. Он захотел проникнуть в суть устройства иноземных полков. С этой целью было переведено с немецкого и издано в 1647 году «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» — устав, составленный Иоганном Якоби фон Вальхаузеном. Книга не очень подходила для обучения в силу тяжеловесности перевода и громоздкости описания простых действий

пищальников, но с учетом основательного подхода царя к изучению иноземного строя сыграла определенную роль. Хорошо обученные рейтарские полки произвели на царя прекрасное впечатление во время встречи польских послов в августе 1649 года: «радовал глаз» недавно сформированный полк под руководством голландца Исаака Фанбуковена, который «урядно» стоял «рейтарским строем» под новыми красными и белыми штандартами. Рядом с ним на добрых аргамаках красовались московские сотни, одетые в цветное платье, с саблями...

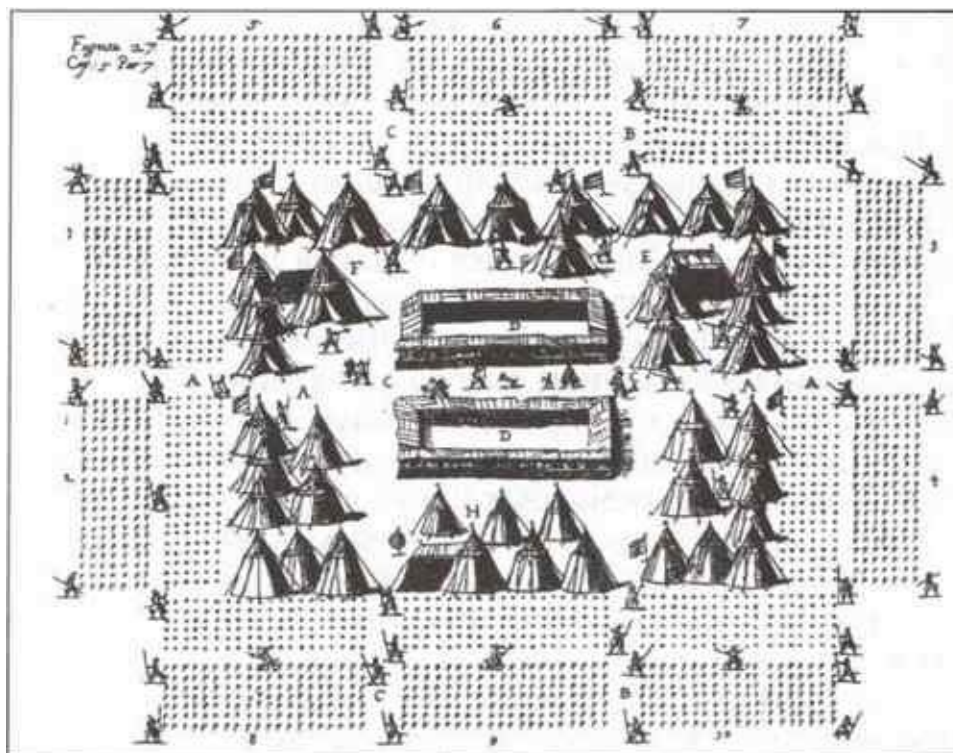
Свои теоретические рассуждения о ратном деле царь Алексей смог проверить на практике. Он трижды в течение 1654–1656 годов ходил в военные походы, хотя в сражениях и штурмах непосредственного участия не принимал. К первому походу он начал готовиться загодя и очень обстоятельно, как делал всё и всегда. Неизбежность войны с поляками стала очевидной после Переяславской рады 1654 года, принявшей решение о присоединении Украины к России. Речь Посполитая распадалась на глазах, и польский король поспешил нарушить Поляновский договор о «вечном мире».

Алексей Михайлович, видя «нелюбовь» польского короля, начал планировать и расписывать по «статьям» действия русских полков. Особое внимание «чиннейший» монарх придавал соблюдению православных обрядов, соединив их с придворным церемониалом и европейскими военными обычаями. Царь разработал оригинальные ритуалы благословения воевод, вручения царских наказов и списков ратных людей, торжественного выхода войск из Кремля.

Приемы обращения с огнестрельным и холодным оружием (вверху). Походный полковой стан (внизу).

Гравюры из книги И. фон Вальхаузена

Четырнадцатого февраля 1654 года, во время торжеств в честь рождения царевича Алексея, было объявлено о походе против польского короля. Особо оговаривалось «безместие» всех участников дела. Первым 27 февраля из Москвы отправился «большой наряд» — тяжелая осадная артиллерия, чтобы успеть до весенней распутицы достичь Смоленска. Затем выступил полк князя А. Н. Трубецкого. Его проводы были обставлены по новому, составленному царем чину. В Успенском соборе патриарх Никон отслужил литургию. Государь торжественно передал предстоятелю воеводский наказ, который тот положил на несколько минут в киот иконы Владимирской Богоматери, а затем вручил первому воеводе князю Трубецкому. Начался обряд целования царской руки, к которой были допущены все ратники Большого полка. Трое окольных обеспечивали порядок при проведении церемонии, а царица Мария Ильинична, скрытая от посторонних глаз за «запоною», безмолвно наблюдала за происходящим. Из Успенского собора все проследовали во дворец «хлеба ести» за царским столом. Во время обеда государь посылал гостям «Богородицыну» чашу, испрашивая особое покровительство Богоматери своим ратникам в предстоящей войне. В ответ на напутствие монарха полковник Трубецкой произнес речь, назвав государя «отцом и учителем», «от душевных и полезных учительных слов которого воины напитались, какова источника живых вод искали, такова и обрели», подчеркнув: «Мы же не токмо телесныя снеди напитались от твоих царских уст, но и душевныя пищи премудрых и пресладких глагол Божиих, исходящих ото уст твоих царских, обвеселилися душами и сердцами своими». При этом в описании сцены подчеркивалось, что князь свою речь «молвил ясно», но «тихо, опасно, с радостными слезами».

Угощение завершилось повторным целованием царской руки: воеводы «един за единым благочинно» подступали к царю. В это время произошел трогательный эпизод: когда к монаршей деснице прикладывался князь Трубецкой, Алексей Михайлович от чувств прижал его голову к своей груди в знак особой милости, подчеркнув тем самым оказываемую первому воеводе честь — не только по его «старшинству», но и «зане многими сединами украшен и зело муж благоговеин». Князь не отходил от государя до тех пор, пока многократно не поклонился ему до земли за оказанную

честь. Можно ручаться за точность воспроизведения событий, поскольку после церемонии царь лично прочитал и отредактировал запись прощального чина. Он зачеркнул слова: «...видя премногую и прещедрую милость к себе, паки главою на землю ударяется» — и надписал сверху: «...поклонился со слезами до земли до тридесят крат».

После пира у Постельного крыльца царь жаловал простых воинов «ковшом с белым медом». При прощании с входившими в Большой полк ярославцами Алексей Михайлович произнес речь о «неправдах» польских королей, преследовании православных на землях Речи Посполитой, не забыв призвать воинов исполнять свой долг с «радостью» и усердием» (эти слова царь собственноручно вписал в текст чина прощания) и добавить, что скоро присоединится к ним и «с радостью всякие раны примет». Естественно, в ответ ярославцы дали обещание стоять насмерть, на что услышали от государя: «Обещаетесь, предобрые мои воины, на смерть: но Господь Бог за ваше доброе хотение дарует вам живот, а мы готовы будем за вашу службу всякого милостию жаловати».

В мае на войну отправились полки Никиты Ивановича Одоевского, Якова Куденетовича Черкасского, Михаила Михайловича Темкина-Ростовского. За ними 18 мая 1654 года последовал и государев полк во главе с «дворовым воеводой» Борисом Ивановичем Морозовым. Примечательно, что для царского полка были привезены из монастырских хранилищ старинные кольчуги, «пансыри», латы, шлемы-шишаки и низкие шапки-мисюрки с закрывавшими шею и плечи кольчужными бармицами — «всякая ратная збуря». Эти доспехи не могли использоваться в боях, но имели особый смысл для Алексея Михайловича, видевшего в них символы прежних побед русского оружия. Старинные доспехи были надеты на царедворцев, практически в полном составе выступивших в поход вместе с государем. Государев полк был столь многочислен, что не успел за день выйти из Москвы и 67 его сотен заночевали на Девичьем поле и весь следующий день покидали столицу.

Выход войск порадовал царя чинностью, а сами они — боевым видом. Алексей Михайлович покидал Москву в предчувствии побед русского оружия. Но если бы он мог предвидеть, какой встретит его столица через девять месяцев по возвращении из похода! За это время действительно была одержана крупная победа — сдался Смоленск, но в самой столице моровое поветрие унесло жизни сотни тысяч москвичей, дома опустели, и весной встречать царские полки было практически некому. Конечно, стрельцы по-прежнему расчищали дорогу перед государем, все оставшиеся в городе жители высыпали на улицы, но общая картина была удручающей.

Патриарх Никон описал город после чумы в послании Алексею Михайловичу: «Непрестанно смотря, плакал. Великие пути в малу стезю потлачены, дороги покрыты снеги и некем суть не следимы, разве от пес». Эта картина нетронутых снегов между домами, вероятно, всё время стояла перед глазами царя. По словам свидетеля царского въезда в Кремль Павла Алеппского, при виде сгоревшей Фроловской башни с упавшим колоколом Алексей Михайлович стал «проливать обильные слезы». И хотя все традиционные составляющие торжественного въезда были соблюдены — духовенство во главе с патриархом Никоном встретило царя у ворот Земляного города, посадские люди поднесли хлеб-соль, солдаты двигались стройными рядами по трое, знамена с двуглавыми орлами и образами Богоматери, Спаса, архангела Михаила, Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского украшали ратный строй, — но всё же в Кремль царь вошел пешком, без головного убора, победителем в трауре. Проходя мимо кремлевских монастырей, он увидел, что число иноков и инокинь, вышедших встречать его, сократилось в десять раз. Игуменья Вознесенского монастыря и две монахини поднесли царю большой каравай черного хлеба, который он поцеловал, и икону Вознесения. Государь трижды поклонился в землю иконам над воротами монастыря и кивнул монахиням, те, в свою очередь, отвесили царю земной поклон. Алексей Михайлович бок о бок с патриархом Никоном проследовал в Успенский собор, где отстоял вечерню, и только после этого наконец-то поднялся в «Верх» — Теремной дворец...

Но до возвращения из похода прошла, казалось, целая эпоха. Походная жизнь была не в новинку Алексею Михайловичу, часто устраивавшему смотри войска и выезжавшему на охоту, да и условия, которые создавались для него в пути, были вполне комфортными; но, несмотря на это, первый военный поход запомнился ему навсегда. Он ощущал себя полководцем, считал, что вершит «Божье дело», и чувствовал личную ответственность за жизни своих служилых людей. Множество чувств и эмоций вызвал этот поход на Смоленск, множество мыслей родилось в голове монарха в результате увиденного и пережитого. Алексей Михайлович всегда был занят: то принимал донесения, то отдавал приказы, то читал письма от сестер или патриарха, то составлял ответы на послания и указания разным лицам. Его волновало всё, что происходило вокруг. Узнав еще до похода, что служилые в полках, расположенных на западной границе Московского царства, одеваются на европейский манер, он потребовал, чтобы «русских людей никакое человек в полском и немецком платье не ходил для того, чтоб из литовские стороны лазутчики и всякие воровские люди знатны

были». Теперь же царь лично контролировал исполнение своего указа. Беспокоили государя и мысли о «малодушных и двоедушных воеводах», из-за которых численное превосходство русских могло не принести победы, ибо «с иным человеком рать содержится, и единым словом без повороту расстраивается». Свою задачу он видел в постоянном контроле над служилыми людьми и приободрении их, укреплении веры в победу.

В военном лагере царь продолжал жить, как привык, в строгом соответствии с церковным благочинием и требовал, чтобы и войска жили по тем же правилам. Постоянно совершались молебны, крестные ходы, причащения, окропления святой водой ратников и пушек, поклонение чудотворным образам, подаренным царем полкам, и т. п. Перед боем все просили «у Господа, Богоматери и всех небесных сил помощи», святили воду и «кропили государевых ратных людей». Накануне решающего штурма Смоленска «по государеву указу митрополит и власти со всем освященным собором со кресты и со иконами ходили около всего города».

Второй поход царя в 1655 году мало отличался от предыдущего в смысле поведения и образа жизни монарха. Алексей Михайлович внес лишь небольшие коррективы. Так, указ о том, чтобы военачальникам «быти без мест», он скрепил своей подписью, хотя ранее указы государями не подписывались. Царь был уверен, что его подпись придаст документу куда большую силу. «...Наша царская рука будет в разрядной книге потому, что в нынешней службе мест нет и быть всем без мест». Видимо, в предыдущем походе местнические дразги всё же бывали, поэтому Алексей Михайлович, ничего не делавший без причины, со свойственной ему настойчивостью подчеркнул принятое еще при Иване Грозном постановление о «безместии» во время военных действий.

Выход передовых полков был сопровождается совместным посланием царя и антиохийского патриарха: «И мы, Великий государь... в помощь послали к вам сего Непобедимого в воеводах Воеводу и в победах Победу. И аще веруете всею душою и сердцем и всем помышлением своим, вспоминая заповедь святого Евангелия Спаса нашего Иисуса Христа: «Вся аще молящая просите, веруйте, емлете и будет вам», и мы, Великий государь, той же заповеди евангелской последуем. Уповайте и не убойтесь страха человеческого, идеже не бе страха! Ей, будет вам, и не могут стати противу страшного и грозного сего Воеводы, Честного и Животворящего Креста Господня, и вси падут пред лицом Его, яко прах, и без ве[сти] будут! Ей, збыться пророческое проречение: «Един гонит тысящу, а два тьму!»! Ей, велий Господь наш, и велия крепость Его, и разуму Его несть числа! И вам бы, бояром нашим и воеводам и всем чиновным и всяким ратным людям

паче уп[овать] безо всякого сомнения и на всяком месте за милостию Божию поб[едить] сим Оружием Непобедимым враги наши до конца».

Войска собрались в марте в Вязьме, оттуда выступили в Смоленск, под которым задержались до мая из-за нехватки продовольствия. Перед началом майского наступления государь снова обратился к служилым людям:

«Если король не вспомнит Бога, не признается к нам, великому государю, в своей неправде и не станет мириться так, как угодно Богу и нам, то мы, великий государь, прося милости у Бога и у претрашные и грозные воеводы Пресвятые Богородицы, которая изволила своим образом и до днесь воевать их Литовскую и Польскую землю, и не могут нигде противу нее стати, ибо писано: лихо против рожна прати... Будем зимовать сами и воевать... и как, даст Бог, перейдем за реку Березину, то укажем вам везти хлеб и животину брать в приставство. И вам бы служить, не щадя голов своих; а деревень бы не жечь для того, что те деревни вам же пригодятся на хлеб и на пристанище. А кто станет жечь, и тому быть во всяком разорении и ссылке. И вам бы потщитъ с верою и правдою, от всего чистого сердца, с радостью, безо всякого сумнения, безо всякого ворчания, и переговоров бы о том отнюдь не было: кто скуден, тот пусть милости просит у государя, а не ворчит и не бежит со службы. А кто будет с радостью нам служить до отпуску, тот увидит, какая ему государская милость будет».

В этом обращении поражает соединение высокого и низкого «штилей», когда выступление врагов против Богородицы сравнивается с поговоркой «лихо против рожна прати», а призыв служить с «чистым сердцем» и с «радостью» дополняется угрозой сурового наказания за их отсутствие. Упомянутые в обращении факты «ворчания» и бегства со службы свидетельствуют об отнюдь не простой ситуации, в которой оказалось царское войско весной 1655 года.

В июле того же года в войну с Россией вступила Швеция, страшно боявшаяся продвижения русских и жаждавшая получить польские земли в свое владение. Великий литовский гетман Януш Радзивилл признал протекторат над Великим княжеством Литовским шведского короля Карла X Густава, тем самым отдавая под его власть захваченные русскими войсками белорусские города и крепости. Теперь война шла на два фронта,

что заставило Россию искать мира с поляками, но те тянули с переговорами, не торопясь заключать перемирие. Тем не менее 1655 год закончился для Москвы удачно: благодаря успешным действиям войск украинского гетмана Богдана Хмельницкого и русских полков были взяты новые опорные пункты на западе Белой Руси. Алексей Михайлович поспешил закрепить эти завоевания в своем титуле: 19 сентября 1655 года последовал указ о его титуловании «Всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем».

В октябре царь засобирался домой. То, как сильно он соскучился по дому и семье, чувствуется в каждом слове его писем «светам моим». Но продвижение войск из Шклова в Быхов затянулось, и лишь в декабре государь смог обрадовать родственников: «А я наскоро еду, готовтеся с радостью восприяти меня, грешнаго». В Москву царь въехал «на белом коне» — он был одет в длинную и широкую белую соболью шубу, прикрывавшую круп коня, которого под уздцы вели сибирский царевич Иш-Салтан, в крещении Алексей Алексеевич, и Федор Михайлович Ртищев. Последний заслужил эту честь тем, что первым и по собственной инициативе добился от литовской шляхты признания нового царского титула! Встречали победителя сразу три патриарха — Московский, Иерусалимский и Антиохийский. У Лобного места царь остановился и обратился к народу с традиционным здравствованием, получив в ответ низкий поклон от всех присутствовавших на площади. В Кремль Алексей Михайлович вошел пешком, с непокрытой головой, хотя уже стоял мороз. Это был настоящий триумф, пролившийся бальзамом на сердце «чиннейшего». Однако на этом победы закончились.

Третий поход Алексея Михайловича, на Ригу в 1656 году, был настолько тяжелым, что напрочь отбил у него охоту лично участвовать в боевых действиях. Больше царь в походы не ходил, а лишь посылал множество указов и требовал постоянно информировать его обо всём происходившем на фронте. Война со Швецией закончилась в 1658 году подписанием мира на прежних условиях крайне невыгодного для России Столбовского договора 1617 года, лишившего ее выхода к морю. 24 октября 1656 года военные действия против поляков были прерваны перемирием, которое было необходимо как полякам, так и русским, вынужденным воевать на два фронта — и даже на три, если учитывать набеги крымских татар на южные рубежи, учащавшиеся, как только Засечная черта ослабевала из-за ухода русских частей на запад. Чтобы склонить Алексея Михайловича к перемирию, польские дипломаты прибегли к испытанному средству — пообещали избрать его своим королем после смерти Яна

Казимира. Это предложение, естественно, очень льстило царю, при его тщеславии и любви к государеву чину; но, вероятно, Алексей Михайлович не очень-то поверил в польские «басни». Из его комментариев по поводу действий поляков и шведов видно, насколько возмужал государь и набрался военного, политического да и просто житейского опыта. В частности, он хорошо понимал, что шведы сильно испугались продвижения русских на запад и именно этот испуг, а не те резоны, которые высказывали дипломаты, двигал ими. Он не принимал слова иностранных послов за чистую монету. В результате война с Польшей продолжалась с переменным успехом до 1667 года, но зато завершилась окончательным присоединением Левобережной Украины и Киева.

Об участии Алексея Михайловича в принятии стратегических и политических решений в последние годы русско-польской войны говорят его многочисленные письма. Правда, часто в них содержатся советы сугубо религиозного порядка, как будто их давал не государь, а полковой священник.

В 1659 году после провала поспешного штурма Мстиславля он отправил наказ его руководителю князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому с суровым выговором за сокрытие потерь: «...от нас, Великого государя, неутаимая хотел утаить... От века того не слыхано, чтобы природные холопи Государю своему в ратном деле в находках и потерьках писали неправдою и лгали». Упрекал царь воеводу также за гордыню и самонадеянность: «...вздумал приступить к городу Мстиславлю собою... своею гордостью», понадеявшись на «свое человечество и дородство, кроме Бога, а Божественная писания не вспомянул». Главная вина окольного заключалась в том, что он не испросил разрешение на штурм от царя! Далее в наказе Алексей Михайлович подробно наставлял полководца, как готовиться к наступлению, и вот тут-то проступает не военная натура царя, а его проповедническая сущность: «В начале тебе достоин внутри себя прийти и сокрушити сердце свое пред Богом, и восплакать горце в храмине своей тайно»; затем следует вознести молитвы Богу, Богородице и всем святым, чтобы «сотворили молитву ко Господу Богу за вас, воевод, и за всех наших Великого государя ратных людей, во еже помощи вам и спасти вас от всякого вреда... а не на свое высокоумие полагацца!». Еще один совет Тишайшего — «умыть нози святым и странним», поскольку они — наилучшие молитвенники за людей; царь даже называет их «меньшей братией Христовой», «страждущей вправду за нас, Великого государя, не жалея живота своего, на бoех и на приступах телом своим обагряются до крови, и не точию до крови, но и до самыя

смерти понуждают себя страдати». (Алексей Михайлович неоднократно прибегал к этому способу снискать Божье благоволение. Именно так он поступил при освящении новых садов в Измайлове — приказал в Троице-Сергиевой обители тайно омыть водой ноги больничных старцев и этой водой окропить измайловские сады!) В конце своего наказа царь делает закономерный вывод: «Покаянию, молитве, милостине, страннолюбию не может никакой неприятель сопротив стати: ни агаряне, ни сам адский князь, — все окрест бегают и трепещут!» Победа дается Богом за смирение... К этому тезису царя многие воеводы приноровились и в своих грамотах загодя смиренно предупреждали, что не могут гарантировать победу, ибо как Бог соблаговолит, так и будет.

Еще в 1658 году Алексей Михайлович приказал ввести в войсках новый клич, которым в 1608–1610 годах пользовались защитники Троице-Сергиева монастыря, отстоявшие обитель от поляков. Теперь шедшие в наступление или на штурм солдаты кричали «Сергиев!».

Царь верил, что это поможет победить. «А Нечая... Сергей Чудотворец дважды побил!» — писал он с восторгом князю Ю. А. Долгорукову и среди зимы 1659 года отправился в Троице-Сергиев монастырь лично благодарить святого за помощь.

В том же духе были и другие предложения государя по усилению боеспособности русского войска. Занятые города он хотел переименовать то в Борисоглебск в честь святых воинов-покровителей Бориса и Глеба, то в «Дмитриев царевичев город», поскольку во сне ему явился угличский царевич. В захваченных крепостях он приказывал строить церкви особого посвящения. Так, получив в 1660 году известие о взятии Бреста, Алексей Михайлович распорядился построить там храм в честь Богоявления, поскольку штурм был в канун этого праздника, но затем передумал и повелел освятить главный престол в честь Архистратига Михаила, а придел — в честь священномученика Афанасия Брестского — игумена Брестского Симоновского монастыря Афанасия Филипповича, живьем закопанного поляками 5 сентября 1648 года за верность православию. Однако было бы неправильно думать, что государь не мог или не хотел вникать в суть военного дела; просто вера наполняла всю его жизнь, каждый ее штрих.

Царь Алексей пристально следил за выполнением своих приказов о наступлении или отступлении. Воеводы на своей шкуре почувствовали, что лучше дожидаться царского решения, а не лезть на рожон с собственной инициативой, которая могла обернуться провалом. А если полководец не дай бог ослушивался царского приказа, наказание, как правило, было суровым. «Тишайший» монарх не терпел неподчинения, ставя его в грех.

То, какие чувства обуревали государя во время подобных столкновений, показывает письменный разнос, учиненный им Григорию Ромодановскому: «...воздаст тебе Господь Бог за твою к нам, великому государю, прямую сатанинскую службу!..и ты дело Божие и наше государево потерял, потеряет тебя самого Господь Бог!..и сам, треокаянный и безславный ненавистник рода христианского — для того, что людей не послал, — и нам верный изменник и самого истинного сатаны сын и друг диаволов, впадаешь в бездну преисподнюю, из неяже никто не возвращался. Вконец ведаем, завистниче и верный наш непослушниче, как то дело ухищренным и злопронырливым умыслом учинил...»

Справедливости ради следует сказать, что Алексей Михайлович всерьез интересовался и состоянием вооружения своей армии, и налаживанием продовольственного снабжения, и взаимоотношениями между военачальниками — всем, что касалось войны и служилых людей. Царь решил вознаградить участников всех походов и сражений русско-польской войны. Сохранились списки жалованных грамот, переводивших дворянские поместья в статус вотчин, в которых Алексей Михайлович подробно и трепетно излагал причины войны и давал оценку русским победам: «...за те досадительства з Божию помощью и надеждой христианския Пречистыя Богородицы молитвою, взяв непобедимое оружие — крест Господен, — мы, великий государь... на Полское и Литовское королевство ходили и Смоленск и Вильну и Брест и иные многие города в Литве и на Белой России поймали». В годы, когда государь не участвовал непосредственно в походах, он разрабатывал конструкцию артиллерийского орудия, о чем свидетельствует его собственноручный чертеж. Артиллерия вообще сильно занимала монарха, он уделял изучению этого вопроса массу времени и сил.

Ввиду того что отечественное производство вооружения отставало от роста численности войск, при Михаиле Федоровиче практиковалась закупка оружия за границей. Например, в 1631 году стольник Племянников и дьяк Аристов были отправлены в Европу с целью приобретения десяти тысяч мушкетов и пяти тысяч шпаг. С пушками дело обстояло несколько лучше, но всё равно нужно было значительно расширять добычу руды и производство металла. Государство начало создавать железоделательные заводы в Казани, Смоленске, на Урале, был налажен поиск новых месторождений железной руды. Уже в 1630-х годах в стране существовало до пятнадцати частных железоделательных мануфактур в Туле, Кашире, Алексине и других местах. Основным поставщиком крупнокалиберных орудий был Московский пушечный двор; помимо него пушки отливали в

Пскове, Новгороде, Устюге, Вологде, Тобольске и других городах. В 1654 году в Смоленском походе государя при численности войска в 32 500 человек было в наличии 158 орудий, из которых верховых пушек^[5] только семь, а остальные — пищали. По свидетельству Григория Котошихина, царский полк имел обычно до двухсот орудий, а остальные полки — по 50–80. В полках «иноземного строя» насчитывалось от шести до двенадцати орудий «полкового наряда». Появилась конная артиллерия, сопровождавшая драгун в бою. Кованые железные пушки постепенно вытеснялись литыми чугунными орудиями, шло усовершенствование орудийных колесных лафетов, что увеличивало тактическую маневренность артиллерии.

К концу правления Алексея Михайловича были выработаны общие требования к количеству и качеству вооружения пехоты и конницы: «...у гусар было по гусарскому древку да по паре ж пистолей, а у рейтаров по карабину да по паре ж пистолей, у всех свои добрые и к бою надежные, у стрельцов, солдат и у иных чинов пехотного строя людей мушкеты и бердыши были добрые».

Совершенно по-иному, чем отец, подходил к военному делу Федор Алексеевич. У него мы не встретим рассуждений в религиозном духе; напротив, как и во всём остальном, в этой области он проявлял рационализм и выказывал стремление навести порядок. Уже в 1678 году царь запретил верстать в рейтары и солдаты полков «иноземного строя» неимущих людей, крестьян и холопов, а также сыновей неслужилых помещиков. По его указу была составлена «Роспись перечневая ратным людям, которые во 189 (7189-м от Сотворения мира, то есть 1681-м от Рождества Христова. —Л. Ч.) году росписаны в полки по разрядам». В девяти разрядах состояли 164 600 служилых людей (соотношение пехоты и конницы — 49 и 51 процент). В том же году был издан указ о переводе старых воинских званий в новые, иноземные: «...быть из голов в полковниках, из полуголов в полуполковниках, из сотников в капитанах... против иноземского чину, как служат у гусарских и у рейтарских, и у пеших полков тех же чинов, которыми чинами пожалованы ныне, и впредь прежними чинами не именовать». 12 ноября 1680 года был издан еще один указ — «О разделении ведомства ратных людей конных и пеших между разными приказами», согласно которому стрельцы (кроме казанских и московских), городовые казаки и дети боярские переписывались в солдатскую службу и распределялись по полкам. Началось упразднение стрельцов и части поместного войска, вместо деления на сотни вводились роты и полки. В свете всех этих начинаний становится совершенно

понятной и закономерной отмена местничества в 1682 году, ведь реформированная армия настойчиво требовала новых начал в управлении.

Что касается вооружения, то и здесь вводились единообразие и порядок. Новые полки должны были иметь по 20 орудий, причем калибр «полкового наряда» уменьшался (вместо пяти-девятифунтовых пушек теперь на вооружение поступали одно-трехфунтовые), что способствовало большей подвижности артиллерии в бою. К концу XVII столетия походное войско, как правило, имело в своем распоряжении от трехсот до трехсот пятидесяти орудий. Выросло и производство русских пушек. Только тульские оружейники выпускали в год около двух тысяч пищалей.

В целом же в течение XVII века ратное дело как никакое другое претерпело изменения в сторону улучшения и вооружения и боеспособности войск. Постепенная замена старых сотен полками «иноземного строя» требовала много средств. Тут уж без государя и его казны обойтись было совершенно невозможно, так что вклад всех троих первых царей из дома Романовых в развитие этой отрасли был чрезвычайно велик.

«Ударить челом государю»

Принимать челобитные — это была основная «работа» государя. Он как гарант божественной справедливости должен был блюсти народ свой в «правде», насаждая праведный суд и карая за неправедный. Поэтому все дела, даже самые мелкие, адресовались лично монарху, но попадали, разумеется, в руки его служилых людей. В челобитных на имя государя есть некая интимность отношений между ним и подданными, доверительность обращения к «царю-батюшке», правда, в XVII столетии уже утратившая свежесть и часто воспринимаемая народом лишь как традиционная норма и не более того.

Обычай начинать любое дело с челобитья был настолько повседневным, что даже тогда, когда ни о каком челобитье речи быть не могло, оно всё равно фигурировало в качестве «зачина» того или иного предприятия — например избрания патриархом Филарета. Подробное описание всей процедуры было зафиксировано в разрядных книгах, чего ранее не делалось. Сначала царю Михаилу Федоровичу ударили челом иерусалимский патриарх Феофан и весь Освященный собор, а также государев двор и «всяких чинов люди», чтобы выбран был именно Филарет: «А на Москве на великом святительском престоле, опричь его, государя, патриархом быти некому». Челобитье завершалось обращением к царю, чтобы он, в свою очередь, просил Филарета принять святительский престол. Следующее челобитье — от имени царя, архиереев и «всех чинов людей» — было «с великим молением» обращено к Филарету. Тот по традиции сначала «многими словесы себя унижал и недостойна себя быти пастырем того великого престола нарицал» (самоуничижение также было неотъемлемой частью «чинного» принятия высокого поста) и, наконец, дал согласие.

С обращения к царю с просьбой разрешить проблему начиналось и решение важнейших государственных и политических дел. Например, в Окружной грамоте Михаила Федоровича от 5 июля 1619 года, адресованной боярину князю Ивану Хованскому, Мирону Вельяминову и дьяку Третьяку Копнину в Новгород, подробно рассказывался весь ход дела. К царю явился патриарх с Освященным собором» и «советовал» с ним о тяжком положении Московского государства, разоренного после Смуты. Затем с боярами, окольничими, думными людьми и «со всеми людьми Московского государства о всех статьях говорили, как бы то

исправить и землю устроить». Обсудив и «усоветовав», порешили послать по всем городам и весям писцов и дозорщиков для подробного описания доходов и расходов, всего недвижимого имущества. Но для того, чтобы начать его, с мест должны были прислать в столицу челобитья с изложением нужд и просьб: «А из городов изо всех, для ведомости и для устроенья указали есмя взять к Москве, выбрав из всякого города из духовных людей по человеку, да из дворян и детей боярских по два человека, добрых и разумных, да по два человека посадских людей, которые б умели рассказать обиды, и насильства, и разоренье, и чем Московскому государству полниться и ратных людей пожаловать и устроить бы Московское государство, чтоб пришло всё в достоинство». Только после этого, заключалось в грамоте, «мы, великий Государь, с отцом своим и богомольцем, святейшим патриархом Филаретом Никитичем, советовав, *по их челобитью* (курсив наш. —Л. Ч.) прося у Бога милости, учнем о Московском государстве промышляти, чтоб во всё поправить, как лучше».

Так же организовывали работу по составлению Соборного уложения. 10 июля 1648 года царь Алексей Михайлович в присутствии Боярской думы держал совет с возглавляемыми патриархом церковными иерархами о необходимости согласовать выходившие в разное время узаконения и сочинить новые. Выборные люди должны были представить челобитья со своими предложениями. Комиссия во главе с князем Никитой Ивановичем Одоевским изучала их и составляла статьи свода законов Российского государства. Было решено, что в его основу должен лечь принцип равного (бессловного) суда: «И те бы новые статьи, по тому же написать и изложите, по его государеву указу, общим советом, чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большего и до меньшего чина, суд и расправа была во всяких делах всем равно». «Государь и бояре приговорили» созвать Земский собор — по одному-два человека от дворян каждого уезда, купеческих корпораций («сотен») и горожан — выборных «добрых и смышленных людей, кому б государевы и земские дела были за обычай». Они должны были утвердить Соборное уложение, чтоб это «государево его царственное и земное дело с теми со всеми выборными людьми... на мере поставит, чтобы те все великие дела, по нынешнему его государеву указу и Соборному уложению, впредь были ничем не рушимы». Работа над Уложением длилась в течение года и двух месяцев; 3 октября 1649 года царь и Боярская дума слушали его статьи, затем их зачитали в Ответной палате выборным людям, которые их одобрили и скрепили своими подписями. Текст подписали 315 человек 48 от Боярской думы и

московского дворянства, 148 провинциальных дворян городовых, три гостя-купца, 12 выборных от московских сотен и слобод, 89 выборных посадских из городов и 15 выборных от московских стрелецких приказов.

В самом Уложении также неоднократно встречаются отсылки к челобитьям, лежавшим в основе того или иного нововведения. Так, в первой статье его 13-й главы говорилось, что учреждение Монастырского приказа последовало «по челобитью стольников, стряпчих, дворян московских, из городов дворян и детей боярских, и гостей и гостиной и суконной и иных разных сотен и слобод, и городовых торговых и посадских людей».

Уложение разъясняло порядок подачи челобитных: «А которым людям доведется о судных своих и о иных каких делех бита челом Государю, и тем людям о тех своих делех челобитныя свои подавати в приказах Бояром и Окольничим, и Думным, и всяким приказным людям, кто в котором приказе ведом. А будет ему в приказе суда не дадут, или против его челобитья указу ему не учинят, и ему о том бита челом и челобитныя подавати Государю, и то в челобитных своих описывати, что он о том деле наперед того в приказе бил челом, а указу ему в приказе не учинено». Можно было подать царю челобитную и после завершения дела в приказе, если проситель остался недоволен решением и хотел обжаловать его.

Весь процесс выработки указа об отмене местничества в 1682 году также был инициирован челобитьем, якобы поданным царю учрежденной по его указанию комиссией по ратным делам во главе с князем Василием Васильевичем Голицыным. Комиссия просила Федора Алексеевича уничтожить местничество как самую большую препону модернизации армии. Царь рассмотрел челобитье, затем обсудил проблему с патриархом и «властями» (церковными иерархами), и только потом собор служилых людей и церковников вынес окончательное решение.

Челобитье — обращение к царю с просьбой решить тот или иной вопрос — присутствовало почти во всех важнейших указах и постановлениях правительства. Так, в 1682 году после смерти царя Федора выборные люди, собранные в Москву с мест «для разбора и изравнения всяких служб и податей», были распущены по домам. В грамоте от имени нового государя Петра Алексеевича пермскому воеводе князю Федору Борятинскому о возвращении пермских выборных домой есть ключевые слова: «...об изравнении всяких служб и податей и о чем те двойники (выборные по два человека от каждого посада. —Л. Ч.) о мирских делах били челом и подавали челобитные, и о том, против их челобитья, наш великого Государя указ...прислан будет вскоре».

Наконец, на челобитьях — просьбах или жалобах — строилось всё приказное делопроизводство: чиновники их рассматривали и выносили по ним решения.

Под словами «ударить челом государю» подразумевался целый комплекс контактов подданных с высшей властью. Царь как бы возвышался над земной жизнью людей в силу своей роли наместника Бога на земле, и для его вмешательства в эту жизнь требовалось обратиться на себя высочайшее внимание. Само представление о святости власти государя провоцировало на использование в обращенных к нему челобитных устоявшихся оборотов вроде заключительной фразы: «Пожалуй, государь, умилосердися, аки Бог». Наверняка Алексею Михайловичу этот оборот ласкал слух, а вот следующий царь от него отказался. В порядок приказного делопроизводства при Федоре Алексеевиче были внесены изменения; так, вместо вышеприведенной фразы теперь следовало писать: «...для приключившегося которого праздника и для его государского многолетнего здравия». Правда, уничижительные подписи под челобитьем типа «князь Ивашка... челом бьет», подчеркивавшие незначительность, малость человека перед земным божеством, отменил лишь Петр Великий.

Челобитьем в древнерусской традиции назывались не только подача жалоб или исковых судебных заявлений, прошений о назначении на ту или иную должность, выдаче жалованных и кормовых денег или просьба о помощи, но и вообще любое обращение к государю, даже поздравление с праздником или просто приветствие его явившимися на службу придворными. Причем употребление этого термина в значении «поклон» (бить челом — кланяться до земли) встречается в летописях даже раньше, чем в значении «просьба». Словосочетание «ударить челом государю», обозначавшее любое обращение к монарху в письменной или устной форме, в XVII столетии вошло в придворный обиход и структуру ведения государевых дел как обязательная часть процедуры.

Приходо-расходные книги 1613 года сообщают, кто и как «ударил челом» — поздравил Михаила Федоровича с избранием на царство. 4 мая самые богатые российские купцы Строгановы прислали позолоченный кубок, бархат, алтабас (парчу), камку^[6] и соболей на сумму 267 рублей; 30 сентября «гости и гостиной сотни торговые люди в соболей место челом ударили 20 рублей»; в декабре муромские посадские люди Семен Черкасов с товарищами «челом ударили 15 золотых»; псковские посадские люди во главе с земским старостой Клементием Ивановым выразили свои верноподданнические чувства золотыми монетами, хлебом и другими дарами царю и его матери.

Особенно много бывало подношений от подданных на Пасху, когда по традиции каждый мог прийти «похристосоваться» с государем. Служилые и неслужилые, в особенности купечество, стремились использовать эту возможность для напоминания царю о своем существовании. Обычно число таких людей было очень значительным, перед дворцом выстраивались длинные очереди и в течение примерно месяца после Воскресения Христова государь принимал поздравления от народа. Например, на Пасху 1626 года 40 дворян московских «государю ударили челом в Комнате» и обменялись с ним подарками.

Поздравления, как правило, сопровождались подарками. Так, челобитье юноши, впервые приведенного к царю, могло включать небольшие подарки, а начиная со второй половины 1660-х годов — еще и стихотворное приветствие, которое он должен был произнести перед лицом царя. Придворный поэт Симеон Полоцкий сочинил специальные, так сказать, типовые вирши, которые так и назывались «Отрок, перво представ государю, глаголет приветство».

По праздникам подданные ударяли челом государю многочисленными подарками, в основном серебряными кубками и деньгами, и в ответ получали царское угощение — калачи, вино и пр. На прием к Алексею Михайловичу, любившему общение с людьми в самых разных формах, с поздравительным челобитьем стремились все. Русские современники оставили меньше письменных отзывов о нем, чем иноземцы, но они практически сходятся в оценках. Даже Григорий Котошихин, бежавший из страны и сделавший для шведов нелицеприятное описание русского общества, о царе высказался довольно аккуратно: «Гораздо тихий». Определение «тихий» выступает антитезой «грозному». В понятие царской «грозности» входило не только негативное, но и позитивное начало, так как государь, по представлениям народа, и должен быть грозным по отношению к врагам, сильным и суровым, чтобы защитить народ. Сам же Алексей Михайлович называл Богородицу «грозным воеводой»! «Грозными» именовали летописцы и Александра Невского, и Ивана III, но закрепилось это прозвище в истории только за Иваном IV, ставшим «грозою» не столько для чужих, сколько для своих; следовательно, негативная составляющая в этом именовании перевешивала позитивную. Известный историк С. Ф. Платонов справедливо подчеркивал, что царь был тих не умом, а добротой. Определение «тишайший» можно смело заменить определением «добрейший». Именно доброту царя Алексея и подчеркивали подданные, побывавшие у него на приеме с поздравительным челобитьем.

Глава вторая
«БЫТЬ ХОРОШИМ
ХРИСТИАНИНОМ...»

Священство и царство

Трудно переоценить значение, которое имела Церковь в Древнерусском государстве. Перенятая у Византии симфония, подразумевающая нерасторжимый союз властей светских и церковных, предопределяла их теснейшую связь. Московские государи в XVII веке крепили ее всеми возможными способами. Волею судеб отец первого царя из дома Романовых стал патриархом, что наложило особый отпечаток на взаимоотношения Церкви и государства. После Смуты авторитет царской власти был сильно поколеблен «узурпатором» Борисом Годуновым, самозванцем Лжедмитрием I, непопулярным Василием Шуйским; авторитет же Церкви, напротив, был чрезвычайно высок. Избранному царю требовалась каждодневная поддержка предстоятеля и архиереев, чтобы утвердиться на престоле, с целью ликвидации последствий Смуты проводить непопулярные меры (введение чрезвычайного налога — «пятинной деньги» и пр.). Похоже, что и в личном плане такая поддержка была жизненно необходима молодому и не уверенному в себе Михаилу Федоровичу, с радостью уступившему патриарху первенство в управлении страной.

Теперь царь в письмах обращался к Филарету официально. «Честнейшему и всесвятейшему о Бозе отцу отцем и учителю православных велений, истинному столпу благочестия, недремательну оку церковному благолепию, евангельской проповеди рачителю изрядному и достохвалному, преж убо по плоти благородному нашему отцу, ныне ж по превосходящему херувимскаго Владыки со ангелы равностоятелю и ходатаю ко всемогущему и вся содержащему, в Троице славимому Богу нашему, и того повеления и человеколюбия на нас проливающу великому господину и государю, святейшему Филарету Никитичю, Божьею милостию патриарху Московскому и всеа Руси, сын ваш, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, равноангельному вашему лицу сердечными очыма и главою, целуя вашего святительства руку и касаяся стопам вашего преподобия, челом бью» — это начало самого первого послания, написанного 25 августа 1619 года по дороге в Макарьев монастырь на Унже, куда Михаил Федорович поехал по обету на богомолье с матушкой. Старица Марфа также послала грамоту с дороги. Из сравнения этих двух посланий видно, что обращение царя к отцу-патриарху повторяет обращение его матери. И тот и другая первым делом подчеркивают

дистанцию, которая теперь разделяет родственников: Михаил Федорович пишет, что Филарет — «преж убо по плоти благородный наш отец», а старица Марфа адресует письмо «преж убо по сочетанию законного брака свету очию моею государю и супругу». Скорее всего, послание царя было составлено под диктовку матери. Конечно, высокопарный стиль обращений царя к патриарху определяется поведенческим канонам, саном того и другого. Но в частных письмах царь вполне мог ограничиваться обращением «драгий отче и государь мой», а не употреблять напыщенные определения и метафоры. Видимо, авторитет сильной и жесткой личности Филарета определял дистанцию, которую держали его родные при общении с ним.

Патриарх вершил церковные дела смело и решительно, лишь изредка прибегая к помощи и благословию предстоятелей вселенских — Константинопольского, Иерусалимского и Антиохийского. Так, например, иерусалимский патриарх Феофан приезжал в Москву на избрание Филарета в 1619 году и подписал специальную Ставленую грамоту, хотя и без его участия выбор был бы легитимен. Филарет добился, чтобы его «стольники» в правах на поместья были приравнены к служилым людям государя, подчеркивая тем самым свой статус второго государя. При нем симфония властей достигла апогея. Наконец, он потребовал называть себя не только по имени, но и по отчеству, что никогда не практиковалось по отношению к церковным иерархам. Словосочетание «патриарх Филарет Никитич» в XVII столетии наверняка резало слух.

При Алексее Михайловиче отношения светской и церковной властей прошли разные стадии, от определенного противостояния при патриархе Иосифе до полного подчинения первой и главенства второй при патриархе Никоне — правда, недолгого, до 1658 года, когда Никон покинул кафедру; затем наступил период, когда царь взял на себя управление церковными делами.

В первые семь лет царствования Алексей опирался в основном не на патриарха Иосифа, а на своего духовника, протопопа Благовещенского собора Стефана Вонифатьева. Шестнадцатилетний государь, только что потерявший отца, не нашел взаимопонимания с престарелым патриархом, не сумевшим, по-видимому, заручиться его доверием. Иосиф сильно отличался от того образа предстоятеля, который закрепился в сознании москвичей благодаря суровому и решительному Филарету. Возвышение Иосифа можно считать случайным. С 1639 года он был архимандритом Симонова монастыря и мог бы остаться им до конца жизни, если бы в 1642 году не была вытянута бумажка с его именем. Это были первые выборы

патриарха по жребию. Сначала царь собственноручно написал имена шестерых иерархов, запечатал каждую записку своей печатью и отправил на церковный собор. Их в два приема по три штуки закладывали в наперсную икону-панагию, которую носили предыдущие патриархи, клали ее перед иконой Владимирской Божией Матери, совершали молебен и затем вынимали одну из трех бумажек; в третий раз вытянули один из двух оставшихся жребиев и, не распечатывая, отправили царю, который и огласил имя нового патриарха.

Камнем преткновения между Алексеем Михайловичем и патриархом Иосифом стал вопрос об отмене церковного многогласия. Кружок «ревнителей Древлего благочестия», возглавляемый Стефаном Вонифатьевым, в который помимо царя входили архимандрит Новоспасского монастыря Никон, епископ Коломенский Павел, настоятель Казанского собора на Красной площади Иван Неронов, протопопы Аввакум, Логгин, Лазарь и Даниил, а также окольничий Федор Михайлович Ртищев, боролся за восстановление древней традиции читать и петь всю церковную службу полностью, в один голос, а не в два или три голоса одновременно в разных местах храма разные части службы. Возврат к длительной и утомительной единогласной службе, по всей видимости, не отвечал ни потребностям прихожан, ни желаниям священнослужителей. В 1649 году Иосиф созвал церковный собор, осудивший Вонифатьева за противодействие церковному синклиту, однако царь не утвердил это решение. Для Алексея Михайловича это было дело принципа: он прилагал все усилия, чтобы вернуть в храм проповедь, прекратить разговоры и смех во время богослужения, поощрял издание церковно-учительной литературы нового образца, стремился изгнать из жизни народа языческие и еретические обряды и праздники. Поначалу патриарх Иосиф поддерживал начинания ревнителей благочестия — увеличил издание богослужебной литературы, изгонял из городов скоморохов и т. п., — но затем рассорился с ними. Вонифатьев «лаял» его и весь Освященный собор за отказ от введения единогласия. Когда патриарх попросил царя наказать своего духовника за бесчестье церковных иерархов, то получил отказ. Отношения царя и предстоятеля окончательно испортились, Алексей Михайлович подыскивал нового кандидата на святительский престол, так как Иосиф был уже очень стар. Государь остановил выбор на своем «собинном друге» Никоне.

Когда дни патриарха были уже сочтены, Алексей Михайлович приходил навестить его и был страшно удивлен его «греховным» поведением: Иосиф отказывался принести покаяние и причаститься перед

кончиной, проявив, по мнению царя, малодушие и пренебрежение «правильной смертью». Для него самого понятие греха было стержневым, он искренне стремился не совершать ничего греховного, быть хорошим христианином, следовать Божьим заповедям буквально, править царское дело, избегая прегрешений. Поэтому провинившегося человека он всегда называл грешником, усиливая это понятие эпитетами типа «враг Божий», «богоненавистник», «хриstopродавец», «единомысленник сатаны», «треокаянный» и т. п. Вспыльчивый царь порой и бранился, и даже пускал в ход кулаки, но брань его почти всегда носила характер религиозных укоров за грехи; лишь изредка, видимо, доведенный до белого каления, он пускал в ход ходившие в народе выражения «дурак», «злодей», «проныра», «шпынь»,^[7] «скот» и т. д. Царь был отходчив, быстро остывал, совестился и начинал просить прощения или по крайней мере объяснять свою горячность: «..дороги ль мы пред Богом с тобою и дороги ль наши высокосердечныя мысли, доколе отвращаемся, доколе не всею душою и не всем сердцем заповеди его творим?»

Церковные дела волновали Алексея Михайловича чрезвычайно. Он поддерживал начинания всех членов кружка Вонифатьева, в особенности боярина Ртищева, ближе которого из «ревнителей» к царю был только Никон. Если Алексей Михайлович и Федор Ртищев были очень схожи по характеру и «единодушны» в устремлениях, то Никон воспринимался царем как «столп благочестия», на который можно и нужно опереться.

Выходец из мордовских крестьян, в миру звавшийся Никитой Миновым, поднялся на самую вершину церковной власти исключительно благодаря царю. Вначале он был сельским священником, а в 1635 году после смерти всех своих детей принял постриг и убедил сделать это свою жену. В силу своего тяжелого характера и религиозной нетерпимости Никон легко наживал врагов. Из Анзерского скита Соловецкого монастыря он вынужден был уйти после ссоры со старцем Елеазаром. Прожив четыре года в Кожеезерском монастыре, он был избран его игуменом и должен был в 1646 году явиться «ударить челом» недавно вступившему на престол Алексею Михайловичу. Никон сумел произвести на царя столь сильное впечатление, что тот указал ему остаться в Москве и нашел для него место архимандрита Новоспасского монастыря, где была родовая усыпальница бояр Романовых. С этого момента началась дружба молодого царя и угрюмого максималиста и ортодокса. Никон каждую пятницу навещал монарха для бесед, вошел в кружок «ревнителей» и вскоре стал для царя большим авторитетом, чем его духовник. Уже через три года, 11 марта 1649-го, во время пребывания в Москве иерусалимского патриарха Паисия

Никон был возведен в сан митрополита Новгородского и Великолуцкого. Всё окружение царя прекрасно понимало, что следующей ступенью в карьере Никона будет сан патриарха, который он и получил в 1652 году после кончины Иосифа.

Новый предстоятель потребовал от царя дать ему карт-бланш во всех церковных делах, при этом выговорил себе право вмешиваться в дела светские. Примечателен официальный титул, который был утвержден при его посвящении: «Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующего града Москвы и всеа великия и малыя и белыя России и всеа северныя страны и помориа и многих государств патриарх». Помимо него Никон имел еще и титул «великий государь», который носил Филарет, и претендовал на неограниченную власть, какой тот обладал при Михаиле Федоровиче.

Став патриархом, Никон практически сразу приступил к церковным реформам, обсуждавшимся еще в кружке «ревнителей». Многое он предпринимал, ни с кем не советуясь, «сам собою». «Что смыслил, то и ткет», — говорилось о его действиях на церковном соборе 1666–1667 годов. В народе же появилась поговорка, метко характеризовавшая патриарха: «Любит сидеть высоко, а ездить далеко».

Основная задача реформ заключалась в приведении русских богослужебных книг в соответствие с греческими и унификации обрядов, в первую очередь крестного знамения, которое с 10 июля 1653 года Никон указал осуществлять по греческому образцу — тремя перстами вместо двух, принятых Русской церковью и узаконенных Стоглавым собором в 1551 году. Троеперстие патриарх ввел своим указом, без созыва собора, что сразу же было поставлено ему на вид прежними единомышленниками, в частности протопопом Аввакумом. Остальные реформы, касавшиеся поклонов, движения крестных ходов (с запада через север, восток и юг — посолонь, то есть по солнцу, или в обратном направлении — противусолонь), написания и произнесения богослужебных текстов и т. п., принимались уже с одобрения церковных иерархов.

Не вдаваясь в подробности церковных реформ Никона, отметим только, что исследователи считают их причиной не только «нестроение» в обрядах и ошибки в текстах, но и стремление патриарха привести русское православие в единообразие с современными греческими церковными нормами и тем поставить Русскую церковь в один ряд с другими ортодоксальными церквями, что давало бы московскому патриарху основания для претензий на лидерство в православном мире. Это подтверждается и строительством Воскресенского Новоиерусалимского

монастыря под Москвой на реке Истре, переименованной Никоном в Иордан. Патриарх не просто мечтал повторить храм Гроба Господня и все остальные святыни Иерусалима — он жаждал сделать «второй Иерусалим» прекраснее первого.

Царь поддерживал реформы Никона, даже несмотря на то, что множество людей из его ближайшего окружения и придворных выступили против них. Так, его старшая сестра Ирина Михайловна не оставляла попыток вернуть старую веру. Именно она спасла протопопа Аввакума от урезания языка.

Никону очень не нравилось, что Монастырский приказ контролировал церковное землевладение, а из ведения церковного суда была изъята часть дел и передана гражданскому. Однако конфликт царя и патриарха произошел не на этой почве. Патриарх, уподобляясь папе римскому, поставил свою власть выше царской. Конечно, поначалу Тишайший сам уступил лидерство «великому государю патриарху», выразив свое отношение к нему драгоценным подарком — золотой тиарой, какой никогда еще не носили московские предстоятели (кстати, во время суда над Никоном эта тиара фигурировала в качестве доказательства его посягательства на царскую власть).

Вероятно, охлаждение между царем и патриархом нарастало постепенно. Никон брал бразды правления не только в отсутствие Алексея Михайловича в Москве, когда тот «поручал» ему страну, но и при нем. Он «продавливал» свои решения, навязывал свои мысли. Так не могло продолжаться до бесконечности. Когда война со Швецией обернулась провалом, государь припомнил, кто из приближенных настаивал на ее начале — «собинный друг» Никон. Когда на Богоявление обряд водоосвящения не исполнили дважды, вопреки указанию антиохийского патриарха Макария, то царь, узнавший об этом с большим опозданием, задался вопросом: кто посмел проигнорировать указание третьего во Вселенской иерархии православного патриарха? Всё тот же Никон! На сей раз Алексей Михайлович вышел из себя: «Мужик, невежда, блядин сын!.. Не ты мой отец, а святой патриарх Антиохийский воистину мой отец!» Правда, этот инцидент 1655 года завершился без последствий — царь как вышел из себя, так и успокоился, — но осадок-то остался, не мог не остаться!

У царя накапливалось раздражение, вызванное властностью и бесцеремонностью патриарха. Но поводом к тому, что Никон внезапно во время церковной службы в Успенском соборе покинул патриаршую кафедру, послужил тривиальный конфликт между его людьми и царскими

слугами. 6 июля во время торжественной встречи грузинского царевича Теймураза, на которую Никона «забыли» позвать, Б. М. Хитрово, расчищая дорогу кортежу важного гостя, ударил палкой патриаршего стряпчего князя Мещерского, а когда он возмутился, то получил еще один удар — в лоб, что было явным бесчестьем. И без того уязвленный предстоятель пожаловался царю и просил наказать виновного. Алексей Михайлович пообещал, но выполнять обещание не спешил. Когда через два дня, во время праздника Казанской иконы Божией Матери, он не явился на литургию в Успенский собор, Никону стало ясно, что назревает конфликт. 10 июля царь проигнорировал церковную службу в честь праздника Ризоположения, зато после заутрени в храм пришел князь Юрий Ромодановский и заявил, что Алексей Михайлович гневается на патриарха, добавив от себя, что патриарх «пренебрегает государем... называет себя великим государем, а у нас один великий государь — царь». В этих словах и была вскрыта суть конфликта. Сначала Никон попробовал возразить, что, дескать, сам царь и даровал ему этот титул, на что получил категоричный ответ: «Царь почте тебя, яко отца и пастыря, но ты не уразумел, и ныне царское величество повеле... отныне не пишешься и не называешься великим государем, а почитать тебя впредь не будет». После этих слов патриарху ничего не оставалось, как покинуть собор со словами: «Иду де». Хотя, конечно, у него была альтернатива: либо покаяться в присвоении чужой власти и притвориться смиренным, либо уйти с гордо поднятой головой. Царские «сильненькие», плотным кольцом окружавшие трон, прекрасно разбирались в характере патриарха и, скорее всего, намеренно провоцировали его. Но был момент, когда Никон колебался. Он взял бумагу и стал судорожно что-то писать, вероятно, пытаясь дать царю объяснения, но потом вдруг остановился и порвал письмо в клочья. Именно такой реакции от него и ждали придворные интриганы, да и, скорее всего, сам Алексей Михайлович.

Конечно, Никон погорячился — уехал в Новоиерусалимский монастырь, не встретившись с государем. Скорее всего, он рассчитывал, что Алексей Михайлович, поостыв, первым пойдет на примирение, но не вышло... Царский врач Самуил (Сэмюэл) Коллинс, хорошо изучивший придворные интриги, считал, что бояре всячески настраивали царя против Никона. Можно только предполагать, какое множество врагов имел он при дворе. Еще не будучи патриархом, он с такой силой давил на окружающих, что царю приходилось мягко его урезонивать. Получив полноту власти, Никон уже не сдерживался ни в гневе, ни в наказании ослушников. Первые пять лет своего пребывания на патриаршем посту он только и делал, что

подавлял сопротивление своим реформам и своей личной власти, утверждался перед царем, а за счет царя — перед боярством, церковными иерархами, народом.

Пользуясь своей властью, в 1654–1655 годах Никон провел в Москве настоящий крестовый поход против икон «франкского письма» (ренессансного стиля). Дьякон Павел Алеппский был свидетелем расправы, учиненной Никоном в Успенском соборе над иконами, написанными на западный лад: он поднимал иконы над головой, показывая присутствующим, называл имена владельцев (ими оказались высокопоставленные чины), затем с размаха бросал на каменный пол, разбивая и попирая ногами, а под конец дал указание сжечь. Однако по просьбе царя костер был заменен на сырую землю, куда были закопаны разбитые иконы. Присутствовавшие при этой экзекуции антиохийский и сербский патриархи вынуждены были по настоянию Никона предать анафеме и отлучить от церкви изографов, осмелившихся написать подобные иконы, и их покупателей, посмевших поместить их у себя в домовых церквях. Еще до этой расправы Москва узнала грозный нрав нового патриарха, приказавшего выскребать лики с икон нового письма, выкалывать глаза, стирать надписи, считавшиеся обязательным атрибутом святости образа. Разосланные по городу стрельцы показывали изуродованные иконные доски, предупреждая: «Кто отныне будет писать иконы по этому образцу, того постигнет примерное наказание». Недовольство москвичей, толпы, собиравшиеся в Кремле у Красного крыльца с «цками» (досками) от изуродованных образов, угрозы в адрес Никона — всё это явилось предысторией анафемы «франкским ликам» в Успенском соборе, доказывавшей победу патриарха в борьбе с новшествами в иконописи. Когда летом 1654 года в Москве началась чума, горожане принесли в Кремль образ Спаса Нерукотворного с выскребенным по указу Никона ликом, крича, что Господь наслал на город моровое поветрие за такое надругательство над иконами. По словам дореволюционного церковного историка Н. Ф. Каптерева, «образовались скопища, враждебные патриарху, которые покушались убить его, ибо в это время царя не было в Москве, и в городе оставалось мало войск».

При всём том Никон не чурался портретного искусства — позировал вместе с клиром датскому живописцу Даниилу Вухтерсу для группового портрета; бережно хранил в Воскресенском монастыре свое живописное изображение, приписываемое искусствоведами голландскому художнику Гансу Детерсону. Его фигура была запечатлена на большом колоколе, отлитом в 1658 году, и на тафтяном портрете — своеобразном коллаже из

кусочков шелковой ткани и живописных фрагментов.

До конфликта с Алексеем Михайловичем Никон играл большую роль в делах государственного управления, а во время войны с Польшей, когда царь отправлялся в военные походы, становился фактическим главой правительства. Теперь же царь, вместо того чтобы призвать к примирению, повелел созвать церковный собор для осуждения действий своевольного патриарха и лишения его архиерейства и даже священства. Но всё же было решено передать дело Никона на суд восточных патриархов. Алексей Михайлович попросил газского митрополита Паисия Лигарида опровергнуть католический тезис «священство выше царства» и утвердить византийский вариант симфонии властей, при котором царь как носитель святости, обусловленной богоизбранностью, становится лидером в союзе Церкви и государства. В 1662 году были посланы приглашения восточным патриархам, откликнувшись на которые в 1666 году в Москву приехали Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский.

Большой московский церковный собор 1666–1667 годов осудил «самосмышленного» предстоятеля, самовольно покинувшего престол и совершившего массу других прегрешений, лишил его сана и сослал в Ферапонтов монастырь под Вологдой. Но, несмотря на осуждение деятельности патриарха, его богослужебные реформы были признаны правильными, а их противники заклеяны. В этом был некий парадокс: Никон осужден за то, что многое делал неверно, но главное дело его жизни — реформы, вызвавшие огромное недовольство и противодействие народа вплоть до самосожжений, — было признано законным и правомерным.

Подобная неувязка не смущала участников собора, скорее всего, потому, что не смущала и царя, заинтересованного в унификации русских и греческих обрядов ничуть не меньше реформатора-патриарха.

После смерти Алексея Михайловича положение опального не улучшилось, а, напротив, ухудшилось — его перевели под более строгий надзор в Кирилло-Белозерский монастырь. Только в 1681 году тяжелобольной Никон получил разрешение вернуться в Новый Иерусалим, однако скончался по дороге. Царь Федор Алексеевич получил у восточных патриархов разрешение вернуть Никону звание патриарха посмертно.

Никона сменил Иоасаф, именно с его помощью продвигавшийся по иерархической лестнице и до избрания патриархом занимавший пост архимандрита Троице-Сергиева монастыря. Он был возведен на святительский престол незадолго до вынесения приговора опальному патрону, и так уж получилось, что в мае 1667 года именно под его председательством прошло заключительное заседание Большого собора,

принявшее постановление о преследовании старообрядцев и предании их гражданскому (государственному) суду. Для сторонников старой веры это означало резкое ужесточение наказаний вплоть до смертной казни. Иоасаф пробыл в сане патриарха недолго — до 1672 года и все пять лет верой и правдой служил царским интересам, не проявляя ни инициативы, ни воли, ни тем более упрямства. На время его патриаршества приходится появление большого количества публикаций, разъясняющих постановления Большого собора. В 1667 году вышел «Жезл правления» Симеона Полоцкого, в котором ученый монах упрекал сторонников старой веры в «неразумии», «слепоте зрящих на солнце», а по сути — в отсутствии рационального взгляда на вещи; в том же году было опубликовано «Сказание о соборных деяниях». В следующем году было написано увещевание, разъясняющее решения Большого московского собора, — «Глас к священноначальникам», а также «Выписка от Божиих писаний о благолепном писании икон и обличение на неистово пишущих оные», в которой речь шла в основном о недопустимости изображения святых с двуперстным сложением пальцев десницы. В другие издания того времени (служебник, Триодь постная, Триодь цветная и др.) также вошли отдельные постановления против старообрядцев. Одни грамоты публиковались от имени Иоасафа и церковного собора, другие — от имени трех патриархов: Иоасафа, Паисия и Макария. Известно также воззвание Иоасафа к царю с просьбой о защите Церкви от раскольников.

Следующий патриарх, Иоаким (в миру Иван Савелов), происходил из дворян и начал военную карьеру, но, овдовев в молодости, постригся в монахи. Он довольно быстро восходил по карьерной лестнице: в 1657 году стал строителем Валдайского Иверского монастыря, не побоялся примкнуть к опальному Никону и стать «строителем» Новоиерусалимского монастыря (1661), но вскоре оказался келарем московского Новоспасского монастыря, а затем и архимандритом Чудова в Кремле (1664). В 1672 году он уже митрополит Новгородский, а еще через два года — «милостию Божию Патриарх царствующего великаго града Москвы и всея России». В его возвышении на первом этапе сыграл роль Никон, а впоследствии — Алексей Михайлович и Артамон Матвеев, поскольку в бытность главой кремлевского монастыря он часто общался и с тем и с другим и произвел на обоих благоприятное впечатление. Иоаким напоминал неукротимого Никона — мог стоять «за правду» до конца, невзирая на лица.

Он пережил двух царей и скончался в 1690 году. С Алексеем Михайловичем у него были сложные отношения. Он не боялся конфликтов и шел напролом: в ноябре 1674 года, уличив протопопа Благовещенского

собора Андрея Савинова в прелюбодействе, арестовал его и посадил на цепь. Царь упросил патриарха не доводить дело своего духовника до суда Освященного собора.

С Федором Алексеевичем отношения у Иоакима были уже куда стабильнее, но всё же не его, а опального Никона реформаторы планировали сделать «российским папой». Интерес к судьбе осужденного и сосланного Никона возник у молодого государя под влиянием его тетки-царевны Татьяны Михайловны — та уговорила его осмотреть недостроенный Новый Иерусалим, который произвел на монарха неизгладимое впечатление. Федор начал ездить туда, давать деньги на завершение постройки этого удивительного комплекса.

В ближайшем окружении царя родилась идея противопоставить католическому папе православного, под управлением которого находились бы четыре патриарха, 12 митрополитов и 70 епископов. Эта реформа могла бы стать одной из самых грандиозных в правление Федора Алексеевича. Он обратился к Иоакиму с просьбой вернуть Никона из ссылки, но получил ответ, что патриарх сделать этого не может, поскольку Никон осужден восточными патриархами и Большим церковным собором 1666–1667 годов. Спустя некоторое время монахи Новоиерусалимского Воскресенского монастыря обратились к Федору с челобитной, в которой говорилось о тяжелой болезни Никона. На этот раз Иоаким смилостивился и разрешил перевод больного с севера под Москву, в его любимую обитель. По дороге, в Ярославле, Никон умер 17 августа 1681 года, а вскоре окончил свои дни и молодой государь.

Патриарх Иоаким впоследствии сыграл не последнюю роль и в наречении царем после смерти Федора его единокровного брата Петра в обход старшего брата Ивана в 1682 году, и в событиях августа 1689 года, когда Петр I бежал из Преображенского в Троице-Сергиев монастырь. Сторонники регентши-царевны Софьи не просто желали Иоакиму скорейшей смерти, а даже помышляли об ускорении его кончины, что и было инкриминировано им после свержения Софьи в 1689 году.

Иоаким был у власти 18 лет и за это время успел проявить себя непримиримым борцом с новшествами. Он ненавидел поляков и латинян, не садился обедать за один стол с иноземцами, не обращался за помощью к немецким врачам и запрещал это делать своим людям, называл бритье бороды «еллинским (древнегреческим языческим. — Л. Ч.) блудническим гнусным обычаем» и пр. Видимо, памятуя о конфликте патриарха Никона с царем, Иоаким заявлял, что полностью подчиняется светской власти и делает только то, что «велят начальницы». Однако в церковной сфере он

проявлял себя как безусловный самовластец, которому светские начальники не указ. Человек действия, он не только писал сочинения, обличавшие старообрядцев: «О сложении трех перстов» (1677), «Поучение ко всем православным христианам» (1682), «Слово благодарственное об избавлении церкви от отступников» (1683), «Слово против Никиты Пустосвята» (1684) и др., — но и подвергал их суду, и следил за отправкой в ссылку или на казнь. Патриарх контролировал изъятие дониконовских богослужебных книг и различных «тетрадей» раскольниковского толка, распространяемых по Москве, и засылал в старообрядческие центры своих увещателей.

При Иоакиме 5 июля 1682 года произошел знаменитый спор о вере в Грановитой палате между Никитой Пустосвятом и никонианами. Восставшие 15 мая стрельцы, принудившие пересмотреть вопрос о царской власти в пользу партии Милославских и поставившие рядом с малолетним Петром его единокровных брата Ивана и сестру Софью, подали челобитную с просьбой вернуть дониконовские обряды и книги. Прения о вере были обречены на победу официальной Церкви. Вскоре была написана книга «Увет духовный» (ее также приписывали перу патриарха Иоакима, но, по мнению исследователей, автором был холмогорский архиепископ Афанасий), вышедшая из печати в сентябре традиционным по тем временам тиражом в 1200 экземпляров, в которой подробно излагались реформы Никона и история церковного раскола и давались ответы на все пункты старообрядческой челобитной.

Вторым направлением борьбы патриарха Иоакима была полемика против взявших верх при дворе «латинствующих». Патриарх преследовал всех «еретиков», начиная с Симеона Полоцкого, издававшего свои труды без его цензуры в придворной Верхней типографии, его ученика Сильвестра Медведева, бывшего «строителем» Заиконоспасского монастыря и защитником хлебопоклонной ереси, и заканчивая иноземным мистиком Квирином Кульманом. Но если немец в 1689 году был сожжен на Красной площади, то белорус Симеон Полоцкий при жизни наказания не понес, так как за его спиной стоял его выученик царь Федор Алексеевич. Однако после смерти монарха все сочинения Симеона были преданы анафеме и запрещены. Сильвестр Медведев посмел оспаривать православный греческий обряд пресуществления Святых Даров и навязывать католический вариант осмысления таинства евхаристии. Сначала Сильвестр Медведев, вошедший в ближайшее окружение царевны Софьи, был выдвинут на роль учителя царевича Петра, но патриарх добился назначения на эту должность Никиты Зотова; затем Медведева уже

начали прочить в патриархи при живом Иоакиме. После падения партии царевны Софьи патриарх добился опалы Медведева: на церковном соборе 1690 года он был обвинен в «хлебопоклонной ереси», а 11 февраля 1691 года обезглавлен.

На том же церковном соборе Иоаким добился осуждения всех «латинствующих» — Симеона Полоцкого, Петра Могилы, Лазаря Барановича и др., — а их произведения были запрещены в России.

Как видим, отношения светской и церковной властей при первых трех царствовавших Романовых далеко не всегда отвечали посылу византийского императора Юстиниана о безмятежной симфонии властей, хотя внешне выглядели чинно и благочестиво.

Церковные праздники

Церковные праздники были самыми многочисленными среди всех остальных в жизни московских государей, как, впрочем, и в жизни каждого христианина той поры. Пасха и двенадцатые праздники (Рождество Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Крещение Господне, Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, День Святой Троицы, Преображение Господне, Успение Пресвятой Богородицы) отмечались всеми (до 1925 года в России они были не только церковными, но и гражданскими). За великими праздниками следовали средние и малые, напрестольные (связанные с посвящением данного храма), дни поминовения святых.

Особо почитаемым стал при Михаиле Федоровиче праздник Казанской иконы Божией Матери, отмечаемый 22 октября в память о чуде освобождения Москвы от поляков в 1612 году. Глава русского ополчения князь Дмитрий Михайлович Пожарский дал обет построить на Красной площади храм в честь Казанской иконы, что и было сделано в 1625 году; после пожара 1634 года деревянный храм был заменен каменным, возведенным на средства царя Михаила Федоровича и освященным патриархом Иоасафом в 1636 году. (В 1936 году храм был снесен, а в 1990–1993-м — воссоздан в тех пропорциях и формах, которые он имел в XVII веке.)

Еще одним особо значимым для рода Романовых стал праздник Покрова Пресвятой Богородицы, отмечаемый 1 октября, в связи с победой над поляками в 1618 году. В своей дворцовой вотчине селе Рубцове Михаил Федорович выстроил (1619–1626) церковь Покрова. (Кстати сказать, князь Пожарский, в свой черед, выстроил храм того же посвящения в своей подмосковной вотчине.) Кроме того, вместо древнего мужского Покровского монастыря в Старых Садах Белого города, основанного еще великим князем Иваном III в 1479 году, Михаил Федорович основал в 1635 году женский Покровский на Убогих домех за Земляным Валом (Божедомский) монастырь. Сохранились сведения, что по указу царя воевода Максим Лихарев и голова Елизар Беседной выделили 17 четвертей земли и выдали монастырю владетельную грамоту. Большие денежные вложения в монастырь делал царь Алексей Михайлович, а в 1655 году пожаловал ему шесть десятин сенных покосов в меже крутицкого

митрополита и лугов Симонова монастыря «в вечное воспоминание по всем православным христианам во веки неподвижно».

Конечно же, не был забыт и день празднования Федоровской иконы Божией Матери (14 марта), так как именно в этот день в Ипатьевском монастыре под Костромой Михаил Федорович согласился на царствование. В этот день Михаил, как правило, принимал у себя во дворце Федора Ивановича Шереметева, возглавлявшего в 1613 году посольство от имени Земского собора к избранному царю, а также героя Второго ополчения Дмитрия Михайловича Пожарского.

Выдающимся церковным событием стало в 1625 году прибытие подарка шаха Аббаса I — частицы Ризы Господней, захваченной персами во время войны с Грузией. На аудиенции в Кремле персидский посол Урусамбек вручил золотой, украшенный драгоценными камнями ковчег с кусочком Ризы. Прежде всего патриарх Филарет потребовал освидетельствовать «святыню, что называют Христовою срачицею» (сорочкой). На патриаршем дворе провели расследование, которое возглавлял сам Филарет, ему помогал греческий архиепископ Нектарий, приехавший в Москву за «милостынею», а также крутицкий митрополит Киприан. Они подтвердили, что в ковчеге хранится кусок льняной ткани, от времени потерявшей цвет, но слегка красноватой, в длину и ширину по «пяди» (19 сантиметров). На дне ковчега были изображены распятие и Страсти Христовы. Поскольку рисунки были выполнены «латынским писмом, а латыняне еретики», было принято решение проверить целительную силу реликвии, а пока не особенно верить слову неверных, ибо оно «без испытания во свидетелство не приемлется». Архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф и крестовые дьяки Иван Семенов и Михаил Устинов, служившие в кремлевских домовых церквях царской семьи, должны были ходить по домам, где есть болящие, совершать молебны, прикладывать святыню и тщательно записывать всё происходящее. С марта по август было зафиксировано 67 чудес исцеления. Только после этого был установлен новый церковный праздник в честь Ризы Господней; сначала он не имел определенной даты, а с 1634 года его стали отмечать 10 июля. Частица Ризы Господней стала родовой святыней нового царствующего дома. Кусок разделили надвое: одну часть по-прежнему носили «по болящим», другую поместили в крест и отнесли в покои царя. В дальнейшем от царской реликвии отрезали еще два лоскута и послали в Ипатьевский монастырь, где первый Романов узнал о своем избрании, и в храм Ильи Пророка в Ярославле, где он останавливался по дороге в Москву в 1613 году. Тем самым части Ризы Господней как бы

обозначали и освящали вехи пути Михаила Федоровича к трону. В Успенском соборе со временем установили металлическую сень, внутри которой стоял гроб, символизирующий Гроб Господень, а на него положен ковчег со святыней. На потолке шатровой сени были изображены сцены Страстей Христовых, а над гробом помещены две иконы, одна из которых была посвящена непосредственно новому церковному празднику Положения честной Ризы Господней.

Патриарх Филарет также внес дополнения в церковные празднества. По его приказу было составлено «Сказание действенных чинов святых соборных церкви Успения Пресвятой Богородицы, матере церквам царствующаго града Москвы и всея Великия Руси», четко фиксировавшее все праздники, службы и крестные ходы, в которых должны были участвовать царь и патриарх. Кроме того, Филарет создал новый чин водосвятия на праздник Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня.

Практически ежедневно отмечалось то или иное событие церковной истории, а без продолжительной молитвы не обходился ни один день жизни государя.

Великие христианские праздники требовали и великих торжеств. Празднование Пасхи разрослось в многодневное церковное действо. Накануне Воскресения Христова государь слушал полуношницу в своей Престольной палате Теремного дворца, а после нее думные и высшие придворные чины, попавшие в особый список, удостоивались чести «видеть царские очи». Затем монарх торжественно шествовал в Успенский собор на пасхальную службу. Сразу же после ее окончания начинался обряд христосования. Сначала патриарх в алтаре принимал поздравления духовенства, а по выходе из него христосовался с государем. Царь целовался только с высшими архиереями, а низшие прикладывались к его руке. Обряд сопровождался одариванием пасхальными яйцами. После духовенства начиналось христосование с придворными и думными людьми строго по иерархии — каждый, исходя из чина, получал в подарок от царя выточенное из дерева либо натуральное гусиное или куриное яйцо.

Праздничный церемониал Пасхи включал и обряд христосования с предками. Из Успенского собора царь переходил в Архангельский, где прикладывался к отеческим гробам и клал на саркофаги пасхальные яйца.

Третьим местом царского посещения на Пасху значился Благовещенский собор — домовая церковь государей, со священнослужителями которого монарх был в совершенно особых отношениях. Как правило, именно протопоп этого храма избирался духовным отцом государя, а христосование с ним было особенным,

подобным тому, что царь имел с высшими церковными иерархами, — в уста.

Следом царь обходил кремлевские монастыри, везде прикладываясь к иконам и святыням и проводя обряд христосования. И только после этого он возвращался во дворец, где его ждали родные, чтобы поздравить со Светлым Христовым Воскресением.

Утром в Золотой палате патриарх произносил поздравительную речь с пожеланием многолетия и благоденствия всему царскому семейству, завершавшуюся приглашением на обедню, которую государь с домашними и придворными отстаивал в торжественном чинном порядке. Но и на этом пасхальные торжества не заканчивались — вся Светлая неделя была расписана, каждый день совершался либо торжественный выход с посещением больных и стариков, либо выезд в московские монастыри. Ни один шаг царя в эти дни не был «бесчинным», ни один придворный не смел не явиться с поздравлением.

Обычно в середине недели, в среду, в Золотой палате снова бывал патриарх с Освященным собором, на сей раз не с пустыми руками. Предстоятель делал подарки всем членам царского семейства: серебряные и золотые кубки, дорогие ткани, меха и деньги. В царские апартаменты выстраивалась бесконечная очередь поздравляющих. Каждый церковный иерарх, каждый монастырь обязательно присылали во дворец подарки к Светлому дню. Часто дарили иконы, в особенности связанные с посвящением той или иной обители. Московское белое духовенство приносило хлебы и квасы. Этот «принос» был отзвуком когда-то существовавшей дани, которую собирали князья на заре древнерусской государственности, теперь же он являлся чисто символическим. Торговые люди, на Пасху получавшие возможность лично напомнить монарху о себе, приходили с богатыми подношениями. В конце праздника подсчитывалось количество подаренных денег. При Алексее Михайловиче оно бывало порой в десять раз больше, чем при его отце, и зависело не только от состоятельности или количества дарителей, но также и от числа членов царского семейства, так как подношения делались всем без исключения.

Пасхальные торжества были обильными, но довольно однообразными, призванными подтвердить нерасторжимую связь подданных с правителем, воздать должные почести и получить царскую «милость». Подобным же образом отмечалось Рождество. На праздновании Рождества в 1667 году в храме присутствовали сразу три патриарха — Московский, Антиохийский и Александрийский (два последних прибыли для участия в Большом церковном соборе). Согласно описанию, после церковной службы

«протопопы соборами ходят славить, и государь жалует медом ковшами, а к патриархом тово вечера не ходили, государь не указал». На праздничном обеде у царя в присутствии церковных иерархов патриарх обычно «говорит молитвы над мясом и кропит святою водою».

Но были церковные праздники, содержавшие элементы театрализованного действа. Так, в Вербное воскресенье, знаменовавшее один из двенадцатых праздников — Вход Господень в Иерусалим, — исполнялся оформившийся еще в XVI столетии особый церемониал — «шествие на осляти». Многочисленные сохранившиеся свидетельства позволяют воочию представить это красочное зрелище. Патриарх, «исполняя роль» Христа, садился на лошадь, заменявшую осла, а царь вел ее под уздцы к Успенскому собору; таким образом они открывали крестный ход, предшествовавший литургии в главном храме Московского царства. Интересно сравнить два пространных описания шествия на осляти, сделанные иностранцами. Адам Олеарий, в 1636 году наблюдавший процессию из специального «просторного места против ворот Кремля», отведенного для членов голштинского посольства по царскому указанию, отметил массу деталей и подробностей — например, что к голове лошади для большего сходства были приделаны ослиные уши, а сама она была покрыта сукном; что царь, облаченный в великолепное одеяние, с короной на голове, вел за длинную узду лошадь с восседавшим на ней патриархом, а его самого поддерживали под руки «знатнейшие государственные советники» И. Б. Черкасский и А. М. Львов.

Михаил Федорович, в конце жизни часто болевший, бывало, уступал место в «шествии на осляти» сыну, что, несомненно, нравилось юному царевичу Алексею.

Второе описание празднования Вербного воскресенья было сделано уже в правление самого Алексея Михайловича Яковом Рейтенфельсом. Судя по нему, «шествие на осляти» приобрело невиданные ранее размах и пышность. Действо предварял крестный ход из кремлевского Успенского собора через Спасские ворота к Входиерусалимскому приделу Покровского собора на Красной площади, оттуда к Лобному месту; там патриарх садился на лошадь, ведомую под уздцы царем, и процессия возвращалась в Кремль к Успенскому собору. Все части церемониала были сбалансированы и продуманы до мелочей. Вдоль дороги от Успенского собора до Покровского для украшения ставились расписанные кадучки с вербой; главное вербное дерево, с прикрепленными к его ветвям яблоками, искусственными цветами и птицами, устанавливалось на сани, покрытые красным сукном; веточки вербы и пальмовые листья были в руках

участников шествия. На Лобном месте помещался аналой с Евангелием и иконами Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца. Все поверхности покрывали коврами, сукном, бархатом, полотном. Одежды участников блистали золотом, над их головами возвышались хоругви, иконы, хрустальные кресты.

Кульминация праздника — возвращение в Кремль царя, ведущего за конец красного повода лошадь с восседающим на ней патриархом — оформлялась особенно выразительно: под колокольный звон дети устилали путь красными и зелеными тканями и разноцветными одеждами, патриарх держал в руках Евангелие и крест, перед ним везли вербу с певчими дьяками в белых одеждах; стольники несли перед царем жезл, государеву вербу, свечу и полотенце; шествие окаймлялось людьми с вербными ветками. По описанию Я. Рейтенфельса, самый красочный и необычный вид имела повозка, возглавлявшая процессию, возвращавшуюся в Кремль: «Впереди же всех едет повозка, везомая лошадьми в великолепных пополах, на которой стоят искусственные деревья, обильно увешанные цветами и плодами. На ветвях их сидят несколько маленьких мальчиков, наряженных ангелами и весело приветствующих пением «Осанна»».

Число участников шествия возрастало с каждым годом. Так, в изобиловавшем церемониями разного рода 1675 году в нем участвовали 300 священников и 200 дьяконов, до тысячи стрелецких детей устилали дорогу тканями.

Во всех деталях этого описания видна бесконечная любовь Алексея Михайловича к красоте чина. Отметим кстати, что Петр Великий отменил «шествие на осляти» — то ли как пережиток русской старины, то ли как унижительную для царя процедуру, когда ему приходилось идти пешком и вести в поводу лошадь, тогда как восседавший на ней патриарх ассоциировался с самим Христом.

Начало святочного карнавала знаменовало «пещное действо», официально именуемое «Чин воспоминания сожжения триех отроков», совершаемое за две недели до Рождества. Как и вышеописанное «шествие на осляти», оно было театрализованным церковным празднеством. Однако в силу того, что в нем не была прописана роль царя и оно не включало шествие (всё происходило внутри Успенского собора), «пещное действо» не превратилось при Алексее Михайловиче в пышный церемониал, тем не менее было ярким и трогательным. Инсценировался библейский рассказ об иудейских отроках Анании, Азарии и Мисаиле, во время Вавилонского пленения (VI век до н. э.) брошенных в печь по приказу царя Навуходоносора за отказ молиться золотому языческому идолу. В центре

собора устанавливалась деревянная конструкция круглой «огненной печи», пламя которой имитировалось множеством свечей (их число доходило до четырехсот) или жаровнями с раскаленными углями. Представление происходило на заутрене. Два «халдея»,^[8] обряженные в юбки из красного сукна, медные оплечья и шлемы, расписанные красками, с пальмовыми листьями в руках, выводили из алтаря трех патриарших певчих, изображавших «отроков», одетых в полотняные стихари^[9] и отороченные мехом шапки, требовали от них поклонения «телу златому» и, получив отказ, толкали в печь. «Язычники» поджигали угли, а «отроки» в это время исполняли церковные песнопения. Сверху на веревках спускалась вырезанная из дерева и ярко раскрашенная фигура ангела, сопровождаемая громовыми раскатами («в трусе велице зело с громом»). «Халдеи», пораженные явлением спустившегося с небес ангела, падали ниц, а несгоревшие праведные «отроки» ликовали, прославляли Господа и, держась за крылья ангела, трижды обходили вокруг «печи огненной». Все присутствующие были в умилении, «страхе и трепете» перед «чудом». На этом театрализованная часть действия завершалась: деревянного ангела поднимали вверх под своды собора, «халдеи» вставали с пола, подводили «отроков» к патриарху и вместе с ними пели ему «многая лета». Потом «халдеи» выбегали на улицу и зажигали святочные огни. Все последующие выходы патриарха во время рождественских празднеств предваряли шествия с пением «халдеев» и «отроков».

Остальные двенадцатые праздники отмечались торжественными богослужениями и крестными ходами, а завершались, как правило, угощением в царском и патриаршем дворцах. Праздничные «столы» завершались обычно раздачей огромных сумм милостыни. Известно, что самую большую милостыню раздавал Алексей Михайлович. Вся страна знала о беспредельной набожности и церковном усердии царя. Даже иностранцы характеризовали его как истинного христианина. Например, голландец Яков Рейтенфельс отмечал: «..даже ночью встает славословить Господа песнопениями венценосного пророка... посты, установленные Церковью, наблюдает так строго, что в продолжение сорока дней пред Пасхою не пьет вина и не ест рыбы. В напитках очень воздержан и имеет такое острое обоняние, что даже не может подойти к тому, кто пил водку... Благодетельность царя простирается до того, что бедные почти каждый день собираются ко дворцу и получают деньги целыми горстями, а в праздник Рождества Христова преступники освобождаются из темниц и, сверх того, еще получают деньги».

Средние и малые церковные праздники, приходившиеся на теплое время года, цари предпочитали отмечать в ближайших монастырях. В праздник Смоленской иконы Божией Матери (28 июля) Михаил Федорович часто бывал в Новодевичьем монастыре, праздник Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня (1 августа) встречал в Симоновом монастыре. Эту традицию продолжили и его преемники на российском престоле. Государи, как правило, присутствовали на обряде водоосвящения, происходившем дважды в год: на Богоявление (6 января) и в праздник Происхождения честных древ. В ознаменование крещения Христа в священных водах реки Иордан на Москве-реке под Симоновым монастырем и у Кремля, напротив Тайницких ворот, устраивали иордань («ердань»), представлявшую собой украшенный балдахин с перилами и вырезанным в центре отверстием для погружения святого креста. Алексей Михайлович любил и сам окунаться в иордань в честь праздника Происхождения честных древ.

Правление «тишайшего» царя ознаменовалось массой изменений во всех сферах церковной жизни, в том числе и в праздниках. Поддерживая стремление русского православия соединиться с греческим, Алексей Михайлович активно содействовал популяризации культа Иверской иконы Божией Матери, связанной с греческой монашеской горой Афон. Конечно, чудеса от этой иконы были известны в России издавна, но ее почитание было поднято на новый уровень в связи с усилением вселенской миссии Русской православной церкви. Никон, еще будучи архимандритом Новоспасского собора, заказал в афонском Иверском монастыре точную копию чудотворной иконы. 13 октября 1648 года привезенному в Москву лику Богородицы была устроена торжественная встреча при стечении массы народа во главе с царем и патриархом Иосифом. Еще две копии Иверской иконы были присланы в Россию в 1656 и 1669 годах, последний список был установлен в часовне у Воскресенских ворот, выходивших на Тверскую улицу, и стал одной из самых почитаемых святынь столицы.

Алексей Михайлович ввел новый государственный церковный праздник в честь Марии Египетской, небесной покровительницы его первой жены Марии Ильиничны. В 1648 году он указал совершать 1 апреля празднество в Сретенском монастыре, где была единственная в Москве церковь во имя Марии Египетской. Крестный ход во главе с самим патриархом шел из Кремля до Сретенской обители, где совершалось торжественное богослужение. Так как этот праздник совпадал с именинами царицы, то в Кремлевском дворце проходили все связанные с ними торжества. Вот описание этих событий в 1668 году: «...святейший

патриарх ходил в Стретенский монастырь, что на Устретенке, к вечерне и к молебну для празднества преподобной Марии Египецкия и для именин государыни царицы и великой княгини Марьи Ильиничны, и на монастыре и идучи дорогою роздано нищим и бедным милотины 3 рубля». В 1651/52 году царская чета подарила храму икону «Святой Алексей, человек Божий, и Мария Египетская», которая была помещена в нижний, местный ряд иконостаса. В 1668 году по их же заказу был изготовлен и подарен обители так называемый Мариинский колокол.

Московские государи посещали практически все торжественные события церковной жизни, много жертвовали на церковные нужды, инициировали и финансировали поновление храмов и святынь. Особую статью подобных расходов составляли прославления святых мощей, когда по царскому повелению переносили останки, изготавливали для них драгоценную раку, проводили торжественное богослужение. Например, Михаил Федорович в 1643 году приказал сделать серебряную раку для мощей преподобного Александра Свирского, по его инициативе было проведено освидетельствование мощей великого владимирского князя Юрия Всеволодовича, погибшего в 1238 году во время Батыева нашествия в битве на реке Сити. При нем возобновилось прославление новых святых, в частности Макария Унженского. При Алексее Михайловиче состоялась канонизация преподобного Кирилла Новоезерского, Анны Кашинской, Саввы Сторожевского; прошло торжественное перенесение в Успенский собор мощей первого русского патриарха Иова, погибшего во время Смуты патриарха Гермогена, а также митрополита Филиппа (Колычева), задушенного в опричнину по распоряжению Ивана Грозного.

На торжественном перенесении мощей митрополита Филиппа настоял в 1652 году Никон — будущий патриарх, а тогда еще митрополит Новгородский. Он сам ездил за мощами святителя в Соловецкий монастырь. Никон же настоял, чтобы у гроба мученика Филиппа царь принес покаянную молитву за преступления своего «прадеда» Ивана Грозного. Алексей Михайлович выполнил это требование безропотно, но спустя 14 лет, на Большом церковном соборе, осудившем Никона, припомнил ему то унижение, которое испытал в момент покаяния, так как, по-видимому, уже тогда почувствовал, что за стремлением Никона возродить славу митрополита Филиппа стояло желание укрепить собственное лидерство и принизить славу царского рода. (Как мы знаем, Алексей Михайлович высоко ценил Ивана Грозного, часто служил панихиды по нему. На Большом соборе 1666–1667 годов он выдвинул в адрес опального патриарха обвинение — точнее, задал риторический

вопрос: «Для чего он, Никон, такое бесчестие и укоризну блаженные памяти великому государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси написал?» Речь шла о грамоте константинопольскому патриарху, в которой его московский коллега написал, что Грозный «неправедно» мучил митрополита Филиппа. Сей факт было трудно оспорить; но царь всё же возмутился.

С канонизацией благоверной княгини Анны Кашинской, жены тверского князя Михаила Ярославина, мученически погибшего в Орде, произошла крайне неприятная история. Алексей Михайлович лично участвовал в ее прославлении. В 1611 году ее мощи были обреты в Кашине, в церкви Успения Пресвятой Богородицы, в 1649-м по повелению царя Алексея Михайловича тверским архиепископом Ионой, архимандритом московского Андроникова монастыря Сильвестром и игуменом московского Данилова монастыря Иоанном произошло их освидетельствование, сопровождавшееся чудесными исцелениями. 12 июня 1650 года в присутствии царя состоялось перенесение останков благоверной княгини в кашинский Воскресенский собор, тогда же она была официально канонизирована. Сам государь попросил Епифания Славинецкого составить ее житие. К 1676 году сложился цикл литературных памятников, посвященных святой; помимо жития в него вошли статьи о явлении Анны пономарю Герасиму, обретении мощей и перенесении их из деревянной церкви в Воскресенский собор. Культ Анны Кашинской привлек пристальное внимание старообрядцев, поскольку пальцы ее десницы были сложены в двуперстном знаменнии (правда, проведенный в 1677 году осмотр зафиксировал, что «правая рука в завитии погнулася, а длань и персты прямо, а не благословляющи»). Понятно, что официальная церковь в лице патриарха Иоакима, человека жесткого и решительного, потребовала пересмотра канонизации святой, что и было сделано в 1677–1678 годах. Особая комиссия проводила «досмотр» жития Анны Кашинской и нашла «несогласия» по тринадцати пунктам. Церковный собор 1677 года аннулировал канонизацию Анны Кашинской, объявив ее житие ложным и запретив церковные службы в ее честь.

Каждый церковный праздник или памятная дата сопровождались «кормами» на царском дворе, раздачей подавания толпам нищих. При Алексее Михайловиче столы для них накрывались порой непосредственно в царских комнатах. В таких случаях монарх собственноручно раздавал деньги не только своим «верховым богомольцам», постоянно жившим в царском дворце, но и юродивым, «странным», калекам и нищим. Еще одной своей миссией Алексей Михайлович считал ночные обходы по

большим церковным праздникам или семейным торжествам всех московских тюрем с освобождением «ради светлого Христова воскресения» или по иному достойному поводу сидельцев — мелких преступников с одариванием их денежной милостыней.

С появлением в 1664 году при царском дворе поэта Симеона Полоцкого практически ни один церковный праздник не обходился без его виршей, часто декламируемых от имени членов царского семейства. Вот, например, какие строки звучали в праздник Рождества Христова «от государя царевича к государю царю»:

Царь всего мира на земли родися, но не в полатах царских водворися.

В худе вертепе изволил витати, да всяк возможет удобь целовати.

Нищ и богатый равно да приходит, всем бо в спасение днесь ся Христос родит.

О сем соборы верных веселятся, ведуще яко Богу всыновятся.

В первых же тебе, отче мой любезный, радости вина, Христос Царь небесный.

Царю от царя лепо ликовати, земну небесна благо целовати.

За что он твою царскую державу укрепит твердо и разширит славу.

Благоденствие даст и лета многа, о что аз молю всещедрого Бога.

Симеон старался никого не оставить без своих стихов. После поздравления государя шло обращение царевича к матери Марии Ильиничне, где акцент делался на роли «Пречистыя Марии девицы» (Девы Марии), которая «водворилась в Рай» благодаря тому, что родила Спасителя, а также содержалось пожелание многих лет жизни:

Ея образом тоя благодати
приветствую ти, Пресветлая мати,
сыновним сердцам моля Христа Бога,
да подаст тебе жити лета многа
здраво, весело и венец сготует,
идеже в славе вечной сам царствует.

Поэт собрал все эти строфы в сборник под заглавием «Рифмологион»,

рассчитывая издать его в Верхней типографии, однако напечатан он не был. В «Рифмологион» также вошли вирши по случаю церковных праздников: «Стиси в день происхождения честнаго и животворящего креста Господня» (три варианта), произведения Богородичного цикла (на Рождество, Введение во храм и Успение Пресвятой Богородицы), на праздник Богоявления и др. В 1675 году Симеон составил отдельную книгу из двадцати одного стихотворения на дни памяти «угодников Божиих» и поднес ее царю. Сохранились только ее оглавление и посвящение государю. Из оглавления видно, что автором были выбраны тезоименитые членам царского семейства или наиболее чтимые святые, в том числе московские святители Петр, Алексей, Иона, Филипп, преподобный Сергей Радонежский.

После смерти Симеона Полоцкого традицию сочинения виршей к церковным праздникам при царском дворе продолжил его ученик Сильвестр Медведев, а затем и Карион Истомин.

Федор Алексеевич, как кажется, в церковные дела особо не вникал, во всё полагаясь на патриарха Иоакима, последний же вводил небольшие новации в проведение традиционных церковных торжеств. Так, в 1680 году предстоятель приказал устроить 1 сентября, в праздник новолетия, не один, а два крестных хода: первый, как прежде, к храму Покрова на Рву, второй — к церкви Николы за Смоленскими воротами. Затем протопопы должны были взять святой воды «у Тихона Чудотворца» и кропить ею весь Белый город, один обходя его с правой стороны, а другой — с левой. Современник, описавший это новшество, подчеркнул: «А ходы бывают через Дворец Знаменкою, а назат — Арбатом».

В том же году был установлен день памяти преподобного Варлаама Хутынского — 6 ноября: «Указал государь праздновати Варлааму Хутынскому в приделе у церкви Знамения Богородицы, что у двора Никиты Ивановича Романова, по вся годы». Судя по данной записи, в утверждении сего церковного праздника активное участие принял и сам царь Федор.

Паломничества по святым местам

Московские государи часто посещали прославленные монастыри. Обязательны были моления не только в кремлевских, но и в отдаленных обителях о рождении наследника престола. Поездки царя и царицы на богомолье в Троице-Сергиев и другие монастыри особенно часто совершались в тех случаях, если детей вообще не было или рождались только девочки. Порой паломничество происходило по обету, данному в какой-то опасный, кризисный или по-иному значимый момент жизни монарха. Примечательна в этой связи история с поездкой Михаила Федоровича в Макарьев Унженский Свято-Троицкий монастырь под Костромой в 1619 году. Его отец, участвуя в переговорах с поляками под Смоленском, в 1611 году был взят ими в плен. Святой Макарий считался покровителем пленных, и Михаил еще задолго до своего избрания на престол, «крываясь от безбожных ляхов в пределах костромских», не раз со слезами обращал свои молитвы «о родителе своем, чудном архиереи Филарете, яко да облыжет святыя его седины», обещая не только посетить Унженский монастырь, но и принести щедрые дары, а также прославить имя святого. После счастливой встречи с отцом, вернувшимся из плена в 1619 году, Михаил Федорович исполнил свой обет. После царского пребывания в монастыре на месте деревянных келий, где останавливался государь, были построены каменные Успенская церковь и больничные кельи. В 1620 году государь совершил поездку в подмосковную Николо-Угрешскую обитель.

Патриарх Филарет любил ездить на поклонение в два монастыря во имя Рождества Пресвятой Богородицы: звенигородский Саввино-Сторожевский и Пафнутьево-Боровский. Но самым любимым и часто посещаемым местом была Троице-Сергиева обитель, куда государи ежегодно совершали длительный молитвенный «Троицын ход».

Монастырь, основанный в XIV столетии подвижником Сергием Радонежским, стал местом особого поклонения русских правителей еще с Ивана Грозного (именно там он был крещен), его сына Федора и Бориса Годунова. Род Романовых никогда не забывал и той роли, которую сыграла обитель в освобождении России от интервентов. Окруженный крепостными стенами монастырь не только выдержал полуторагодовую осаду польско-литовских войск под водительством Сапеги и Лисовского, но и внес свою лепту в виде крупных пожертвований в организацию второго

ополчения, освободившего Москву от польских интервентов. В 1618 году «ляхи», снова пошедшие на Москву, были остановлены под стенами «крепкостоятельной» обители, и в соседней деревне Деулино было заключено перемирие, положившее конец Смутному времени. Всё это и сделало Троицу столь значимым объектом ежегодного поклонения царской семьи, имевшей очень тесные и длительные связи с игуменом и старцами Сергиевой обители. Именно здесь с 18 сентября до начала ноября 1682 года царица Софья Алексеевна с братьями Петром и Иваном укрывалась от бунтовавших стрельцов, в 1689 году за стенами монастыря нашел защиту семнадцатилетний Петр I, прискакавший из Преображенского под угрозой стрелецкого бунта.

Московские государи отправлялись в «Троицын ход» вместе с женами, детьми и другими родственниками. Однажды царь Михаил, будучи вместе с матушкой в Троице, послал оттуда гостинец отцу-патриарху — 220 яблок и 15 калачей, а в ответ получил «часы воротные боевые» (куранты) для монастырской надвратной башни. «Троицын ход» совершался каждую осень, так как день преставления преподобного Сергия Радонежского отмечается 25 сентября. Эти выезды царской семьи на богомолье были самыми масштабными. К примеру, в 1631 году только поезд царицы состоял из 171 лошади и полсотни колымаг. Примечательно, что в нем находились и два карлика, по-видимому, чтобы развлекать высокопоставленных паломников в долгой дороге.

Как правило, «Троицын ход» оформлялся очень торжественно. Сохранилось подробное описание выезда Алексея Михайловича с семьей в это паломничество 19 сентября 1675 года. На Красной площади были устроены специальные высокие помосты, чтобы «цесарский» (австрийский) и бранденбургский посланники, польский и датский резиденты могли наблюдать шествие, не влезая на крыши отведенных им домов, что приходилось делать другим иностранцам, например персидскому купцу со свитой. С помостов открывалась широкая панорама, позволявшая охватить одним взглядом всё шествие.

А посмотреть было на что. Процессию, появляющуюся из Спасских ворот Кремля, открывали 1500 стрельцов, руководимые стрелецким головой Степаном Яновым, перед которым вели превосходного пегого аргамака. Они прокладывали путь царю до первого стана за городом, где ожидало войско в 14 тысяч человек. Следом за стрельцами в воротах показался спальник Иев Голохвастов, предводительствующий «постельничим возком» из более чем трех десятков повозок, охраняемых 250 конными стрельцами; золотые рукоятки их бичей ярко сверкали на

солнце. «Стремянных» стрельцов возглавлял стольник Юрий Лутохин, важно восседавший на лихом коне, беспрестанно грызшем удила. Потом были выведены 62 лошади «царского седла», их сбруя и попоны «горели в золоте и серебре». Конюхи во главе с Тарасом Ростопчиным получили перед этим вояжем новые золотые с серебром нашивки на кафтаны по польской моде. За ними появилась царская карета, в которую были запряжены 12 лошадей, удерживаемых под уздцы двадцатью четырьмя конюхами. Карета блистала золотом и сверкала хрусталем. В ней помимо царя и царевича находился глава Боярской думы князь Никита Иванович Одоевский, сопровождавший процессию до первой остановки. Карету окружали стрелецкие головы и сотники, а также 60 сокольников с алебардами и протазанами. За ней шла группа слуг во главе с ясельничим Федором Вышеславцевым. Специальный человек нес скамейку, обтянутую красным сукном, которую ставили под ноги царю, когда он садился на коня. Потом ехали восемь всадников, слуги несли вытканые серебром и золотом персидские ковры для лошадей. Отряд рынд сопровождал двадцать одного жильца с кушаньями. За ними были выведены 12 лошадей под бархатными покровами. На дворе Артамона Матвеева для царского выезда были изготовлены новые, невиданные дотоле конские уборы, а посему возницы не знали, как «наряжать» лошадей, и Матвееву пришлось самому показать, как это делается, на Соборной площади на глазах у знати и иностранцев. Карету окружали шесть пеших стрельцов с протазанами «в особливом платье». В конце процессии двигались остальные придворные — «множество бояр, стольников, чашников в золоте, серебре и жемчуге», в том числе 13 думных людей, 24 спальника, 69 стольников, 31 стряпчий и 79 жильцов. Замыкали царский поезд три кареты и толпа слуг.

Царицын поезд был значительно скромнее по количеству сопровождающих, но не менее красочен. Если в царской процессии преобладал золотой и серебряный декор на красном фоне, то в царицыном — белый цвет: 12 белых лошадей, «обвязанных шелковыми сетками», везли колымагу, окруженную двумя сотнями стрельцов. В процессии участвовали четверо думных людей, трое спальников, стольники царевичей и 230 московских дворян, за ними следовали придворные боярыни в возках, а в самом конце процессии — 26 царицыных детей боярских.

Поездки государей на богомолье и раньше отличались особой пышностью и многочисленностью участников. Но вышеописанный «Троицын ход» был, по всей видимости, самым значительным не только в царствование Алексея Михайловича, но и за всё XVII столетие. Подготовка к нему шла с особым размахом: драгоценности взяты из царской казны, для

царицы куплен «венец с коронами алмазный» за 15 тысяч рублей, за казенный счет срочно сшиты несколько десятков кафтанов для дворовых и однорядок для комнатных боярынь, выданы десятки золотых и серебряных нашивок на стрелецкие кафтаны и т. д. Царь стремился произвести впечатление на иностранных гостей и с нетерпением ожидал донесений своих людей, которые должны были слушать все отзывы иноземцев о зрелище. Вероятно, он хотел удивить не столько богатством и пышностью действия, сколько его красотой, показать иноземцам, что царский двор не отстает от европейской королевской моды, а сам московский государь ценит красивые вещи.

Иностранцы не обманули ожиданий царя — они громко восхищались «стройством ратным», изрядными ружьями, конскими сбруями, персидскими коврами в алмазах, украшениями карет. Бальзамом на душу впечатлительного царя лились слова императорского посланника, что ничего подобного нет в мире, а если когда-то и бывало, то только при императоре Августе. Датский резидент удивлялся, что «государский поход устроен паче всякого человеческого разумения». Польский резидент пытался давать советы по поводу стрельцов: «люди все бравые и с карабины золочеными», но им бы еще по два пистоля — вот тогда был бы «строй его государскому походу в красоту». И лишь бранденбургский посланник помалкивал, видимо, потеряв дар речи от увиденного...

«Троицын ход» имел несколько «станов» — остановок, где были построены церкви и путевые дворцы. Первая остановка делалась в царской вотчине селе Алексеевском, затем в селе Тайнинском в 15 верстах от Москвы, еще через 15 верст в селе Братошине, а последняя — в селе Воздвиженском в десяти верстах от Троице-Сергиева монастыря, где высокопоставленных путешественников встречали представители обители, чтобы ударить челом государю. Последний отрезок паломнического пути от Кесовых прудов рядом с Клементьевой слободой до обители государь и его семейство («весь дом») часто проходили пешком.

Выезды на богомолье в другие монастыри бывали обставлены гораздо скромнее. Паломничества случались слишком часто, чтобы каждый раз устраивать столь масштабные дорогостоящие мероприятия.

Михаил Федорович, бывало, после посещения Троице-Сергиева монастыря не возвращался сразу домой, а двигался дальше, в Александровскую слободу и Переславль-Залесский, где молился в Никитском монастыре. Сохранились сведения, что в 1638 году он возвращался с «Троицына хода» в конце октября, затратив на паломничество три недели. Оставшиеся в Москве бояре,

«соскучившись», посылали ему гостинцы, в частности арбузы, чтобы скрасить дорогу домой.

В праздник Покрова Пресвятой Богородицы Михаил Федорович любил выезжать в село Рубцово в храм Покрова, памятуя особое значение этого дня в связи с последним походом королевича Владислава на Москву в 1618 году, когда гетман Сагайдачный, будучи православным, услышал звон московских колоколов и отступил от города. В Рубцове царь устраивал «стол» для приближенных, среди которых были бояре князя Иван Борисович Черкасский, князь Алексей Юрьевич Сицкий, окольный Федор Леонтьевич Бутурлин и др.

Среди монастырей, которые любил посещать Алексей Михайлович, помимо Троице-Сергиевой лавры значились Саввино-Сторожевская и Пафнутьево-Боровская обители. Впервые в статусе великого государя Алексей Михайлович посетил их в 1645 году, сразу же после коронации. (Кстати, именно эти два монастыря были особенно чтимы его дедом, патриархом Филаретом.) Саввино-Сторожевский монастырь при нем был сделан лаврой — к нему было приписано 19 обителей, а сам он находился в подчинении приказа Тайных дел.

Федор Алексеевич продолжил традицию «Троицына хода», отправившись в первый год своего царствования в паломничество — правда, поздновато, 19 ноября. После Троицы он поехал в Переславль-Залесский и Александровскую слободу, посетив по дороге Свято-Троицкий Данилов, Никитский, Борисоглебский Песоцкий, Горицкий Успенский и Федоровский монастыри. Вернулся он из богомольного похода только 1 декабря.

Среди любимых паломнических маршрутов Федора Алексеевича значились Волоцкий Успенский Иосифов и тот же Саввино-Сторожевский монастырь, называемый «комнатным государевым и первостатейным». Сторожевскую обитель он посетил в сентябре 1680 года «по обету» после женитьбы на Агафье Грушецкой. Для мощей преподобного Саввы государь заказал серебряную раку — до его приезда она хранилась на гостинном дворе в Звенигороде. Сохранилось описание шествия к монастырю для установления раки: открывали его иеромонахи и иеродиаконы со свечами и кадилами; верховые певчие дьяки, приехавшие вместе с царем, несли раку, навстречу процессии из монастыря вышли коломенский архиепископ с животворящим крестом и архимандрит монастыря с «игумнами, попами и дьяконами в одеждах», то есть в праздничных облачениях. После молебна царь вместе с «властями» (архиепископом и архимандритом) переложил мощи преподобного Саввы в новую серебряную раку.

Вообще мощи святых как объект поклонения были в почете у Федора Алексеевича. Зная об этом, дворцовые староверы, в числе которых была и тетка и крестная мать государя Ирина Михайловна, уговорили его совершить паломничество к мощам благоверной княгини Анны Кашинской. Это делалось не без задней мысли — поскольку персты святой в гробу были сложены в двуперстном крестном знамении, царская тетка и стрелецкие полковники Соковнины (обращенные в старообрядчество их сестрой боярыней Феодосией Морозовой) рассчитывали убедить самодержца в истинности старой веры и уговорить отменить реформы патриарха Никона. Однако поездка не состоялась из-за болезни Федора и сопротивления патриарха Иоакима.

Но зато царь побывал во многих других святых местах. Так, в июне 1677 года он посетил Екатерининскую пустынь, основанную в 1660 году его отцом примерно в 40 верстах от Москвы по Калужской дороге (сегодня это Свято-Екатерининский мужской монастырь на окраине подмосковного города Видное). На одной из царских охот во время отдыха Алексею Михайловичу случилось видение: ему явилась святая Екатерина и сообщила, что в эту ночь у него родилась дочь. Царь сразу же повернул домой и по дороге в Москву получил известие о рождении девочки, которую он конечно же назвал Екатериной.

Только за апрель 1678 года Федор Алексеевич посетил 19 московских монастырей! В Новоспасскую обитель, где была родовая усыпальница бояр Романовых, он стал ездить еженедельно, после того как там в апреле 1679 года была похоронена его любимая тетка и крестная мать царевна Ирина Михайловна. Из-за больных ног Федор, в отличие от отца, редко участвовал в крестных ходах — исключение составляло шествие в Новодевичий монастырь, совершавшееся 28 июня в праздник Смоленской иконы Божией Матери, в котором государь принимал участие ежегодно. Накануне события царские шатры возводились на Девичьем поле рядом с обителью, Федор ночевал там, а наутро после крестного хода и праздничного застолья уезжал в Кремль.

Несмотря на разные предпочтения в выборе мест паломничества, все московские государи в своей повседневной жизни уделяли им большое внимание. Порой, едва завершив один поход по святым местам, они тут же собирались в другой. К примеру, Федор Алексеевич в 1676 году, вернувшись 1 декабря из «Троицына хода», 5 декабря отправился в новое паломничество. Правда, интенсивность посещения святынь и храмов бывала различной. Так, в 1657 году Алексей Михайлович ежедневно усердно ходил по церквям, в 1660-м предпочитал стоять заутрени в

«палатах», а с конца 1667 года заметно уменьшилось его присутствие на ежедневных богослужениях.

Поездки по монастырям обычно сопровождались богатыми вкладами и пожертвованиями. Чаще всего царское семейство дарило обителям иконы. Так, Федор Алексеевич и его первая супруга Агафья Грушецкая в 1680 году поставили в иконостас собора московского Сретенского монастыря две иконы своих святых покровителей — великомученика Феодора Стратилата и мученицы Агафьи Панормской. Еще одна икона с изображением тех же святых была ими вложена в александровский Свято-Успенский монастырь. В 1681 году иконописец Кузьма Яковлев Бабухин написал по заказу царя для вложения в суздальский Ризоположенский монастырь икону с изображением тринадцати святых, тезоименитых всем членам царского семейства, включая святую Наталью, покровительницу царевны Натальи Алексеевны и царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Милостыня и призрение

Каждый христианин в средневековой Руси считал своим долгом подавать милостыню, памятуя, что это один из путей к спасению души. Обычай творения милостыни неукоснительно соблюдался членами царской семьи. Помощь нищим и убогим, «сиротам и вдовицам» входила в государев чин. Уже в Поучении Владимира Мономаха (1117) содержался призыв к княжескому милосердию и в духовной, и в материальной формах. Недаром же московский князь (1325–1340) Иван Данилович носил при поясе специальный кожаный кошель — калиту — с мелкими деньгами для раздачи, за что и получил прозвище Калита.

Существовала также традиция выделения из царской казны «корма, хлеба, соли, денег и одежды» на раздачу нищим. На Стоглавом церковном соборе 1551 года молодой Иван IV впервые заговорил о том, что эти средства достаются совсем не тем, кто в них действительно нуждается, а «малым больным», которых приказчики за мзду устраивали в городские богадельни. Члены собора предложили провести расследование по всем городам с целью выявить тех, кому «негде головы подклонити» и кто не в силах прокормиться ввиду своей немощи и болезней. Обеспечить обитателей богаделен всем необходимым должны были казна и «боголюбцы», которые «милостыню и вся потребная им приносят же своего ради спасения». Здоровые же нищие должны были по-прежнему скитаться по дворам, прося подавание.

Государь должен был служить образцом для своих подданных, потому и царская благотворительность должна была простираться до бескрайних размеров. Каждый торжественный выход, поездки на богомолье, праздничные церковные службы, не говоря уже о панихидах, сопровождались раздачами, по словам Григория Котошихина, «множества тысяч» рублей. Большие деньги предназначались «всяких чинов бедным людям» — нищим, колодникам, «леженкам», вдовам, сиротам и пр. Одновременно с подаванием раздавались и «молебные деньги», чтобы их получатели молились за здоровье монарха и его семьи, за окончание войны и иные государевы дела. По свидетельству того же Котошихина, «попов, и дьяконов, и служебников соборных церквей и иных кормят на царском дворе не по один день, а иным есть и пить дают в дома. Да им же дают деньги, что они за их государское здоровье молили Бога, и по 10, и по 5 рублей и меньши». Царская милостыня рассылалась также по монастырям.

Огромные суммы шли на поддержку восточных церквей, оказавшихся под турецким владычеством. Н. Ф. Каптерев привел впечатляющие данные о размерах этой помощи: «..дача патриархам, как и другим просителям, была двух родов: личная, т. е. лицу самого просителя, и дача на милостыню, т. е. на нужды епархии, монастыря и т. п. Личная дача всем патриархам, по крайней мере за XVII век, всегда бывала одинакова, именно: каждому из них давали подарков на 2000 рублей... Что же касается дачи на милостыню патриархам, то она была очень разная: Иерусалимскому патриарху Паисию на милостыню дано 4000 рублей, Антиохийскому Макарию в первый его приезд в Москву 3000 рублей соболями, а во второй приезд 6000 рублей, Александрийскому патриарху Паисию государь велел дать милостыню «из сибирского приказу мягкою рухлядью» (мехами. — Л. Ч.) на 9000 рублей, бывшему Константинопольскому патриарху Афанасию Пателару всего дано было только на 2000 рублей...»

Испомещение и содержание нищих, калек и больных вплоть до XVII столетия считалось делом монастырей и церквей, а также всех прихожан, финансируемым частично из казны, а более за счет частных лиц, жертвовавших средства на богадельни, больницы и приюты по собственной инициативе. Задолго до описываемого времени нищие и увечные обустроивались в самодельных избах-кельях на церковной земле, около монастырей или городских храмов, платили оброк церковному причту, имели огороды и питались за счет милостыни. Такие церковные богадельни известны по церковным и княжеским уставам и актам XV–XVI веков. К XVII столетию в Москве существовали богадельни «на Могилицах, на Кулишках», за Боровицким мостом, у Введенской церкви.

Частные богадельни устраивали во дворах богатых людей, например у боярина Б. И. Морозова. Пример подавали московские государи. В Кремлевском дворце были построены специальные кельи для нищих — «верховых богомольцев». Особенно большое число больных немощных стариков, калек и юродивых проживало там во времена Алексея Михайловича. Он не только стремился воплотить в жизнь свой идеал «совершенного государя» — наместника Бога, отвечающего за подданных (напомним, что он называл свою миссию по управлению государством «Божьим делом»), но и как истинно православный царь-батюшка опекал, подгонял, наказывал, воспитывал и оказывал милости. Трудно подсчитать, сколько тратил он на благотворительность, раздачу милостыни и содержание придворной богадельни. Старики, постоянно проживавшие в Кремлевском дворце, были любимы царем за рассказы о том, что было «за

тридцать и за сорок лет и больши», которые царь слушал долгими зимними вечерами. Юродивые выкладывали Алексею Михайловичу всю правду без обиняков, и он часто просил у них совета, в особенности у Василия Босого, о котором государь неоднократно упоминал в своей переписке как о «брате нашем Василии».

Созданный в 1649 году Монастырский приказ взял финансирование и состояние богаделен под свой контроль.

Царицы также занимались благотворительностью, в особенности Мария Ильинична Милославская. В этом деле у нее был постоянный помощник — «милостивый муж» Федор Михайлович Ртищев. Он начал службу в 1645 году в «комнате у крюка» (во внутренних покоях государя), через год уже стал стряпчим «с ключом» — экономом, а в 1650-м — постельничим; сопровождал царя в военных походах против Речи Посполитой, успешно вел переговоры. В 1656 году Ртищев был пожалован в окольничие и получил должность дворецкого, с 1657 года управлял также дворцовым Судным приказом, приказами Большого дворца и Тайных дел. Но высокие посты его не привлекали. Свои доходы он обращал на благотворительность, а от боярства, предложенного ему Алексеем Михайловичем, отказался. Своим самым важным делом он почитал обучение и воспитание царевича-наследника Алексея Алексеевича. Все начинания Ртищева находили поддержку и у царя, и у царицы. Алексей Михайлович одобрил и приглашение Ртищевым в Москву киевских ученых монахов, и строительство для них в 1648 году училищного Андреевского Преображенского монастыря, и перевод церковной литературы. Первая супруга Алексея Михайловича всячески поддерживала организацию Ртищевым больниц, приютов и богаделен. Так, в 1654 году во время русско-польской войны государыня выделила средства на устройство в разных городах госпиталей для раненых и увечных. Сам же Ртищев, которого называют отцом русской благотворительности, построил и содержал в Москве богадельню для больных, престарелых и убогих, а также впервые завел некое подобие вытрезвителя, куда приводили пьяниц со всей Москвы. Он постоянно жертвовал большие суммы денег на выкуп пленных; однажды он потратил на эти цели более тысячи рублей. Слава Ртищева как мецената и благотворителя была велика. После его смерти (1673) было составлено ни много ни мало его «Житие», как будто он был святым... Вспомним тут же, что протопоп Аввакум сам написал свое «Житие», считая себя пророком, а Ртищев никогда не сделал бы ничего подобного, воспитывая в себе смирение и «милостивость».

Большой размах приняли «корм» и раздача денег, устраиваемые в

поминальные дни и церковные праздники царскими вдовами, сестрами и дочерьми прямо у себя в хоромы. Кормление нищих вносило определенное разнообразие в их жизнь. Так, вторая жена Федора Алексеевича Марфа Матвеевна Апраксина на поминание супруга «кормила в 5 дней 300 нищих», царевна Татьяна Михайловна в течение девяти дней выставляла угощение двумстам убогим. Петр I, придя к власти, провел ревизию казенных средств, затраченных на эту милостыню. Оказалось, что всего в дни поминовений кормили 1371 нищего, на что было израсходовано из казны 143 рубля 26 алтын и три деньги. Петр запретил принимать нищих во дворце, указав раздавать деньги за пределами Кремля.

В XVII столетии появился новый вид социальной помощи — призрение раненых. Еще в Смуту монахи Троице-Сергиева монастыря устроили первый приемный покой для раненых. По грамоте Михаила Федоровича им на лечение из казны выдавалось, «смотря по ранам», от двух до четырех рублей. В 1657 году, во время русско-польской войны, начали создаваться временные полевые госпитали. В 1678 году после борьбы против турецко-татарского войска под Чигирином по всей Москве были размещены сотни раненых, лечение которых проходило за государственный счет.

Третий государь из дома Романовых занялся проблемой призрения нищих еще и в связи с благоустройством и наведением порядка в столице. Толпы одетых в лохмотья людей, просящих подаяние, не только вызывали у Федора Алексеевича сострадание, но и заставляли его задуматься о причинах нищенства как общественного явления. В 1678 году царским указом Моисеевская, Покровская, Петровская и Кулишская богадельни были переданы в ведение Патриаршего приказа. В них размещались «жалованные» нищие, остальные нищие должны были христарадничать около церквей и контролироваться их причтом. В 1681 году государь указал определить больных нищих в богадельни и содержать за счет казны, а «ленивых и имеющих здравие телесное приставить к работе».

Вскоре последовал еще один указ Федора Алексеевича, по которому предполагалось устроить две «шпитальни» (госпиталя) для больных нищих — в Знаменском монастыре Китай-города и на Гранатном дворе за Никитскими воротами. В указе содержалось также требование удалить из города здоровых попрошаек, чтобы «впредь по улицам бродящих и лежащих нищих, меж которыми многие притворные воры, всем здоровы и работать могут, не было». Действительно, современники свидетельствовали, что на улицах Москвы промышляли шайки воров, переодетых нищими — «по дворам ходя», планировали и совершали

кражи; мошенники намеренно калечили детей и выставляли их напоказ, «чтоб на них люди смотря, умилились и больше им милостины давали». Царский указ был выполнен, насколько это было возможно. Были созданы две новые богадельни, одна из которых, «за Никитскими воротами», рассчитанная на сотню человек, продолжала функционировать еще в 1699 году. Но вряд ли просящие подаяние исчезли с улиц... Возможно, Федор Алексеевич сделал бы больше на ниве борьбы с «бродящими притворными» побирушками и ворами, не умри он так рано.

Попытки ввести в стране меры общественного призрения и организовать нечто похожее на современную социальную защиту населения, а также наладить контроль за ворами и мошенниками, использовавшими милостыню как легкий способ добывания денег, продолжились позднее, в эпоху Петра Великого. В 1691 году было введено суровое наказание (вплоть до ссылки в Сибирь) за притворное нищенство. В 1700 году в богадельнях оставили лишь стариков, инвалидов и сирот, в 1706-м появился первый приют для незаконнорожденных детей, а в 1712-м вышел указ о создании во всех губерниях госпиталей...

Глава третья СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

«Государева радость»

Царские свадьбы представляли собой самые сложные (не по церемониалу, а по существу дела) явления придворной жизни. Женитьба являлась важнейшим рубежом не только в жизни государя (как, впрочем, и любого другого человека того времени), но и всего двора. В устоявшийся расклад придворных сил вмешивалась новая — пришедшие во дворец родственники царицы. Выбор царской невесты мог представлять для круга царских советников и друзей большую опасность — им грозили потеря места возле царя, утрата влияния на него, а потому с выбором невесты было связано множество интриг и заговоров.

Особенно не повезло первой невесте Михаила Федоровича Марии Ивановне Хлоповой. В 1616 году, когда государю уже исполнилось 19 лет, его решили женить. Какого возраста была его избранница, неизвестно, однако можно не сомневаться, что она была очень молода и хороша собой. В то время замуж выходили в 16–17 лет, а то и ранее. Неизвестно также, каким образом царь выбрал Марию в невесты; скорее всего, были устроены смотрины, на которых Михаил приглядел красавицу. Царскую невесту, как полагалось, поселили вместе с матерью и бабкой в Кремлевском дворце, дали ей новое имя Анастасия (в честь двоюродной бабки государя, первой жены Ивана Грозного Анастасии Романовны), а ее родственников включили в состав придворных. Марию начали даже упоминать на церковных службах, вместе с женихом они посетили Троице-Сергиев монастырь. Но их свадьба не состоялась. Скорее всего, дело было не в невесте, а в ее дяде Гавриле Васильевиче Хлопове, который, сам того не желая, вступил в спор с всесильным царедворцем, двоюродным братом царя по матери, Михаилом Михайловичем Салтыковым. При посещении Оружейной палаты царь спросил у ее руководителя Салтыкова, смогут ли русские мастера сделать столь же великолепное оружие, как продемонстрированная им турецкая сабля, и получил утвердительный ответ. Хлопов на тот же вопрос ответил отрицательно. А вскоре у Марии начались постоянные тошнота и рвота. Михаил и Борис Салтыковы, контролировавшие лечение царской невесты, поспешили заверить царя, что она нездорова, а ее недуг опасен: «Дохтуры болезни ее смотрели и говорили, что в ней болезнь великая, излечить ее невозможно». Царь закручинился, но сам решить вопрос, что делать в этой сложной ситуации, не смог. Был созван Земский собор, который порешил вычеркнуть Хлопову

из списка царских невест и отправить с глаз долой подальше, что и было сделано. Правда, отставленная невеста вскоре выздоровела, но назад ее не вернули по настоянию матери царя и Салтыковых.

Прошло несколько лет, а Михаил всё не мог забыть первую любовь и не хотел жениться на другой. После возвращения из плена патриарха Филарета вопрос о женитьбе поднимался неоднократно. Патриарх предложил поискать невесту в правящих домах Европы: сначала в 1621 году просили руки племянницы датского короля Кристиана IV, но ответа не получили — тяжелобольному королю было не до матримониальных планов; потом в 1623-м пытались сосватать сестру бранденбургского курфюрста Георга Вильгельма Екатерину — с условием ее перехода в православное вероисповедание, однако согласия достигнуто не было, и свадьба в очередной раз сорвалась.

По стране ходили слухи и сплетни, что Михаилу Федоровичу на роду написано либо взять в жены несчастную Марию Хлопову, либо не жениться вовсе. О них доносили во дворец как о «слове и деле государеве». Было даже проведено новое расследование по поводу отравления Марии. В 1623 году царские доктора Бильц и Балцер подтвердили, что причиной ее недомогания могло быть простое желудочное расстройство. Мария Хлопова продолжала жить в Нижнем Новгороде в совершенном здравии. Дядя бывшей царской невесты Гаврила Хлопов предположил, что ее болезнь в 1616 году была вызвана неумеренным поеданием сладостей, к которым девушка не привыкла. Но всплыло на свет божий усердие Салтыковых, старавшихся сорвать женитьбу. Патриарх Филарет добился, чтобы их за «помешку государской радости и женитьбы» сослали в дальние города с формулировкой: «...государская милость к вам и к матери вашей не по вашей мере; пожалованы вы были честью и приближеньем больше всех братья своей, и вы то поставили ни во что, ходили не за государевым здоровьем, только и делали, что себя богатели, дома свои и племя свои полнили, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышляли тем, чтоб вам при государской милости, кроме себя, никого не видеть, а доброхотства и службы к государю не показали».

Тогда же к Марии Хлоповой в Нижний Новгород была послана комиссия для освидетельствования состояния ее здоровья, но хотя девушка была признана совершенно здоровой и пригодной к деторождению, в ноябре 1623 года ей было официально отказано в звании царской невесты. Виновницей этого решения была, несомненно, мать царя, жаждавшая видеть царицей девицу из знатного рода. Почему же Михаил, уже зрелый человек, десять лет правивший страной, не настоял на своем выборе и

отказался от Хлоповой в угоду матери? Этот вопрос остается открытым.

Наконец, в 1624 году новой невестой 28-летнего царя была объявлена княжна Мария Владимировна Долгорукова, из рода черниговских Рюриковичей. Выбор был сделан матерью Михаила Федоровича. Когда все тревожения были позади, а избранница уже какое-то время прожила во дворце в новом качестве нареченной невесты и опять-таки переименованной в Анастасию, наступил черед свадебного чина. Он был составлен еще в середине XVI столетия, а корнями уходил в глубокую древность, в которой христианские и языческие черты переплетались теснейшим образом. Основными фигурантами свадебного действия были сваты, посаженные отец и мать, тысяцкий, дружки, поезжане и др. Церемония растягивалась на несколько дней, начинаясь накануне венчания в церкви и завершаясь посещением новобрачными родителей жены. Оговаривались одежда всех участников, их действия и слова, детали обстановки: что должно стоять на столе, как оборудован неотопливаемый сенник, где пройдет первая брачная ночь, как будет выглядеть мыльня и т. п. Русские свадьбы совершались в соответствии с данным чином с теми или иными нюансами; впоследствии Алексей Михайлович позволил себе его нарушить и предложить свой — «тишайший» — вариант...

Свадьба Михаила Федоровича была так долго откладываемым событием, что, когда он, наконец, решил жениться на Долгоруковой, то был уже далеко не молодым человеком по меркам того времени. Злой рок преследовал царя во всех матримониальных делах, в том числе и во время свадьбы. Церемония состоялась 19 сентября 1624 года, но еще до начала свадебного чина стали происходить местнические разборки. Тысяцким на свадьбе был назначен князь Иван Борисович Черкасский, царскими дружками — князя Дмитрий Иванович Пожарский и Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, царицыными дружками — боярин Михаил Борисович Шейн и князь Роман Петрович Пожарский «з женами», первым сидячим боярином царя оказался князь Иван Иванович Шуйский, первым сидячим боярином невесты — князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Последний затеял с Шуйским местнический спор, за что был отправлен на воеводство в Тобольск, где через год скончался. Князь Иван Васильевич Голицын, оскорбленный тем, что его сделали всего лишь вторым сидячим боярином невесты, вовсе не явился на свадьбу и тем самым нанес урон чести самого царя, за что был сослан в Пермь, где вскоре отдал Богу душу.

Свадьба не заладилась с самого начала. Кроме того, в первую ночь новобрачная плохо себя почувствовала, а с самого утра второго дня уже занемогла, и свадебный пир был отменен. Первой и прочно утвердившейся

была мысль, что царицу «испортили», скорее всего, подмешав зелье в еду или питье, а возможно, сглазили или навели иную какую порчу. Через три с половиной месяца, 7 января 1625 года, она умерла. Трудно представить себе, какие переживания испытывал в это время молодой муж, какие сомнения одолевали его. Наверное, не раз царю приходила в голову мысль, что он обречен злым роком на безбрачие, ведь ни полноценной свадьбы, ни семейной жизни с первой супругой у него не было.

Только через год Михаил Федорович решился-таки вновь вступить в брак. В этот раз выборы царской невесты проходили по чину. На смотрины во дворце привезли 60 девушек из самых знатных родов. В смотринах важнейшую роль взяла на себя мать царя, сопровождавшая его во время обхода комнат претенденток. И надо же было такому случиться, что царю понравилась не отобранная кандидатка, дочь окольного Григория Волконского, а ее восемнадцатилетняя прислужница из незнатного рода Евдокия Лукьяновна Стрешнева, дочь мелкопоместного можайского дворянина. На этот раз настойчивые уговоры матери не подействовали на государя; возможно, он специально решил выбрать никому не известную и ни для кого при дворе не опасную своими родственными связями невесту.

Примечательно, что свадебный обряд оставили почти без изменений, назначив только новых сидячих бояр невесты взамен умерших местничавшихся князей Трубецкого и Голицына, и, самое главное, чтобы не повторилась прошлогодняя история, участникам торжества было велено «быти без мест». Кроме того, на будущее был издан особый указ «для того, что вперед теми случаи никому в отечестве не считаться, и случаев ни у кого не приимати, и в место того никого не ставити».

При разработке сценария свадьбы ставилась задача показать, что она совершается «по их государскому чину, как бывало у прежних великих государей». Важно было выполнить все обряды с положенными благочинием и пышностью. Думается, особого восторга от них Михаил Федорович уже не испытывал, думая лишь о том, чтобы всё прошло на должном уровне и обошлось без трагических последствий. 29 января 1626 года он испросил благословение у родителей, спустя три дня невесту поселили во дворце и стали беречь пуще глаза, опасаясь порчи, а 5 февраля, в воскресенье, начались свадебные торжества.

Сначала молодые приехали к патриарху Филарету для благословения, которое он совершил Корсунской иконой Божией Матери, обложенной серебром; затем мать царя старица Марфа одарила молодых иконой Спаса в серебряном чеканном окладе и иконой Богоматери Одигитрии, также в серебряном чеканном окладе, украшенном драгоценными камнями. Прежде

чем начался обряд венчания, Михаил Федорович вместе со всем двором торжественно объехал кремлевские монастыри — мужской Чудов и женский Вознесенский, посетил Архангельский собор, где поклонился «отеческим гробам»...

В дворцовую Золотую палату царь явился уже в великолепном облачении — аксамитном кожухе^[10] на соболях и собольей же шубе, крытой золотым бархатом, со старинным кованым золотым поясом. (Традиция передавать золотые пояса по наследству известна издревле по духовным грамотам великих и удельных князей.) Пока царь собирался на венчание в Золотой палате, невесту привели в Грановитую палату. На ней были «платье и венец золотой с дорогим камнем и жемчугом». Дьяк Иван Грамотин, участвовавший в составлении рассказа о свадебном чине, при описании невесты постоянно подчеркивал богатство ее жемчужного убора и наличие драгоценных камней в ее наряде. Во время традиционного обряда причесывания голов в Грановитой палате, куда тысяцкий Иван Борисович Черкасский привел под руку жениха и посадил рядом с невестой, ее косу расплели и волосы расчесали, каждый раз окуная гребень в мед, после чего сделали стрелой прямой пробор и заплели уже две косы, «и покров положили, и покрыли убрусом (платком); а убрусец был низон жемчугом с дробницами золотыми». Тысяцкий был распорядителем на свадьбе, начальником свадебного поезда, и не случайно эта роль досталась князю Черкасскому, двоюродному брату царя: Михаил Федорович на протяжении всего своего правления доверял ему больше, чем всем другим придворным, первым пожаловал из стольников в бояре, а затем поставил во главе своего правительства.

Из Грановитой палаты жених и невеста спустились по Красному крыльцу на Соборную площадь, царю подвели прекрасного аргамака, на котором он и поехал в Успенский собор. Свадебный кортеж предваряли 40 всадников, в основном молодые стольники из знатных родов. За ними шли дружки и тысяцкий, а следом ехал жених на коне. Невесту везли в санях, сопровождаемых двадцатью тремя дворянами, в том числе шестью ее родственниками.

Венчание проводил благовещенский протопоп Максим Максимов. Молодые сначала стояли вблизи Царских врат (там, где обычно установлен амвон), а затем сели на специально подготовленную царскими шатерными скамью, покрытую драгоценным «кызылбашским» золотым ковром с двумя подушками — «бархат червчат с золотом в один цвет», и выслушали поучение протопопа и его приветствие. По окончании речи священнослужителя зазвучал хор царских певчих и началось общее

поздравление новобрачных всеми участниками церемонии.

Подробности свадебного чина показывают его тесную связь с языческими традициями, глубоко внедрившимися в русский быт, в том числе и в царский обиход. Дорогу молодых «берегли царицыны дети» (особый служебный чин), «чтоб никто меж государя и государыни пути не переходил». Думный дьяк принес в Грановитую палату золотое блюдо, на которое были положены хмель, 27 соболей, 27 золотных платков, 27 белок, 18 золоченых чеканных пенязей (монет Великого княжества Литовского) и девять «угорских» золотых.^[11] Число 27 («тридевять») имело сакральный смысл, так как выражало бесконечное множество (недаром в русском фольклоре «уехать за тридевять земель» означало «бесконечно далеко»). После венчания вся процессия вернулась из Успенского собора в Грановитую палату на пиршество, а князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский сел на царского аргамака с обнаженным мечом и охранял помещение место будущего почивания новобрачных. После третьей перемены блюд, когда государь с женой вышел из-за стола, чтобы удалиться в сенник, посаженная мать надела на себя вывороченную наизнанку шубу и осыпала молодоженов деньгами, хмелем и прочим, что брала с золотого блюда. Царская постель, опять-таки по древней традиции, была устроена на двадцати семи ржаных снопах, поверх которых было положено семь перин.

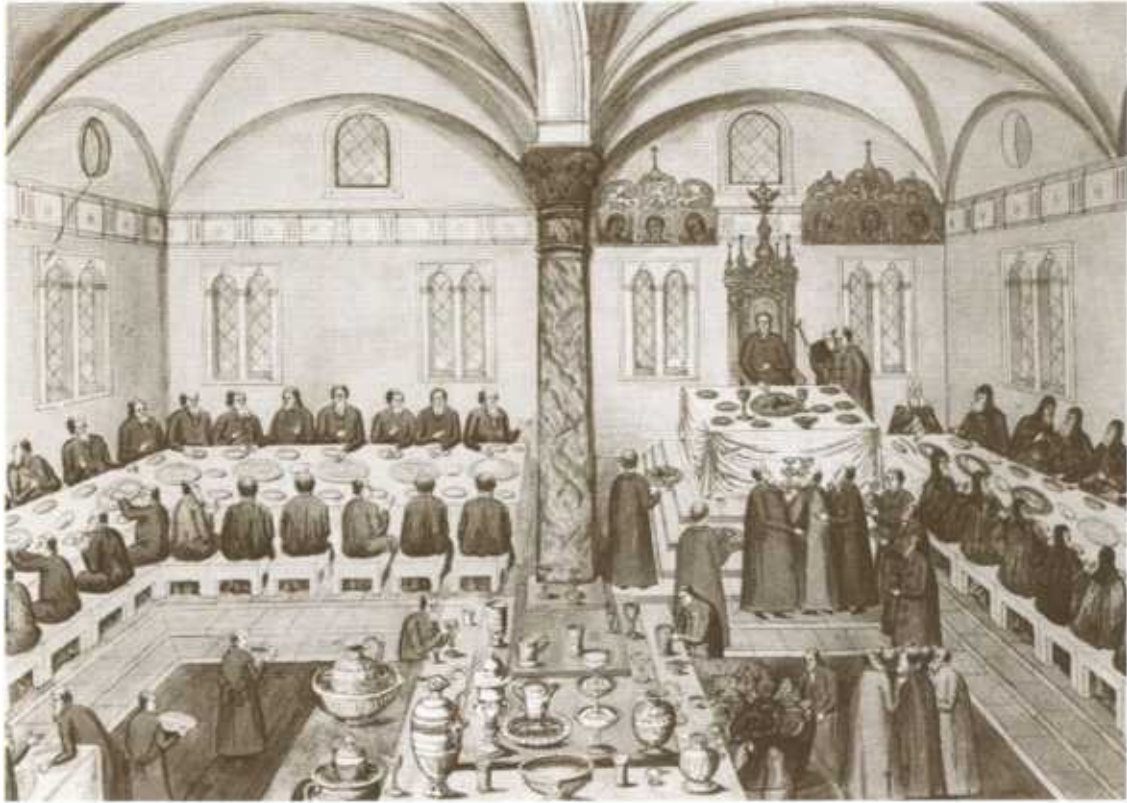
Любопытно сравнить перечень яств, отнесенных в сенник на свадьбе Михаила Федоровича и на второй свадьбе его сына. Первый набор кушаний был значительно скромнее для Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны завернули в скатерть лишь курицу с «перепечью и с солонкою». Для Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны был накрыт шикарный стол: «квас в серебряной лощатой братине, да с кормового двора приказных еств: папорок (крыло. — Л. Ч.) лебедин под шафранным взварам; ряб, окрошиван под лимоны, потрох гусиный... гусь жаркой, поросья жаркое, куря в колее с лимоны, куря в лапше, куря в щах богатых, да про государя же и про государыню царицу подаваны хлебные ествы: перепеча крупичетая в три лопатки недомерок, четь хлеба ситного, курник подсыпан яйца, пирог с бараниною, блюдо пирогов кислых с сыром, блюдо жаворонков, блюдо блинов тонких, блюдо пирогов с яйца, блюдо сырников, блюдо карасей с бараниной. Потом еще: пирог росольный, блюдо пирогов подовых, на торговое дело, коровай яцкий, кулич недомерок».

Икона «Насаждение древа государства Российского». С. Ушаков. 1668 г. ГТГ

*Присяга новоизбранному царю Михаилу Федоровичу на Красной площади 21 февраля 1613 года.
«Книга об избрании на превысочайший престол великого Российского царства великого
государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея великия России самодержца». 1612–
1613 гг. Копия XIX в.*

Пир в Кремле в честь избрания Михаила Федоровича. «Книга об избрании на превысочайший престол»

Венчание на царство Михаила Романова в Успенском соборе Московского Кремля. «Книга об избрании на преемственный престол»

Венчание протопопом Благовещенского собора Максимом царя Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны 5 февраля 1626 года. «Книга радости». Последняя треть XVII в. Копия 1810 г.

Алексей Михайлович. «Титулярник»

Аудиенция Алексея Михайловича иностранным послам. «Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом». 1674 г.

Михаил Федорович. «Титулярник». 1672 г.

Трон Михаила Федоровича

Царские регалии Михаила Федоровича

Фото С. Прокудина-Горского из книги П. Власенко «Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича». 1913 г.

Трон Алексея Михайловича

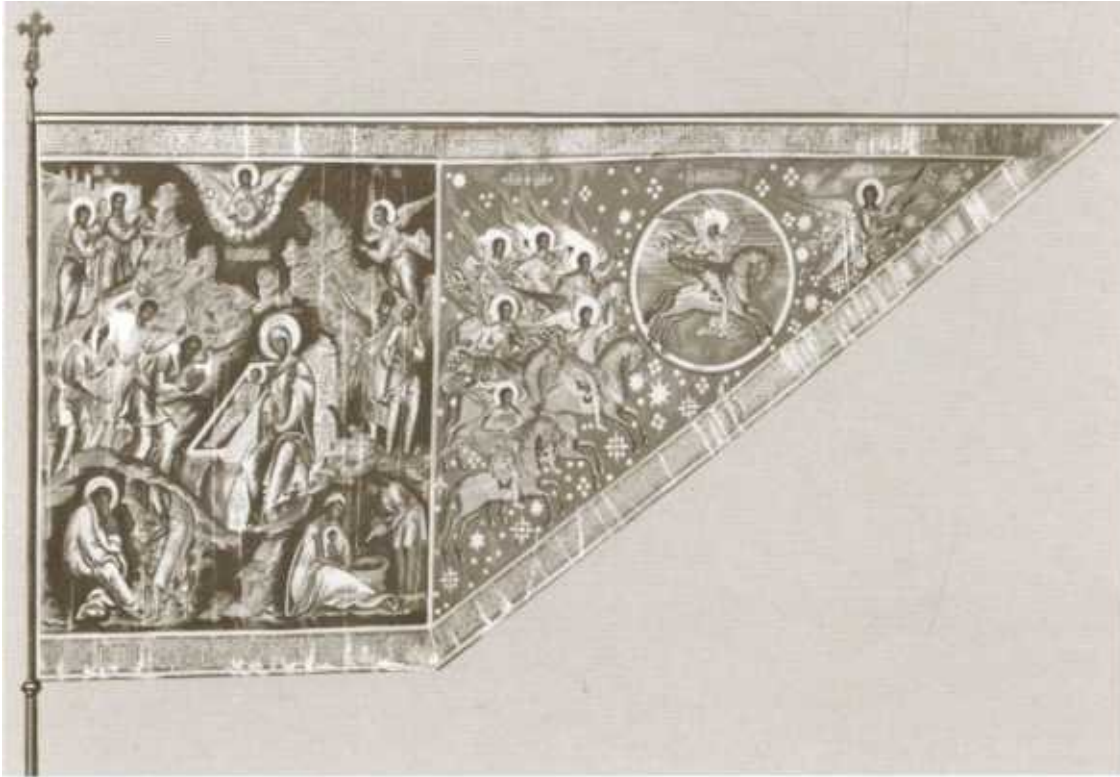

Навершие жезла и держава Алексея Михайловича

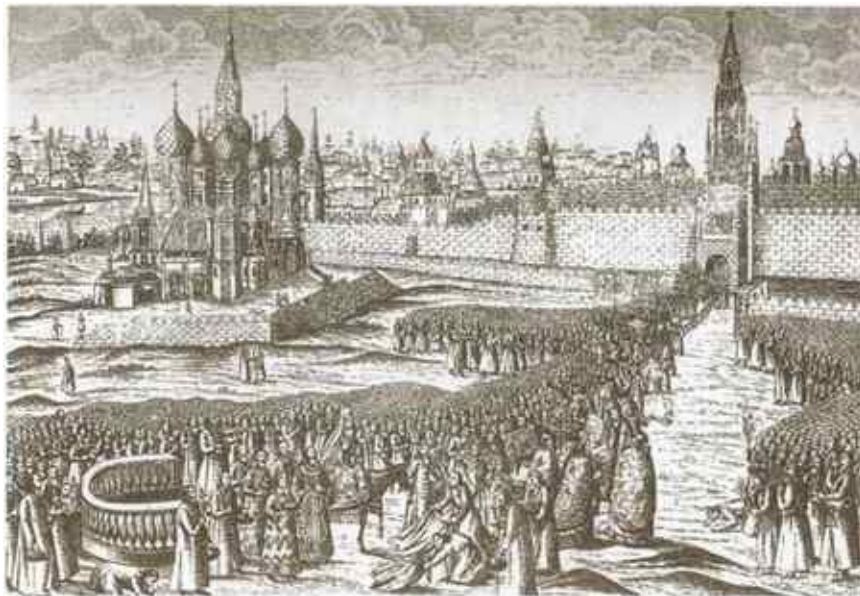
Хромотографии по рисункам Ф. Солнцева

Московская пехота. «Книга об избрании на превысочайший престол»

Знамя Большого полка русской армии 1654 года. Хромофотография по рисунку Ф. Солнцева

Шествие царя и патриарха в Вербное воскресенье. Голландская гравюра XVII в.

Водоосвящение в Москве. «Исторический рассказ или описание путешествия господина Кунрада фан Кленка, чрезвычайного посла высокомоцных Штатов и его высочества господина принца Оранского, к великому государю царю и великому князю Московскому». 1677 г.

Царь Федор Алексеевич. Посмертная парсуна И. Салтанова (И. Безмина?). 1686 г. ГИМ

Икона «Феодор Стратилат и великомученица Агафья» с изображением святых покровителей царя Федора Алексеевича и его первой жены Агафьи Семеновны. М. Милютин. 1680–1681 гг.

Патриарх Никон с клиром. Д. Вухтерс (?). 1660–1665 гг. Музей «Новый Иерусалим»

Золотая чаша с эмалью и драгоценными камнями была подарена патриархом Никоном Алексею Михайловичу в 1653 году

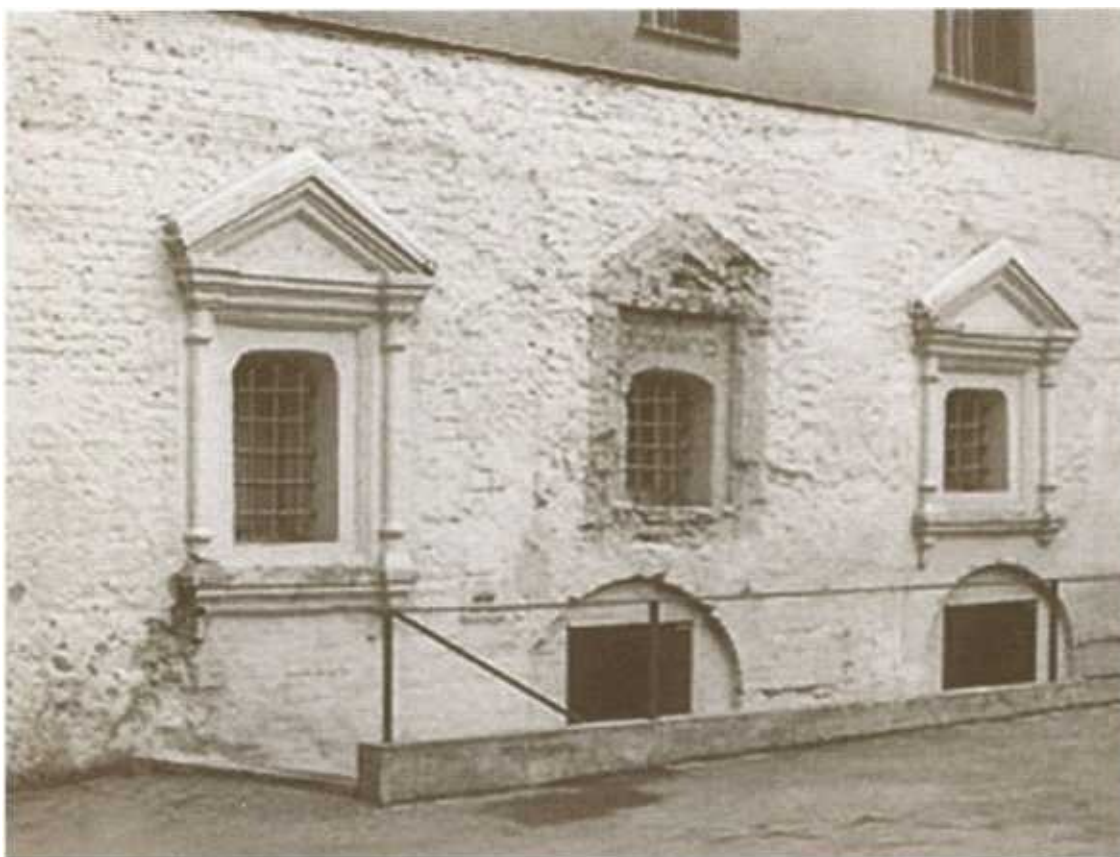
Митра, пожалованная Никону Алексеем Михайловичем в 1653 году. Хромофотографии по рисункам Ф. Солнцева

Датский королевич Вальдемар. Ю. Сустерманс. Первая половина XVII в.

Врач царя Алексея Михайловича Сэмюэл Коллинс. Гравюра второй половины XVII в.

С 1676 года на Воздвиженке располагался Государев аптекарский двор

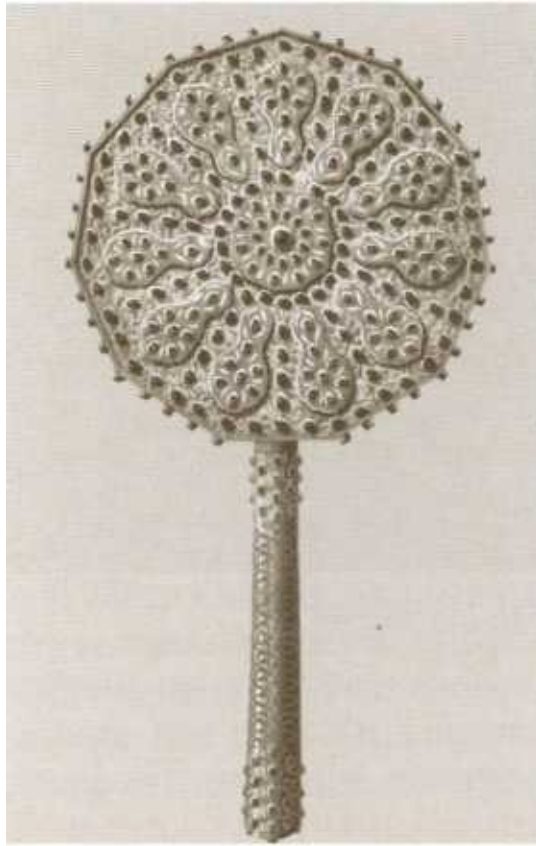

Первая жена Алексея Михайловича Мария Ильинична. Фрагмент иконы «Животворящий крест». Иван Салтанов. 1662 г.

Вторая жена Алексея Михайловича Наталья Кирилловна. К. Шурман (?). 1687 г. Копия XVIII в.

Золотое зеркало турецкой работы и опахало царицы Натальи Кирилловны. Хромофотографии по рисункам Ф. Солнцева

Вторая жена Федора Алексеевича Марфа Матвеевна. Между 1682 и 1715 гг. ГРМ

О свадебном пире речь пойдет отдельно, а здесь скажем только, что на свадьбе Михаила Федоровича он продолжался четыре дня. На второй день, как положено, жених со своими поезжанами и близкими людьми пошел в баню. По обычаю в этот день всем присутствовавшим на торжестве показали новобрачную — ее покров поднял царский дядя боярин Иван Никитич Романов той же стрелой, которой делали пробор при обряде расплетания косы. Опять же по старинному порядку молодых покормили кашей; правда, подали ее по-новому — не в горшках, а в фарфоровой посуде. Пока жених мылся в бане, веселье продолжалось своим чередом. После церковных песнопений пришло время скоморохов и музыкантов: «во весь день и до вечера и в ночи на дворце играли в сурны и в трубы и били по накрам (керамическим литаврам. — Л. Ч.)». Правда, в мыльне царю и его сопровождающим тоже подавали кушанья и «романею» в кубках.

На третий день пир продолжался опять-таки в Грановитой палате. Наконец, на четвертый день царь сначала принял отца-патриарха Филарета

в Малой Золотой палате, встретив его еще в сенях. Филарет благословил сына и невестку и преподнес богатые подарки, которые в «Свадебном чине» не перечислены — указано только, что роспись их наличествует на Казенном дворе. По всей видимости, даров было много, а состав их являлся традиционным: серебряные и золотые кубки и стопки, дорогие ткани, меха, драгоценности и пр. После патриарха подарки молодым подносили приехавшие с ним архиереи, а позднее бояре, гости и торговые люди. Празднование продолжилось в Грановитой палате.

Опасения Михаила Федоровича, его молодой жены (она отказалась принять имя Анастасия, а значит, была в курсе трагических исходов первого сватовства и первого брака своего супруга) и родни с обеих сторон оказались напрасными — свадьба, которую так долго ждал Михаил Федорович, прошла без сучка и задоринки. После четырехдневного празднования, кажется, и новобрачные, и весь придворный штат вздохнули с облегчением — никакого лиха не случилось!

Царь Алексей Михайлович, как и отец, женился дважды. В 1648 году он вступил в брак с Марией Ильиничной Милославской, которая была пятью годами старше его и вышла замуж «старой девой» в 24 года; в 1671-м избранницей 41-летнего вдовца стала девятнадцатилетняя Наталья Кирилловна Нарышкина. Обе свадьбы резко отличались от традиционного свадебного чина, но по разным причинам. Первую церемонию царь осознанно противопоставил народному обычаю, наполненному языческими (то есть, по мысли набожного царя, еретическими) элементами.

Мария Милославская тоже была не первой невестой царя. Когда по указу государя был назначен смотр невест, со всей страны свезли 200 красавиц, из которых были отобраны только шесть, а уже из них сам Алексей Михайлович выбрал свою ровесницу, дочь касимовского дворянина Евфимию Федоровну Всеволожскую, выделявшуюся своей совершенной красотой. В знак обручения та получила от государя расшитое полотенце («ширинку») и кольцо, был назначен день, когда невеста должна была переехать жить во дворец, в палаты царевен. Но с избранницей случился обморок, ее сочли негодной по здоровью, отца ее обвинили в сокрытии падучей болезни дочери, и всю семью сослали в Тюмень. Современники полагали, что несчастную девушку сглазил крестьянин Мишка Иванов, сосланный за чародейство и наговор в монастырь; историки же пришли к выводу, что невесте намеренно так туго заплели косу, затянув волосы и кожу, что это вызвало головокружение и потерю сознания. Виной всему опять-таки были дворцовые интриги,

направленные на то, чтобы выбор пал на «нужную» невесту.

Ходили упорные слухи, что обморок Всеволожской был на руку всесильному Борису Ивановичу Морозову, стремившемуся самостоятельно решать, кого он хотел бы видеть в качестве царского тестя. Марию Ильиничну подыскал в жены царю именно его «дядька», которому Алексей Михайлович безгранично доверял. Заодно 58-летний боярин и сам женился во второй раз — вероятно, сугубо по расчету — на Анне Милославской, родной сестре царицы, и таким образом породнился с монаршим семейством, стал свояком государя. Его свадьба состоялась через десять дней после царской. Отец двух сестер стольник Илья Данилович Милославский в качестве свадебного подарка от зятя-государя получил боярский чин.

По другой версии, Алексей Михайлович сам присмотрел невесту в церкви во время богослужения. Как писал Григорий Котошихин, царь «повелел взять во дворец, где тое девицы смотрел, и возлюбил, и нарек царевной, и в соблюдение предаде ее сестрам своим, дондеже приспее час женитьбы». На этот раз всё прошло благополучно: врачи признали девушку здоровой и способной к деторождению, и венчание не стали откладывать — оно состоялось через два дня, 16 января 1648 года.

Важным отличием этой царской свадьбы от предшествующих и последующих было то, что на пиру была запрещена инструментальная музыка гусельников и домрачеев. Вместо «кощунов, бесовского игrania, студных сопельных песен и трубного козлоглаголанья» исполнялись духовные песнопения. Такой отход от народной традиции объяснялся в описании свадебного торжества 1648 года следующим образом: «Да на прежних же государских радостях бывало в то время, как государь пойдет в мыленко, во весь день с вечера до ночи на дворе играли в сурны и в трубы и били по накрам. Ныне великий государь на своей государевой радости накрам, трубам быти не изволил. А веле государь в свои государски столы вместо труб и органов и всяких свадебных потех пети своим государевым певчим дьякам, всем станицам, переменяясь... со всяким благочинием».

Как мы помним, религиозный Алексей Михайлович примкнул к «ревнителям древлего благочестия», стремившимся возродить церковную проповедь, изгнать многогласие из церковной службы и боровшимся против языческой обрядности, широко распространенной в народе. В рамках этой борьбы царский указ 1648 года провозглашал: «...скоморохам не быть, гусли, домры, сурны, гудки и все подобные бесовские сосуды... ломать и жечь без остатку». Патриарх Иосиф также издавал указы об изгнании скоморохов из Москвы. У них отбирали музыкальные

инструменты, разбивали или сжигали их. Благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев настаивал на том, что нельзя осквернять царскую свадьбу языческой музыкой и весельем, и государь послушался своего духовного отца.

Вторая свадьба Алексея Михайловича, состоявшаяся 22 января 1671 года, была менее строгой. Ей тоже предшествовали смотры красавиц из знатных и незнатных семей, отобранных верховыми боярынями и освидетельствованных придворными медиками. Они проводились царем раз в неделю в течение нескольких месяцев. Понравившихся царю кандидаток в невесты поселяли во дворце до окончательного решения. И здесь опять начали происходить драматичные события. Во дворец взяли Наталью Нарышкину, а 18 апреля 1670 года туда же была вызвана самая сильная ее конкурентка Авдотья Беляева. Правда, она уступала Наталье «в теле»; во всяком случае, дворецкий Богдан Матвеевич Хитрово отметил, что руки у нее больно «худы». Через пять дней во дворце были найдены два подметных письма на имя государя, направленных против государевых невест, в особенности Натальи Нарышкиной. Алексея Михайловича они возмутили: «...такого воровства и при прежних государях не бывало, чтобы такие воровские письма подметывать в их государских хоромаш!» Автор пасквилей прикрылся подписью «Артамошка», которая сама по себе о многом говорила: главной мишенью был царский любимец Артамон Сергеевич Матвеев, приведший в царские покои свою воспитанницу Нарышкину. Возможно, именно эти письма и повлияли на окончательное решение царя в пользу оклеветанной Натальи Кирилловны.

Венчание в Успенском соборе совершал духовник царя благовещенский протопоп Андрей Савинов. Царь был одет в белый атласный зипун, кафтан, крытый персидским атласом, затканым серебряными травами по «рудожелтой» земле с разноцветными листьями, и фerezею^[12] белого сукна, подбитую пухом и собольим мехом, обшитую по подолу немецким плетеным золотым кружевом, а на спине и груди вышитую низаным жемчугом. Фerezея имела пристяжной воротник — алмазное «ожерелье первого наряду». Шапка была сшита из алого бархата с двусторонним ворсом. В руках царь держал «индейский» посох, украшенный драгоценными камнями. Описание одеяния невесты не сохранилось, но, конечно же, оно не могло сравниться с потрясающей красоты нарядом сорокалетнего жениха-венценосца.

Справедливости ради надо сказать, что впоследствии Алексей Михайлович не жалел денег на одежду и украшения для молодой жены. После свадьбы у греческих купцов были приобретены два рулона

золотного алтабаса за 500 рублей — по тем временам преогромнейшие деньги; кроме того, за золотный атлас было отдано 50 рублей, за голландское полотно — 52 рубля. Царице понадобились четыре штуки кисеи, 11 сортов обьяри,^[13] 164 аршина камки, 12 видов тонких миткалей, семь отрезов польских полотен. Помимо тканей закупались и драгоценности: жемчуг для царицы стоил 480 рублей, алмазные серьги и брошь — 270 рублей. В дополнение к перечисленному были приобретены перстень с алмазом и зарукавья (браслеты) с яхонтовыми искрами, а также множество различных запон (застежек). Поэтому можно не сомневаться, что и на свадьбу Наталье Кирилловне был сшит достойный наряд.

Сохранились списки всех участников свадебного поезда. Конюшим был окольный князь Дмитрий Алексеевич Долгоруков, сидячими боярами — сибирский царевич Петр Алексеевич и окольный князь Борис Иванович Троекуров, сидячими боярынями — княгиня Анастасия Васильевна Сибирская и Анна Семеновна Троекурова; дружками, свахами, каравайниками, фонарниками, свешниками и поезжанами значились в основном стряпчие, стольники и их жены. В «комнате» у Натальи Кирилловны были боярыни княгини Ульяна Ивановна Голицына и Елена Борисовна Хворостинина, жена Артамона Сергеевича Матвеева Авдотья Григорьевна и жена Федора Полуектовича Нарышкина Евдокия Петровна.

В свадебный обряд были внесены некоторые изменения: из него исчезло расчесывание волос с медом, не было провожания в сенник и «открывания невесты».

Свадебное торжество длилось три дня. Царь со своими гостями пировал в Грановитой палате, царица — на женской половине дворца, как было принято с древности. На улицах жгли костры и раздавали пиво и мед всем желающим.

Новшеством второй свадьбы Алексея Михайловича стало приветствие, сочиненное по сему торжественному случаю Симеоном Полоцким. Вначале придворный поэт обращался с призывом ко всем присутствующим принять участие в торжестве по поводу свадьбы:

Светлый день ныне Россия сияет,
Радость всем людям с небесе сплывает.

Затем Симеон обращался к царю с восхвалениями вроде «ты — солнце Российския страны» и хор певчих исполнял «многая лета». Следующее приветствие адресовалось новобрачной: «Радуйся, Наталия, светлая

царица!» — и завершалось также пением многолетия. После этого одно за другим следовали, перемежаясь многолетиями, обращения к царевичам, царевнам, боярам, духовенству. Поэт призывал всех «веселиться» и радоваться вместе с царем, причем пройдя один круг приветствий, он начинал второй — двустигиями, обращенными к членам царской семьи и разным категориям гостей («Преславны роде рускии, веселися!» или «Архиереи истиннаго Бога!» и т. д.).

Симеон Полоцкий сочинил также прозаическую речь, которую произносил на свадьбе митрополит Сарский и Подонский Павел.

Две свадьбы Федора Алексеевича были похожи одна на другую как две капли воды, если не принимать во внимание, что второй раз царь женился практически за месяц до своей кончины, уже будучи тяжелобольным. Врачи отговаривали его от второго бракосочетания, но он всё же сделал этот шаг, возможно, надеясь на чудесное исцеление после свадьбы.

Будущую супругу, семнадцатилетнюю Агафью Семеновну Грушецкую, девятнадцатилетний Федор увидел летом 1680 года во время крестного хода и сразу же решил жениться на ней. Но чтобы не нарушать обычай, устроили смотрины двадцати отобранных невест, в число которых была предусмотрительно включена и царская избранница, жившая в то время у дяди по матери окольного Семена Ивановича Заборовского. Как не раз случалось прежде, выбор царя раздосадовал многих бояр, строивших свои планы насчет будущей царской супруги. Особенно явно выражал свое негодование родственник Федора Алексеевича по материнской линии боярин Иван Михайлович Милославский, обвиняя ближайших друзей царя Ивана Языкова и братьев Лихачевых в стремлении ввести во дворец свою протеже. Клевета, которую Милославский распространял по адресу Агафьи Грушецкой и ее матери, привела лишь к его отставке и удалению от двора.

Решение царя обсуждалось не только его подданными, но и иностранцами. Нидерландский резидент Иоганн ван Келлер доносил своему правительству: «...его супругой не стала ни одна из княгинь, о которых я писал в постскрипуме моего последнего письма и которые были сопровождены во дворец для того, чтобы его царское величество мог выбрать себе невесту среди них, а ею стала особа из не очень богатой семьи и принадлежащей скорее к польской нации, чем к русской; его величество этим хотел открыто доказать... что он непременно хочет выразить свою волю, а не следовать в этом отношении воле вельмож двора... ведь если он породнится со знаменитой семьей, которая посредством этого станет чересчур важной и чересчур могущественной и

будет стремиться таким образом притеснять менее знатных, то это может привести к опасным ссорам».

Новые государевы родственники, как и полагалось, до свадьбы и сразу после нее получили чины и поместья. Отец царицы Семен Федорович был пожалован в бояре. Остальные родственники, Грушецкие и Заборовские, получили менее значимые чины, но в большом количестве, став стряпчими, думными дворянами, спальниками, стольниками и др.

Свадьба была более чем скромной: 18 июля 1680 года патриарх Иоаким повенчал молодых в Успенском соборе в присутствии царского духовника, который шел с крестом из дворца в собор, протопопа Спасского дворцового храма, кропившего святой водой дорогу, двух ключарей и диакона — других представителей Церкви не было. Кремль по указу царя закрыли для всех. На свадебном пиру прозвучали поздравительные вирши Симеона Полоцкого — «Приветство благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу о благословенном в святое супружество поятии благоверныя царицы и великия княгини Агафьи Симеоновны» (его текст, к сожалению, не сохранился).

Скромность в быту, проявляемую Федором повсеместно, отмечали уже его современники. Как будто в противовес отцу он не любил роскоши и даже предпринял определенные шаги по ее искоренению при своем дворе.

Агафья Семеновна с первого дня начала менять придворные порядки и обычаи. Она смело выходила вместе с мужем к народу, чего не бывало отродясь; даже выезжая в закрытой карете, царицы должны были тщательно скрываться от людских глаз, чтобы их не сглазили и не «испортили». Появление Агафьи рядом с мужем было расценено как нарушение чина, но Федор во всем поддерживал жену и даже в чем-то отдавал ей инициативу и первенство. Вкусы супругов, по-видимому, совпадали; во всяком случае, царица под стать мужу, брившему бороду и отравившему длинные волосы, «распустила» косы — перестала прятать их под кикой, убрусом и платком, составлявшими традиционный головной убор замужней женщины. Уже во время свадебной церемонии Агафья должна была бы тщательно замаскировать волосы громоздким головным убором. Идущее еще из языческих времен предубеждение, что женщине нельзя «светить волосами», было крайне живучим. Иван Грозный, по преданию, увидев сноху «неубранной», с непокрытой головой, разгневался на сына и ударил его посохом по голове, что послужило причиной гибели царевича. Воспитанная на польских традициях Грушецкая не захотела

подчиняться старинному московитскому обычаю, завела себе отороченную мехом «польскую шапочку», закрывавшую лишь часть головы и оставлявшую волосы напоказ. Ей стали подражать придворные боярыни, входившие в ее свиту, коим она самолично дарила подобные шапочки. Естественно, царицу осуждали за глаза, но сказать об этом в лицо никто не решался.

Через год без недели после свадьбы, 11 июля 1681-го, появился на свет единственный ребенок Федора Алексеевича царевич Илья. Но царица так и не смогла оправиться от родов и спустя три дня скончалась, а еще через неделю умер и новорожденный.

Второй брак Федора был слишком поспешным — уже через полгода царь захотел еще раз испытать судьбу и выбрал в жены по совету всё того же Языкова пятнадцатилетнюю Марфу Матвеевну Апраксину. По традиции ее поселили во дворце и нарекли царевной, а спустя три дня, 15 февраля 1682 года, состоялось венчание — не в Успенском соборе, куда царь не смог бы пойти, а в дворцовой «верховой» церкви Воскресения. Обряд проводил царский духовник. Царь, совсем больной, «хвотался за соломинку» — вторую женитьбу, как будто она сулила ему новую жизнь...

Несостоявшаяся свадьба

Как мы видели, сорвавшихся браков в царской семье было немало, но все они касались отвергнутых невест. Случаи же, когда женихи царских сестер и дочерей получали отказ или их свадьбы по тем или иным причинам не состоялись, были исключительными.

Общее в положении всех царевен — их вынужденное «монашество» во дворце из-за невозможности выйти замуж за неровню — боярских сыновей, считавшихся «холопами», и отсутствия подходивших по статусу православных женихов в Европе. Брак с отпрыском боярского рода мог в дальнейшем привести к посягательству его родственников на царский трон. Григорий Котошихин фиксировал, что сестры и дочери русского царя живут, «яко пустынницы, мало зряху людей и их люди, но всегда в молитве и посте пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольствие имея царственное, не имея бо себе удовольствия такова, как от всемогущего Бога ведано человеком совокуплятися и плод творити». Печальная судьба царевен, лишенных нормальной семьи, накладывала отпечаток на их характеры и образ жизни.

Немногие попытки московских государей выдать своих любимых дочек замуж за принцев королевской крови европейских держав ничем хорошим не окончились. Еще Борис Годунов хотел сосватать свою дочь Ксению за датского королевича Иоганна. Осенью 1602 года жених прибыл в Москву, но вскоре умер. Более чем 30 лет спустя, в 1637-м, приехало датское посольство, чтобы перевезти «кости» королевича на родину. Вспомнилась вся история с планировавшимся браком. Возможно, она и навела Михаила Федоровича на мысль сделать датскому королю новое матримониальное предложение. Старшая дочь царя Ирина (1627–1679) оказалась «счастливицей», которой предстояло разрушить давнюю печальную традицию безбрачия и бесплодия царевен.

Начались долгие переговоры и рассмотрение кандидатур сыновей датского короля Кристиана IV, кто из них сможет жениться на Ирине. Оказалось, что только Вальдемар, сын от второго морганатического брака короля с графиней Мунк, подходит по всем статьям. Возможно, русскую сторону устраивало, что Вальдемар как дитя мезальянса («сын с левой руки», по выражению русских источников) не мог претендовать на королевский статус у себя на родине, а значит, в Московии не мог быть соперником подраставшему Алексею Михайловичу. Сведения о

потенциальном женихе тайно и долго собирались через датского королевского приказчика Петра Марселиса (купца и заводчика, выросшего в Москве и неоднократно выполнявшего дипломатические поручения в Европе) и других лиц. Был заказан портрет Вальдемара. Но ни сам жених, ни его отец ни сном ни духом не ведали об этих планах московского двора. Когда королю донесли о настойчивых расспросах о его сыне, он даже подумал, что того хотят пригласить в Россию для каких-то военных дел, но никак не для женитьбы. Поэтому когда в 1641 году датское посольство направилось в Москву, во главе его ехал девятнадцатилетний граф Шлезвиг-Гольштейнский, сиречь Вальдемар.

Королевичу не понравилось в Москве, хотя ему устроили торжественную встречу и пышный прием в Кремлевском дворце. Он был возмущен, когда ему предложили снять шпагу перед царской аудиенцией. Однако Вальдемар приглянулся отцу и матери будущей невесты, а это было главное. Встреча, по свидетельству «Нового летописца», «была большая», но царь своих намерений не раскрыл. Королевич, осыпанный подарками, «отпущен был в Дацкое землю».

В апреле 1642 года официальное русское посольство во главе с окольниковым Степаном Матвеевичем Проестевым и дьяком Иваном Исааковичем Патрикеевым прибыло в Данию для заключения брачного договора. Важнейшим условием намечавшегося союза был переход Вальдемара в православное вероисповедание. Это сразу же не понравилось Кристиану IV и его окружению. Кроме того, отзывы самого королевича и членов его посольства о русском царе и его дворе были, скорее всего, не очень лестными. По просьбе Михаила Федоровича в дело вмешался Петр Марселис, умело расставивший акценты и показавший несомненную выгоду союза с Россией как для Дании, так и лично для королевича. Марселис оговорил также условия приезда Вальдемара в Россию для заключения мирного договора и брачного союза. Дело сдвинулось с мертвой точки.

Наконец зимой 1644 года большое датское посольство во главе с королевичем отбыло в Москву. Дорогих гостей встретили у самой границы, в Пскове, поднесли подарки, дали хорошую охрану, в каждом крупном городе устраивали церемонии «большой» встречи. В Кремле жениху отвели заново отстроенные покои Бориса Годунова, соединив их переходами с Теремным дворцом. Всё было организовано на высшем уровне, включая прием в Грановитой палате, где королевич познакомился с братом невесты Алексеем Михайловичем. Между молодыми людьми завязались дружеские отношения: они вместе ездили на охоту, ходили друг к другу в гости.

Осенью 1644 года Михаил Федорович с сыном был приглашен на обед в кремлевские хоромы Вальдемара. Этот визит в подробностях зафиксировал один из членов датской свиты. Государь вел себя как частное лицо, был любезен и сносил все иноземные замашки, даже позволил датчанам оставаться при шпагах в его присутствии. Михаилу Федоровичу очень понравилась инструментальная музыка, в особенности исполняемая на органах, которые тогда уже получили широкое распространение в Москве. Царь интересовался заморскими штучками, всё хотел опробовать или, по крайней мере, потрогать. Он взял в руки шпагу и шляпу королевича и долго их рассматривал, вертя в разные стороны. Видя такой неподдельный интерес к своей шляпе, Вальдемар предложил Михаилу Федоровичу обменяться головными уборами, что и было сделано. По словам очевидца, «такое увеселение продолжалось несколько времени; со стороны царя и царевича великая любовь и расположение к графу изъяснялись в очень ласковых словах, телодвижениях и объятиях». За столом обмен любезностями продолжался. Но дело испортил Борис Иванович Морозов, сопровождавший царевича Алексея. Боярину, видимо, не терпелось решить главный вопрос — о переходе в православие жениха, поэтому он несколько раз переводил разговор на эту тему, но добился только того, что вспыльчивый Алексей Михайлович, не выдержав бестактности своего «дядьки», «встал, наконец, схватил его за кафтан на груди и велел идти вон».

Переговоры о женитьбе не продвигались, вопрос о смене конфессии стал камнем преткновения. Вальдемар категорически отказывался принять православие. Начались уговоры. Русские стали усиленно намекать, какой замечательной жены может лишиться датский королевич, описывая Ирину Михайловну как самую красивую и скромную девицу в Москве, достойно ведущую себя на пирах и никогда не злоупотреблявшую хмельными напитками. Датчане по-своему оценили настойчивость русских — стали распускать слухи, что достоинством царевны, по-видимому, следует считать то, что она никогда не валяется пьяной, как другие русские женщины. С русской стороны, в свою очередь, стали распространяться слухи о незаконном рождении королевича (на самом деле родители были венчаны, но брак был морганатическим, Вальдемар не мог наследовать датский престол и носил графский титул). Шведы, стремившиеся помешать этому марьяжу, также начали мутить воду, распуская всяческие слухи.

Это дало в руки московитов новый козырь. Тогда датчанин прибег к хитрости — объявил, что наложит на себя руки, а когда эта угроза не подействовала, прикинулся, что тяжело хворает «сердечною болезнью»,

однако не смог долго симулировать и снова ударился в разгульное пьяное веселье. Вальдемар был типичным повесой, человеком своего времени: с одной стороны, являлся баловнем судьбы, с другой — страдал от ущемленной чести. Датская делегация — сам королевич и его молодые друзья — казалась русским эдаким скопищем чертей в людском обличье. Автор «Повести о внезапной кончине государя Михаила Федоровича», считавший, что Вальдемар ускорил смерть монарха своим упрямством и непристойным поведением, прямо называл иноземцев «демонами»: «... повседневно бесновался по своему незаконному обычаю и вере: в трубы, и органы, и прочие различные пiski не переставали играть на его дворе, а об ином срам и писать.... хотя видом, обрядом и составом они люди, но одеянием и волос ращением они как бы демоны, всё бесовское и еретическое содевают, во всём бесам угождают». Молва о кощунном поведении будущего удельного князя Суздальского и Ярославского, а возможно, также Новгородского и Псковского (именно такой статус обещали Вальдемару) явно не шла на пользу его имиджу. В глазах московских обывателей шансы датского королевича стать зятем государя таяли на глазах. Однако Михаил Федорович на поведение Вальдемара смотрел сквозь пальцы, был готов простить ему всё, кроме отказа перейти в православие. Тут уж нашла коса на камень...

Чтобы переубедить датчанина в его неприятии православия, весной 1645 года были организованы прения о вере. Сохранились послания, которыми обменивались дискутирующие стороны. В грамоте от имени патриарха Иосифа говорилось сначала об отступлениях от истинной веры католиков во главе с папой римским (в основном по вопросам об исхождении Святого Духа от Отца и Сына, о времени пресуществления Святых Даров и др.), потом о протестантизме: «...некто явился учитель в ваших немецких странах Мартин Лютор и Кальвин и инии учителя, и тии смутили царей и королей своим ложным учением, и много против евангелия писали, и вселенские соборы, предание и посты отринули, и самово римского папу и с ево кафолицкою верою ни во что поставили...» Послание начиналось и заканчивалось призывом «не упрямить», а послушаться великого государя и принять православие, пройдя обряд крещения троекратным погружением в воду. В прениях принимали активное участие датский пастор Максим и ключарь Успенского собора, книжный справщик Иван Наседка, ставшие самыми непримиримыми врагами и призывавшие спорящие стороны к окончательному разрыву.

В нескольких ответных письмах королевич прежде всего указывал на явное ущемление чести его отца и его собственной московским

правительством, не позволяющим ему свободно уехать из страны. На укору в свой адрес он возражал, что его нежелание перейти в православие диктуется преданностью вере: «А что нас [в] вашем писании упрямою винят, и мы ведаем, что того доброю мерою про нас говорить нельзе, разве того, что нас в нашей прямой христианской вере, которой от Бога ведетца постоянство, про то похулно именовать? А мы ведаем, что ништо над человеческою волею в христианских делех повеления не имеет разве Бога Святаго Духа, иже всякого к правде ведет, которой ему в его слове с раденьем последствует и себя вести дает, и тому дает он постоянство. И также нам ведомо есть, что в той статьи, что о душе и спасении належит, Бога болши подобает слушати, нежели человек, потому он един Бог и Господь, которой помощи и от смерти избавити может; хотя какой великий государь родом столь велик и силен землями и людми, каков может быть, и он все то оставит, и невозможно ему единого от смерти избавить». Королевич многократно подчеркивал мысль, что люди, идущие на смену религии, непостоянны и осуждаются в его стране как предатели. Кроме того, он призывал русских оппонентов поразмыслить: если бы он легко предал свою веру, не было бы это свидетельством того, что он так же легко предаст и великого государя? Из переписки видно, что общего языка стороны найти не могли. И действительно, споры о вере только сильнее накалили атмосферу.

В начале мая стало ясно, что переговоры зашли в тупик; датчане захотели покинуть Москву — но не тут-то было: им не разрешили уехать, обвинили в давлении на государя и потребовали продолжить переговоры. Тогда в ночь на 9 мая Вальдемар с пятнадцатью членами посольства, плохо представляя себе ситуацию, решился тайком бежать из страны. Уже на выходе из кремлевских ворот их остановила стрелецкая стража, но датчане отбились шпагами и проскочили в Белый город. Затем отряд, к которому примкнул еще десяток человек, достиг Тверских ворот, где снова был остановлен стражей; начался бой. На этот раз датчанам прорваться не удалось и пришлось отступить в Кремль. Одного из них захватили стрельцы и повели туда же под охраной. Принц с друзьями снова атаковали, пытаясь отбить товарища. Датчане шпагами наносили стрельцам многочисленные ранения, а одного закололи насмерть. Дело принимало уголовный характер. Вину взял на себя Вальдемар, справедливо полагая, что его как будущего зятя царь простит.

Королевич отправил призыв о помощи отцу. Кристиан IV прислал Михаилу Федоровичу несколько писем, где напоминал, что первоначально речи о перекрещивании не было, и настаивал на соблюдении Москвой

прежних обязательств. Но царь стоял на своем, тем самым подтверждая ходившие в Европе слухи, что Вальдемара удерживают в России насильно. Прибывший в Москву польский посол Гавриил Стемпковский начал оказывать королевичу поддержку, а заодно стремился помешать шведам воспользоваться ситуацией. Сохранилось адресованное ему письмо Вальдемара, в котором тот сообщал, что устал от борьбы и готов пойти на определенные уступки, в том числе согласиться крестить будущих детей по греческому обряду, соблюдать посты, если они не окажутся вредны для его здоровья, переодеться в русское платье. Но о переходе самого королевича в православие по-прежнему не было и речи.

Свою лепту в неудачное завершение дела внес и родной брат царицы Семен Лукьянович Стрешнев, предложивший устроить тайное свидание жениха и невесты. Рандеву сорвалось; Стрешнев начал судорожно искать предлог, чтобы выпроводить из Москвы лютеранского пастора Максима, полагая, что тот оказывает слишком сильное влияние на Вальдемара и без него будет легче сломить сопротивление королевича, — но и это не удалось. Тогда дядя невесты решил прибегнуть к испытанному народному средству — приворожить жениха, для чего обратился к некоему чародею Симону Данилову (Во всяком случае, когда в 1648 году состоялся суд над Стрешневым, скорее всего инициированный временщиком Б. И. Морозовым, ему припомнили и это: «А ты, Семен, и сам при государе и при боярех такое слово говаривал, кто с ведунами знается, и тот де достоин смерти, и то ты, Семен, говаривал воровски, лестно». Бедолагу лишили придворного чина кравчего и приговорили к ссылке в Сибирь, которую Алексей Михайлович заменил отправкой на воеводство в Вологду.)

Пострадал влезший в это дело князь Семен Иванович Шаховской, предложивший в разговоре с благовещенским протопопом Никитой свой метод урегулирования конфликта. Князь выбрал из канонического права цитаты, которые могли быть трактованы как подтверждение возможности признания католического крещения достаточным для православного христианина. Его «письмо», а также сделанный им во время следствия намек на желание самого Михаила Федоровича уладить дело женитьбы любым путем, пусть даже и без перекрещивания королевича, послужили основанием для его опалы с обвинением: «...того искал, чтоб королевичу быть в Московском государстве некрещену».

Создается впечатление, что русские пытались взять датчан не мытьем, так катаньем. Михаил Федорович намеренно тянул время, уповая на то, что королевич одумается. Но ситуация разрешилась неожиданным образом — 13 июля 1645 года царь скоропостижно скончался. Поползли слухи, что

заболел он и умер от большой «кручины» из-за упрямства Вальдемара. Датские пленники вздохнули с облегчением, ожидая скорой развязки дела и возвращения домой. Но царица Евдокия Лукьяновна настаивала, чтобы дело довели до конца на русских условиях. Очередной отказ Вальдемара поменять веру так огорчил государыню, что она занемогла — во всяком случае, именно так было интерпретировано это событие в «Новом летописце».

Уже не чаявший освободиться королевич неожиданно нашел спасителя в лице нового московского государя Алексея Михайловича, проявившего понимание сложности ситуации и неделикатности поведения русских властей. Он тихо побеседовал с Вальдемаром, сделав последнюю попытку образумить его и призывая пожалеть хворую царицу, которая «день деньской всё плачет непереставаяючи, так что не видит уже и света Божьего», и... отпустил несостоявшегося родственника восвояси. Прощальная аудиенция членам датского посольства состоялась 13 августа 1645 года, после нее Вальдемар волен был выехать в любой момент — но теперь с отъездом не спешил. Через пять дней, 18 августа, скончалась царица Евдокия Лукьяновна, по слухам, не перенесшая «кручины» по поводу потери мужа и строптивного поведения жениха дочери. К тому же и сын-государь проигнорировал желание матери «не пущать» Вальдемара домой и, возможно, даже поссорился с ней. Во всяком случае, Иван Наседка в качестве причины смерти царицы называл именно отпущение датчанина: «Слышавши же она от сына своего таковое речение, что отказ тому нечестивому королевичу, и паки болезнию и печалию одержима бысть, яко желание ее не совершися вконец, и абие преставися».

Сразу же после похорон царицы датское посольство выехало из Москвы с большими дарами, угощением и почетным эскортом. В организации таких торжественных проводов чувствуется стиль Тишайшего, стремившегося во всём соблюсти приличия и чинность. Возможно также, что в молодом царе от природы была заложена способность входить в положение других людей, понимать мотивы их действий и относиться сочувственно. Наверняка он любил поговорку «Насильно мил не будешь», а посему простил королевича и распрощался с ним по-царски.

Вплоть до начала русско-польской войны 1654–1667 годов в Москве время от времени возникали слухи о мести, которую якобы готовил королевич Вальдемар за свою обиду: то опасались его прихода во главе эскадры кораблей в Архангельск, то говорили, что он в чине генерала возглавляет войска австрийского императора, идущие на помощь польскому королю в борьбе с казаками Богдана Хмельницкого, за которыми стояла

Москва. На самом же деле в письме, присланном Алексею Михайловичу, вступившему в войну против поляков в 1654 году, королевич желал царю здоровья и «одоления всех своих врагов». Кстати, он сам участвовал в войне шведов против Речи Посполитой, в одном из сражений которой погиб в 1655 году.

Несостоявшееся замужество царевны Ирины Михайловны в очередной раз убедило русских, что для царских дочерей нет достойных женихов за рубежом, как нет их среди царевых подданных. Но Ирина Михайловна хотя бы походила в невестах, тешила себя надеждой на радости семейной жизни. Для остальных дочерей первых Романовых даже мысль о замужестве считалась еретической.

Теремные затворницы?

В Средневековье русская женщина из высших социальных слоев, отгороженная от окружающего мира высоким забором, должна была вести жизнь теремной (почти что «тюремной») затворницы. Она постоянно находилась на женской половине дома, занимаясь хозяйственными делами, рукоделием, воспитанием детей. Круг ее общения был крайне узок: родственники, холопы и домашние слуги; нищие и убогие, которым не только подавали милостыню, но нередко надолго оставляли в доме. Изредка его разнообразили жены друзей супруга, пришедшие вместе с ними в гости. Выходы «в свет», как правило, ограничивались посещением храмов и монастырей. Набор развлечений также был весьма скуден: гулянье по саду, качели, пение под шум веретена, слушание сказок и историй «калик переходящих» и юродивых, редкие застолья в женской компании... Общение русских замужних женщин с посторонними мужчинами (не членами семьи) допускалось только в церкви, на свадебных пирах, а также в обряде «гостевого» поцелуя, когда хозяин перед обедом призывал жену ударить челом гостям.

Обряд этот подробно описал Григорий Котошихин: «...перед обедом велят выходить к гостем челом ударить женам своим. И как те их жены к гостем придут и станут в палате или в избе, где гостем обедать в большом месте, а гости станут у дверей, и кланяются жены их гостем малым обычаем, а гости женам их кланяются все в землю; и потом господин дому бьет челом гостем и кланяется в землю ж, чтобы гости жену его изволили целовать, и наперед, по прошению гостей, целует свою жену, потом гости един по единому кланяются женам их в землю ж, и пришед целуют, и поцеловав отшед, потому ж кланяются в землю, а та, кого целуют, кланяется гостем малым обычаем; и потом того господина жена учнет подносить гостем по чарке вина двойного или тройного, с зельи...» Если кто-то отказывался поцеловать хозяйку, ему, по свидетельству Павла Алеппского, могли отказать от дома навсегда. Мужчины по одному подходили к ней, целовали в уста (часто через полотенце или платок), а затем так же с поклоном отступали. После этого хозяйка выпивала чарку вина вместе с мужем, затем подносила по чарке всем присутствующим и уходила на свою половину дома, где ее ждали жены приехавших на пир гостей.

При возможности женщины из высших слоев феодального общества

заводили в доме уродцев и карликов для «потехи». Так, известен факт, что в 1591 году вдова Ивана Грозного Мария Нагая, проживавшая вместе с сыном Дмитрием в выделенном ему в удел Угличе, узнала про «уродливую жончку», содержащуюся в доме дьяка Михаила Битяговского, и «велела ей приходить для потехи». Мать Михаила Романова, старица Марфа, поселившись в кремлевском Вознесенском монастыре, имела целый штат приживалов, куда входили «дурак Моисей» и «бахарь (сказитель. — Л. Ч.) Петрушка Макарьев».

Обитательницы царского дворца вели схожий образ жизни: ездили на богомолье, по церковным праздникам раздавали милостыню, могли держать в своих покоях нищих и юродивых, «калик перехожих», слепых сказителей, певших былины, исторические песни и духовные стихи под аккомпанемент домры, занимались рукоделием, молились перед иконами в своих комнатах, гуляли в своем саду. Они не выходили замуж, но и не становились монахинями. Только царевна Софья в 1698 году была пострижена по воле брата, Петра Алексеевича, в Новодевичьем монастыре под именем Сусанна, а сочувствовавшая ей сестра Марфа — в Успенском монастыре Александровской слободы под именем Маргарита. Да еще их тетушка, царевна Анна Михайловна, стала монахиней в октябре 1692 года, за девять дней до смерти.

Однако жизнь цариц и царевен была наполнена не только богоугодными делами. Во дворце была организована Потешная палата и имелся штат сенных девушек-«игриц» для устройства разнообразных развлечений в традиционном народном духе. Прямо в палате к потолку подвешивали веревочные, обшитые бархатом или атласом качели. На Масленицу во дворе сооружались ледяные горки, с которых с удовольствием скатывались младшие царевны. Все народные увеселения (святочные игры на Рождество, хороводы на Троицын день и др.) соблюдались и в Кремле. Неизвестно, увлекался ли кто-то из цариц и царевен шахматами, но, по авторитетному мнению И. Е. Забелина, в карты они играли.

Существовали, однако, развлечения особого рода, доступные лишь царицам и царевнам. Для них в Кремлевском дворце был и устроены особые тайные помещения, из которых они имели возможность наблюдать за тем или иным церемониалом, например приемом иностранных послов. Из такой тайной комнаты в Потешном дворце Алексея Михайловича царица и ее сопровождающие смотрели спектакли придворного театра. Еще задолго до этого в Грановитой палате в большом окне напротив царского трона была сделана «смотрильная решетка», обитая красной

тафтой, чтобы царица и дети могли хорошо видеть всё происходившее в зале приемов. Незримое присутствие на церемониях и аудиенциях иностранных послов, безусловно, влияло на кругозор и общее развитие женской половины царского семейства.

Судя по «Домострою» и другим источникам средневековой Руси, женщина всегда и везде оставалась существом подвластным и подчиненным, полностью зависимым от воли мужчин (отца, мужа, взрослых сыновей), была лишена статуса субъекта и всю жизнь оставалась лишь объектом воздействия общества и семьи. Это положение зиждилось на оценках женской сущности, опирающихся на Библию, в которой Ева есть не что иное, как «сосуд греховный», помощница дьявола в соращении Адама в раю.

Процесс оправдания женского естества начинается в русской культуре переходного XVII столетия, однако до Петровских реформ идет медленно и вяло. В рукописях второй половины века встречается мысль, что Богородица, давшая миру Христа, тем самым искупила вину Евы и сняла проклятие с женского рода. В получившем широкое распространение «Сказании о человеческом естестве, видимем и невидимем» женская природа получает уже положительную оценку. Происходит это при обсуждении весьма важного в те времена вопроса о бороде. Русская официальная церковная точка зрения ярко выражена в словах патриарха Адриана: «...мужу убо благолепие, яко начальнику, — браду израсти, жене же, яко не совершенней, но подначальной, онаго благолепия не даде (курсив наш. — Л. Ч.)». Автор же «Сказания о человеческом естестве» объясняет отсутствие бороды у женщин совсем другими причинами: «Женам бо брадныя власы не даны суть, да долгую лепоту лица имеют, да любими будут и кормими подружием своим и огреваемы в недрах их; но в брады место им даны суть перси, да тела своего любовию кормят младенца, родившаяся им, и тем согнездну любовь имут». Здесь не только игнорируется ортодоксальная точка зрения на бороду как знак превосходства мужской природы над женской, но и признается (причем не в пылу полемики, а спокойным констатирующим тоном) самооценку женского естества, красоты («лепоты») и любви (как между матерью и ребенком, так и между мужчиной и женщиной).

Защите естественной красоты женского лица посвящено поучение из рукописного сборника второй половины XVII века, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов. Автор призывает беречь красоту «естества, яко добра есть». Его порицание вызывают «некия, преестественными добротами красящыся»: они не только

«смышляемую, приправную к вапам (краскам. — Л. Ч.) красоту себе притворяют, но и естественную же погубляют». В конце сочинения делается вывод: «Нелепый бо, аще и велми украшается, благообразен быти не может. Лепый же и без приправы сея благолепен есть». Примечательно, что автор не стремится связать внешнюю красоту с внутренней, душевной, что было обязательным в средневековой культуре; следовательно, у него уже сложился чисто эстетический подход к оценке прекрасного.

Красота, в средневековой традиции проклинаясь как источник многих бед, погубитель души мужчины (что нашло отражение, например, в церковной книге «Пролог»), в первых пьесах русского театра времен Алексея Михайловича расценивается уже как высшая женская добродетель, благодаря которой в «Артаксерксовом действе» простая девушка из преследуемого еврейского племени «смирренная» Есфирь становится царицей. В той же пьесе мы встречаем потрясающий по смелости монолог царицы Астинь о стремлении женщин не просто сравняться с мужчинами, а превзойти их по уму, храбрости, не говоря уже о красоте:

Премудрость убо жен, аще бы помыслили,
обрели бы нас, жен, себя превосходнейша
и лутчих суть мужей пред нами, ей, худейша...

Что ж аз о сем мышлю, хочу же предлагати,
Мню, истинно, аз мню натуре изменяти.
Что жь имам для того признати в том повинна?
Обыклость ли мира, наричу аз, причинна,
яко же мужей род нас вышше хочет быти,
идеже мы, жены, краснейте украшенны.
Сие же есть неправда.

Правда, эти рассуждения, вероятно, всё же казались слишком смелыми, а потому Астинь — отрицательный персонаж, поплатившийся опалой и изгнанием за свою гордость и стремление «изменить натуру» и «обыклость мира».

В русской поэзии того времени лирические любовные послания единичны. Так, на обороте столбцов из семейного архива старинного рода Квашниных-Самариных были обнаружены 20 любовных песен, сочиненных в 1690-х годах, в том числе и от имени женщин. Петр Андреевич Квашнин-Самарин, стольник царицы Прасковьи Федоровны,

был любителем поэзии, собирал и сам сочинял вирши. Одна из песен свидетельствует о распространении портретного искусства:

Пойду ли я в чисто поле гуляти,
Найду ли я мастера-живописца.
Я велю списать образ, ей, на бумаге,
Хорошей-прекрасной лик на персоне.

У поэтов-мужчин того времени мы еще не встретим ни описания любовного чувства, ни одобрения женской природы, ни любования женской красотой. Для средневековой русской культуры был совершенно неприемлем гимн жизненным наслаждениям, в особенности любви. Для тогдашних людей она была «похотью», порождаемой греховным телом, плотской «прелестью», совращающей и губящей душу. Монах Симеон Полоцкий в одном из своих ранних произведений, написанных задолго до приезда в Москву, резко высказывался против «блудной страсти», насылаемой «злыми стрелами» Купидона, «непристойной Венеры бесстыдного сына». Естественно, что женщины в поэтическом выражении чувств были еще скромнее.

В XVII столетии не просто возросло число грамотных «жен и отроковиц» (им наравне с отроками адресован «Букварь» Кариона Истомина), но они наравне с мужчинами начали упражняться в сочинении вирш. В 1654 году Евфимия, жена смоленского священника, попавшего в плен, сочинила стихи, в которых рассказала о себе и троих сыновьях, о пленении мужа («Видех любимаго связанна / ноги и выя окованна / бесчестно от нас ведома / в незнанну страну везома»), оговорив, что их можно петь «на глас «Прекрасная пустыня» и «Прекрасный Иосиф»». Представляется трогательная сцена: долгими вечерами в ожидании возвращения главы семейства мать и трое отроков с трепетом исполняют это сочинение...

Даже в среде старообрядцев в начале XVIII столетия можно встретить женщин не просто грамотных, но умевших слагать вирши и сочинять песнопения. Келейница Марина (в миру Марфа Лукина), прозванная в Выговской пустыни «старницей-большухой», написала силлабический плач на смерть «пустыноводца» Андрея Денисова, начинающийся словами:

Печальный терн мене убодает,
Еже око мое не зрит, что желает.

Чаяние от мене удалися,
Ах, цвет жизни моя сокрыся.

Однако в литературе XVII столетия всё же был, по меткому выражению А. М. Панченко, «снят запрет на смех и любовь». А в начале XVIII столетия в связи с петровскими ассамблеями, на которых стали появляться ранее запертые в теремах женщины и девушки, а также кавалеры, обязанные уметь «политично», то есть по-западному культурно ухаживать за представительницами прекрасного пола, сочинять галантные послания и исполнять любовные песни, просыпается бурный интерес к теме любви и женской красоты, подогреваемый повестями о матросе Василии Кориотском, о кавалере Александре, о шляхетском сыне и другими произведениями, дававшими образцы любовных авантюр и подвигов героев во славу женщин. Причем представление о любви к женщине как о глубоком чувстве, обогащающем душу человека, в то время еще не успело сложиться, поскольку слишком сильным было средневековое противопоставление любви духовной, обращенной к Богу, и плотской, земной.

В XVII столетии не только начал меняться взгляд русского общества на «естество» (природу) женщины, на любовь и красоту — возросла активность представительниц прекрасного пола. В царской семье это выразилось в стремлении женщин участвовать в управлении государством. Сильным характером обладали и старица Марфа Ивановна, мать царя Михаила Федоровича, и ее невестка Евдокия Лукьяновна Стрешнева.

Значимость Марфы (в миру Ксении Ивановны, урожденной Шестовой) для сына-царя в первые годы его правления трудно переоценить. В русском средневековом обществе только некоторые категории женщин обладали особым статусом: царицы и царевны, а также знатного происхождения «матерые вдовы», выполнявшие в семье функции отца до совершеннолетия детей. А уж если в роли «матерой вдовы» оказывалась мать царя, то в ее руках сосредоточивалась огромная власть и, соответственно, на ее плечи ложилась огромная ответственность. В подобном положении и оказалась мать шестнадцатилетнего Михаила Романова, поскольку Филарет целых девять лет пребывал в польском плену. Именно старицу Марфу в 1613 году великое московское посольство просило благословить сына на царство — и получило отказ со ссылкой на «малодушество Московского государства всяких чинов людей», из-за которого управлять государством невозможно. Однако бояре всё же уговорили ее, а она в свой черед уговорила сына

принять сей тяжкий крест. Первые шесть лет правления Михаила Федоровича от имени «государыни великой старицы инокини Марфы Ивановны» управлялось дворцовое хозяйство, посылались грамоты в монастыри, с ее помощью возвышались придворные и т. п. После возвращения из плена патриарха Филарета она передала эти полномочия вернувшемуся супругу, ставшему соправителем сына, но не вернулась к теремной жизни, а лишь отошла в сторону, по-прежнему зорко следя за сыном, в особенности в повседневной жизни. Она постоянно сопровождала царя на богомолье в Троице-Сергиев и другие монастыри, препятствовала его женитьбе на Марии Хлоповой, «мутила воду» при дворе.

Личность инокини Марфы раскрывается в сорока семи письмах 1619–1628 годов, адресованных патриарху Филарету, в которых она как бы переосмысливает свой статус по отношению к бывшему супругу. В первых посланиях, эмоционально выражая благоговение перед «неблаженным страдальцем во Христе», вынесшим долгий польский плен, она еще упоминает о браке, связывавшем их долгие годы, а затем одергивает себя, подчеркивая разницу в статусе: она — супруга «преждебывшая», «ныне же духовная ваша дочь». В дальнейшем Марфа акцентирует внимание именно на высоком сане и религиозной значимости своего адресата, как бы напрочь забывая о своих с ним отношениях и именуя себя кратко: «старица Марфа». Она обращается к Филарету столь же напыщенно, как и сын: «кормчий Христова корабля», «вышестественный в подвизех и равноангельный изволением», «богодухновенный в человецех», «учитель православных» и т. п.

Но в отношениях с придворным окружением, а также с сыном-царем старица Марфа проявляет и силу воли, и упрямство. Мы уже видели, как упорно она препятствовала женитьбе Михаила Федоровича на Марии Хлоповой.

Мария Ильинична Милославская, первая жена Алексея Михайловича, временами также демонстрировала твердость характера. Так, во время морового поветрия (чумы) 1654 года, когда царь был на русско-польской войне, она взяла на себя смелость письменно обратиться к князю М. П. Пронскому «с товарищи» с призывом поддерживать в народе авторитет Церкви, разъясняя, что остановка издания Печатным двором богослужебных книг вызвана эпидемией, а не отменой реформы Никона: «Книг печатать не велено для морового поветрия, а не для их бездельных врак». Она потребовала присылать грабителей и воров, пойманных в Москве во время чумы, в свой стан в Троице-Сергиевом монастыре. Воеводы регулярно докладывали государыне об обстановке в городе во

время эпидемии. Царица выделила большие денежные средства на устройство по разным городам госпиталей для раненых и изувеченных во время русско-польской войны. И всё же Мария Ильинична, под стать «тишайшему» супругу, заботилась более всего о спасении своей души. О ее интересах и пристрастиях известно только то, что она имела небольшую собственную библиотеку духовной литературы, для которой в 1668 году заказала изготовить две рукописные книги житий святых с миниатюрами («в лицах») по образцу старой. В покоях Марии Ильиничны обретались 16 карликов и карлиц, которые сопровождали ее в поездках на богомолье, в частности в Троице-Сергиев монастырь.

Наталья Кирилловна Нарышкина также обладала сильным характером, о чем хорошо известно из исторических источников. Наиболее ярко он проявился в период борьбы за власть ее сына Петра Алексеевича со старшей единокровной сестрой Софьей. По описанию Якова Рейтенфельса, дважды видевшего вторую супругу Алексея Михайловича, это была «женщина в самых цветущих летах, росту величавого, с черными глазами навывкат, лицо приятное, рот круглый, чело высокое, во всех членах тела изящная соразмерность, голос звонкий и приятный, манеры самые грациозные». Наталья Кирилловна, воспитывавшаяся в доме тогда еще думного дворянина Артамона Матвеева в определенной свободе, брала пример с его жены, о которой иностранцы отзывались как о женщине умной и смелой, жившей на европейский лад, и ставили ей в заслугу то, что вопреки обычаю она не красила чрезмерно глаза и щеки. Наталья Нарышкина могла перенять от нее открытый стиль поведения. Кроме того, будущая государыня, по свидетельству современников, отличалась веселым нравом.

То, что практически все иностранные наблюдатели упрекали русских женщин в злоупотреблении косметикой, возможно, имело непосредственное отношение к обитательницам царского дворца. Причем все авторы в один голос восхищались красотой лиц и телосложением русских прелестниц, но при этом опять-таки единодушно сожалели, что те слишком сильно красятся. Так, шведский дипломат и историк Петр Петрей, дважды (в 1608 и 1610 годах) побывавший в России, констатировал: «Что касается женщин, они чрезвычайно красивы и белы лицом, очень стройны, имеют небольшие груди, большие черные глаза, нежные руки и тонкие пальцы и безобразят себя часто тем, что не только лицо, но глаза, шею и руки красят разными красками, белою, красною, синею и темною: черные ресницы делают белыми, белые опять черными или темными и проводят их так грубо и толсто, что всякий это заметит, особливо же, когда ходят в гости

или в церковь, потому что их не часто выпускают бродить по улицам, разве только в праздники или для посещения друзей и родных». Ему вторил Адам Олеарий: «Женщины среднего роста, в общем красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах они все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет брови и ресницы». Адольф Лизек отмечал также, что русские девушки и женщины обязательно красятся, выходя из дома, и не смеют ненакрашенными явиться к царице. По описанию И. Е. Забелина, «чтобы еще больше возвысить ясность, светлость и блеск очей, подкрашивали не только ресницы под стать бровям тоже черною краскою, сурьюмою, но пускали черную краску и в самые глаза, особым составом из металлической сажи с гуляфною водкою или розовою водою».

Еще один обычай, бытовавший у знатных дам, шокировал иностранцев: «Они чернят свои зубы с тем намерением, с которым наши женщины носят черные мушки на лице: зубы их портятся от ртутиальных (ртутных. — Л. Ч.) белил, и потому они превращают необходимость в украшение и называют красотой сущее безобразие». Эти слова англичанина Сэмюэла Коллинса, врача царя Алексея Михайловича, возможно, относятся и к женщинам из его семейства. Женщины, которые не белились и не румянились, подвергались нападкам со стороны подруг. По свидетельству Олеария, московские боярыни принудили краситься жену князя Ивана Борисовича Черкасского. Но, кажется, у Натальи Нарышкиной хватило духу не поддаваться подобному давлению; а уж когда она вышла замуж за государя, то никакие боярыни уже не могли указывать, как она должна выглядеть...

Став царицей, Наталья Кирилловна стремилась участвовать в культурной жизни дворца. Государыня с детьми присутствовала на спектаклях — правда, не сидела рядом с царем в зале, а наблюдала за действием через щели между досками специальной беседки, построенной в комедийной хоромине. Следовательно, она слышала и цитировавшийся выше монолог Астинь о достоинствах женщин и недостатках мужчин.

Царица Наталья завела собственный эскорт, который на лошадях сопровождал ее в поездках (например, в 1675 году она отправилась в загородную усадьбу в окружении кавалерист-девиц в красных кафтанах и желтых сапогах). Несмотря на традиционный запрет показывать лицо народу (чтобы не сглазили), она открывала занавески на окне кареты. После первого такого случая супруг сделал ей выговор, но, как отмечает

австриец Лизек, уже в 1675 году во время парадного въезда в Москву после посещения Троице-Сергиевой лавры она позволила себе ехать в возке без верха. Лизек рассказывает, что в том же году Наталья Кирилловна захотела увидеть прием послов Священной Римской империи в деревянном дворце в Коломенском. Царица наблюдала церемонию через приоткрытую дверь спальни, соединенной со Столовой палатой, где проходил прием. Ее присутствие обнаружилось случайно, когда участвовавший в приеме трехлетний царевич, будущий император Петр Великий, побежал в соседнюю комнату и распахнул дверь настежь.

У цариц был свой двор. Так, в числе сорока четырех боярынь в придворном штате Натальи Кирилловны первое место занимала грузинская царица Елена Леонтьевна, второе — жена сибирского царевича, затем шли супруга князя Ивана Петровича Пронского Ксения Васильевна и другие боярские жены. Родственницы царицы, в том числе ее матушка, занимали 13-е, 19-е и 36-е места. Помимо боярынь, у цариц были и свои бояре, дворяне, кравчие, стольники, постельницы и прочие служилые люди и слуги. Их было, конечно, значительно меньше, чем у великого государя, но функции у них были те же.

Поскольку царицы и царевны не участвовали в торжественных богослужениях в кремлевских соборах, в церковные праздники они молились в верховых церквях, а в будни — в своих комнатах. Изредка, когда на обедню в верховом храме приходил царь, служил сам патриарх, а после литургии приглашался к царице. По большим церковным и семейным праздникам в Золотой царицыной палате собирались 10–15 боярынь, государыню окружали родственники и приближенные. Вначале ей ударяли челом все присутствовавшие по очереди в соответствии со статусом, начиная с сибирского и касимовского царевичей и заканчивая стряпчим с ключом и ближними людьми, царица допускала их к своей руке, потом гости приглашались за стол.

Слова И. Е. Забелина, что русская женщина в XVII веке «покинула терем», как нельзя более точно подходят именно к женщинам из царской семьи. Самой яркой личностью среди царевен была, конечно же, Софья Алексеевна. Феномен царевны, посмевшей взять на себя функции государя-мужчины (хотя и не открыто, а в виде опеки над младшими братьями-соправителями Иваном и Петром), вызван как ее личными качествами, так и влиянием эпохи, изменившей отношение к женщине. После смерти отца и старшего брата Софья ощущала себя ответственной за семью и повела себя как «матерая вдова» — начиная с похорон Федора Алексеевича, когда она открыто пошла за гробом с громкими стенаниями. Именно Софья

решилась, наконец, открыть Славяно-греко-латинскую академию (1687), хотя разговоры об этом начались еще в 1660-х годах, а решение о ее создании принял Федор. Но именно при ней возникает практически неизбежный при женском правлении фаворитизм.

Князь Василий Васильевич Голицын был общеизвестным «галантом» царевны и обладал огромными полномочиями. Ему был присвоен титул «Царственныя большие печати и государственных великих дел сберегатель, ближний боярин и наместник новгородский». По свидетельству французского дипломата Фуа де ла Невилля, Голицын рассказал ему о своих планах реформ в России: создать регулярную армию и постоянные дипломатические представительства в разных странах, посылать дворян для обучения в Европу, отменить государственные торговые монополии и откупа, ввести свободу вероисповедания, улучшить положение крестьян. Как считают исследователи, именно под влиянием князя Софья Алексеевна организовала Славяно-греко-латинскую академию. Можно не сомневаться, что она поддержала бы и другие его начинания. Сохранились любовные письма царевны, адресованные Голицыну, и Евангелие, переписанное ею для возлюбленного; эту рукопись после переворота 1689 года угодивший в опалу Голицын взял с собой в северную ссылку и сохранил до конца своих дней.

Жизнь цариц и царевен в Кремле и загородных усадьбах была организована по тому же принципу, что и у мужской части царского семейства: они имели свои отдельные хоромы, состоявшие из нескольких комнат, куда обязательно входила молельня, а также отдельный или общий сад под окнами.

В комнатах царевен обязательно присутствовали мерные иконы, писавшиеся для каждой из них вскоре после рождения и изображавшие тезоименитую святую на доске, размер которой соответствовал росту новорожденной. Иконы тезоименитых святых создавались для девиц царского рода и в дальнейшем. Так, мастер миниатюрного иконного письма Сергей Рожков в 1670 году написал для царевны Ирины Михайловны образ святой Ирины, а Петр Федоров в 1688-м — образ преподобной Марфы для вдовой царицы Марфы Матвеевны. Как правило, в молельнях были иконы великих (двунадесятых) праздников; заказ на их изготовление поступил, в частности, в 1688 году из хором царевны Марфы Алексеевны. В покоях царевны Ирины Михайловны были икона «О сотворении света», образы преподобного Сергия Радонежского в золотом окладе с восемью жемчужинами по сторонам и святителя Алексея в серебряном окладе.

Образ мученика Никиты был написан в 1674 году для хором царицы

Натальи Кирилловны одновременно с иконами семи отроков эфесских, девяти мучеников кизических и мученика Конона-градаря. В комнатах Натальи Кирилловны были также список Иверской иконы Божией Матери работы Михаила Милютина, иконы праведного отрока Артемия Веркольского и великомученика Дмитрия Солунского, Харитония Исповедника, мученика Кондрата (две последние написаны Степаном Резанцем) и многие другие.

Царевна Татьяна Михайловна была, по-видимому, весьма привередливой заказчицей. В 1688 году изографу Петру Федорову Билиндину велено было написать для ее комнат три иконы, причем оговаривалось, что образ Иоанна Богослова должен был быть «со ангелом, ко уху беседующа, смуглым лицом», а список Иверской иконы Богоматери — обязательно «по золоту».

Царевна Екатерина Алексеевна заказала большое число икон для своих хором, в их числе были «Похвала Богородицы», образ Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», «Три святителя вселенских» (Собор трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) «Преподобный Алексей человек Божий», а также несколько образов русских святых: преподобных Евфросиньи Суздальской, Варлаама Хутынского, Саввы Сторожевского, Александра Свирского, преподобного столпника Никиты Переславского. Все они были исполнены одним мастером — Михаилом Милютиным.

Очень любили женщины царской семьи Казанскую икону Божией Матери. В 1672 году ее написал для Натальи Кирилловны Сергей Рожков, а в 1684-м он же для царевны Татьяны Михайловны скопировал новую икону с разбитой старой. Другим излюбленным сюжетом стал «Живоносный источник». Как свидетельствует вкладная надпись на серебре, в 1670 году Симон Ушаков и Сергей Рожков создали по заказу боярина Богдана Матвеевича Хитрово, возглавлявшего Оружейную палату, большую икону Богоматери новой иконографии — «Живоносный источник» с шестнадцатью клеймами, а заказчик вложил ее в Новодевичий монастырь. Сюжет так полюбился царевнам, что они просили сделать подобные иконы и для них; в частности, в 1674 году такой заказ сделала царевна Анна Михайловна.

Царицы и царевны в украшении своих хором стремились следовать за государями — например, вторя Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, заказывали росписи подволок и стен, а также картины, выполненные новомодной масляной живописью.

Царевна Софья, в течение семи лет бывшая, по сути, полновластной

правительницей России, также украшала свои хоромы, беря за образец отцовские покои. В 1683 году она приказала сделать в своей Столовой палате подволоку с росписью, повторяющей «беги небесные» Столовой палаты Алексея Михайловича, представлявшие звездное небо и планеты с астрономической точностью. Копию сделали ведущие мастера Оружейной палаты Богдан Салтанов и Иван Безмин. Для Софьи это копирование могло значить гораздо больше, чем простое подражание, оно могло интерпретироваться ею как подтверждение статуса ученой и мудрой правительницы, продолжательницы дела отца. Однако вслед за Софьей другие царевны возжелали иметь у себя подобные новшества. В 1688 году старшая царевна Татьяна Михайловна, тетка Софьи, заказала такую же роспись для своей передней в деревянных покоех, а царевна Мария Алексеевна в том же году получила «беги небесные» на подволоке в своей верхней каменной комнате. Помимо этого сюжета, в росписях потолков стали популярными библейские притчи.

Когда Алексей Михайлович украсил свои хоромы подволоками не с традиционными травными узорами, а с масляной живописью на темы притч пророков Ионы и Моисея, а также на сюжеты библейской Книги Есфири, царицы и царевны тоже захотели сделать нечто подобное в своих жилищах. Так, в Крестовой палате меньших царевен на подволоке появились росписи по полотну на тему «Что ты наречем, о Благодатная Небо». В 1685 году подволока в передней большой палате вдовой царицы Натальи Кирилловны была украшена изображениями всего цикла Страстей Господних («Приведение к Ироду; Приведение к Пилату и умый руце Пилат; Бичевание у столпа; На лобном месте, когда народ вопияху: возьми, возьми, распни его; Господь несет крест на Голгофу; Положение во гроб; Воскресение; Сошествие во ад; Отечество»). В 1686 году царевна Софья поручила написать «розные притчи» на подволоке в своей комнате «преоспективного дела мастеру» Петру Энглесу.

После подволок настал черед стен — их также обивали полотном, которое разрисовывали масляными красками. Обитательницы дворца последовали примеру царя Федора Алексеевича, приказавшего в 1678 году расписать стены своих комнат библейскими сюжетами. Практически все новые комнаты цариц и царевен были покрыты живописью масляными красками на религиозные темы. Так, в 1679 году в комнатах царицы Агафьи Семеновны появились изображения эпизодов жизни царей Давида и Соломона кисти того же Петра Энглеса, а двумя годами позднее Иван Мирковский и Иван Салтанов писали евангельские и апостольские притчи. Не отставали от моды и царица Наталья Кирилловна, и царевна Наталья

Алексеевна — на стенах их деревянных комнат в 1685 году появились живописные картины с притчами, — а также старшая царица Татьяна Михайловна, заказавшая в 1688 году изобразить притчу о Мельхиседеке на стене своей передней. За образцы брались гравюры «из разных книг словенских и латинских». Стало модным сплошь покрывать стены гравюрами («фряжскими листами») наряду с обоями из тисненой кожи.

Если в деревянных хоромах стены украшали картинами на библейские или евангельские сюжеты, то каменные покои цариц, построенные в 1685 году, покрывали фрески той же тематики. Особо любимы были сцены Страстей Христовых и эпизоды из жизни Богородицы. Таким образом, живописные предпочтения женской половины царского семейства выступают весьма отчетливо, поскольку сюжеты росписей диктовались заказчицами; лишь изредка в документах отмечалось, что «о том указу не было». Примечательно, что только царица Софья заказала изображения души чистой и души грешной; первая выглядела «аки девица приукрашена всякими цветы, стоит превыше солнца, луна под ногами ея». А царица Екатерина Алексеевна захотела в своих покоях иметь «персоны» родителей — Алексея Михайловича и Марии Ильиничны, братьев Алексея, Федора, Ивана, сестры Софьи и собственное изображение!

Помимо библейской тематики царицы и царицы проявили интерес к «ленчафтам» (ландшафтам) — они тоже появились в их комнатах. Царица Екатерина Алексеевна даже заменила традиционные бархатные покрывала-полавочники полотняными, украшенными ландшафтными изображениями. И, конечно, стены продолжали по-старому украшать «травмами», а также могли «мраморить», «аспидить», «черепашить» — имитировать росписью соответствующий природный материал.

Кроме росписей по потолку и стенам царицы и царицы размещали в своих покоях и написанные маслом картины. Кажется, их излюбленными сюжетами были опять же Страсти Христовы. Большинство из восемнадцати полотен, заказанных Натальей Кирилловной, было на эту тему.

Со временем была создана и портретная галерея женских образов. Правда, прижизненные портреты цариц единичны — писали в основном «персоны во успении», то есть посмертные изображения, делавшиеся с натуры. Некоторые искусствоведы считают, что самый известный портрет Натальи Кирилловны, хранящийся в Русском музее и датируемый концом XVII века, написал Михаил Чоглоков.

Портреты царицы Софьи, созданные при ее жизни, а главное — в годы фактического властвования в стране — так недвусмысленно отражали

ее стремление утвердиться на троне, что после низвержения правительницы в 1689 году они изымались и уничтожались. Самое яркое ее живописное изображение — «в орле» (в центре российского герба), с короной на голове, со скипетром и державой в руках. На крыльях орла в шести медальонах помещены аллегорические фигуры Благочестие, Девство, Милость, Правосудие, Крепость и Кротость. Имя художника неизвестно, но, скорее всего, это был мастер живописного цеха Оружейной палаты. В 1686 году был написан маслом на холсте парадный портрет Софьи Алексеевны в короне и с державой. Три года спустя для изготовления гравюры по этому портрету думный дворянин Федор Шакловитый вызвал в Москву Леонтия Тарасевича, гравера из Чернигова, прошедшего школу братьев Килианов в Аугсбурге. В центре гравюры был помещен овальный портрет Софьи в окружении аллегорических изображений семи добродетелей. К сожалению, ни одного оригинального оттиска не сохранилось, однако до нас дошла копия, сделанная амстердамским мастером Блотелинком.

Вполне возможно, что подобных живописных и гравированных изображений было значительно больше, так как они пропагандировали «царицу» Софью, достойную полноценной единоличной власти. В 1689 году во время следствия над царевной ее портреты в короне послужили одними из наиболее существенных улик, доказывавших ее посягательство на трон.

«Политическим» портретам царевны Софьи можно противопоставить парадные портреты законных цариц, в частности два портрета Марфы Матвеевны Апраксиной. Они очень нарядны и колоритны, в особенности портрет с веером 1682 года. Второй портрет, с комнатной собачкой на руках, приписывают кисти голландского художника Иоганна Вальтера. Вслед за написанием им портрета Бориса Алексеевича Голицына последовал царский указ от 15 июня 1679 года: «...велено быть в Оружейной палате в живописцах Анбургския земли Ивану Андреевичу сыну Валтырю и писать его государевы верховые живописныя письма». По предположению искусствоведов, портрет с собачкой был создан незадолго до венчания, в декабре 1681-го — феврале 1682 года. Но мы знаем, что больной царь слишком поспешно женился на Марфе Апраксиной, в статусе невесты она прожила во дворце всего три дня, а потому, скорее всего, портрет был написан значительно позднее.

Женщины из царского рода во всё, что касается культуры и искусства, стремились идти в ногу со временем. Они проявили себя в новом театральном деле, только-только зародившемся в России: в

организации театров, постановке и даже сочинении пьес. Правда, происходило это уже в начале XVIII столетия. Так, полнородная сестра Петра Великого царевна Наталья Алексеевна создала любительский театр, с 1706 года дававший представления в Преображенском и ее кремлевских палатах, а с 1710-го до самой ее кончины в 1716-м — «в комедиальной храмине», построенной в новой столице. По сведениям мекленбургского посланника Вебера, «театр ее помещался в огромном пустом доме, где был устроен партер и ложи; посещать этот театр был волен всякий. Здесь давались трагедии и комедии, сюжеты которых были заимствованы из Библии или из обыкновенных вседневных приключений. Труппа состояла из десяти русских актеров и актрис самого ординарного качества». Тот же источник сообщает, что сама царевна «написала драму и комедию на русском языке, взяв содержание их частью из Библии, частью же из светских происшествий». Ее авторству приписываются «Комедия о святой Екатерине», «Святая Евдокия», «Хрисанф и Дария», «Цезарь Оттон».

Порой обитательницы дворца имели неожиданные интересы. К примеру, царевна Екатерина Алексеевна страстно увлекалась кладоискательством: заставляла своих «придворных дам» в полночь на кладбище разрывать могилы, вела переписку с одним костромским священником о методах отыскания кладов «по планетным тетрадам», однажды наняла подводы для поездки за 230 верст от Москвы за кладом, якобы зарытым на дворе некоего крестьянина... Все эти подробности стали известны после следствия, проведенного по указу Петра I, так что можно полностью им доверять.

Но, разумеется, у большинства цариц и царевен XVII столетия уровень познаний и круг интересов были типичными для образованных женщин того времени. К сожалению, отсутствие исторических данных не позволяет полностью очертить этот круг. Например, крайне мало известно о книгах, которые читали и имели у себя девицы и женщины из царского семейства. У них был доступ к библиотекам царя и царевичей, но указания на книги, принадлежавшие лично им, встречаются редко. Так, на книге церковно-учительных слов «Златоуст», найденной среди документов Оружейной палаты, имелась надпись: «Государыни царицы хоромная». После смерти Федора Алексеевича к Софье перешли два тома из его собрания — «Вертоград многоцветный» и «Венец веры». Понятно, почему Софья изъявила желание иметь именно эти книги, ведь они были написаны Симеоном Полоцким, обучавшим ее польскому языку и стихосложению. Известно также, что у царицы Марфы Матвеевны было издание Триоди цветной 1680 года. Самая крупная «женская» библиотека была у царевны

Натальи Алексеевны, в нее входили произведения как религиозного, так и светского содержания.

Есть еще несколько подобных отрывочных сведений, позволяющих судить о книжных интересах цариц и царевен, по которым, увы, невозможно получить о них полное представление. Можно предполагать, что по бумажной копии с «бегов небесных», изображенных на подволоке Столовой палаты, сделанной Карпом Золотаревым в 1679 году для Петра I, обучался астрономии не только он, но и, скажем, царевна Софья. В распоряжении всех царских детей находились замечательные миниатюры Лицевого летописного свода XVI века (до нас дошли десять томов с шестнадцатью тысячами миниатюр), посвященных всемирной и русской истории с древнейших времен, не говоря уже о многочисленных изготавливаемых в Посольском приказе «потешных» книжках, по которым царевны могли изучать природу и животный мир.

В целом же царицы и царевны начали всё более активно проявлять себя — и не только как заказчицы новейших произведений изобразительного искусства, но и как сочинительницы. Возможно, что кроме Натальи Алексеевны, сочинявшей театральные пьесы, вирши писала ее единокровная сестра Софья. Женщины и девушки — царицы Наталья Кирилловна и Агафья Семеновна, царевны Софья и Наталья Алексеевны уже не только подглядывали из тайников за открытой жизнью мужчин, но и начинали перенимать ее черты. Как констатировали исследователи, женщины петровского времени легче, чем мужчины, и более органично вписались в европейский образ жизни, начали посещать балы и ассамблеи, носить декольтированные платья и парики — словом, превратились из «теремных затворниц» в «политичных дам».

Дни рождения и «ангелы»

Дни рождения и именины государя, царицы и их детей считались не только главнейшими семейными торжествами. В 25-й статье главы X Соборного уложения «О суде» были указаны свободные от работы дни, где в одном ряду с великими церковными праздниками стояли дни рождения членов монаршей семьи: «Да суда же не судить и никаких дел в приказах не делать, опричь великих царьственных дел, в день Рождества Христова, в день святого Богоявления и в иные господьские праздники, Сырная неделя, первая неделя Великого поста, Страстная неделя, семь дней по Пасце. Да в который день приспееет праздник день рождения государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси, и его благоверные царицы и великие княгини Марьи Ильиничны, и их благородных чад». По этим поводам с царского стола производились особо крупные раздачи угощения, а из царской казны — денег и подарков придворному окружению, стрельцам, а также верховым богомольцам, нищим и тюремным сидельцам. Все эти даты отмечались торжественными приемами гостей и пирами.

День ангела Михаила Федоровича, приходившийся на 12 июля — память преподобного Михаила Малеина, совпадал с днем его коронации, конечно же, не случайно. Считалось, что венчаться на царство в день своих именин значило получить особое покровительство тезоименитого святого. Кроме того, 10 июля отмечался праздник Положения честной Ризы Господней, частица которой стала семейной святыней Романовых.

Естественно, празднование тезоименитства первого царя из новой династии проходило каждый год очень широко и торжественно, однако в разные периоды его царствования различалось. В первые годы пребывания на престоле, до возвращения Филарета из польского плена, Михаил Федорович приглашал на «государев ангел» всех членов Боярской думы, из-за опасения неизбежных местнических столкновений старательно оговаривая, чтобы им «быти без мест». Разрядные книги 1613 года содержат запись, что в этот день у царя были «бояре и окольничие, все без мест». При Филарете, взявшем бразды правления в свои руки, царские именины стали отмечаться несколько иначе. Например, в 1620 году сначала царскими гостями были только самые знатные бояре — князя Ф. И. Милославский, И. М. Воротынский, И. И. Одоевский, А. Ю. Сицкий; после общения с ними послали «по бояр, окольничих и думных дворян... и пировали у государя в передней избе». Таким образом, церемониальная

часть была рассчитана на избранный высший аристократический круг, а «стол» — уже на более «демократичный». В 1621 году в разрядных книгах впервые выделены имена приглашенных бояр; следовательно, уже не все члены Боярской думы присутствовали на именинах. В присутствии патриарха Филарета особая честь поздравлять государя чаще всего выпадала выбранным им боярам — князю И. Б. Черкасскому и М. Б. Шейну.

После смерти отца Михаил Федорович начал приглашать на свои именины совсем других людей. Уже в 1634 году на торжестве присутствовали возвращенные из ссылки братья М. М. и Б. М. Салтыковы, князь Ю. Я. Сулешев, С. В. Головин. Конечно, царь не забывал приглашать и старых бояр — князей Д. М. Пожарского, И. Б. Черкасского, Ф. И. Шереметева и других; но далеко не все члены Боярской думы удостоивались подобной чести. Когда старики стали уходить в мир иной, состав гостей поменялся. После смерти боярина князя И. Б. Черкасского его должность руководителя многих приказов и место во главе боярского стола на именинах царя занял боярин Ф. И. Шереметев, оставивший о себе память как человек «жестокосердный и неискусный в делах».

В именины Алексея Михайловича, как правило, проходила литургия в Алексеевском монастыре и Успенском соборе Кремля, после чего устраивался большой праздничный обед. В 1668 году 19 марта пришлось на Страстную неделю Великого поста, поэтому царь перенес празднование на вторник Светлой недели. Малую вечерню государь не стоял, но патриарх «ходил в Алексеевский монастырь и молебен со властью пел». К заутрене звонили в большой Успенский колокол, и Алексей Михайлович присутствовал на службе в Успенском соборе. Неизвестный автор записок об этом событии отмечает: «...кажение было ото всех трех патриархов... а целование было хвалитное пропев, яко на самую Пасху. Патриарх со крестом, другой со крестом, а третий со Воскресением, Сибирской (царевич Алексей Сибирский. — Л. Ч.) с праздником со Алексеем человеком Божиим, а целовался царь с ними во уста».

Именины цариц праздновались, конечно, гораздо скромнее. Известно, что 1 марта, на «ангелы» Евдокии Лукьяновны, в Золотой палате устраивался прием, как правило, с присутствием патриарха Филарета и нескольких знатных вельмож. Так, в один из подобных дней царицу поздравляли боярин М. Б. Шейн, боярин князь Д. И. Мезецкий и окольник А. В. Измайлов. Именины царевичей и царевен отмечали в том же духе, но с еще меньшим размахом.

Сразу же после свадьбы царская семья начинала вымаливать у

Богородицы и святых угодников наследника престола, но не всегда их молитвы бывали услышаны.

Каждый раз перед родами царица устраивала торжественный прием для своих боярынь, восседая на красиво убранной постели, после чего ее уже никто не видел до появления на свет ребенка. Роды происходили по старой народной традиции в «мыльне». Сразу после родов один из верховых священнослужителей читал над царицей очистительную молитву. Поскольку младенческая смертность была высока, новорожденных царских детей старались окрестить как можно раньше, если позволяло состояние их здоровья.

Поскольку первой в семье Михаила Федоровича 22 апреля 1627 года родилась дочь, то 6 мая патриарх Филарет совершил обряд крещения. Девочку нарекли Ириной — с одной стороны, поскольку по святцам 5 мая совершается память великомученицы Ирины Македонской, с другой — в честь царицы Ирины Федоровны, урожденной Годуновой, — жены Федора Ивановича, последнего Рюриковича на престоле и двоюродного дяди царя Михаила. Всех детей, родившихся в царской семье, до самой своей кончины крестил дед-патриарх. Обычно обряд совершался в кремлевском Чудовом монастыре — это стало традицией при Иване Грозном (еще одна ниточка, чтобы связать новую и старую династии). Крестным отцом Ирины (а впоследствии и второй дочери Пелагеи) был келарь Троице-Сергиева монастыря Александр Булатников. (Традиция крестить царских детей в Чудовом монастыре у гроба митрополита Алексия была впоследствии прервана Алексеем Михайловичем после смерти его первенца Дмитрия. Суеверный государь решил перенести обряд крещения следующих детей в Успенский собор; но так как дети независимо от места их крещения всё равно часто умирали, после второй женитьбы он снова вернулся к прежнему обычаю.)

Через три дня после появления на свет царского первенца, 25 апреля, был устроен «родинный стол» в Грановитой палате «на ево государскую радость, на роженье царевны и великие княжны Ирины Михайловны», а 6 мая — второй, «крестинный стол», на сей раз в «Золотой меньшей палате».

Рождение Евдокией Лукьяновной двух дочерей подряд стало причиной серьезного беспокойства царской семьи и основанием слухов и сплетен. Поскольку брак Михаила Федоровича по средневековым меркам был поздним, в народе судачили, что мальчика в царской семье не будет. Досужие бабки вспоминали несчастную Марию Хлопову: дескать, если бы она стала царицей, то наверняка родила бы наследника; перемывали косточки и самому царю, рассуждая о его неспособности зачать сына.

Можно представить, с какой тревогой и надеждой ждали в царской семье появления третьего ребенка. Когда 19 марта 1629 года родился мальчик, радости не было предела. Однако по Москве поползли слухи, что царевич не родной сын, а подменный. Четыре года спустя архимандрит новгородского Варлаамо-Хутынского монастыря Феодорит, будучи навеселе, высказал ту же мысль: «Бог де то ведает, что прямой ли царевич, на удачу де не подменный ли?» — и испугался, что его заберут в застенки и забьют кнутом, поэтому послал дворцовому дьяку Ивану Дмитриеву лошадь в подарок и испросил совет, на что получил ответ, что так думали и говорили все жители столицы: «Обычное дело, на Москве де не тайно говорят». Да и не только в Москве распространялись слухи, что царь собирался постричь царицу в черницы, ежели она не родит сына, а та снова возьми да и роди девочку, но ей вовремя помогли совершить подмену. Об этом некая старица Марфа говорила во всеуслышание на торгу в Курске. Алексей появился на свет богатырем и рос на редкость крепким ребенком (оба его младших брата, Иван и Василий, умерли в младенчестве).

Григорий Котошихин писал о появлении на свет царских отпрысков: «Как приспеет время родиться царевичу, и тогда царица бывает в мыльне, а с нею бабка и иные немногие жены; а как родится, и в то время царю учинится ведомо, и посылают по духовника, чтоб дал родилнице и младенцу и бабке и иным при том будущим женам молитву и нарек тому новорожденному младенцу имя; и как духовник даст молитву, и потом в мыльню входит царь смотреть новорожденного, а не дав молитвы, в мыльню не входят и не выходят никто».

Евдокия Лукьяновна произвела наследника ночью. Сначала к роженице пришел духовник с очистительной молитвой, а затем и счастливый отец, чтобы своими глазами увидеть долгожданного сына.

Поскольку 17 марта был праздник преподобного Алексея человека Божия, имя младенцу долго искать не пришлось. Его крестины 22 марта отличались особым ритуалом — надеванием золотого креста с частью Ризы Господней и подношением зуба благоверного царевича Димитрия Угличского, а затем и священных даров — частиц мощей преподобного Михаила Малейна и преподобной мученицы Евдокии, небесных покровителей родителей новорожденного. Крестным отцом Алексея Михайловича, как и его старших сестер, стал троицкий келарь Александр Булатников, а крестной матерью — двоюродная бабка Ирина Никитична Романова. Долгожданный наследник престола был окрещен в самом теплом помещении Чудова монастыря — Трапезной, чтобы обезопасить его от простуды, поскольку погода стояла холодная и сырая.

Бабка, старица Марфа Ивановна, одарила внука образом Богородицы, дед-патриарх благословил его крестом, в котором хранились частица Животворящего Древа, «млеко Богородицы», восемь частиц мощей разных святых. Казалось, все родственники прилагали невероятные усилия, чтобы обезопасить младенца от злых сил, болезней и смерти.

По традиции новорожденный «отдаривался», то есть родители от его имени приносили ответные дары, причем они могли быть намного дороже. Бабка царевича Алексея получила на его крестинах серебряные золоченые кубок и стопку, а также бархат, камку и сорок соболей общей стоимостью 152 рубля!

Ударить челом государю в честь рождения наследника спешили все придворные, духовенство, купечество и даже посадские люди. Это был вековой обычай, поэтому тот, кто не вхож был в царские покои, искал возможность поздравить царя. Дарили, как правило, серебряные кубки (это тоже вошло в обычай); собственно, сам подарок был не главным — важно было воздать честь монарху и выразить свою сопричастность радости в царской семье.

Совершенным новшеством в праздновании дней рождения царских детей стали стихотворные приветствия, которые ввел Симеон Полоцкий. Уже в 1665 году, на следующий год после его переезда в Москву, по случаю рождения у Алексея Михайловича сына Симеона он поднес царю «приветственную книжицу» и вручил опять-таки с «благоприятствованием». Книгу открывала ода в честь государя, далее шли стихи в виде креста в подарок новорожденному царевичу, стихи в виде двух звезд, «Беседа со Планиты» с предсказанием счастливой судьбы, «апостроф» тезоименитому святому с просьбой взять младенца под покровительство; наконец, в конце книжицы лабиринтом располагались строки многолетия Симеону. Книга была не слишком богато оформлена, в ней не было дорогостоящих миниатюр или золотописных украшений, но неизвестные в России барочные вирши в виде креста и звезд выделялись ярким красным цветом. Кроме того, было ново и интересно содержание — к примеру, беседа с планетами, в которой Меркурий обещал царевичу премудрость, Афродита (Венера) — красоту, Сатурн — приязнь, Луна — победу над Турцией и т. д. Успех сего церемониального действия с вручением стихотворного опуса гарантировал Симеону Полоцкому дальнейшее благоволение государя, а дорогие подарки, полученные автором, стимулировали его дальнейшую работу в том же направлении: поэт постоянно откликался стихами на все события в царском семействе, как праздничные, так и печальные.

Стихи в форме звезды из рукописной приветственной книжицы Симеона Полоцкого, поднесенной автором царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона. 1665 г.

Для каждого новорожденного заказывались мерные иконы с изображением тезоименитого святого, обрамлялись в драгоценные ризы-оклады и хранились в личных покоях царевичей и царевен. Их размер должен был точно соответствовать «долготе и широте» младенца. Писали эти иконы, как правило, лучшие художники Оружейной палаты. Так, в 1665 году Степан Резанец, стоявший тогда первым в списке царских жалованных иконописцев, создал изображение Иоанна Предтечи в рост новорожденного царевича Ивана Алексеевича.

По сохранившимся мерным иконам и архивным документам мы и сегодня можем узнать, какого роста были царские дети. Так, мерная икона Алексея Михайловича, хранящаяся ныне в Музеях Московского Кремля, имеет длину 57 сантиметров и ширину 19 сантиметров, что подтверждает

богатырское телосложение новорожденного. Для сравнения укажем, что большинство известных на сегодняшний день мерных икон царских отпрысков, начиная с детей Ивана Грозного, имеют размеры 46x16 сантиметров. Петр Великий, рост которого в зрелом возрасте составлял два метра четыре сантиметра, имел при рождении 49,5 сантиметра. Его мерная икона, изображавшая апостола Петра и Троицу над ним «на облацах», имела 11 вершков в длину и три в ширину (вершок равен 4,445 сантиметра). Писать ее начал 1 июня 1672 года, спустя два дня после появления царевича, лучший иконописец того времени Симон Ушаков, но изобразил только ризы, а лики писал уже Федор Козлов, потому что Симон «в то время скорбел». Про мерную икону Натальи Алексеевны (родилась 22 августа 1673 года) известно, что она была начата 28 августа опять-таки Симоном Ушаковым, он же и завершил ее. На иконе была изображена великомученица Наталья Никомидийская (ее память приходилась на 26 августа), а над ней — Пресвятая Живоначальная Троица. Икона имела десять вершков в длину и три в ширину; следовательно, рост новорожденной царевны составлял 44,5 сантиметра.

Крестины всех царских детей совершались по одному чину, и разница между ними была небольшая. Стол, как правило, устраивался по высшему разряду — в Грановитой палате. Именины царских детей отмечали по примеру «ангелов» взрослых членов семьи. В 1674 году Алексей Михайлович особым указом повелел проводить в честь дней рождения своих детей службы в Успенском соборе, а затем «властям идти к великому государю со иконами и перед ними ключарь ходит со крестом и со святою водою». Так же должны были отныне отмечаться и крестины.

В честь подобных праздников, как известно, делались пожалования и повышения по службе. В 1667 году в честь совершеннолетия наследника престола Алексея Алексеевича (ему исполнилось 13 лет) всем придворным чинам была сделана общая прибавка (боярам по 100 рублей к окладу), а в 1674-м такую же прибавку царское окружение получило по аналогичному поводу в день совершеннолетия царевича Федора.

Если именины приходились на летнее время, то их часто праздновали в загородных царских селах, устраивая на природе шатры и одаривая именинными пирогами всех, кто являлся поздравить. Например, в 1675 году царская семья провела лето на Воробьевых горах, выезжая оттуда в села Коломенское, Соколово, в Николо-Угрешский монастырь, на охоту. 8 июня наступил день ангела царевича Федора, год назад провозглашенного наследником и в этом качестве «объявленного» народу. Именинника в одной карете с отцом повезли к обеду в Новодевичий монастырь, куда

прибыли патриарх Иоаким и «власти» — Освященный собор. После обедни царь поднес дорогим гостям именинные пироги. Затем царская семья вернулась в село Воробьево, где на крыльце именинные пироги получили бояре, окольные и ближние люди, а затем состоялось застолье в «персидском шатре».

На именины всех членов царской семьи откликался стихами Симеон Полоцкий. Так, в день «тезоименитого защитника святого Алексия человека Божия» он подносил «Приветство» Алексею Михайловичу, а в день мученика Феодора Стратилата — «стиси приветнии» Федору Алексеевичу. Он также составлял подобные рифмованные приветствия «на именины царю» по заказу придворных. Например, для князя Федора Юрьевича Ромодановского были написаны вирши «с хлебом ко государю царю приходящу в день аггела его», включенные автором в стихотворный сборник «Рифмологион».

Воспитание и обучение царских детей

Детей в царской семье рождалось много, но далеко не все достигали зрелого возраста — слишком высока была в то время детская смертность. Из десяти отпрысков Михаила Федоровича четверо (три дочери и сын Василий) не дожили до трех лет; сын Иван (Г. Котошихин писал, что тот с раннего детства «вelmi был жесток»), а посему его поспешили отравить) умер в пять лет. После его кончины началось очередное «ведовское» расследование, показавшее, что придворная золото-швея Дарья Ломакова «сыпала пепел на след царицы», отчего та почувствовала недомогание и печаль, а вскоре царевич Иван скончался. Взрослого возраста достигли только четверо: Ирина, Алексей, Анна (1630–1692) и Татьяна (1636–1706).

В семье Алексея Михайловича и Марии Ильиничны было 13 детей, из которых только восемь прожили относительно долгую жизнь: Евдокия (1650–1712), Марфа (1652–1707), Софья (1657–1704), Екатерина (1658–1718), Мария (1660–1723), Федор (1661–1682), Феодосия (1662–1713) и Иван (1666–1696). Их первенец Дмитрий (1648–1649) не дожил до года, родившаяся в 1655 году Анна умерла в 1659-м, Симеон (1665–1669) прожил четыре года, Евдокия (1669–1669) всего на два дня пережила мать, скончавшуюся через пять дней после родов от горячки, наследник Алексей (1654–1670) умер в 16 лет.

От второго брака Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной осталось двое детей — Петр (1672–1725) и Наталья (1673–1716); еще одна дочь Феодора (1674–1678) умерла ребенком.

Сначала главную роль в жизни царских детей играла кормилица, которая, как правило, до конца своих дней оставалась при дворе либо получала ежемесячное вознаграждение. Так, Анна Ивановна, кормилица Федора Алексеевича, всю оставшуюся жизнь имела прежний восьмирублевый годовой оклад жалованья и шесть «кормовых денег» (три копейки) на день. Для «досмотра» при царевичах до пятилетнего возраста были «мамка» и «нянька», а также целый штат прислужниц: «казначея», постельница и др. Свою «мамку» Ульяну Степановну Собакину Алексей Михайлович поминал добрым словом всю жизнь, иногда в письмах справлялся о ее здоровье, а в дальнейшем не раз помогал ее родственнице в память о ее заслугах.

До пятилетнего возраста царских детей только «тешили» игрушками, однако подбирались они таким образом, чтобы не только способствовать

физическому и умственному развитию ребенка, но и приучать его к военному делу, к управлению людьми, к будущей жизни государя большой державы. Когда царевичу Алексею Михайловичу еще не было и года, отец прислал ему «потешного» (игрушечного) коня «немецкого дела», чтобы сын сызмальства осваивал навыки верховой езды.

По достижении пяти лет царевичей переселяли из царицыной половины в свои покои. Детям отводили во дворце по три-четыре комнаты, богато одевали, но первые годы они жили очень скрытно, вдали от глаз людских, в окружении «дядек» и учителей.

О воспитании и обучении Михаила Федоровича известно крайне мало. Поскольку к царствованию его не готовили, он, скорее всего, прошел обычную для того времени «школу»: изучение букв по азбуке, чтение по часослову, Псалтыри^[14] и Апостолу, писать учили отдельно. Дальше шло самообразование по желанию самого ученика, выбиравшего церковное пение или военное дело. Кое-какие умения, считавшиеся необходимыми для царственных особ, Михаилу Федоровичу пришлось осваивать уже во время пребывания на троне.

Совсем в ином положении оказался его сын Алексей, которого с рождения стали готовить в правители огромной страны. До пяти лет он рос в окружении не только мамок и нянек, но и «потешных» книжек и заграничных игрушек: деревянного коня, лат, музыкальных инструментов. Мастера Оружейной палаты также изготавливали самые разнообразные детские игрушки для царских детей, начиная с фигурок животных, барабанчиков, луков, стрел, седел и прочего и заканчивая шахматами. У трехлетнего царевича уже был целый штат музыкантов — 18 накрачеев (барабанщиков) и цимбалистов, для которых были заказаны особые кафтаны. Сам царевич тоже любил бить в барабан, о чем свидетельствует заказ, полученный придворным токарем в октябре 1633 года — выточить для малыша дубовые палочки.

Конечно, у мальчика с самого нежного возраста появилось разнообразное оружие. Помимо лука со стрелами в четыре года Алексей имел уже карабин и «двойной пистолет». Владению ими будущего государя обучали с раннего детства. Физическое развитие царевича тоже было организовано на должном уровне: летом мальчик много времени проводил на свежем воздухе, качаясь на качелях и играя в мяч, зимой катался на санках, а с девяти лет стал осваивать коньки.

Когда царевичу исполнилось пять лет, его начали обучать грамоте под руководством «дядьки» Бориса Ивановича Морозова, начавшего восхождение к власти с этой придворной должности — он сразу же

перескочил из стольников в бояре. В помощники Морозову «для бережения и научения царевича» назначили Василия Ивановича Стрешнева, родственника царицы, пожаловав его в окольничие; однако тот не стал царевичу близким человеком, уступив первое место «чужому дяде». Морозов оставался наставником царя до конца своих дней. А пока Морозов наряжал своего ученика в немецкое платье — правда, ради потехи, но затем уже серьезно стал прибегать к европейским методам обучения. Царевич быстро освоил азбуку. В отличие от отца, в детстве которого использовались рукописные пособия по овладению грамотой, в распоряжении маленького Алексея Михайловича уже был печатный букварь типографа Василия Бурцева, изданный в Москве в 1634 году (по мнению некоторых исследователей, этот букварь был издан специально для обучения наследника престола). Полное его название — «Букварь языка славенска, сиречь начало учения детем, хотящим учиться чтению божественных писаний с молитвами и со изложением кратких вопросов о вере». В предисловии к изданию говорилось о древности «словенского» наречия, его равенстве с древними языками — еврейским, греческим и латынью. «Первоучебная малая книжица», писал автор букваря, должна была сослужить важную службу: «...малым детем в научение и познание божественнаго писания, и по всей бы своей велицей Руси разсеяти, аки благое семя в доброплодныя земли, яко да множится и растет благочестие во всей его Русской земли». Бурцев вставил в свой букварь поэтическое обращение к читателям:

Ты же, благоразумное отроча, сему внимай,
И от нижния ступени на высшую ступай,
И неленостне и ненерадиве всегда учися
И дидаскала своего во всем наказаня блюдися.

Призыв «блюстись наказания дидаскала», то есть учителя, был весьма кстати, ведь учителя имели право пороть нерадивых учеников розгами. Вряд ли царский «дядька» прибегал к подобной методе при обучении будущего монарха, но напоминать о розгах считалось нелишним не только в начале XVII века, но и в его конце (это сделал в своем знаменитом букваре Карион Истомин в 1696 году: гравюра с надписью «Училище» в его издании как раз изображала сцену наказания розгами).

Учителем грамоты числился дьяк Василий Сергеевич Прокофьев, а вторым учителем царского наследника — по письму — с весны 1635 года

стал подьячий Посольского приказа Григорий Васильевич Львов, назначенный на эту ответственную должность за уникальный каллиграфический почерк, обширные познания в «цыфирной счетной мудрости» и других областях. Возможно, это он привил Алексею Михайловичу усердие к чистописанию, позднее воплотившееся в любовь к собственноручному письму. Царь уже в зрелом возрасте наказывал в одном из писем: «...чернила возьми у Григория у Львова, да и перья ему вели очинить». Видимо, и чернила, и перья у него были особенные, которые нравились царю и к которым он привык. За успехи в деле обучения наследника Львов в 1636 году был пожалован в дьяки, что означало серьезный карьерный рост, а впоследствии даже возглавлял Посольский приказ.

Примерно в семь лет Алексей научился играть в шахматы. Игра эта очень соответствовала его спокойному усидчивому характеру. До конца жизни в царском кабинете имелось несколько наборов шахмат, купленных и подаренных, очень дорогих и самых простых.

В девятилетием возрасте царевич начал обучаться церковному пению, которое пришлось ему по душе. Его учителями стали певчие дьяки Лука Иванов, Иван Семенов, Михаил Осипов и Николай Вяземский. Заложенную в детстве любовь к священным песнопениям Алексей Михайлович пронес через всю жизнь, прекрасно знал их и даже поправлял поющих во время церковных служб, увеличил штат царских певчих; при нем в царской библиотеке резко возросло число певческих рукописей с «крюковой» записью мелодии.

Наследник престола проявил потрясающие способности к учению. Он очень быстро выучил наизусть те части часослова и Псалтыри, которые полагалось знать на память, и перешел к чтению Деяний апостольских. Образовательному циклу свободных наук, общепринятому в Европе и включающему грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, музыку, астрологию, царевича, увы, не обучали. Августин Мейерберг, говоря об образовании царских детей, очень сожалел, что блестящие врожденные дарования Алексея Михайловича не получили в детстве развития через «семь свободных художеств». Главная задача его учителей была не в расширении кругозора и познаний высочайшего ученика, а в привитии ему «благочестия», а уж это им удалось в полной мере.

Примерно к десяти годам у Алексея Михайловича уже составила своя библиотечка из тринадцати томов. В нее помимо Евангелия, часослова, Псалтыри, Деяний апостолов, Октоиха, Стихираря^[15] и другой певческой и церковно-учительной литературы входили «Тестамент»,

содержащий поучения византийского императора Василия сыну Льву, изданные в Литве «Лексикон» и «Грамматика», а также «Космография». В одном ряду с обучающими книжками стояли «немецкие гравированные листы», которых было приобретено множество в Овощном ряду по указанию Бориса Ивановича Морозова. Так, известно, что В. И. Стрешнев неоднократно покупал «немецкие печатные листы», а также «листы писанные немецкие и русские»; к примеру, в январе 1635 года он купил их 32 штуки. Эти гравюры и картинки носили в основном не развлекательный, а познавательный характер, а потому широко использовались при обучении царевича.

В целом Алексей Михайлович получил хорошее образование — не по европейским, а по русским меркам. В его библиотеке были также естественно-научные печатные издания и рукописи и труды по военному делу. Он знал и цитировал изречения философов: «А Аристотель пишет ко всем государем, велит выбирать такова человека, который бы государя своего к людям примирял, а не озлоблял!» Иногда он демонстрировал свои познания в античной мифологии: «...имай крепко опасенье и Аргусовы ^[16] очи по всяк час беспрестанно в осторожности пребывай...» Государь, не чуждый творчества, одному из своих корреспондентов даже написал нечто отдаленно похожее на силлабические вирши:

Рабе Божий! Дерзай о имени Божии
И уповай всем сердцем: подаст Бог победу!
И любовь и совет великой имей с Брюховецким,
И себя и людей Божиих и наших береги крепко...

Видимо, методы обучения и стиль поведения Б. И. Морозова импонировали его воспитаннику — настолько, что когда он вырос и стал царем, то сделал «дядьку» своим советником теперь уже в государственных делах, на первых порах — с широчайшими полномочиями: Морозов «приказывал государевым словом», то есть давал указания от имени царя. Когда же во время Соляного бунта 1648 года восставшие москвичи, возмущенные злоупотреблениями Морозова, потребовали его казни, царь отмолил своего учителя и на какое-то время выслал его из города, тем самым спас «дядьке» жизнь...

Своих сыновей Алексей Михайлович не обряжал для потехи в немецкое платье и даже запретил его для своих придворных в 1675 году с мотивировкой: «..дабы иноземных извычаев не перенимали» (правда, сам в

украшениях и аксессуарах следовал королевской моде — заказывал в Европе кружева, нитяные перчатки и чулки и т. п.).

Придавая огромное значение обучению старшего сына, наследника престола Алексея Алексеевича, отец выбирал ему в воспитатели и учителя только людей добрых и, с его точки зрения, ученейших. Сначала школьные азы царевичу преподавал Алексей Тимофеевич Лихачев, широко известный даже иностранцам как «человек доброй совести». В 1664 году, когда царевичу было уже десять лет и он получил начальное образование, Алексей Михайлович выбрал в качестве второго «дядьки» своего лучшего друга и единомышленника Федора Михайловича Ртищева — тот был освобожден от всех должностей (главы Дворцового, Литовского и Лифляндских дел приказов), чтобы сосредоточиться на обучении и воспитании будущего царя. За шесть лет, отданные служению благородному делу формирования личности нового русского монарха, Ртищев так сильно привязался к своему подопечному, что после неожиданной смерти того в 1670 году впал в депрессию, удалился от двора и замкнулся в себе.

Царевича учили с учетом передовых достижений европейской педагогической мысли. Уже была известна теория Яна Амоса Коменского, увязывавшая формы обучения с возрастом ребенка и развитием его психики. Примерно в эти же годы Елифанием Славинецким был сделан перевод с польского издания 1538 года пособия Эразма Роттердамского *De civilitate morumpuerilium* («О воспитанности нравов детских»). И хотя книжица эта касалась исключительно этики и гигиены, появление ее знаменательно. Видимо, Алексей Михайлович хотел воспитать своих детей не только по-русски религиозными, но и по-европейски культурными.

Иностранцы давно возмущались манерой поведения русских на людях, в особенности за столом. А поскольку царевич в дальнейшем мог не только стать русским государем, но и польским королем (русское правительство об этом всерьез подумывало в связи с «безкрулевьем» в Речи Посполитой 1668–1669 годов), умение вести себя в соответствии с западным этикетом могло сослужить ему хорошую службу при баллотировании на польский престол. Во всяком случае, впервые в русской традиции воспитания появились правила хорошего тона. Книга была составлена по типу катехизиса — содержала 164 вопроса и ответа: о правилах поведения в церкви и училище, за обеденным столом, в гостях; об умении вести беседу и ношении одежды, об осанке, мимике и жестах при общении; о поведении во время игр; о гигиене тела, правильном сне и пр. Примечательно, что большинство этих норм остаются общепринятыми и в наше время.

Занимательность изложения, рассчитанная на детей, сделала эту книгу самой популярной в Европе, в России же ее знали немногие. Переводчик назвал ее «Гражданство обычаев детских», поясняя, что термин «гражданство» подразумевает «обычаев добросклонность и человекопочтительство». В виршах, помещенных в предисловии, говорилось о трех составляющих воспитания — добродетели, мудрости и благонравии. Вполне вероятно, что царевич Алексей, а потом и царевич Федор держали эту книгу в руках или слушали ее в изложении своих учителей. Знаменитое «Юности честное зерцало» 1717 года во многом основывалось на этом же сочинении.

Круг занятий юного Алексея можно представить по тематике книг в его библиотеке, картинкам на стенах его комнат. Известно, что в его покоях были развешаны 50 гравюр на познавательные темы, 14 географических карт, стояли два глобуса. Библиотека внушительных размеров (более двухсот томов) включала много исторических произведений. Русскую историю мальчик изучал сначала по миниатюрам обширного Лицевого летописного свода — например, поход князя Игоря Новгород-Северского на половцев в 1185 году он мог детально представить себе, разглядывая 180 картинок, посвященных ему, — затем переходил к чтению летописей. Мировую историю царевич осваивал по Библии, впервые изданной в России в полном объеме в 1663 году. Из 169 глав хронографа (в редакции 1617 года) он мог почерпнуть сведения об истории Древней Греции, Троянской войне и античной мифологии, о возникновении Польского и Чешского государств, об открытии Америки и многом другом.

Исторический цикл дополнялся географическими знаниями, а также природоведением, начатками юриспруденции, философии, поэтики и риторики. Особо выделялись учебники по военному делу, так как царевича готовили и к роли полководца. Еще в 1649 году по распоряжению государя была опубликована первая светская книга «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» — перевод строевого устава «Воинское искусство», написанного датским капитаном Иоганном Якоби фон Вальхаузенем. Новые рейтарские полки «иноземного строя», созданные в России под командованием иностранных офицеров, нуждались в практических руководствах. И хотя устав был слишком сложным для применения на практике, он содержал массу сведений по военному делу. Царевичи наверняка читали эту книгу, рассматривали 35 гравированных рисунков, пояснявших текст.

Отдельный блок образовательных дисциплин составляли иностранные языки. Трудно переоценить роль Симеона Полоцкого в обучении царевича

Алексея. Обладавший широчайшим кругом познаний просветитель стремился поднять образовательный уровень своего подопечного, занимаясь с ним иностранными языками — латынью и польским. Возможно также, что он учил царевича стихотворству, поскольку сам прославился сочинением виршей как на русском, так и на польском языке. Своеобразный экзамен царевич Алексей блестяще выдержал в 1667 году во время приема польских великих и полномочных послов, приехавших ратифицировать мирный договор. Ему тогда исполнилось 13 лет, и он еще совсем недавно был «объявлен» наследником. Царевич произнес приветственную речь частью по-польски, частью на латыни. Основным ее содержанием был призыв к объединению братских славянских народов не только против внешнего врага — «варваров-татар», но и для лучшего внутреннего управления двух народов: «Сколь великая слава, о послы, предстояла бы всем славянским народам, и какие бы великие предприятия увенчались успехом через соединение сих племен и через употребление единого наречия, распространенного в лучшей части Вселенной — вам самим о том известно». Далее царевич прямо говорил, что поляки не пожалеют, если выберут его своим королем: «Собственно же о себе скажу, что если желания и старания мои будут с Божиею помощью приняты благосклонно народом вашим, никогда не дам вам повода раскаиваться в доброжелательстве вашем ко мне».

Уровень его познаний произвел сильное впечатление на послов. Отзвуки этой красноречивой орации достигли даже Италии, причем в письме к герцогу Козимо Медичи польский автор утверждал, что русский наследник владеет латинской риторикой не хуже герцогского сына. Можно представить, какой уровень образования имел Алексей Алексеевич к шестнадцати годам, какая слава ждала его как просвещенного монарха не только в России, но и в Европе! Беда пришла неожиданно — в январе 1670 года царевич внезапно скончался...

Оправившись от удара, Алексей Михайлович возложил свои надежды на второго сына Федора, хотя и больного, но весьма разумного и способного к наукам. Его, по-видимому, тоже стали обучать польскому и латыни с теми же видами на польский престол. Правда, документальных подтверждений этому не найдено, кроме письма 1672 года, в котором автор, местоблюститель Киевской митрополии архиепископ Лазарь Баранович, сообщал Алексею Михайловичу о желании посвятить царевичу Федору свою стихотворную книгу «Жития святых отец», написанную на польском языке.

«Потешные» книги с детства имелись у Федора в изобилии. В его

хоромах находилась Учительная палата, где книгописцы переписывали их, для чего, к примеру, в 1674 году было закуплено 50 кистей и столько же горшочков краски. В 1670 году девятилетнему царевичу была подарена красочная книга «Лекарство душевное» с многочисленными иллюстрациями, изготовленными иконописцами Троице-Сергиева монастыря золотом и красками «самым добрым мастерством». Там были сценки разнообразного содержания, например сенокоса или мытья в бане. В 1672 году иконописец Петр Афанасьев оформил для царевича две «потешные» книги на военную тему — «люди с боем»; в 1674-м другой мастер, Никифор Бовыкин, изготовил «потешную игру карты по золоту цветными красками» (лото с картинками на разные темы). Этот перечень можно продолжить.

С 1668 года Федора опекали и воспитывали «дядьки» — боярин князь Федор Федорович Куракин и думный дворянин Иван Богданович Хитрово, люди ничем особенно не выдающиеся, но близкие к царю. О их взаимоотношениях с царевичем сказать что-либо трудно. Зато о его отношении к Симеону Полоцкому красноречиво свидетельствует тот факт, что после смерти учителя в 1680 году Федор Алексеевич, тогда уже царь, приказал увековечить его память достойной стихотворной эпитафией, поручив это сложное дело другому преданнейшему ученику Симеона Сильвестру Медведеву. Федор отверг 14 (!) вариантов — ему всё время казалось, что в надгробных виршах плохо отражены величие Симеона как мудрого наставника и советника, значимость как просветителя русского народа, красноречивого поэта и «дидаסקала», а также его скромность и кротость как истинного монаха. Медведеву пришлось попотеть, прежде чем 24 двустихия были одобрены венценосным заказчиком и высечены золотыми буквами на двух каменных досках, установленных над гробом Симеона в Заиконоспасском монастыре:

...Им же польза верные люди насаждала,
Незлобие же, тихость, кротость удивляла...

Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
Мерность же и мужество опасно блюденна...

В результате стараний «дядек» и учителей Федор был подготовлен к управлению страной ничуть не хуже старшего брата. Много усилий к этому прилагал и государь-отец, передававший сыну азы управления страной,

представления о государевом чине, государевой чести и прочих важных вещах. В частности, как явствует из письма царевича отцу, тот научил сына «тарабарщине» (тайнописи). Известно также, что многие умения и навыки, а также увлечения и пристрастия (например, любовь к садоводству и певческому искусству, всегдашнее стремление к красоте) Федор заимствовал от Алексея Михайловича.

Царевен, в отличие от царевичей, не учили управлению государством, но обучали чтению и письму, а иногда и того больше. К примеру, известно, что Софья изучала польский язык и латынь, вместе с Федором осваивала стихосложение под руководством Симеона Полоцкого, и ее успехи как будто были столь велики, что учитель даже показывал ей черновики своих произведений, в частности рукопись книги «Венец веры кафолической». Познания Софьи в барочной поэтике, ее пристрастие к аллегорическому мышлению, а главное — стремление превзойти братьев в науках и искусствах несомненны.

Петру, сыну Алексея Михайловича от второго брака, не повезло с образованием в силу того, что отец умер, когда мальчику было всего четыре года, и этими вопросами просто некому было заниматься. Как и было положено, «дядька» Никита Моисеевич Зотов обучил мальчика читать по Псалтыри и часослову. А вот писал Петр всю жизнь неграмотно... Зато он перенял у Зотова любовь к народным пословицам и поговоркам, а также к резьбе по дереву. В четыре года Петруша получил, если можно так выразиться, судьбоносный подарок — немецкий серебряный кораблик. Как знать — возможно, именно с того момента Петр начал бредить морем.

«Терпеть болезни — веселие стариков...»

Когда однажды в 1619 году Филарет Никитич, будучи уже зрелым человеком, а по средневековым меркам и вовсе стариком, заболел, в письме сыну он просил не сильно кручиниться по сему поводу: «...то наше старческое веселие, что болезни с радостью терпети». Всё бы ничего, но члены царского семейства страдали не только типичными возрастными недугами — гипертонией и подагрой («камчугом»); несколько представителей его мужской части имели крайне тяжелое наследственное заболевание, которое придворные врачи в один голос определили как цингу.

Медицинское дело при царском дворе в XVII веке было на достаточно высоком уровне, московских государей лечили по традиции иностранные врачи, чьи глубокие познания и врачебный опыт не вызывали сомнений. Царское здоровье считалось национальным достоянием, его берегли пуще глаза. При Михаиле Федоровиче был воссоздан появившийся еще в 1581 году и прекративший действовать в Смутное время Аптекарский приказ, в ведении которого находились «дохтура» (занимались в основном лечением внутренних болезней) и «лекари» (лечили главным образом наружные болезни), аптекари и костоправы. Приказ занимался здоровьем царской семьи, придворных чинов и рейтарских полков, «береженьем» города от эпидемий, разведением «аптекарских огородов» для выращивания лекарственных трав и др. На протяжении всего XVII столетия возглавляли его самые приближенные и доверенные лица государя — князья Иван Борисович и Яков Куденетович Черкасские, Федор Иванович Шереметев, Борис Иванович Морозов, Илья Данилович и Иван Михайлович Милославские, Артамон Сергеевич Матвеев, князья Никита Иванович и Яков Никитич Одоевские, — и, надо отдать им должное, крайне ответственно подходили к охране монаршего здоровья.

Поражает скрупулезность проверки, которой подвергали нанимаемых на службу иноземных врачей: «...подлинно, прямо ли дохтур, и дохтурскому делу научен, и где дохтурскому делу учился, и в академии он был ли, и свидетельствованные грамоты у него есть ли». Кандидатов, не имевших дипломов или рекомендательных писем, предписывалось «гнать» и подыскивать «дохтура доброво и ученого и навычново». Часто бывало, что в Москву приезжали врачи, лечившие до этого английских королей и королев. Так, Роберт Якоби и Марк Ридли привезли рекомендательные

письма от королевы Елизаветы, а Артур Ди — от ее преемника Якова I.

Часто придворными врачами становились голландцы. Одним из первых в 1615 году при дворе Михаила Федоровича появился голландец Валентин Бильц и проработал в качестве царского врача до своей кончины в 1633-м. Государь приказал построить для него дом поблизости от дворца, чтобы доктор всегда был под рукой. Параллельно с ним в 1621 году начал врачебную деятельность при царском дворе упомянутый выше англичанин Артур Ди — сын знаменитого математика, географа, астронома и алхимика Джона Ди — и проработал 12 лет, покинув Россию только после смерти своей жены в 1634 году. Ди (по-русски Артемий Иванович Дий) занимал высшую ступеньку в иерархии придворных медиков — именно он экзаменовал вновь поступающих врачей, контролировал изготовление лекарственных средств в царской аптеке и часто привозил лекарства из Англии, куда время от времени ездил в отпуск. Кстати, по возвращении домой он стал ни много ни мало лейб-медиком английского короля Карла I.

Вначале докторам было несложно «сохранять государево здравие», но около тридцати лет у Михаила Федоровича проявилась «скорбь ножками». Летом 1627 года он жаловался отцу: «Болезнь, государь, ногам моим от ездок и тяжеле стало, до возка и от возка в креслах носят». Видимо, самостоятельно передвигаться он временами просто не мог. В последние годы жизни Михаил доверял заботу о своем здоровье немцам — Венделинусу Сибилисту и Иоганну Бюлову (Белеву), а также известному врачу и художнику Артману Граману, прибывшему в Московию в составе голштинского посольства в 1634 году. По свидетельству посольского секретаря Олеария, его услуги высоко ценились: «Он получает правильное денежное жалованье в 62 рубля или 124 талера и, кроме того, еще ежегодно 300 рублей, что составляет в общем 2088 талеров, помимо хлеба в зерне и в печеном виде, солоду, меду и других вещей для домашнего хозяйства. Когда нужно отворять жилу (делать кровопускание. — Л. Ч.) или давать лекарство, доктору дается еще особая награда в 100 талеров наличными деньгами, а также кусок атласу или дамаста, сорок собелей и т. п.».

Алексей Михайлович вроде бы не унаследовал отцовскую хворь — не испытывал болей в ногах и до последних дней выезжал на соколиную охоту, но из-за тучности, которая бросалась в глаза всем видевшим царя, страдал гипертонией. Лечили его кровопусканием. Вероятно, царь уверовал в целительную силу этой процедуры; однажды после «отворения крови» он потребовал, чтобы все присутствовавшие ближние люди и родственники подверглись такой операции. Отказался от нее только престарелый царский дядя по матери Родион Стрешнев, чем вызвал у вспыльчивого племянника

приступ гнева — он избил и вытолкнул бедного старика (потом царю пришлось долго просить у пострадавшего прощения и одаривать его).

Иноземные врачи, лечившие Тишайшего, отзывались о нем хорошо. Семь лет проживший при дворе в качестве царского лейб-медика англичанин Сэмюэл Коллинс считал, что русского монарха смело можно ставить в один ряд «с добрейшими и мудрейшими государями»: «Наружность императора красива; он здоров сложением; волосы его светло-русые; он не бреет бороды, высок ростом и толст; его осанка величественна; он жесток во гневе, но необыкновенно добр, благодетелен, целомудрен, очень привязан к сестрам и детям, одарен обширной памятью, точен в исполнении церковных обрядов, большой покровитель веры... равняется в благочестии, великодушии, милосердии и доброте со всеми другими государями; что же касается до его министров, то они, как и министры прочих государств, на все готовы за деньги и рады обмануть всякого, кого только смогут».

Сам Коллинс заслуживает того, чтобы стать героем отдельного рассказа. Медицинское образование он получил в Кембридже и Падуе. В 1659 году, когда царь через Иоганна Гебдона приискивал врачей и аптекарей, он попал в число приглашенных на русскую службу. Широчайшие познания Коллинса в медицине раскрывает написанное им в 1664 году по просьбе Алексея Михайловича «Рассуждение» о пользе кровопускания. Сначала лейб-медик сравнивает все известные на то время методы лечения (китайские, индийские, персидские, западноевропейские), отдавая должное каждому из них; заявляет, что является сторонником древней традиции, идущей еще от халдеев, арабов, греков и римлян, в которой руководящая роль отдается натурфилософии и ятроматематике (учению о влиянию планет на здоровье человека). Он высоко оценивает труды своих давних предшественников: «Жилы в последних тела частех сечены, многия о себе изъявляют ползы, как о том свидетелствуют дохтуры Иппократ, и Авиценна, и друзии».

Вероятно, отвечая на вопрос царя о возможности с помощью астрологии определять благоприятные для кровопускания дни, он отмечает, что в медицине идут споры по этому вопросу, но сам он допускает влияние небесных тел на физиологическом уровне, поэтому можно и нужно ожидать «приятных оных взоров» (расположения звезд) при всех медицинских действиях; в случае же, если помощь требуется немедленно, ждать не стоит, а следует действовать быстро. Есть подтверждение тому, что царь прислушивался к рекомендациям Коллинса. Так, в июне 1664 года благоприятными для «отворения крови» врач считал третье и четвертое

число; именно 3 июня царю и была проведена процедура.

Записки Коллинса о России, опубликованные в Лондоне в 1670 году, спустя год после его смерти, под названием «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, одной значительной особой, в течение девяти лет находившейся при дворе московского царя», свидетельствуют, что он был внимательным наблюдателем. Приведенный выше отрывок из этого сочинения показывает, насколько глубоко разбирался в русской придворной жизни английский врач. Его меткие замечания о пагубной роли интриг и нравов царедворцев делают ему честь. Он, естественно, не высказывал свое мнение Алексею Михайловичу, но на бумаге дал его приближенным нелицеприятные оценки. Интересны его наблюдения за методами работы Тайного приказа, за деятельностью А. Л. Ордина-Нащокина и, конечно же, за жизнью царя. Так, Коллинс подчеркивал, что Алексей Михайлович был большим любителем слушать рассказы столетних старцев. Хотя врач привел массу ходивших по Москве анекдотов об Иване Грозном и других исторических персонажах, он далеко не всему верил сам, о чем свидетельствует его опровержение легенды о растении «баранце», имеющем плод, по внешнему виду похожий на ягненка, и питающемся травой.

Когда в 1666 году Сэмюэл Коллинс захотел вернуться на родину, то не только не был удерживаем царем, а, напротив, щедро вознагражден и отпущен восвояси. Приглашенный ему на смену немец Лауренциус (Лаврентий Алферьевич) Блюментрост прожил в России всю оставшуюся жизнь и положил основание целой династии придворных медиков; его сын Иван стал при Петре Великом не только президентом Медицинской коллегии, но и первым президентом (1725–1733) Петербургской академии наук.

Еще одним немецким «дохтуром» при Алексее Михайловиче был Андрей Матвеевич Энгельгардт. В 1655 году его порекомендовал царю один из любекских купцов, и в декабре 1656-го доктор медицины уже прибыл в Москву. Как было принято, царь встретил его дорогими подарками (бархатом разных сортов, сукном, атласом, камкой, сороком соболей и 70 рублями денег). К нему государь тоже обращался с вопросами об астрологии. В 1664 году Энгельгардт по комете предсказал моровое поветрие и предложил принять меры безопасности. Потом был перерыв в его службе русскому царю — в 1665 году по просьбе бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма врача отпустили к его двору. Однако после десятилетнего отсутствия доктор снова вернулся в Кремль и прослужил еще около шести лет, до смерти в 1682 году.

Практическая сторона лечебного процесса при дворе Алексея Михайловича раскрывается в некоторых документальных свидетельствах. Так, А. С. Матвеев утверждал, что все микстуры, выписываемые государю, брались исключительно из царской аптеки, затем их в присутствии монарха пробовали врачи, сам Матвеев, «дядьки» Куракин и Хитрово и только потом выпивал самодержец. Придворные медики должны были регулярно освидетельствовать всех, кто окружал государя, даже стрельцов и служителей, составляя после осмотра «дохтурские сказки» о каждом: годен ли к службе, имеются ли хронические недуги и признаки заражения инфекционными заболеваниями.

Страх перед моровым поветрием был объясним. Средневековые эпидемии уносили тысячи человеческих жизней, перед ними все были равны — бедные и богатые, простолюдины и аристократы. Летом 1654 года, когда царь был в военном походе под Смоленском, Москву опустошила страшная легочная чума, при которой кожа и внутренности заболевших покрывались язвами. Из заразившихся ею выживали единицы. Царский двор, кремлевские монастыри, приказы — всё обезлюдело. Из шести стрелецких полков, охранявших Москву, после эпидемии едва смогли набрать людей на один. Из 208 старцев Чудова монастыря остались в живых всего 26, из 158 монахинь Вознесенского монастыря — 30. Везде, где было скопление людей, моровое поветрие разгулялось не на шутку: в усадьбе Б. И. Морозова погибли 343 человека, в усадьбе князя Я. К Черкасского — 423, у А. Н. Трубецкого — 270 и т. д. Чтобы сберечь царскую семью, патриарх Никон вывез Марию Ильиничну с детьми и старших царевен сначала в Троице-Сергиев, а затем в калязинский Троице-Макарьев монастырь. Поскольку эпидемия стала распространяться за пределы Москвы, были приняты меры, чтобы зараза не проникла в царское войско: на запад от столицы выставлены мощные заставы. Опасаясь за жизнь своих «светов», Алексей Михайлович указал везти их в Вязьму, часто писал, выражая беспокойство: «А что едете ко мне и зело о том радуюсь и жду вас, светов, как есть слепой свету рад!»

Когда же эпидемия сошла на нет, царь решился вернуться в Москву. Он попытался найти противоядие от чумы. Петр Марселис предложил ему приобрести за десять тысяч рублей — астрономическую по тем временам сумму — три «инроговых» рога.^[17] Алексей Михайлович поручил доктору Артману Граману дать заключение о подлинности рогов и целесообразности их приобретения, на что получил компетентный ответ: «Те рога по признакам, как философии пишут, прямые инроговые рога... от морового поветрия те рога имеют силу болпгую — у которого человека

объявится моровое поветрие, и того рога тотчас принимать с безуем^[18] и потеть, и после того моровое поветрие минуется». Безуй у Алексея Михайловича имелся, а вот рога, обладавшего чудодейственной силой, в его распоряжении не было, поэтому он дал указание поторговаться с продавцом, предложить ему отборных соболей за два лучших рога, «а будет задорожится, пождав, один купить, что надо».

Аптекарский приказ контролировал и изготовление и продажу лекарств. В Москве долго существовала только одна аптека, обеспечивавшая медикаментами царскую семью и ее окружение. Еще с 1630-х годов она продавала их излишки «всякого чина людям». Хотя дело в ней было поставлено, по свидетельству иностранцев, «весьма великолепно», она всё же не справлялась с возросшим спросом на ее продукцию, поэтому в 1672 году царь указал открыть вторую аптеку — публичную, для обеспечения лекарствами войска и всех желающих, при этом доступ для них в старую, придворную, был закрыт. В 1673 году двум аптекам было дано монопольное право производить лекарства и торговать ими в Москве. Находившийся ранее у стен Кремля (на месте Александровского сада) «государев аптекарский двор и огород» был перенесен за Мясницкие ворота, а новые появились у Каменного моста, в Немецкой слободе и в других местах на окраинах города, в частности, на месте нынешнего Ботанического сада. Препараты привозились и из-за границы — из Англии, Голландии, Персии и других стран. Нередко царь лично поручал своему торговому агенту в Европе Иоганну Гебдону произвести закупку необходимых лекарственных средств. Так, в 1663 году в Кремль было прислано шесть сундуков, два бочонка и тюк трав, настоек и медикаментов. Сбор трав поручался также крестьянам царских вотчин. Сохранилось письмо Алексея Михайловича Матюшкину с указанием, чтобы крестьяне Конюшенного приказа набрали на Иванов день (24 июня) «цвету сераборинного, трав иппериковой и мятной с цветом, и дягилю и дягильного коренья по пяти пуд».

Штат Аптекарского приказа постоянно увеличивался: в 1631 году в нем служили 12 человек (два доктора, пять лекарей, аптекарь, окулист, два толмача-переводчика и подьячий), а спустя полвека, в 1681 году, — 82 (шесть докторов, четыре аптекаря, три алхимиста, 21 русский лекарь и десять лекарей-иноземцев, 38 учеников лекарского и костоправного дела), не считая двенадцати подьячих, нескольких огородников, толмачей и десятков хозяйственных рабочих. В 1654 году при Аптекарском приказе были открыты первые лекарская и костоправная школы, их выпускники (около сотни за полвека) направлялись лекарями в стрелецкие и рейтарские

полки. Срок их подготовки колебался от трех до двенадцати лет, в разные годы обучалось от десяти до сорока человек, выпуски были нерегулярными, но тем не менее они вносили посильную лепту в развитие медицины в стране. Правда, большинству населения Москвы медицинскую помощь по-прежнему оказывали знахари и знахарки, а универсальным лекарственным средством считался «камень безуй».

При Аптекарском приказе начала складываться библиотека медицинской литературы — русских травников, а также переводных научных трудов. В частности, в 1657 году по указанию царя приехавший из Киева и преподававший в лекарской школе ученый монах Епифаний Спавинецкий, получивший образование в Краковском университете, сделал перевод с амстердамского издания (1642) анатомического трактата Андреаса Везалия «Эпитоме», впервые опубликованного в 1543 году.

«На санях»

Восприятие смерти в царском семействе соответствовало общенародным средневековым представлениям о ней. Христианский взгляд на подготовку к смерти кардинально отличался от языческого — земная жизнь воспринималась как краткий период приготовления к жизни вечной, смерть перестала быть телесной границей между этим и тем светом и превратилась в акт Божьего суда над душами праведников и грешников. Теперь уже умирающих и тех, кто находился рядом, должны были волновать не телесные страдания, а спасение души. «Смертью смерть поправ», Христос как бы поменял жизнь и смерть местами — тот, кто жил на земле ради жизни, оказывался во власти вечной смерти; тот же, кто добровольно «умирал» для земных греховных утех, обретал жизнь вечную. Языческий «порог смертный», выражавший телесно-пространственное восприятие бытия, сменился у христиан «часом смертным», отражающим доминирование духовно-временного восприятия. Наступление этого часа неведомо людям («Потаи от нас Бог смертный час»), а посему о нем следовало думать постоянно («Лепо есть человеку... поминати присно страшное и второе пришествие и день смертный»). В «час исхода души от тела», по представлениям, изложенным в древнерусском церковно-учительном сборнике «Измарагд») добрые дела, совершённые умирающим на протяжении жизни, превращаются в ангелов, которые «в радости и веселии» уносят душу в «место покоя и радости», а злые дела превращаются в бесов: «...люте свезавше убогую ту душу грешнаго поведут, рыдающе и плачущуся горце, в место темно и смрадно». В ожидании последнего часа человек обязан провести определенную духовную подготовку; если же он не сделает этого, то умрет «напрасной смертью».

Все эти образы и идеи прочно закрепились в сознании жителей средневековой Руси, от простолюдинов до царственных персон. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Алексея Михайловича Никону в 1652 году, в бытность последнего новгородским митрополитом, о кончине патриарха Иосифа. Государя покорило, что предстоятель повел себя перед смертью не как праведник, а как суетный и корыстолюбивый человек. Особенно поразил царя отказ от исповеди и причащения, которые он считал важнейшими условиями «правильной» смерти. Царь подчеркивал, что Иосифу перед смертью не было ниспослано

просветление, он лишь «тупо поновлял» попытки заговорить — «хочет молвить, да не может»; в последние предсмертные минуты ему были какие-то страшные «видения, от коих он почал руками закрыватца и жатца к стенке»: «Походило добре на то, как хто ково бьет, а ково бьют — так тот закрывается». Заметим тут же, что сам Алексей Михайлович за три часа до своей кончины исповедался и принял причастие.

Первые цари династии Романовых умирали по-разному. Михаил Федорович, сильно болевший в последние годы, приучил своих придворных, что хворь его может продолжаться до бесконечности, поэтому смерть его была неожиданной. По Москве поползли слухи, что царя «опоили», «окормили» отравой или сгубила «кручина» по поводу отказа королевича Вальдемара перейти в православие и жениться на царевне Ирине. Придворные врачи говорили иное — 27 апреля 1645 года на консилиуме они пришли к выводу, что «желудок и печень и селезенка... безсильны. И от того понемногу кровь воденеет и холод бывает, да от того же цынга и иные мокроты роятся». В качестве лечения пациенту были прописаны разогретое рейнское вино с травами, «чтоб слизь... вывести», и эликсир для потоотделения. Целый месяц царь лечился подобным образом, однако ноги продолжали опухать, а «ветер и колотье возле ребер» усилились. Анализ мочи снова показал, что «печень и селезенка заперты... от многово сиденья... от холодных питей и от меланхолии, сиречь кручины». Затем поднялось давление, царь жаловался на шум в ушах и головные боли. Когда давление понизили, государь почувствовал себя лучше и решил 12 июля, в день своих именин, пойти на литургию в Благовещенский собор в придел Михаила Малеина, чтобы помолиться своему тезоименитому святому. В церкви он потерял сознание и был отнесен в свои покои. События развивались очень быстро: царь был «едва жив», вечером к нему позвали жену, сына, патриарха, боярина Морозова и других ближних людей, которым он якобы сказал: «Уже бо отхожу от вас», — затем благословил Алексея на царство и напомнил патриарху о помазании нового государя. Затем прошло соборование, ночью Михаил Федорович «отъиде... яко неким сладким сном успе». Позднее в «Повесть о преставлении Михаила Федоровича» был (вероятно, по приказу Морозова) вставлен эпизод, в котором умирающий царь обратился к «дядьке» царевича с просьбой по-прежнему опекать и заботиться о сыне — это должно было дать боярину дополнительные права.

В Средневековье среди русской знати был широко распространен обычай предсмертного пострига. Из множества государей, перед кончиной принявших схиму, можно назвать Александра Невского, Василия III, Ивана

Грозного, Бориса Годунова. Цари из династии Романовых и члены их семьи этой традиции не следовали. Лишь младшая сестра Алексея Михайловича, 62-летняя царица Анна Михайловна, незадолго до смерти постриглась в кремлевском Вознесенском монастыре под именем Анфиса.

Михаил Федорович, с точки зрения современников, почил «правильной» смертью, поскольку прожил правильную жизнь. Традиционный набор слов типа «угасло великое светило», «бысть плач велий во всем народе» дополнился стихотворным посмертным панегириком, внесенным неизвестным автором в продолжение «Нового летописца»:

Имея нрав кроток и незлобив,
Упражнялся всегда росправных дел царствия своего благих...

.....

И в сиклицкой чин природных людей достойных тому жалуя,
А непородных людей и недостойных тому чину быти во вся дни
царствия своего не допуская,
И чин царский уставлен прежними государи крепко сохраняя,
И никогда во всём не пременяя...

В этих виршах отражена суть правления Михаила Федоровича, основателя новой царской династии: возрождение государева чина, растоптанного Смутой.

Для первых царей из дома Романовых смерть предшественника на троне не только означала огромную личную потерю, семейную трагедию, но и вызывала сильнейший стресс, связанный с опасением появления самозванцев, придворного заговора, заминки с присягой, да мало ли каких других обстоятельств, способных приостановить или даже нарушить законный переход власти от отца к сыну. Несмотря на то что Михаил Федорович перед смертью благословил сына на царствование, Алексею Михайловичу в первые дни после смерти отца пришлось пережить немало тревог. По стране давно ходили слухи, что Алексей «подменный», а не подлинный сын государя. За границей — то в Польше, то в Турции — появлялись очередные самозванные «государы», заявлявшие о своих правах на российский престол. Один из них, Иван Луба, в 1644 году был привезен в Москву польским посольством Гавриила Стемпковского, и правительство ломало голову, что с ним делать. Дело в том, что Лубу с детства намеренно растили в убеждении, что он сын Марины Мнишек, чтобы в нужный

момент выставить его кандидатуру на российский престол (настоящий сын Марины и Лжедмитрия II, Иван «Воренок», был трехлетним повешен в Москве в 1614 году). По настоянию Москвы Лубу привезли из Польши для суда, но Стемпковский тянул время и не выдавал бедолагу, справедливо утверждая, что тот лично ни в чем не виноват. Но сам факт наличия очередного «чудесно спасшегося» мог вывести из равновесия кого угодно. (8 августа 1645 года государь, которому уже присягнули все подданные, милостиво простил Ивана Лубу и разрешил ему уехать в Польшу под честное слово короля, что нечаянный самозванец никогда не предъявит прав на русский трон.)

Медлить с присягой было никак нельзя. И присягать Алексею Михайловичу начали, не дожидаясь утра, можно сказать, у неостывшего тела его отца — «нимало помедлив», «тое же ночи и того часа, егда приставися к Богу». Из Успенского собора был принесен крест с частицей честных древ Животворящего Креста Господня. Из Разрядного приказа доставили крестоцеловальную запись, составленную незадолго до смерти государя. Все, кто был в ту ночь во дворце, начали впопыхах приносить присягу... царице Евдокии и только затем ее сыну. Когда и почему имя царицы оказалось на первом месте, никто не знает. Оказывается, были заготовлены две крестоцеловальные записи: в одной первым шло имя Алексея, в другой — Евдокии. Только 14 июля глава Боярской думы Федор Иванович Шереметев велел поставить на первое место имя наследника, а не матери-царицы... Тогда же были посланы гонцы во все уезды и «во все полки» для проведения крестоцелования новому правителю. Приведением к присяге «всех чинов московских» руководили чудовский архимандрит Кирилл, боярин князь Никита Иванович Одоевский, окольный Семен Васильевич Прозоровский и думный разрядный дьяк Михаил Волошенинов.

Войска, находившиеся тогда в Туле для отпора ежегодным летним набегам крымских татар и «ногайских людей», грабивших приграничные города и уводивших в плен сотни жителей, стояли в полной боевой готовности под предводительством князя Я. К Черкасского. Уже 17 июля в Тулу прибыл князь А. Н. Трубецкой «для государского и земского великого дела», и сразу же в соборе была проведена присяга. Процедура продолжалась целый день, а назавтра Трубецкой послал отчет государю о ее успешном завершении. Князь стал первым, кого новый царь пожаловал боярским чином. После того как присягнули вся Москва и войска, царь мог вздохнуть спокойно: дело было решено, в остальных местах можно было проводить присягу не так поспешно.

Алексей Михайлович прожил на два года меньше отца. Его смерть в январе 1676 года кажется какой-то нелепой случайностью. Он вел активную жизнь: принимал послов, смотрел театральные постановки, с молодой женой и вельможами слушал концерт приехавшего с нидерландским посольством музыканта. Ничто не предвещало беды. Простое недомогание дополнилось простудой, а вместо лечения, предписанного докторами, царь выбивал из себя лихорадку ледяным квасом и «компрессом» из толченого льда... Судя по всему, Алексей Михайлович не боялся смерти. Нельзя сказать, что он был храбрецом, но страх смерти сумел побороть еще в молодые годы, о чем и рассказал Никону в цитированном выше письме о смерти патриарха Иосифа.

Он без прикрас описал, какой великий страх испытал, когда пришел ночью в церковь, чтобы проститься с покойным. У гроба не было никого из «сидельцев», только один священник кричал псалмы, отворив все двери. Царь сделал чтецу замечание и получил ответ, что кричит тот от страха — живот усопшего ходит ходуном! Приглядевшись, Алексей Михайлович «едва не свалился с ног»: «...грыжа-то ходит прытко добре в животе, как есть у живого, да и мне прииде помышление такое от врага: побегу де ты вон, тотчас де тебя, вскоча, удавит; а нас только я да священник тот, который Псалтырь говорит; и я, перекрестясь, да взял за руку его, света, и стал целовать, а во уме держу то слово: от земли создан, и в землю идет, чего бояться?»

Уже через неделю с начала последней болезни Алексея Михайловича врачи признали его положение безнадежным. 29 января 1676 года патриарх Иоаким исповедовал и причастил его, а через три часа царь скончался. Большой колокол зазвучал мерным набатом, продолжавшимся до самых похорон. Дежурные слова — «угасла свеча страны русской, померк свет православия, прияв нашествие облака смертного», — конечно же, не отражают реального горя людей, окружавших царя, судьбы которых зависели от его жизни и смерти. Придворные поспешили устроить крестоцелование новому монарху.

Зимней ночью больного Федора на руках отнесли в Успенский собор для проведения присяги, хотя в этот раз власти Романовых ничто не угрожало — ни самозванцев, ни других претендентов на престол не было. Присяга продолжалась всю ночь, а наутро Соборную площадь покрыли ковровыми дорожками с черным сукном посередине, по которым тело умершего государя при огромном стечении народа понесли в Архангельский собор.

Из описаний траурной процессии следует, что она была прекрасна, всё

было «по чину», красиво и благопристойно — именно так, как любил Алексей Михайлович. Даже похороны его были расцвечены золотом и серебром: впереди процессии несли сень, затканную золотыми и серебряными цветами и усыпанную жемчугом и бриллиантами. За ней шествовали 300–400 священнослужителей в великолепных облачениях со свечами в руках. Перед патриархом несли золотые хоругви, Владимирскую икону Божией Матери, Животворящий Крест Господень с частицами мощей великих чудотворцев. Предстоятеля вели под руки два боярина, за ними шел весь Освященный собор. Придворные в «смирных» (траурных) платьях несли на плечах крышку («кровлю») гроба, покрытую алой парчой с золотыми и серебряными узорами. Гроб несли отдельно, а тело по традиции было положено на сани. Покойного обрядили в бархатное платно, вышитое красным и зеленым шелком с жемчугом, сверху был покров из золотого аксамита с серебром и тоже с шитыми узорами. Новый государь Федор Алексеевич, в «смирном» одеянии с вишневым воротником-ожерельем, черной шапке, с черным посохом в руках, не мог идти самостоятельно — «скорбел ножками», и его несли «в креслах». Из других родственников на похороны была допущена только вдова-царица Наталья Кирилловна. Как и полагалось по чину, ее несли на санях. В Архангельском соборе гроб установили в каменную усыпальницу (там он простоял шесть недель, прежде чем тело было предано земле).

Во время траурного обряда случился инцидент между патриархом Иоакимом и царским духовником Андреем Савиновым. Еще при жизни государя поведение его духовного отца, служившего в Благовещенском соборе, вызывало нарекания начальства. Его обвиняли в сожителстве с чужой женой, пьянстве, нарушении поста, глумлении и прочих вещах. Патриарх обращался с жалобами на Савинова к самому монарху, однажды посадил царского духовника на цепь в темнице, и даже Алексей Михайлович не смог уговорить святейшего помиловать беспутного священнослужителя. При положении тела скончавшегося самодержца в гроб в руки ему положено было вложить «прощальную грамоту», что входило в обязанности царского духовника. Однако патриарх лично сделал это, за что и получил от Савинова поток оскорблений. 14 марта 1676 года Иоаким созвал церковный собор, осудивший протопопа за все его прегрешения; он был лишен сана и сослан в Кожеезерский монастырь.

В день царских похорон придворный поэт Симеон Полоцкий вручил новому монарху «утешительную книжицу». Это уже была не первая книга «плачей» по усопшим. Еще в 1669 году поэт сочинил и передал Алексею Михайловичу «Френы, или Плачи всех санов и чинов православно

российского царства» на смерть царицы Марии Ильиничны. Первым был помещен плач от имени самого царя, далее шли плачи «лик чад царских», царевен, чина духовного («пресветлаго сингклита»), «православного воинства», всех градов державы, «всех странных и пришлых», нищих, вдовиц и сирот, «Церкви ратующей» и др. На каждый плач отвечало утешение от имени веры, надежды, любви, премудрости, воздержания, мира, заступления, Церкви торжествующей: «Остави слезы, престани рыдати, царю вернейший, время плачу стати». Типично барочная форма диалога и прения завершалась «Словом последняго целования» от имени почившей царицы, обращающейся по очереди ко всем плачущим, а также любимым Симеоном лабиринтом с заключенными в него словами «Вечная память».

Однако в новом произведении «Глас последний» Симеон не просто воспроизводил «плачи» и «утешения» от разных лиц, а взял на себя смелость воссоздать духовное завещание умершего Алексея Михайловича сыну. Глас «со заветом отчим» исходил от самого умершего, который обращался также и к патриарху Иоакиму, «всему пресветлому царскому дому и ко всем саном духовным и мирским». Царь оставлял наследнику 80 «велений» и требовал, чтобы они были исполнены, «аще хочещи благословен быти». Главное веление:

Мудрости ищи и проси у Бога
Чрез ону помощь будет тебе многа.

Особо отмечалась необходимость чтения исторических книг — «от них бо мощно, что бе в мире знати». Кроме того, мудрость следовало получать от «старцев добронравных» (к каковым, безусловно, Симеон причислял и себя). Многие наставления типичны для средневековых поучений, в них встречаются пословицы и поговорки («то бо пожнеши, еже посееши»; «семя (семена. —Л. Ч.) суть мысли, стебли же слова, классы (колосья. —Л. Ч.) суть дела, се жатва готова»), призывы творить добро, быть честным и милосердным и т. д. Эти стихи были столь популярны среди придворных, что их копировали и хранили в своих домашних библиотеках, как это сделал, в частности, фаворит царевны Софьи князь В. В. Голицын.

Практически всю жизнь болевший Федор Алексеевич, в отличие от отца, даже не успел свыкнуться с мыслью о неизбежности смерти и, кажется, пытался обмануть ее, торопясь со второй женьбой. В праздник

Пасхи 16 апреля 1682 года он совершил торжественный выход к заутрене в Успенский собор и после этого слег. Царевна Софья, пренебрегая обычаями, взялась сама ухаживать за братом, постоянно приходя в царские покои. Через 11 дней Федор отошел в мир иной, как записано в разрядной книге, «грехов ради всего московского государства». Именно так воспринималась смерть «ангела», успевшего, несмотря на молодость и болезненность, провести важнейшую реформу — отменить местничество — и наметившего целый ряд крупных преобразований. Перед смертью царь исповедался и причастился, исполнив тем самым чин «правильной» смерти.

Похороны состоялись по традиции на следующий день, 28 апреля. За гробом несли на санях вдову-царицу Марфу Матвеевну. Поскольку наследником престола успели объявить десятилетнего царевича Петра, то и он в сопровождении матери участвовал в похоронах. Причем после того, как установили гроб на уготованном месте в Архангельском соборе, Наталья Кирилловна поспешила увести сына, так что они не присутствовали на отпевании. Впоследствии ее упрекали за это старшие царевны Анна и Татьяна Михайловны — хотя они сами и не могли участвовать в похоронах, но получили всю информацию от племянницы, царевны Софьи, посмевавшейся присоединиться к процессии. Она вместе с пятнадцатилетней вдовой-царицей присутствовала на отпевании до конца, а по выходе из собора громко плакала и причитала, что покойного брата «извели злые люди».

Сильвестр Медведев, сменивший в качестве придворного поэта своего учителя Симеона Полоцкого, умершего в 1680 году, отозвался на кончину Федора утешительными виршами. Видно, что написаны они были не в день смерти, а значительно позднее, когда царевна Софья уже взяла власть в свои руки. Произведение, озаглавленное «Плач и утешение двадцатьма и двема виршами, по числу лет его царского пресветлого величества, яже поживе в мире описано», явно повторяло по структуре «утешительные книжицы» Симеона Полоцкого. Плач начинал символизирующий Россию двуглавый орел, утверждавший, что ему будет очень трудно жить без Федора. В утешение орлу говорилось, что вместо себя царь оставил двух братьев, а главное — царевну Софью, «тезоимениту Мудрости». Затем шли плачи по чину. Сначала вдова-царица Марфа, от имени которой сообщалось, что ей «ничего не мило, ни бисер, ни серебро», получала в ответ утешение от имени самого покойного супруга, который мудро рассуждал о том, что всего лишь переселился в царство вечное и что не надо печалиться о его короткой жизни: живи он долго, больше увидел бы

скорби:

Не к тому же глаголи, остах во печали,
Рех: радуйся о Бозе, живи, его хвали.

Далее помещены плачи теток-царевен Анны и Татьяны, сестер Евдокии, Марфы, Софьи, Екатерины, Марии, Натальи и Феодосии. Им также отвечал утешениями сам умерший царь, сравнивавший девять царевен с девятью ангелами, и призывавший петь не печальную, а радостную песнь, поскольку им в утешение на престоле остались два брата. Если орел российский начинал плачи, то завершал их скорбный глас всей Великой, Малой и Белой России, в котором перечислялись добродетели усопшего царя; в качестве утешения звучали слова, что России, как и Федору у престола Всевышнего, суждена жизнь вечная. Завершалось всё произведение эпитафией:

Надпись гробный:
Зде лежит царь Феодор, в небе стоит цело
Стоит духом пред Богом, само дежит тело.
Аще лежит, своему лежит царь Цареве
Аще стоит, своему стоит Господеве.

Царские и княжеские гробницы (всего 46) располагались по периметру Архангельского собора. Первым здесь был погребен великий князь Иван Калита в 1340 году, а последним — Иван Алексеевич в 1696-м. По распоряжению Михаила Федоровича в 1636–1637 годах старые надгробия были заменены новыми кирпичными с резными белокаменными стенками. В 1638 году над погребением царевича Дмитрия возвели белокаменную сень, украшенную резьбой, и окружили ее литой бронзовой решеткой. Бронзовые футляры, которые сегодня можно увидеть над соборными погребениями, были установлены значительно позже, в 1903 году.

Церемонии погребения цариц и других членов царской семьи различались лишь деталями, а сам ритуал не менялся. На похороны цариц выделялись из казны суммы вдвое меньшие, чем на похороны царей, а похороны остальных членов венценосного семейства обходились еще дешевле. Исключение составляли похороны двух цариц, умерших после тяжелых родов от горячки почти единовременно со своими

новорожденными детьми — Марии Ильиничны в 1669 году и Агафьи Семеновны в 1681-м. О кончине первой осталась запись, сделанная одним из звонарей Успенского собора: «4 марта преставися благоверная царица и великая княгиня Мария Ильична. И по указу великого государя для вести ударено в большой колокол трижды». Затем был крестный ход (среди крестов был и «резной костяной») с «запрестольной Богородицыной иконой да фонарем перед иконою». После надгробного пения «по тело ходили сами патриархи и провожали патриархи в Вознесенской монастырь. А звон был плачевной. А как внесли тело в церковь и поставили посреди церкви, и служили литургию посную патриархи со властми, и после литургии отпевали и погребли».

Физическое и моральное состояние Федора Алексеевича после смерти 14 июля 1681 года первой жены Агафьи Семеновны было столь тяжелым, что он смог только проводить тело супруги до «саней», но не присутствовал на отпевании и погребении в Вознесенском монастыре. Все дни до «сорочин» царь не выходил на люди, появившись впервые только на панихиде 22 августа.

Цариц и царевен по традиции хоронили в соборе кремлевского Вознесенского монастыря, основанного в XIV веке вдовой Дмитрия Донского Евдокией Дмитриевной. Гроб обивали красной тканью, а для вдов — черной. Тела усопших несли на специальных ритуальных «выносных» санях, перед которыми шли священнослужители, а позади — миряне. Так же как и над гробом царя, над гробами умерших царских родственников 40 дней «дневали и ночевали» придворные чины. Траур продолжался шесть недель.

На третий день после смерти проходили первые поминки, на которые приглашались представители духовенства и ближние люди. Основным блюдом поминального стола, конечно же, была кутья, известная еще со времени «Повести временных лет» и представлявшая собой кашу из недробленной пшеницы, риса, овса или ячменя, пропитанную медом, с добавлением изюма, цукатов, сухофруктов, варенья. Пили на поминках обычно сыту — напиток из меда и воды либо из патоки, полученной упариванием солодового суслу из пророщенного и сушеного ячменя. Кутью и сыту подавали к столу в течение всех дней до «сорочин». На сороковой день проводилась поминальная служба, а после «стола» раздавалась большая милостыня. В течение многих дней нищих кормили прямо во дворце.

В дальнейшем поминовение усопших членов царской семьи попадало под контроль особого приказа — Панафидного (Панихидного). Григорий

Котошихин писал о нем: «А ведомо в том Приказе поминание по мертвых прежних великих князех, и царех Росийских, и царицах, и царевичах и царевнах; и которого дни прилучитца по ком творити память, на Москве и в городех, и в монастырех по церквам, указы посылаются ис того Приказу».

Конечно, число личных панихид, совершаемых царским семейством, бывало очень значительным. Так, Алексей Михайлович, похоронивший в 1669–1670 годах троих близких (супругу Марию Ильиничну, новорожденного сына Симеона, наследника престола Алексея Алексеевича), совершал панихиды практически ежедневно до 1671 года, когда решил отречь смертный грех уныния и жениться вторично.

Глава четвертая
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБИХОД

Обустройство Кремлевского дворца

Московские государи, как все люди того времени, в обыденной жизни следовали устоявшимся традициям и образцам, но допускали в нее всё больше новаций, идущих с Запада. Как правило, именно они выступали законодателями моды на новшества в быту. Правда, иногда случалось, что вначале придворные заводили у себя ранее невиданные порядки и государям приходилось копировать их, чтобы не отставать. Мы не будем подробно описывать предметный мир, окружавший московских государей, — это прекрасно проделано в исследованиях И. Е. Забелина, — а попробуем проследить, как менялся традиционный царский обиход на протяжении XVII столетия.

На долю Михаила Федоровича выпало не просто обустроить царский дворец на свой лад, а возродить его из пепла. Великолепные дворцы Лжедмитрия I и Василия Шуйского были разграблены и полностью разрушены, да и остальные кремлевские постройки находились в плачевном состоянии. Избранный царь потому и не спешил в столицу, что жить ему было негде. К апрелю 1613 года с большим трудом удалось привести в порядок и обновить несколько помещений: Грановитую, Золотую и Переднюю палаты, две комнаты, в которых жил когда-то Иван Грозный, а также «мыленку». Не забыли и о матери царя — для нее нашлось место в Вознесенском монастыре. Ф. И. Мстиславский писал Михаилу: «...денег в твоей государевой казне нет и плотников мало, а палаты и хоромы все без кровель, и мостов в них, и лавок, и дверей, и окончин нет, делать всё наново, и леса такова, каков на ту поделку пригодится, ныне вскоре не добыть».

Всё же к январю 1616 года новые большие деревянные хоромы для царя были полностью готовы, и Михаил Федорович справил в них новоселье, наградив плотников Первова Исаева, Салмана Пантелеева, Бажена Родионова, «срубивших» для него покои. Самым важным их украшением считались потолочные подволоки — щиты с великолепной деревянной резьбой либо металлические пластины, прибываемые к потолку и покрываемые краской. В 1615 году иконописцы Иван и Андрей Моисеевы расписывали подволоки, а в 1616-м сторож Михаил Андреев Сусальник вызолотил сделанную им литую вислую подволоку и изготовил серебряную вислую подволоку для Серебряной палаты. К сожалению, комнаты царя не избежали участи всех деревянных сооружений того времени — они сгорели

в феврале 1619 года. Быстро отстроенные, снова из дерева, они опять погибли в 1626 году в самом крупном московском пожаре XVII столетия, о котором современники писали: «...и на государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и отца его государева великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича московского и всеа Руси дворех деревянные хоромы погорели, и в полатех во многих горело, и во многих приказах многие государевы дела и многая государева казна погорела».

Михаил Федорович, сменивший прежние палаты бояр Романовых на Варварке в Зарядье на Кремлевский дворец, превратил «старый государев двор» — по одной версии, в 1629 году в связи с рождением наследника престола, по другой — в 1631-м в память об умершей матери — в Знаменский монастырь (икона Божией Матери «Знамение» считалась покровительницей дома Романовых).

В 1635–1636 годах по указу монарха был возведен уже не деревянный, а полностью каменный Теремной дворец. Строили его известные мастера каменных дел Важен Огурцов, Антипа Константинов, Трефил Шарутин и Ларион Ушаков. В качестве фундамента под мощным трехъярусным сооружением использовалась Мастерская палата, опиравшаяся, в свой черед, на основание великокняжеского дворца, построенного по проекту фряжского архитектора Алевиза Нового в 1499–1508 годах. Над ними вырос целый городок палат, переходов, гульбищ, площадок, домовых церквей, служебных помещений и жилых комнат царицы и детей (первый надстроенный этаж), царя (второй этаж) и так называемый Златоверхий теремок с залом для заседаний Боярской думы (третий этаж). С архитектурной точки зрения это было грандиозное сооружение, в котором впервые был применен анфиладный принцип расположения внутренних помещений. Снаружи вокруг трех ярусов были сделаны галереи-гульбища. От нижней Боярской площадки (Постельного крыльца) поднималась каменная лестница, приводившая на Передний каменный двор, устроенный поверх выровненных сводов старых Мастерских палат. Выход на среднее гульбище позднее перекрыли Золотой решеткой. В жилые покои царя вели 42 ступени от Переднего золотого крыльца. Вокруг Златоверхого теремка образовался Верхний каменный двор. Весь этот комплекс был рассчитан на то, чтобы при необходимости вмещать много народа, но в то же время сохранять изолированность и камерность частного жилища. Всё искусство древнерусских мастеров каменных дел воплотилось в Теремном дворце. Его великолепные фасады с белокаменными пилястрами между окнами, резными и майоликовыми карнизами, треугольными фронтонами,

парапетами гульбищ, покрытыми резным орнаментом, висячими гирьками, золочеными кровлями, резными ширинками (небольшими квадратными углублениями, окаймленными профилированными рамками), до сих пор производят потрясающее впечатление.

Как снаружи, так и внутри Теремной дворец был изрядно украшен. Конечно, основное внимание уделялось декору стен и потолков, но окна, двери, полы тоже отделялись резьбой, золочением или серебрением, росписью яркими красками.

Окна до петровского времени были практически сплошь слюдяные. На железные рамы крепилась сетка из треугольников, клиньев, квадратов, кругов, ромбов, в которые вставлялись небольшие слюдяные пластины. В центр рамы помещался круг, вырезанный из большого куска слюды, вокруг него выстраивалась вся композиция. Слюдяные фрагменты укрепляли металлическими бляшками, покрытыми золотой краской, под которые иногда подкладывали атласные или тафтяные цветы. При первых Романовых на слюдяных окнах стали рисовать цветы, травы, людей, зверей и птиц. Алексей Михайлович любил, чтобы на окнах был изображен двуглавый орел — герб Московского государства. Известно указание царя расписать слюдяное окно в хоромах царевича Петра, данное в 1676 году живописцу Ивану Салтанову: «...в кругу орла, по углам травы; а написать так, чтобы из хором сквозе видно было, а с надворья в хоромы чтоб не видно было».

Окна со стеклами использовались еще в XVI веке (в частности, во дворце Ивана Грозного), а в следующем столетии были уже достаточно широко известны и продавались в Москве. Известно, что патриарх Филарет в 1633 году захотел украсить свою Крестовую палату «оконницами стекольчатými нарядными с травами и со птицами», купленными у «немчина» Давыда Микулаева за 5 рублей 14 алтын и 4 деньги. Кроме того, в Казенном приказе три окна были стеклянными. Но о других стеклянных оконницах в кремлевских зданиях сведений нет.

Пол укладывали («мостили») из дубовых досок или брусков длиной и шириной в шесть — восемь вершков и толщиной в два-три вершка. И брусчатый паркет, и доски покрывали красками под «аспид» (так на Руси называли яшму и мрамор полосчатой или пятнистой окраски), часто расписывали квадратами в два цвета — «в шахмат». Иногда полы делали из изразцов; например, в Ответной посольской палате до 1722 года сохранялся пол «гончарный каменный набиран узором».

Хотя до 1660-х годов мебели в Теремном дворце почти не было, но «хоромный наряд» был разработан до мелочей и состоял в основном из

разных суконных, бархатных и шелковых тканей, подушек и тюфяков и тому подобных «украшений», наполнявших все помещения царского жилища.

Основное украшение дворца составляли росписи стен и потолков. Делали их художники Оружейной палаты под руководством Симона Ушакова; но, к сожалению, росписи не дошли до нашего времени из-за пожара 1812 года. В 1836-м, а затем уже в 1966–1969 годах реставраторы попытались восстановить интерьеры дворца в стиле XVII столетия.

Дворец производил сильное впечатление на современников, особенно иностранцев, оставивших не только его описания, но и зарисовки. Особенно поражали лестница, ведущая на Красное крыльцо, росписи Грановитой, Золотой и Столовой палат, царские троны и другие составляющие интерьера.

Грановитая палата, построенная еще при Иване III в 1487–1491 годах и на протяжении двух столетий остававшаяся самым большим залом в русской архитектуре (площадь — 495 квадратных метров, высота потолка до девяти метров), была расписана, скорее всего, в правление Федора Иоанновича и Бориса Годунова. Возобновлением росписей был озабочен Алексей Михайлович, который четырежды с 1663 по 1667 год давал указания «написать те ж вещи, что ныне писаны», но то из-за зимнего времени, то по причине большой занятости художники так и не исполнили их. В 1672 году Симон Ушаков сделал подробное описание всех изображений, но дальше этого дело не пошло. Во времена первых Романовых росписи Грановитой палаты так и не были поновлены, а посему тронным залом часто служила не она, а Золотая палата.

Вероятно, еще в конце 1670-х — начале 1680-х годов, когда появилась мода на украшение интерьеров на западном образцу, стены палаты были обиты тканью. Во всяком случае, 2 июля 1696 года указ Петра I гласил: «... великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич... указал в Грановитой полате сукна кармазины алые и холсты, описав, стен собрать и до своего великого государя указу положить, где пристойно...» После снятия старой обивки стены были обиты холстом и побелены. И только в 1882 году палехские художники Белоусовы восстановили росписи по описанию Симона Ушакова.

Грановитая палата предварялась Святыми сенями, над которыми была устроена потайная комната («смотрильная палатка»), находившаяся как раз напротив царского трона, что позволяло наблюдать за приемами иностранных послов и другими церемониалами царице и царевнам, не допуская их на публичные мероприятия. В комнате, обитой сукном,

было очень тихо; через решетку, закрытую тонкой шелковой тканью, женщины, оставаясь незамеченными, могли разглядеть все детали и услышать, о чем говорилось на царских приемах. Можно представить, с каким интересом теремные затворницы обсуждали потом новости из Грановитой палаты.

В ней было на что посмотреть: в центре располагался опорный столб, украшенный лепниной с изображениями птиц и зверей, вокруг него вилась бронзовая вызолоченная решетка, на которой стояли подсвечники, а рядом с ней во время пиров для украшения празднества находились поставцы с дорогой золотой и серебряной посудой. В углу на возвышении находился царский трон, к нему вели четыре ступени. Трон располагался вблизи «красного угла» в юго-восточной части палаты, между первым и вторым окном (всего на восточной стене было четыре окна), что удивляло иностранцев — по их представлениям, он должен был стоять в центре палаты. Член польского посольства 1678 года Бернгард Таннер предположил, что местонахождение трона было обусловлено наличием огромного опорного столба посередине палаты. Но в русской традиции царское место всегда тяготело к «красному углу» как самому святому месту в любом помещении. За тронем на восточной стене палаты начинался цикл росписей, которые следовало рассматривать по часовой стрелке: сюжеты библейской книги пророка Даниила плавно перетекали в евангельские сцены пришествия Христа на Землю; затем шел цикл, опирающийся на «Сказание о князьях Владимирских»: раздел императором Августом своих земель, появление его потомка Рюрика на славянских землях, первые Рюриковичи, наконец, креститель Руси Владимир Святославич. На южной стене размещались сюжеты, связанные с Моисеем, Соломоном, Давидом, а также венчание на царство Владимира Мономаха и царь Федор Иванович в окружении бояр, среди которых был изображен «правитель» Борис Годунов. На западной стене как раз напротив царского трона была изображена притча о праведном и неправедном судии, сопровождавшаяся надписью: «И глагола царь: Аще что неправедно сотворю, меня сметни с царского престола». Вся северная стена была расписана сценами из жизни библейского персонажа Иосифа Прекрасного. В откосах окон располагалась «портретная галерея» князей Киевских, Владимиро-Суздальских и Московских вплоть до Федора Ивановича. Если двухъярусная стенопись была посвящена ветхо- и новозаветным событиям и русской истории, то изображения на сводах и люнетах^[19] отражали мир небесный, начиная с сотворения Вселенной, изгнания Адама и Евы из рая и заканчивая новозаветной Троицей. В целом росписи Грановитой палаты

служили хорошо продуманной иллюстрацией незыблемости царской власти на Руси, ее соотнесенности с властью божественной...

Большая Золотая палата интересна исключительно своей замечательной росписью, созданной после пожара 1547 года при непосредственном участии благовещенского попа Сильвестра, автора «Домостроя» и члена Избранной рады молодого Ивана Грозного. Поскольку фрески были крайне необычны для русского глаза, привыкшего к единообразию и повторению известных византийских образцов, то дьяк Иван Висковатый возмутился: «В палате царской притчи писаны не по подобию: написан образ Спасов, да туто же близко него написана жонка, спустя рукава кабы пляшет, а подписано под нею «блужение», а иное «ревность», и иные глумления». Дьяку, конечно, дали понять, что критиковать изображения — не его дело («Смотри, свитки свои не растеряй!»), но всё же устроили церковный собор, на котором митрополит Макарий разъяснил, что псковские художники изобразили «приточне (притчами, то есть иносказательно. — Л. Ч.) Спасово человеколюбие, еже о нас ради покаяния». Далее подробно описывались аллегии: «...на середине Спас на херувимех, а подпись: «Премудрость. Иисус Христос». С правые страны у Спаса дверь, а пишет на ней 1) мужество, 2) разум, 3) чистота, 4) правда. А с левые страны у Спаса же другая, а пишет на ней: 1) блужение, 2) безумие, 3) нечистота, 4) неправда. А меж дверей высподи диавол седмиглавный, а стоит над ним Жизнь, а держит светильник в правой руке, а в левой копие, а над тем стоит ангел, дух страха Божия...» Таким же образом в актах церковного собора рассказано и обо всех остальных сюжетах фресок, изображавших «земное основание и море», воды и твердь, солнце и четыре ветра, «годовое колесо», по обе стороны от которого были опять-таки помещены притчи: справа — «Любовь да стрелец да волк», а слева — «Зависть, а от нее слово к зайцу: «зависть лют вред, от того бо начен и прискочи братоубийц», а Зависть себе пронзе мечем, да Смерть». Немудрено, что у Висковатого при виде этих росписей с непривычки голова пошла кругом — да, наверное, и не у него одного. А вот царь Алексей Михайлович их очень любил и в 1672 году потребовал, чтобы было сделано точное описание с перечнем всех деталей изображений и воспроизведением подписей.

Малая Золотая (Царицына) палата, где также бывали торжественные приемы, вторила Большой — правда, на «женский лад». Она тоже была украшена росписями на библейские и исторические сюжеты, но посвящены они были в основном царицам: обретение Животворящего Креста Господня равноапостольной Еленой, подвиги византийских цариц Ирины, Феодоры и

Софьи, крещение княгини Ольги, эпизоды повести об иверской царице Динаре и т. п. Эти фрески по золотому фону были выполнены еще в 1580 году для царицы Ирины Федоровны (в девичестве Годуновой).

При Алексее Михайловиче не случилось крупной перестройки дворца, как при его предшественнике и преемнике, зато были внесены существенные и яркие новации в его украшение. Возможно, не случайно первой постройкой, возведенной в Московском Кремле по приказу семнадцатилетнего царя, стали Потешные хоромы, срубленные дворцовым плотником Васькой Романовым. В дальнейшем государь указал отремонтировать одну из дворцовых палат, в которую поместил Аптекарский приказ и придворную аптеку. В 1661 году вместо старой Столовой избы была создана новая, украшенная росписью на потолочной подволоке. Это была замечательная картина, написанная масляными красками по полотну в 1662 году по «вымыслу» инженера полковника Густава Декенпина и представлявшая, по описанию австрийца Адольфа Лизека, видевшего ее в 1675 году, «звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные»: «...на потолке изображены небесные светила ночи, блуждающие кометы и неподвижные звезды, с астрономическою точностию. Каждое тело имело свою сферу, с надлежащим уклонением от эклиптики; расстояние двенадцати знаков небесных так точно размерено, что даже пути планет были означены золотыми тропиками и такими же колюрами равноденствия и поворота солнца к весне и осени, зиме и лету». Роспись настолько поражала современников, в особенности царских детей и родню, что «беги небесные» были пять раз повторены в покоях царевичей и царевен, деревянном дворце в Коломенском, а кроме того — на бумаге, чтобы обучать началам астрономии маленького царевича Петра Алексеевича.

Новые Постельные (Покоевые) хоромы Алексея Михайловича были выстроены в 1674 году. Они включали в себя передние теплые сени, приемную, кабинет («Комнату»), Крестовую палату (молельню) и спальню, именуемую также «постельной», «ложницей» или «опочивальней». В трех комнатах царь указал написать на плафонах библейские притчи: о пророках Ионе и Моисея и о Есфири (судя по всему, он имел особое пристрастие к этим сюжетам, в особенности к истории Есфири, которая неоднократно исполнялась на сцене придворного театра).

Другой новацией Алексея Михайловича стала обивка стен и дверей «фряжскими листами» (западноевропейскими гравюрами) и тисненой кожей. Так, в 1666 году двери в царский кабинет (Комнату) были обиты золоченой кожей с выдавленными на ней изображениями цветов, трав, птиц

и зверей. Это новшество приглянулось всем членам царского семейства; в 1681 году Федор Алексеевич захотел, чтобы комнаты и сени его новых покоев были покрыты подобными кожами, а позднее царевна Софья решила не отставать от отца и брата.

После русско-польской войны в царских покоях появилась мебель «на польское дело» (по польским образцам), а деревянную резьбу во внутреннем убранстве дворца и на домашней утвари стали делать не плоской, а объемной, в немецком барочном стиле.

По указанию Алексея Михайловича было построено новое каменное здание Посольского приказа напротив Архангельского собора; над его входом поместили глобус, что было весьма необычно, но, видимо, отвечало вкусам государя и его окружения. После смерти царя Алексея в Посольский приказ по указанию его преемника Федора были переданы три иконы из кабинета отца — Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи.

Помимо больших палат во дворце была еще масса помещений поменьше, предназначенных для самых разных целей. Так, к паперти Благовещенского собора примыкала Панихидная (Сборная) палата, в которой проводились поминальные «столы». За ней следовала Ответная посольская палата, предназначенная для переговоров с иностранными дипломатами. В Ответной палате, как и в Грановитой, была сделана тайная каморка с окном, чтобы царь мог наблюдать за переговорами, не обнаруживая своего присутствия.

Среди важнейших дворцовых строений следует также назвать Казенный двор, где держали золото и серебро, по большей части в виде посуды; драгоценные предметы, подаренные иноземными послами; дорогие, затканые золотом и серебром или шелковые ткани; запас соболиных и других мехов. Здесь же находилась Образовал, или Иконная палата с множеством икон, крестов, ковчегов и других предметов церковной утвари. Всё, что приберегалось на Казенном дворе, использовалось в царском обиходе во время пиров или царских выходов, а также предназначалось для подарков.

Поэтому Казенный двор тщательно стерегли стрельцы, как и Оружейную палату, в нескольких помещениях которой хранились мушкеты, пистолы, карабины, шпаги, панцыри, латы, шишаки, стрелы, «государевы оправные сабли» и другое оружие, а также краски для иконного дела, ртуть, ящик с деньгами, приходные и расходные книги. Сам государь постоянно контролировал состояние этих хранилищ. Однажды в 1627 году «за полтора часа до света» Михаил Федорович прислал грамоту о срочном опечатывании государственной печатью Оружейной и Иконной

палат из-за внезапной кончины подъячего, отвечавшего за их сохранность. Из ответа, присланного царю, мы знаем, что в Оружейной палате были две железные двери: первые запечатывались главой приказа князем Борисом Александровичем Репниным, вторые закрывались на ключ, хранившийся у него же.

Не станем перечислять огромное количество хозяйственных построек, сосредоточившихся вокруг основного комплекса дворцовых зданий. Здесь были различные мастерские, портомойные (прачечные), кормовые и сытные дворы, где хранились съестные припасы, и др. Дворцовое хозяйство обслуживало царскую семью и придворных всем необходимым для повседневной жизни. Эти помещения без конца ремонтировались и перестраивались с целью расширения.

В 1647 году по государеву повелению чудотворная икона Спаса Нерукотворного была перенесена из Хлынова (Вятки) для помещения в Новоспасский монастырь — усыпальницу дома Романовых, настоятелем которого был царский «собинный друг» Никон. До окончания строительства Спасо-Преображенского собора эта икона хранилась в Успенском соборе Московского Кремля. После того как ее дважды пронесли через Фроловские ворота — сначала в Успенский собор, а затем в Новоспасский монастырь, — ворота были переименованы в Спасские. Вскоре последовал царский указ, предписывавший на веки вечные проходить через эти ворота в Кремль только с непокрытой головой, а над воротами был помещен образ Спаса Нерукотворного в золотой ризе.

Размах строительной деятельности юного Федора Алексеевича поражал современников. Датский посланник в 1682 году Гильденбрант фон Горн утверждал: «Москва при его государской державе стала каменная, которая преж сего была деревянная». Начал царь конечно же с Кремля, а именно с Теремного дворца. В 1677 году были построены новое каменное крыльцо у Боярской площадки со столбами, «переграда», представлявшая собой, по-видимому, некое решетчатое ограждение, а также переходы к церкви Спаса Нерукотворного. Крыльцо и переходы были расписаны мастерами Оружейной палаты «розными красками и аспиды».

Прямо у «переграды» по приказу юного царя поставили большую картину, написанную на полотне на темы «притчей» (каких именно, неизвестно, но, возможно, на любимый государем сюжет — суд царя Соломона). Ее автор неизвестен, но, поскольку в то же самое время (1677) у Золотой решетки на самом верху Золотой лестницы у входа в комнаты государя появилась еще одна картина — «Видения царя Константина, яко явился ему крест», написанная Иваном Салтановым, можно предположить,

что и первое полотно создал он. В следующем году царь Федор приказал украсить росписью на библейские сюжеты стены своих комнат.

Большое строительство деревянных хором для всего царского семейства, включая вдовую царицу Наталью Кирилловну, началось в 1680 году. Для затягивания потолка и обивки стен потребовалось 800 аршин полотна, расписанного на темы «царственных притч, деисуса и апостольских проповедей». Отдельные помещения были обиты «золотыми кожами» с тиснением, «фряжскими листами» (гравюры на меди печатали прямо во дворце, где с 1677 года стоял специальный «фряжский» печатный станок).

Была у Федора и своя программа переустройства «верховых» церквей. После постройки новых хором для царевен у них на сених был восстановлен храм Спаса Нерукотворного с трапезной, над которой был построен новый храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Тогда же церковь Святой Евдокии была заново освящена во имя Воскресения Христова, а в узком проходе между ней и приделом Иоанна Белоградского была устроена Голгофа со Страстями Господними: выложена каменная Голгофская гора с кипарисовым распятием на вершине, выполненным лучшим резчиком того времени старцем Ипполитом. Напротив горы среди алебастровых колонн находилась плащаница с изображением Гроба Господня, над ней висели на проволоках 60 херувимов из алебастра, а рядом располагались 12 стеклянных лампад. Стена была украшена картинами на евангельские темы (Сошествие во ад, Воскресение, Вознесение, Явление Христа Магдалине), написанными любимым изографом царя Иваном Салтановым. Незадолго до смерти Федор приказал создать еще одну композицию Гроба Господня в «вертограде» (саду), в специально отведенной для этого каменной палатке между его комнатами и церковью Распятия. Умиравший царь всё время торопил с завершением этих работ, но так и не увидел готовый «Вертоград со Гробом Господним».

В 1680 году на Новом потешном дворе была построена церковь Похвалы Пресвятой Богородицы; для нижнего ряда («местного чина») ее иконостаса поп Иван Афонасьев заказал печатнику Симону Федорову житийную икону Феодора Стратилата. К ней был сделан резной киот, «вызолоченный листовым сусальным красным золотом и серебром, и расписанный баканом и ярью венецейскою^[20] и иными разными цветными красками».

Можно только предполагать, как развернулось бы обустройство и украшение Кремлевского дворца и прилегающих строений, если бы Федору Алексеевичу суждена была долгая жизнь.

Загородные резиденции

В своих загородных усадьбах царь чувствовал себя в большей степени частным лицом, хозяином-домоправителем, мужем и отцом семейства, чем государем всея Руси. С другой стороны, Алексей Михайлович превратил свои подмосковные вотчины в резиденции, где порой заседала Боярская дума (например, в Измайлове) и куда время от времени иностранные послы приезжали на официальные приемы либо для прогулок и отдыха. В переходный период от Средневековья к Новому времени царские усадьбы устраиваются в расчете на публичность. Формирующаяся новая придворная культура повлияла и на внешний вид, и на интерьеры, и на быт царских вотчин — Коломенского, Измайлова, Алексеевского, Преображенского и др.

Все загородные усадьбы Алексея Михайловича составляли как бы единое целое. Все они были рассчитаны на публичную демонстрацию архитектурных, скульптурных, изобразительных, садовых и прочих достижений и новаций и имели ряд общих черт: по древнерусской традиции княжеских замков в состав дворцового комплекса включался храм; главные фасады царских дворцов были обращены к воде; парадные ворота, ведущие в усадьбу, всегда украшались; вспомогательные постройки выносились за пределы усадьбы; в каждой резиденции были раритеты и диковины, способные удивить посетителей (фигуры рыкающих львов в Коломенском, театр в Преображенском, зверинец и птичий двор в Измайлове, фонтаны, садовая скульптура, лабиринт-«вавилон», редкие растения и цветы и др.).

Комплекс загородных усадеб Алексея Михайловича отражал весь спектр его увлечений. Здесь государь раскрывался с иной стороны — представлял не только самодержцем, но и домовитым вотчинником (в Измайлове), любителем театра (в Преображенском), ценителем русской деревянной архитектуры и «чинной» красоты соколиной охоты (в Коломенском), и заботливым мужем, отцом и братом; почитателем певческого искусства и заядлым шахматистом...

В 1663 году Алексей Михайлович приступил к созданию образцовой вотчины в Измайлове. В этот проект были включены сады, пашни, луга, мельницы, плотины, «аптекарский огород», пчельники, разведение водоплавающих птиц и рыб, зверинцы, создание полотняного, стекольного, чугунолитейного заводов. Сохранился отчет подьячего Тайного приказа

Юрия Лутохина об осмотре села перед началом строительства для определения плана будущих построек; «...места, где пристойно быть на острову часам, и как по мере оградная стена и уступ от пруда, и меж тех стен на сад оставить места, а где быть амбарам, в которые класть угорские лесные запасы, и под тутовых садов на истоке, и быть пруду в скольких саженах уступя от Лебедевского пруда, делать плотину, и какова мерою будет, и глины на черепицу и на кирпичное дело осмотрить впредь для заводов, где пристойно». Известен также указ от 15 февраля 1663 года о присылке в Измайлово для сельскохозяйственных работ шестисот сошников, ста плугов, двухсот косуль (сох), четырехсот топоров, шестисот кос. Сам по себе этот перечень свидетельствует о размахе планируемых сельскохозяйственных операций.

Строительство шло очень быстро под общим руководством стрелецкого полковника Артамона Матвеева, ставшего впоследствии первым советником царя. Он представил в Тайный приказ «Роспись, что надобно на хоромное строение иноземцу Фалентину садовнику в селе Измайлове». Уже упоминавшийся Лутохин был ответственным за строительство «новой каменной риги», а майор Скариков руководил созданием мельниц, прудов, Льяного двора и др. Постоянным приказчиком Измайлова был сокольник Устин Зеленой, но кроме него в вотчине был экстренный главный управляющий — до 1666 года голова московских стрельцов Василий Пушечников, а после него Лутохин.

Вскоре в Измайлове рядом с царским дворцом начались перестройка старых зданий и возведение новых. Покровский собор, деревянная шатровая церковь, в 1671–1679 годах стал каменным пятиглавым храмом с мощными барабанами и главами, с крыльцами, крытыми на деревянный манер «бочками». В декорировании храма широко использовались полихромные изразцы («павлиний глаз» и другие узоры желто-зеленых тонов), ставшие в XVII столетии одним из самых популярных украшений церковного зодчества. На стенах и барабанах глав Покровского собора можно видеть прекрасные образцы «ценинного» искусства знаменитых мастеров Игната Иванова и Степана Полубеса.

Налаженное при Алексее Михайловиче в Измайлове стекольное производство просуществовало до 1709 года. Сохранились изделия измайловского завода, которые производят прекрасное впечатление. Еще в 1656–1657 годах царь поручил своему торговому агенту англичанину Ивану Гебдону «вывести к Москве из Венеции золы лутчей, в чем скляничные всякие суды делать на хрустальной цвет», прислать «земли, в чем делается венецкое стекло» и «мастеров склянишных самых

добрых». Алексей Михайлович, как всегда, долго запрягал, но быстро ехал: только в 1668 году после возведения плотины на реке Серебрянке он приказал строить стекольный завод, который начал функционировать уже в 1669-м. Вначале там работало всего семь человек под руководством мастеров Бориса Иванова и Григория Васильева, но на следующий год приехали «веницейцы» Ловис Моэт, Ян Арципухор, Питер Балтус, Индрик Лерин — немцы, освоившие приемы венецианского стеклоделия, которые теперь начали передавать русским ученикам.

Главной задачей стекольного завода был выпуск изделий «про обиход великого государя». На заводе изготавливались кувшины для воды и цветов, различные «ставцы», ведерки, кружки, кубки, лампадки, подсвечники, чернильницы, мухоловки, сковородки, трости, аптекарские «скляницы», детская «потешная» посуда и др. Разнообразие форм изделий дополнялось разнообразием фактур: «чешуйчатая, витая, сетчатая, клетчатая». Отдельные предметы, в особенности те, которые предназначались для царских подарков, украшались гравировкой и позолотой. В штате завода числились гравировальный мастер Матиас Ульман и «золотописец» Дмитрий Степанов. Опись измайловского стекольного завода, сделанная в 1687 году, дает представление о масштабах производства и ассортименте продукции: «...зеленого стекла... 6 блюд, тарелка, 6 чернильниц. Белого стекла Измайловского... 430 стаканов высоких, крупночешуйчатых, 362 стакана высоких гладких и полосатых, 470 стаканов плоских, 194 стакана плоских гладких... 30 рюмок, 16 чарок, 13 лампад, 9 кадочек, 2 кувшина высоких, 14 стаканов с кровлею, 13 чаш больших, 18 яблок больших, 7 стаканов больших высоких, 13 братинок, 2 фляги, 23 стеклянцы уринных... 9 блюд полосатых, 15 блюд средних, 3 стакана клетчатых...» К тому времени продукция стекольного завода уже вышла на рынок — продавалась в Москве в специальной лавке.

Кроме стекольного завода в Измайлове функционировали также чугунолитейный и полотняный.

Измайловская усадьба должна была выполнять не только хозяйственные задачи, но и «потешные». «Огородным делом» в Измайлове заведовали подьячие М. Ватолин и Ю. Никифоров. Сады были разных видов, размеров и месторасположения. На самом усадебном дворе также имелся сад-огород на террасах, спускавшихся к воде. В зверинцах и охотничьих дворах разводили дичь для царской охоты, содержали царских оленей; в лесах, окружавших усадьбу, устраивали псовые охоты на волка, зайца и кабана. В прудах на притоках реки Серебрянки разводили павлинов, царских лебедей, китайских гусей, уток и других редких птиц.

На чертежах пруды изображены как искусно организованные водные пространства с узорчатыми очертаниями. Возможно, при их создании учитывалось, что ими будут любоваться с высоких башен. Некоторые исследователи называют пруды «водными садами». Так, территория при Круглом озере была разгорожена на пять секторов-вольеров, соединяющихся между собой воротами. Каждый сектор имел свой маленький круглый прудик, вокруг которого стояло пять теремов для водоплавающей птицы, скорее всего лебедей, которых в Измайлове насчитывалось несколько сотен. Другой пруд (его местоположение пока не определено) имел в центре островок, рядом находились четыре вольера для птиц, имевшие симметричные строгие очертания.

Написанный собственноручно Алексеем Михайловичем «Чин освящения огородов в Измайлове» доказывает, что даже такой прозаический объект, как поля и «огороды» (сады), был сочтен достаточным поводом для творческой энергии писателя-царя. Сам обряд, продуманный до мелочей, должен был совершаться втайне — отнюдь не из-за скромности масштаба мероприятия, а в связи с глубоким мистическим смыслом, вкладываемым в него царем. Общеизвестно, что глубокие христианские убеждения Тишайшего прекрасно уживались с его суеверием. Царь приказал окропить измайловские поля водой, которую должны были прислать из Троице-Сергиева монастыря. Алексей Михайлович послал туда грамоту: «И ты бы, богомолец наш, сотворил и прислал тайно, никому же поведавше сию тайну, священного масла великого четвертка в сосуде и воды с ног больнишних братий, умыв сам тайно, и воды ис колодезу Сергия чудотворца, отпел молебен у колодезя, три ведра за своею печатью». Царь продумал и осуществил весь обряд освящения: четыре священника по четырем углам сада «святили воду» и «кропили крестообразно», «после того по 10 человек с водою тою, что с ног, кропили в трех местех, а в четвертом 5 человек с вениками...». Царь собственноручно начертил на листе бумаги четыре квадрата с группами людей, совершающих обряд.

Существует архитектурный проект времен Алексея Михайловича, называемый «Потешные палаты с садом», который, возможно, был частично осуществлен в Измайлове. Примечательно, что помимо садов с плодовыми деревьями, кустарниками, душистыми травами и цветами, а также сада-«вавилона»^[21] планировалось создание четырех Потешных палат и дворов. Одни палаты предназначались для гостевого летнего дворца, другие планировалось использовать как смотровую площадку для обозрения «вавилона» и окрестностей (в одном из этих парадных

многоэтажных сооружений мог предполагаться и театральный зал), третье здание предназначалось для содержания птиц, наконец, последнее здание на плане соответствовало конюшне. И хотя сохранившиеся описи Измайлова 1701 года не содержат упоминаний о Потешных дворах с садом-«вавилоном», сама масштабная затея, предусматривавшая различные формы развлечения царя и придворных, многое говорит об интересах Алексея Михайловича.

Царский зверинец, существовавший еще во времена Ивана Грозного, при Алексее Михайловиче не только пополнился, но и изменился качественно: в него попадали и пойманные в загородных лесах звери, и животные, привезенные из дальних стран в дар русскому царю; кроме того, к зверинцу примыкало несколько птичьих дворов с редкими видами пернатых (павлинами, пеликанами и др.), а также водоплавающими птицами, среди которых особенно много было лебедей. В созданном по указу Алексея Михайловича в Измайлове зверинце (Яков Рейтенфельс в 1672 году определил его как «лес, обнесенный забором и наполненный стадами различных животных») содержались лоси, олени, дикие козы, сайгаки, джейраны, яки («китайские коровы»), зубры, ослы, мулы. Были там и лев с львицей, подаренные персидским шахом, а также тигры, леопарды, барсы, рыси, медведи, волки, лисицы и др. Иностранцы в своих записках часто упоминали увиденных в Измайлове диковинных зверей; в частности, Корб удивлялся невероятной величине содержавшегося там белого медведя. Медведи участвовали в ряде старинных потех — отбивались от собак, боролись с охотником, вооруженным рогатиной, и пр. Поражали воображение иностранцев слоны, обезьяны и другие экзотические животные, попавшие в Россию в качестве подарков русскому правителю.

Измайлово, центром которого был государев двор на насыпном острове, стало любимым местом отдыха всего царского семейства. Особенно радовались возможности совершать прогулки по его садам кремлевские затворницы.

Значение другой загородной усадьбы, Коломенского, резко возросло после постройки в конце 1660-х — начале 1670-х годов великолепного деревянного дворца под руководством стрелецкого головы Семена Петрова и плотничьего старосты Ивана Михайлова (дворец был частично перестроен в 1681 году Саввой Дементьевым «с товарищами»). Если Измайлово царь рассматривал как свою образцовую вотчину, где проводились сельскохозяйственные опыты, выращивался урожай и создавались барочные сады, то Коломенское, использовавшееся ранее для

любимой потехи царя — соколиной охоты, было избрано им в качестве парадной резиденции. Сохранившиеся модели и изображения дворца, архивные данные, а также восторженное описание его в стихах, оставленное Симеоном Полоцким, позволяют представить «восьмое чудо света», как назвал его поэт, практически во всех деталях. Коломенский дворец во многом повторял Кремлевский дворец Алексея Михайловича: во внешнем и внутреннем убранстве использовались те же мотивы и аналогичные материалы. Так, роспись потолочной подволоки Столовой палаты копировала любимые царем «небесные беги» в кремлевских покоях. В росписях хором использовались мотивы двуглавого орла, гербов разных государств, трав и цветов, почерпнутые опять-таки из росписей Кремлевского дворца. Резьбу по дереву делали мастера из Нового Иерусалима, повторяя хорошо известные им орнаменты.

Общеизвестно особое пристрастие царя к скульптурам львов разных размеров, выполненным из различных материалов. Алексей Михайлович указывал помещать подобные фигуры везде, где только можно: каменные львы подпирали колонны «Львиных ворот» Потешного дворца в Кремле, а на одной из каменных плит, украшавших ворота, была вырезана сцена: Самсон, сидящий верхом на льве, раздирал ему пасть. Выточенные из дерева львы украшали многие деревянные постройки в царских усадьбах. Скульптуры львов были и в Преображенском, а также, возможно, и в других царских загородных резиденциях. Поэтому неудивительно, что «рыкающие» львы, снабженные механизмом, приводящим в движение их глаза и пасти и имитирующим рычание, были помещены в Коломенском сразу в двух местах: выполненные из меди звери, оклеенные для большей достоверности бараньими шкурами, восседали перед царским тронем в деревянном дворце, как бы исполняя некую охранную миссию; четыре или восемь подобных фигур «сторожили» Передние ворота царского двора (весь второй ярус воротной проездной башни был отведен под «органную палатку» — механизм, издававший львиное рычание, выполненный мастером Петром Высоцким).

В росписи царицыных комнат были включены сюжеты из библейской книги Есфири, главная героиня которой, возможно, ассоциировалась с молодой царицей Натальей Нарышкиной. В круглых щитах над крыльцами царских хором помещалось новомодное европейское украшение — аллегорические изображения Европы, Азии и Африки.

Деревянный дворец Алексея Михайловича производил сильное впечатление на царских гостей, в особенности на иностранцев. Послы, посланники и резиденты европейских государств не раз бывали там. Яков

Рейтенфельс писал: «Коломенский загородный дворец... кроме прочих украшений, представляет достойнейший обозрения род постройки, хотя и деревянной, так что весь он кажется точно только что вынутым из ларца, благодаря удивительным образом искусно исполненным резным украшениям, блистающим позолотою». Кстати сказать, уникальную горельефную и сквозную ажурную резьбу по дереву на фасадах и в интерьерах коломенского дворца выполняли белорусские мастера: монах Арсений, Клим Михайлов, Давыд Павлов, Андрей Иванов, Герасим Окулов и Федор Микулаев.

По мере изменения интересов государя сменялись и излюбленные места его летнего отдыха. Так, в 1657 и 1660 годах царское семейство провело лето в селе Покровском, а лето 1662 года — уже в Коломенском, в 1666 и 1667 годах — в Преображенском и Воробьево, которым отдавалось предпочтение и в последние годы жизни государя.

Следующий царь, Федор Алексеевич, также очень любил село Воробьево, где подолгу жил в теплое время года. Оттуда он ездил в другие загородные усадьбы — Коломенское, Преображенское, Покровское, а также в «новое государево село Воскресенское», где в последний год своей жизни начал обустраивать церковь Воскресения Христова и заказал для иконостаса деисусный и праздничный ряды «за тридцать за два рубли».

Измайлово нравилось молодому государю, по-видимому, в первую очередь его замечательными садами.

В 1678 году по указу царя там началось строительство примыкавшей к дворцу домовый церкви Иоасафа царевича индийского с восьмیارусным иконостасом. Древняя притча о пустынноике Варлааме и царевиче Иоасафе, созданная в Индии или Центральной Азии, распространилась по всему свету с первых веков христианства, на Руси стала известна еще в XII столетии, а в XVII веке книга была напечатана Симеоном Полоцким в Верхней типографии. В ней повествуется о том, что астрологи предсказали долгожданному наследнику индийского царя Авенира будущность великого христианского подвижника, поэтому идолопоклонник-отец запер сына во дворце, но пустынноик Варлаам проник туда под видом купца и рассказал юноше о христианстве. Под влиянием мудреца Варлаама царевич покинул дворец и стал его спутником в пустыни до самой смерти учителя, а спустя 35 лет аскетической жизни закончил свои дни, завещав похоронить себя в построенном им храме вместе с Варлаамом, после чего на могиле пустынноиков происходили многочисленные чудеса и исцеления. Вероятно, Федор Алексеевич очень любил эту повесть, раз посвятил домовый храм в Измайлове ее персонажу. По-видимому, другие члены царского семейства

разделяли его мнение; к примеру, в театре царевны Натальи Алексеевны шла пьеса, написанная по мотивам повести. Не случайно в 1680 году в измайловском храме прозвучали стихи Симеона Полоцкого на сюжет повести о Варлааме и Иоасафе — царский учитель Симеон ассоциировался с мудрецом-пустынником Варлаамом, просветившим царевича Иоасафа, в роли которого, надо полагать, видел себя юный государь.

В 1681 году Федор Алексеевич занялся перестройкой измайловского дворца, а также указал сделать возле него различные хозяйственные и служебные пристройки. Обычно царь брал с собой в Измайлово большую свиту, которую требовалось кормить и поить. Например, только за один день 13 июня 1677 года на «поение» всяких чинов людей и боярских слуг ушло из Запасного двора Измайлова четыре ведра «вина дворянского» (очищенной водки), полведра «двойного» (водки двойной перегонки), 12 ведер «расхожева» (простой водки), девять ведер белого с гвоздикой, корицей и кардамоном, три ведра меду вареного, 36 ведер пива.

Впоследствии Измайлово стало любимым местом пребывания семьи царя Ивана Алексеевича, а после его кончины (1696) вдовая царица Прасковья Федоровна с дочерьми проживала там постоянно. При ней усадьбу заполнили юродивые, калеки и нищие, поэтому В. Н. Татищев называл ее двор «госпиталем». Но и в это время в Измайлове сохранялись прекрасные сады, и представительницы царского семейства устраивали в них «садовые аудиенции» для иностранных послов и знати. Так, в 1689 году царица Прасковья Федоровна и царевна Наталья Алексеевна принимали в измайловской усадьбе калмыцкого посла. Иоганн Георг Корб, секретарь имперского посольства в Россию, упомянул свою прогулку с Прасковьей Федоровной по Виноградному саду Измайлова в 1699 году. Именно в этом уголке традиционной придворной жизни формировалась личность будущей императрицы Анны Иоанновны, что впоследствии проявилось и в устройстве ею своего двора, и в организации забавы — свадьбы шута в Ледяном доме, и во многом другом. Однако даже царица Прасковья поддалась новым веяниям: не позднее 1713 года в Измайлове был устроен театр и действовал до 1723-го; правда, вряд ли там ставились новомодные пьесы...

Распорядок дня членов царской семьи

В окружении великолепия и роскоши Кремлевского дворца и загородных резиденций проходили дни московских государей. О режиме жизни Михаила Федоровича и его внука Федора Алексеевича известий почти нет, но зато распорядок дня Алексея Михайловича восстановлен историками практически по минутам. Вот как описал утро монарха знаток царского быта И. Е. Забелин: «Государь вставал обыкновенно часа в четыре утра. Постельничий, при пособии спальников и стряпчих, подавал государю платье и одевал его. Умывшись, государь тотчас выходил в Крестовую палату, где его ожидали духовник или крестовый поп и крестовые дьяки. Духовник или крестовый священник благословлял государя крестом, возлагая его на чело и ланиты, причем государь прикладывался ко кресту и потом начинал утреннюю молитву; в то же время один из крестовых дьяков поставлял перед иконостасом на налое образ святого, память которого праздновалась в тот день. По совершении молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался к этой иконе, а духовник окроплял его святою водою...»

Прослушав после молебна поучение на данный день года, читаемое крестовым дьяком, Алексей Михайлович посылал кого-то из слуг в царицыны хоромы — узнать, как она почивала. Это был сигнал для царицы: пора ей прийти к мужу в переднюю или столовую. После встречи венценосная чета направлялась в одну из верховых церквей к заутрене или ранней обедне.

Затем наступал черед аудиенции для придворных, толпившихся на Постельном крыльце либо ожидавших в приемной, если их туда допускал «боярин у крюка». Кратко обсудив дела, государь в сопровождении собравшихся бояр, думных чинов и ближних людей шествовал в одну из придворных церквей к поздней обедне, продолжавшейся два часа. Но если на этот день приходился церковный праздник, то следовал торжественный выход царя в соборы или монастыри. Алексей Михайлович, как известно, не пропускал ни одного церковного торжества...

Примерно с десяти до двенадцати часов государь в своем кабинете вместе с боярами слушал доклады и челобитные, обсуждал различные дела. Когда наступал час обеда, бояре, попрощавшись, разъезжались по домам, а царь трапезничал в одиночестве или с несколькими приглашенными к столу ближними людьми. Послеобеденный сон был

обязательной составляющей царского обихода, длился он часа три, до вечерни. К этому времени во дворец снова съезжались придворные, вместе с которыми государь стоял вечерню в одной из верховых церквей. По окончании церковной службы иногда снова обсуждались дела, могло даже проходить заседание Боярской думы; но чаще царь отдыхал в кругу семьи, родственников и друзей. Любимым времяпрепровождением Алексея Михайловича было чтение, слушание рассказов «верховых старцев», игра в шахматы и т. п. День завершался вечерним угощением и пятнадцатиминутной молитвой в Крестовой палате, после чего царь отходил ко сну.

Естественно, что в этот распорядок ежедневно вносились коррективы, в особенности если царь был вне дома — в паломнической поездке или на охоте. Но всё же утренние и вечерние молитвы совершались неукоснительно, причем с большим количеством (порой до полутора тысяч) земных поклонов. Думается, ни отец, ни наследник Алексея Михайловича не были столь же строги к себе в смысле соблюдения церковных обрядов, но и их распорядок дня немногим отличался от вышеописанного.

Царевичи до 12–13 лет проводили день по-детски, а по достижении совершеннолетия — по-взрослому. После объявления царского сына наследником престола его режим дня намеренно выстраивался по царской схеме. Правда, он еще не посещал заседаний Боярской думы, но уже сопровождал отца на многих официальных мероприятиях, выездах, охоте и пр.

У современников сложилось устойчивое представление о времяпрепровождении цариц, переданное Яковом Рейтенфельсом: «Русские царицы проводят жизнь в своих покоях, в кругу благородных девиц и дам, так уединенно, что ни один мужчина, кроме слуг, не может ни видеть их, ни говорить с ними; даже и почетнейшие дамы не всегда имеют к ним доступ. С царем садятся за стол редко. Все занятия и развлечения их состоят в вышивании и уборах. Нынешняя царица Наталья, хотя отечественные обычаи сохраняет ненарушимо, однако ж, будучи одарена сильным умом и характером возвышенным, не стесняет себя мелочами и ведет жизнь несколько свободнее и веселее». В этом описании допущена только одна неточность: совместные трапезы супругов бывали довольно часто: если обедал царь один либо с придворными чинами, то ужинал обычно с женой.

Иностраннный наблюдатель упустил из виду и такую важную составляющую каждодневного распорядка дня царицы, как молитвы в

своей Крестовой палате, названные И. Е. Забелиным «стихией царицыной жизни». По церковным праздникам либо она посещала храм, либо служился молебен «у крестов» (в Крестовой палате), после чего царица окроплялась святой водой, привезенной из монастырей и церквей. Каждый день после молебна читалось поучение из «Златоуста». Дни постов и кануны праздников царица проводила в особенно длительных молитвах и битье поклонов. Чтение житийной литературы было обязательным везде и всегда. Часто к обедне царица ходила в дворцовую церковь Великомученицы Екатерины, заступницы и вспомоществовательницы при родах.

Остальное время было посвящено посещению Мастерской палаты — «светлицы», где шилась одежда для царской семьи, слушанию докладов дворецкого или дьяка о делах в Постельном приказе, о хозяйственных нуждах или устройстве царицына обихода. Царица занималась также делами своих придворных и слуг, в том числе и матримониальными. И. Е. Забелин отметил: «В расходных записках ее Постельного приказа нередко встречаются свидетельства или о постройке свадебного наряда для «верховых девок», или о выдаче им на свадьбу денег. Есть указание, что царица сама делала смотрины невесте для кого-либо из дворовых женихов, а стало быть, уже непременно сама же смотрела и женихов для дворовых девиц, разумеется, при соблюдении необходимых условий своего замкнутого быта, т. е. всегда потаенно и скрытно».

После обеда следовал обязательный сон, а вечером — общение с детьми, поздний ужин с мужем и молитва. День царицы, на наш взгляд, бледной тенью отражал день царя — в том смысле, что она не участвовала в решении государственных дел, но часто незримо присутствовала на приемах иностранных послов и других торжествах, находясь в потайных комнатках при Грановитой и Посольской палатах или укрывшись за особой завесой в Успенском соборе (как это было, например, при церемонии отправки государева полка на войну в 1654 году). Царица весь день должна была быть готовой отозваться на приглашение супруга к совместной молитве или трапезе, а ночью — к исполнению супружеского долга...

Царских дочерей сызмальства приучали к чинному времяпрепровождению. Только в раннем детстве их день заполняли игры, тряпичные куклы, сшитые из лоскутков в царицыной «светлице», «потешные» книжки, забавы с карлицами, коих у каждой царевны было несколько. Становясь старше, они проводили время в молитвах, учебе, за рукоделием, в общении с родными, а порой имели и неожиданные «хобби» (выше уже шла речь об увлечении царевны Екатерины Алексеевны

кладоискательством).

В целом же особого разнообразия в жизни царской семьи не было, каждый день для всех обитателей дворца был похож на предыдущий.

«Наш чин не любит овчин...»

К XVII веку сложилась устойчивая традиция подчеркивать социальный статус при помощи одежды. Царю полагалось носить только платье из самых дорогих тканей с украшениями из золота, драгоценных камней, жемчуга. Праздничная одежда государя подробно описывалась в рассказах о венчаниях на царство и царских свадьбах. Каждодневное, «простое» платье было менее дорогим, с меньшим числом украшений.

Придворная знать, стремившаяся во всём подражать монарху, тратила на костюмы целое состояние. Иностранцев поражало, что обстановка в домах русских аристократов была очень простая, даже, на их взгляд, бедная, отсутствовали (или не выставлялись напоказ, как было принято в Европе) серебряная посуда и предметы роскоши, но наряды и украшения ценой порой превосходили стоимость большого дома.

Все одежды (кроме нижней нательной рубахи) были долгополыми, с длинными рукавами. Обычно мужской костюм знати состоял из суконного зипуна, поверх которого надевался уже упоминавшийся нами опашень, следующим слоем одежды шли ферязь или охабень зимой и однорядка летом.

Охабень представлял собой неширокую распашную верхнюю одежду, доходившую до щиколоток. Эта древняя одежда имела разрезы от подола до рукавов, завязывавшихся узлом на спине, в то время как руки продевались в разрезы. Однорядки также были очень длинными, отличаясь от охабней только отсутствием подкладки (имели один слой — «ряд») и воротника. Они шились в основном из шерстяных тканей и заменяли плащ. В качестве украшений однорядок фигурируют пояса, кружева, нашивки, золотное шитье и др. Охабни и однорядки, сшитые из дорогих сукон, богато украшенные, должны были подтверждать состоятельность и значимость их владельцев. Главными украшениями мужской одежды были частые серебряные пуговицы и пристегивавшиеся воротники — лежавшие на плечах «ожерелья» (так, четырехугольные отложные воротники охабней могли спускаться сзади до середины спины) или стоячие «kozyри».

Мужской костюм дополнялся головными уборами: поверх тафьи,^[22] не снимаемой даже в храме, надевались клобук из тонкого сукна или бархата, высокая мурmolка с плоской расширявшейся тульей из парчи или бархата, горлатная шапка высотой в локоть, обшитая мехом с горла куниц или соболей. Обувались обитатели дворца и другие знатные люди в основном в

кожаные сапоги самых разных расцветок на высоких каблуках.

Еще в XVI столетии митрополит Даниил упрекал русских вельмож-щеголей в чрезмерном внимании к своей внешности, к богатству одежды, в особенности к дорогим серебряным пуговицам: «Кая же тебе есть нужда паче меры умыватися и натрываться? И почто не точию власы твоа, но и плоть свою с власы твоими остригаеши от брады и ланит твоих многажды и главу твоя, повешаеши под брадою пуговици сияющиа красны зело?..»

Если уж мужчины-аристократы были одеты с чрезмерной роскошью, то что говорить о женщинах! Их наряды шились в основном из шелка, бархата и сукна, часто с серебряными позолоченными нитями. Нижняя рубашка из тонкого полотна, дополненная «красной сорочкой» — платьем из шелка или ситца (называемого тогда «шидец» и привозимого из Индии), считалась исключительно домашней, «комнатной» одеждой, не предназначенной для выхода на улицу. Верхняя женская одежда состояла из нескольких (минимум трех) платьев, надеваемых одно поверх другого из дорогих заморских тканей — бархата, камки, объяри и пр. Одежда из подобных тканей сама по себе была прекрасным украшением, но к костюму полагалось надевать еще аксессуары из золота, серебра, драгоценных камней, жемчуга. Иностранцы поражались красоте женских уборов. Немец Ганс Мориц Айрманн, побывавший в России при царе Алексее Михайловиче, писал: «Они телом стройны и высоки, поэтому их длинные, доходящие сверху до самого низа одежды сидят на них очень красиво. Они, по своему обычаю, сверх меры богато украшают себя жемчугом и драгоценностями, которые у них постоянно свисают с ушей на золотых колечках; также и на пальцах носят они ценные перстни».

Длинная и толстая коса считалась достоинством девушки, а потому ее также старались всячески украсить. По свидетельству того же Айрманна, «свои волосы, будучи девицами, заплетают они в косу и еще украшают жемчугом, золотом так, что это выглядит чудесно, а на конец свисающей косы навешивают они кисть из золотых или шелковых нитей или переплетенную жемчугом, золотом и серебром, что очень красиво».

Поскольку по тогдашним понятиям красивой считалась женщина «в теле», то многослойные и пышные одежды скрывали излишнюю худобу одних и подчеркивали выдающиеся достоинства других. Как отмечал царский врач англичанин Коллинс, «красотою женщины считают они толстоту... Худощавые женщины почитаются нездоровыми, и потому те, которые от природы не склонны к толстоте, предаются всякого рода эпикурейству с намерением растолстеть: лежат целый день в постели, пьют *Russian Brandy* (очень способствующую толстоте), потом спят, а потом

опять пьют».

Даже простое перечисление женских нарядов заняло бы несколько страниц, поэтому, не вдаваясь в подробное описание каждого вида верхней женской одежды, отметим только их отличительные черты в царицыном гардеробе. Выходным платьем чаще всего служила телогрея — распашная одежда до пят, застегиваемая спереди на мелкие пуговицы. Она имела широкие проймы и рукава длиной до пола, которые, как правило, откидывались за спину и завязывались. По мнению иностранцев, откидные рукава считались непременным украшением женского платья, как, впрочем, и кружева, окаймлявшие телогрею по вороту, полам и подолу. У цариц было множество телогрей, как летних, так и зимних, подбитых мехом. При описании одной из телогрей царицы Евдокии Лукьяновны особо отмечалось, что она имела «запястье по атласу по червчатому низано жемчугом с канителью».

Иногда вместо телогреи царицы надевали «накладную» шубку — как правило, прямое платье с небольшим разрезом спереди, надеваемое через голову. Парадные шубки цариц шились из бархата, атласа, камки, объяри, кажодневные — из сукна. У каждой царицы было множество таких шубок. Так, у Евдокии Лукьяновны по одной описи числилось девять шуб из бархата, алтабаса, атласа, камки, сукна. Одна из них была сшита из персидского шелка с особым рисунком, изображавшим «людей и зверей золотых по червчатой земле». Парадные шубки украшали накладными «ожерельями», пелеринами из бобрового меха, широкими круглыми воротниками, а иногда и кружевом с алмазами или большими круглыми бляшками из золоченого серебра. Например, «ожерелье» на шубке Марии Ильиничны было из жемчуга с сорока шестью драгоценными камнями. Этот воротник переходил по наследству от одной царицы к другой, пока в 1681 году Агафья Семеновна не подарила жемчуг и камни церкви на Потешном дворе для украшения оклада образа Пресвятой Богородицы. Среди нарядов Агафьи Семеновны были две замечательные шубки: одна — из венецианского атласа с рисунком «по серебряной земле травка и репы золоты», вторая — из венецианского золотого бархата с рисунком в виде двуглавых орлов, «оксамиченых золотом и серебром». После смерти владелицы они были перешиты для второй жены Федора Алексеевича Марфы Матвеевны.

Все многочисленные виды верхней женской одежды были одной длины — до пола, главное их отличие состояло в украшениях — воротниках, «передцах» и «нарамках» (нашивках на самые видные места костюма). Пожалуй, только летник отличался от всех остальных платьев

особым кроем и пошивом рукавов: очень длинные, они были сшиты до локтя, а ниже украшались различными вставками («вошвами»); чтобы они не волочились по земле, их перекидывали через руку. Чего только не вшивали в эти рукава-«накапки» для красоты! К примеру, у царицы Евдокии Лукьяновны на летнике были «вошвы» из турецкого атласа разводами и кругами «велики золоты, в кругах шолк лазорев, листье шолк бел». Этот летник украшали еще и «передцы» по вороту: «по отласу по червчатому шиты золотом да серебром». У нее же были летники-«опашницы», разрезанные спереди. На одном из них был интересный узор: «вошвы по бархату по червчатому шиты золотом и серебром, орлы оксамичены, круживо по отласу по червчатому шито золотом и серебром травы, в травах орлы и инроги и львы и павы».

Летники зафиксированы в свадебном чине в качестве обязательной части праздничного костюма, поэтому они были самыми «убранными». К свадьбе же шились и многие другие платья для царицы. В частности, в 1626 году к бракосочетанию Евдокии Лукьяновны был сшит охабень, для которого мастера Серебряной палаты изготовили 53 золотых гнезда под драгоценные камни, вставляемые в кружево, и 64 золотых гнезда под жемчуг.

Только на большие праздничные выходы царицын убор включал корону (царевны в этих случаях надевали венцы). О коронах цариц XVII века сохранились лишь скудные упоминания. Чуть более подробное описание существует лишь для корон первой жены Федора Алексеевича. Известно, что две короны Агафьи Семеновны, «первого и второго наряда», были низаны жемчугом и украшены драгоценными камнями, еще одна «делана в цветах живые репы шолки розных цветов обнизаны жемчугом». В повседневной жизни царицы носили кики — традиционный головной убор замужних женщин. Волосы, заплетенные в две косы, укладывались в легкую мягкую шапочку из цветной материи — подубрусник или повойник, а сзади повязывался такой же расцветки платок-подзатыльник. На них надевалась кика, представлявшая собой сложную конструкцию: мягкая тулья была окружена жестким расширяющимся кверху подзором, спереди находилось расшитое жемчугом чело, от висков до плеч спускались рясы — длинные пряди из жемчуга вперемежку с драгоценными камнями, бусами, фигурками из золота, затылок прикрывал задок из куска бархата или собольей шкурки. Завершал женский убор повязанный поверх всего сооружения платок. Вместо кики порой надевали вышитый полотенчатый убрус, волосник — сетку для кос с околышем из золотных или вышитых золотом материй, кокошник или сороку.

Из описей царицыной казны следует, что у Евдокии Лукьяновны было пять кик, причем одну из них, «первого наряда», с алмазами, яхонтами, изумрудами, царь Михаил Федорович в 1629 году подарил двухлетней дочери Ирине. Остальные кики царицы также были украшены драгоценными камнями: «...отлас червчат, на нем цка (доска, то есть пластина. — Л. Ч.) золота, по цке в репьях камень в гнездах яхонты лазоревы и червчаты (сапфиры и рубины. — Л. Ч.) и изумруды, в поднизи зерна гурмыцкие на спнях (креплениях. — Л. Ч.), назади бархат черной. Кика отлас червчат запоны золоты с камнем с алмазы и с яхонты и с изумруды, межь запон в гнездах яхонты лазоревы червчаты и лалы. В поднизи репьи низаны (жемчугом) с камнями; по краем у поднизя зерна гурмыцкие;^[23] а по кике на спнях золотых птицы (5 птиц) низаны жемчугом; назади бархат чорной. Кика белая, у ней запоны золоты с камнем с яхонты и с лалы и с изумруды и с бирюзами; назади соболь. Кика белая ж, у ней цка серебрена золочена; назади соболь». К этим кикам прилагались рясы: «жемчюжные, а в них промеж жемчюгу и по концам 16 яхонтов лазоревых да 8 лалов, да промеж жемчюгу ж и камня 16 пронизок золоты репейчаты прорезные с финифты с розными; по сторонам у пронизок в гнездах искорки яхонтовые да изумрудные. У ряс колодки и колца золоты с финифты с розными, около колодок веревочки низаны жемчугом, у колодок в гнездах 4 алмаза да 4 яхонта червчатых гранены да два изумруда». Одни рясы («жемчюжные, а в них промеж жемчюгу и по концом орлики золоты, в орликах искорки лаловые да бирюзки») Евдокия Лукьяновна пожертвовала в 1627 году Владимирской иконе Божией Матери дворцовой церкви Рождества Богородицы на сенях, а другие («по концам 18 колодок золоты с чернью, у колодок по сторонам искорки яхонтовые и изумрудные») на следующий год приложила к чудотворному образу Божией Матери «Знамение» на старом государевом дворе.

У остальных цариц число кик и, соответственно, ряс к ним было меньше: у Марии Ильиничны — четыре (после ее смерти они перешли к Наталье Кирилловне и были дополнены еще одной, скорее всего, от царевны Ирины Михайловны), у Агафьи Семеновны — две.

В теплое время года царицы могли носить и шляпы; правда, их фасоны не отличались разнообразием, копировали мужские головные уборы и, по мнению иностранцев, походили на клобуки католических епископов. Шляпы были белые, украшенные атласными или тафтяными лентами, вышитыми золотом, унизанными жемчугом, украшенными дорогими камнями. У Евдокии Лукьяновны имелось семь шляп, у Марии Ильиничны — шесть, у Натальи Кирилловны — четыре. Зимой царицы надевали

шапки с шелковым или золотным верхом, украшенным жемчугом и камнями, и меховой, чаще всего бобровой, опушкой. Одну из таких шапок Евдокия Лукьяновна в 1639 году подарила своему сыну Алексею Михайловичу («шапка по атласу по червчатому низана жемчугом с канителью, на ней 17 яхонтов лазоревых»). Вообще царицы часто дарили свои шапки родственницам или близким придворным дамам в знак особой благосклонности.

Головные уборы других видов были редки в гардеробе цариц, но зато часто встречались у маленьких царевен. Например, шапки-«столбунцы» цилиндрической формы с прямой тульей, собольи или из шелковых и золотных тканей с меховой опушкой носили в детстве все царевны, а из цариц — только Мария Ильинична и Агафья Семеновна.

Не будем перечислять все драгоценные украшения (серьги, кольца, браслеты, бусы и т. п.), которыми царицы, естественно, не были обделены. Упомянем только монисто, подаренное Евдокии Лукьяновне на свадьбу ее свекровью Марфой Ивановной: «...чепочка золота звенчата, у чепочки наконечники золоты ж резь гранми с чернью, а на чепочке в манисте на гайтане понагея золота на четыре углы в ней яхонт лазорев, на яхонте резь Спасов образ Вседержителя, по полям 2 яхонта червчаты да два изумруда; на переди на главе резь херувим, а на другой стороне резь великомученик Дмитрей, навожено чернью». И. Е. Забелин полагал, что подобные украшения служили также оберегами от сглаза и порчи.

Все царицы любили красиво и богато одеваться, но особенно выделялась в этом отношении Агафья Семеновна, первая супруга Федора Алексеевича. Среди декоративных деталей предметов ее большого гардероба фигурирует множество различных нашивок: традиционных шитых жемчугом атласных, из бобрового пуха, украшенных новомодными пуговицами с финифтью. В то время как в описях казны Марии Ильиничны числится одна соболья муфта («рукав»), у ее невестки — целых семь: «...рукав бархатный червчатый с круживом плетеным с городы золото с серебром; атласный золотный червчатый же травы и разводы шолк червчат; алтабасный — по золотной земле травы кубы серебряны; атласный серебрян, травы золоты с серебром; алтабасный золотной — травы серебряны с горностаевым исподом, но с опушкою соболиною; атласный червчатый — реки и травы золоты; и рукав низан жемчугом по алому бархату с запаны алмазными и с яхонты червчатыми и с изумруды». Были у нее и перчатки: атласные на собольем меху, обшитые золотым галуном; «шелковые шемаханские вязаные, запястье кружево золотное, по краям кружево золото с серебром».

Обитательницы дворца любили мех. Количество меховых одежд у них всегда было большим. Чаще всего использовался соболь, но употреблялись и белка, и горноста́й, и другие меха. Из бобрового пуха делались накладные «ожерелья»-воротники, которые были очень дороги (в 1644 году, например, один бобровый воротник стоил 30 рублей). Они подходили к любому платью, и потому им отдавали предпочтение. Известно, что у Евдокии Лукьяновны в первые годы после свадьбы было шесть бобровых «ожерелий», но к концу жизни осталось четыре; у Марии Ильиничны — пять, у Натальи Кирилловны — шесть.

Обязательным атрибутом были жезлы, с которыми царицы ходили на богомолье. У Евдокии Лукьяновны имелся жезл «немецкое дело, дерево черное гладкое, в рукоять врезываны травы серебряны, кровля серебряна золочена, на кровле дерется лев с змеем». В жезл были вмонтированы замечательные вещи: костяные полости с ароматическими составами, «костяной ставик с кровлею, а в нем зуботычки костяные». Внутри жезла помещалась «зрительная трубка», а в рукояти — солнечные часы. Можно только догадываться о цене этого чуда технической мысли! О жезлах других цариц подробных сведений нет; известно только, что Мария Ильинична ходила с жезлом даже в кремлевский Вознесенский монастырь.

Не последнее место в гардеробе цариц занимала обувь. Атласные, бархатные, сафьяновые башмаки с тафтяной подкладкой и вышитым передом с узорами украшались жемчугом и даже драгоценными камнями. Башмаки были разных цветов, но преимущественно алые. Их высокие каблуки крепились железными скобами, которые в парадной обуви заменялись на серебряные. Царские башмаки, как указывал И. Е. Забелин, всегда строчились волоченными (проволочными) золотыми или серебряными нитями. Были в употреблении и сапоги: комнатные «ичетыги» имели легкую подошву и по сути представляли собой сафьяновые чулки, крытые атласом или камкой; уличные «чеботы» кроились, как и башмаки, из атласа и бархата и украшались кружевом, жемчугом, вышивкой и пр. Высота каблуков на женской обуви, по мнению Адама Олеария, была чрезмерной и затрудняла ходьбу. Кожаные сапоги, кроме сафьяновых, в описях скарба цариц вообще не указаны; вероятно, их не носили, считая слишком простой, народной обувью. А вот бархатных и атласных сапог, расшитых жемчугом с камнями, числилось в царской казне множество...

Имелись в обиходе цариц и чулки, причем вязаные были редки и покупались у иностранцев: «...чулки вязеные шолк лазорев с серебром, немецкое дело, двои чулки вязеные шолк ал да жолт, немецкое дело». Чаще

всего чулки изготавливались из тафты, камки, атласа, но были и простые суконные.

При первых Романовых были внесены существенные коррективы в традиционный русский костюм. Правда, сначала они препятствовали изменениям в одежде своих подданных, но затем стали их поощрять. Всё началось с польского платья, в которое после Смуты стали одеваться молодые дворяне, начинавшие жить по-новому и своим внешним видом демонстрировавшие отказ от старины. Вернувшийся в Москву патриарх Филарет сразу же издал запреты носить польское платье и брить бороды. В 1619 году в церковный «Требник» были внесены проклятия «бридобрадцам» и тем, кто сменил русское платье на иноземное. Но даже наложение на нарушителей церковной епитимьи не остановило распространение европейской одежды, более практичной и удобной.

При Алексее Михайловиче число бривших бороды и носивших иноземную одежду росло с каждым годом. Более всего их было среди княжеских и боярских отпрысков. Теперь модников в польском платье с «голыми» лицами можно было встретить не только в Москве, но далеко за ее пределами. Так, протопоп Аввакум по дороге в сибирскую ссылку встретил сына боярина Шереметева и отказался благословить его по причине «блудолюбивого образа бридобрадца».

Государь, «ревнитель древлего благочестия», не мог не реагировать на эти новшества. В 1674 году он издал указ, запрещающий подданным переодеваться в иноземное платье, мотивируя тем, что люди вместе с одеждой перенимают иностранные обычаи и привычки. Сам Алексей Михайлович в детстве носил польский кафтанчик в качестве «потешного» платья, но, став государем, уже не допускал потехи в этом вопросе, считая, что внешний вид его подданных должен нести на себе отпечаток их «чина». Вот в придворном театре, в «комидиях» о жизни то древних иудеев, то персов, то мифологических героев «немецкие шляпы и башмаки» были уместны, так как и сам театр рассматривался царем как иноземная «потеха».

Алексей Михайлович не просто любил богатую русскую одежду. Эстет по натуре, он придавал огромное значение цветовой гамме своего наряда (как мы помним, во время второго бракосочетания он был одет во всё белое). Ценитель церемониальной красоты, он заказывал к «Троицыну ходу» сотни новых одинаковых кафтанов для стрельцов, чтобы не нарушать гармоничное действо «пестротой» и неурядицей в одежде.

Федор Алексеевич, в отличие от отца, благоволил к более экономичному и простому польскому платью. По свидетельству

современников, молодой государь вообще не любил роскоши, одевался гораздо скромнее своих предшественников на троне и потребовал от придворных отказа от дорогих и устаревших нарядов. В октябре 1680 года он издал указ, запрещающий служилым людям заходить на территорию Кремля и особенно царского двора в старинных русских охабнях и однорядках.

Некоторые исследователи видят в этом указе предтечу реформы платья, проведенную Петром I, что не совсем корректно, поскольку старший брат указывал носить польские кафтаны только придворным и прибывавшим ко двору служилым людям, а младший отменял русское и вводил сначала венгерское, а затем немецкое и французское платье для всех «благородных» подданных. Кроме того, Федор тем же указом запрещал носить короткие иноземные кафтаны — они должны были быть лишь слегка укороченными (главным образом это были «турские»^[24] и распространенные в Польше парные кафтаны — нижний с длинными рукавами и верхний с короткими). Современники расценивали этот указ как меру борьбы с роскошью, о чем свидетельствует надпись на парсуне почившего монарха: «...многоубыточные народу одежды премени, и иная многая и достохвалная и памяти должная содеял...»

Сам молодой царь, увлекшийся идеей сближения России с Речью Посполитой и планировавший многое перенять у западных соседей, еще в 1679 году начал носить парные кафтаны и обрядил в них свое ближайшее окружение. С одной стороны, это было данью моде и, возможно, делалось в угоду жене-полячке Агафье Грушецкой, с другой — указ приходил в Кремль только в польском платье был не рекомендательным, а обязательным для исполнения придворными; тем самым они подчеркивали свою принадлежность к царскому окружению. Придворные оперативно отреагировали на этот указ, что видно хотя бы из домово́й описи одежды князя Василия Васильевича Голицына — там фигурируют «кафтан короткие рукава» и второй, долгополый. (Правда, князь Голицын мог и сам быть среди инициаторов данного нововведения как человек, устроивший свой быт на европейский лад и планировавший преобразовать не только государев двор, но и всю страну по примеру европейских соседей.)

Раньше правители время от времени следили за тем, чтобы придворные приходили на государев двор в чистой одежде, а по праздничным дням — в парадной (порой оговаривалось, что в самом дорогом и нарядном платье или в костюме определенного цвета). Указом 1680 года, по сути, вводилась униформа для прибывавших на государев двор служилых людей.

«Трапеза многообразных брагиен»

Царские застолья, в особенности пиры, занимали место в системе ценностей того времени между церемониалом и потехой, являясь одновременно частью официальной деятельности государя и его личного быта. Традиция пиров идет со времен Киевской Руси, когда князь был столь тесно связан со своей дружиной, что и воевал, и постоянно пировал с ней. Пирьы, устраиваемые для слуг-придворных, а не для иностранных послов и резидентов, имели совершенно особый характер — демонстрировали нерасторжимую связь сюзерена и вассалов.

В Грановитой или других палатах царского дворца ставились длинные столы в несколько рядов, царский же стол помещался на возвышении. Места за столами гости, как правило, занимали в соответствии с местническими традициями. Записанная в XVII веке поговорка очень хорошо отражает этот порядок: «Чин чина почитай, а меньшей садись на край!» Рассаживаться следовало строго по иерархии родов и своему статусу: самым знатным — на лучших и ближайших к царю местах, за ними — представителям менее именитых родов, самым «худородным» — на дальних концах стола. Естественно, что местнические споры, возникавшие по любому поводу, чаще всего разгорались именно на царских пирах и застольях. Боярство считало страшным поруганием всего своего рода публичную уступку лучшего места за царским столом соперникам в «породе» и «службах». Поэтому во избежание публичных скандалов за столом в XVII столетии московские государи часто указывали своим гостям «быти без мест» (правда, это не останавливало князей и бояр, всё равно норовивших занять лучшее место и препиравших с соседями).

Самые масштабные пиры устраивались в дни поставления на царство, когда после обряда венчания в Успенском соборе новоиспеченный государь звал патриарха и весь священный синклит, а также всех приглашенных к себе на двор «хлеба ести». Такие застолья, как правило, были и самыми продолжительными — шли несколько дней кряду, — и самыми обильными. Еще одной их отличительной чертой было указание «сести без мест по чину». Так, в «Чине поставления на царство Феодора Алексеевича» читаем: «А как великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, и великий господин святейший кир Иоаким, патриарх Московский и всея России, вошли в Грановитую палату, и святейший патриарх говорил «Достойно есть» и

прочее по чину, и... сели за стол по чину на своих местех, а влаstem повелел государь царь сести за другим столом, по левую сторону от Благовещения. А боярам пожаловал великий государь царь, велел сести в боярском столе, по правую сторону от себя государя, что слово «кривой стол»; а бояре и окольные все были без мест». Как уже отмечалось, то же в свое время сделали дед и отец Федора Алексеевича — «обезместили» венчальный пир.

Сервировка была довольно скудной. Австрийский дипломат Августин Мейерберг свидетельствовал: «На длинный узкий стол, покрытый скатертью из плохого льна, ставятся уксусница, перечница и солонка. Каждому из обедающих кладут ложку и хлеб, но только не всегда, а тарелки, салфетки, ножа и вилки не кладется никому, кроме знатных». Вместо салфеток могли употребляться капустные листья, но при Алексее Михайловиче уже начали подавать гостям расшитые платы. До XVII столетия подавали одну, скорее всего серебряную, тарелку на двоих, чтобы гости хлебали «уху» (так называли любые супы), повернувшись лицом друг к другу. Иностранцы порой отказывались есть таким образом, поэтому им начали подавать отдельные тарелки и приборы.

Царские застолья требовали большого числа обслуги — иногда прислуживало до трехсот человек. Обязательно наличествовали кравчий, которому был поручен надзор за питьями и яствами, чашник, подносящий напитки царю, стольники, разносившие еду по столам, чарочники, приносящие напитки. Кроме них назначались еще люди, чтобы «в столы смотреть и в столы высказывать», то есть следить за подачей кушаний на определенный стол и громко повторять государевы слова, в том числе приглашение к царскому столу того или иного гостя. На пирах в Грановитой палате обычно накрывались два длинных стола: «кривой», стоявший буквой «Г» по правую руку от царского трона, и стол для «властей»-священнослужителей. Слуги парами разносили гостям еду и питье. Каждое блюдо проходило несколько ступеней контроля: сначала его пробовал повар на глазах у стряпчего или дворецкого, затем его доставляли из поварни во дворец ключники под надзором дворецкого; каждый ключник должен был отведать принесенное кушанье в присутствии дворецкого, который затем «снял пробу»; наконец, стольники вносили кушанье в палату, где оно проходило последнюю проверку — его отведывал кравчий, причем зачерпывал из того места, на которое указывал ему сам царь. Монарх мог дать указание оставить блюдо на своем столе или сразу отнести гостям. Напитки, прежде чем попасть в кубок государя из рук чашника, проходили ту же апробацию.

Начинался пир по традиции раздачей хлеба и соли из царевых рук. Первым блюдом практически всегда были жареные лебеди (птиц специально разводили на Лебязьем пруду, образованном запрудой при впадении реки Неглинки в Москву-реку у Водовзводной башни Кремля). Сначала слуги выносили на больших подносах неразделанных зажаренных лебедей и показывали их царю и, получив его разрешение, уносили, нарезали небольшими кусками и затем уже обносили гостей.

При Алексее Михайловиче первым блюдом всё чаще становились студень из говяжьих ног и икра. Особо почетных гостей потчевали бараньей или свиной головой, отваренной с пряностями, к которой подавали хрен, смешанный со сметаной. Затем следовали вторая, третья и последующие подачи. Например, в 1671 году во время пира на стол первому польскому послу, беневскому воеводе Станиславу Казимиру, были поставлены кушанья: в первую подачу — крыло лебязье, во вторую — пирог осыпной, в третью — жаворонки, в четвертую — гусь; второму послу Киприяну Павлу в первую подачу — пирог осыпной, во вторую — жаворонки, в третью — «ходило (нога. —Л. Ч.) лебязье», в четвертую — уха черная»; остальным участникам польской делегации достались пироги, гуси, куры, жаворонки, лебязья хлупь (гузка)...

Государь посылал на блюде кушанье со своего стола в знак особой милости отличенному им гостю, а тот должен был кланяться. Особой честью считалось получить остатки блюда, которое отведал сам царь — так проявлялось благоволение тому или иному гостю. В XVII веке раздача хлеба с солью, а также остатков с царского стола являлась уже символической, отражавшей древнюю традицию. В 1667 году, например, на праздничном обеде Алексей Михайлович передал польскому послу «остатки» со своего стола: лебязье крыло, пирог, печенье и гуся.

По завершении подач на столы ставилась еда в великом изобилии: горячие и холодные блюда, «уха» — супы всех видов, пироги и многое другое. Число блюд доходило до полутора-двух сотен, а иногда и более. Так, английский посол Карлейль на одном из обедов у Алексея Михайловича насчитал 500 блюд, причем только постных, так как был постный день. Иностранцы выбирали из этого изобилия, как правило, осетровую, белужью, севрюжью или лососевую икру (причем не только соленую, но и варенную в маковом молоке^[25]). Очень нравилась иноземцам рыбная уха. Среди жареного преобладали куры с соусом из изюма и пряностей, куропатки со сливками, гуси с гречневой кашей, кукушки в меду, бывали и жареные рыси. Обычно было до пяти перемен блюд (холодное, суп, жаркое, пироги, «верхосыток» — десерт).

После первых блюд подавалось вино для заздравной чаши из рук самого государя: гости выходили по старшинству к царскому трону, принимали из рук монарха чашу и, отступив несколько шагов назад, осушали ее и возвращались на свое место.

По древнерусской традиции гостей надо было напоить допьяна, да и сами они требовали подачи спиртного особыми возгласами вроде «Гусь плавает по воде», «Индийская курица воду пьет». На пирах бывало до девяти перемен напитков: по три подачи водок и вина, красного и белого меда. Напитки из меда и водки были самыми распространенными на царских пирах до XVII века, а при первых Романовых появилось множество иноземных дорогих вин, которым и отдавалось предпочтение. Напитки на основе меда делали вишневые, смородиновые, малиновые, яблочные, можжевеловые, костяничные и др. Водки, настоянные на корице, мяте, лимонных и апельсиновых корках, зверобое, иногда подавались для возбуждения аппетита в самом начале пира, иногда же в разгар его.

На пиру звучало очень много тостов. Первый тост провозглашался за государя, затем шли здравицы членам его семьи, патриарху и т. д. Следом наступал черед царю поднимать чашу за своих гостей, что он и делал время от времени. Пить надо было стоя, а тостуемый отвешивал царю поклон.

В знак близкого завершения обеда подавались десерт — как правило, в виде пряников (на черной патоке с медом, с начинкой из варенья, с крахмальной патокой, с разноцветной глазурью) — и прохладительные напитки (сахарные, анисовые, коричные). Пир завершался заздравной чашей и молитвой. Оставшиеся после пира напитки царь рассылал гостям на дом по несколько ведер. Стольники,стряпчие и жильцы, обслуживавшие пир, получали от государя по блюду «сахаров» (засахаренных фруктов), ягод и изюма.

Свадебные пиры были, конечно же, самыми грандиозными. Так, пир по случаю второго брака Алексея Михайловича длился три дня. По традиции мужчины и женщины угощались отдельно: первые — у молодожена в Грановитой палате, вторые — у новобрачной в Передней палате. Царице, ее придворным и гостям были поданы «гусь жаркой, пороса жаркое, куря в колье с лимоны, куря в лапше, куря в щах богатых». Пир у царицы мало чем отличался от аналогичного мероприятия у царя — разве что прислуживали в основном женщины и дети. Государыня сидела за отдельным столом, около которого стояли боярыня-кравчая и ее помощница, подававшие кушанья и напитки. Иногда кравчую заменяли отец царицы Кирилл Полуектович Нарышкин или ее воспитатель Артамон Сергеевич Матвеев. У поставца с серебряной и позолоченной посудой

восседал дворецкий Авраам Никитич Лопухин в окружении стоявших ключников и стряпчих. Кушанья были те же, что и на пиру у царя, а напитки, естественно, послабее, послаще и в меньшем количестве.

Как и во всех остальных сферах придворной жизни в XVII веке, в организации царских пиров появилось много новшеств, перенятых из Западной Европы: появились фарфоровая столовая посуда и хрустальные бокалы, рюмки и пр.; русские вина уступили место «фряжским», среди которых упоминаются французские, немецкие, венгерские, греческие — «малвазия», «мушкатель» (мускат), «ренское», «романья», «алкан» (испанское вино из провинции Аликанте) и др. Пирыв, устраиваемые по разным семейным торжествам, в особенности в честь рождения и крестин царских детей, по случаю церковных двенадцатых праздников и других событий, порой сопровождались музыкой и чтением стихов, сочиненных по каждому случаю придворными поэтами и поднесенных царю в торжественной обстановке и пением многолетия хором царских певчих. Стиль поведения русской аристократии на царском пиру во времена Алексея Михайловича стал несколько деликатнее. Если раньше иностранцы поражались «постыдному поведению» русских за столом (они громко кричали, рыгали, сморкались себе под ноги, утирали губы полами своих одежд и т. п.), то при втором государе из дома Романовых такого поведения в массовом порядке уже не наблюдалось. Царь был эстетом, любил, чтобы его окружала красота; кроме того, у него было очень тонкое обоняние, поэтому и запахи он предпочитал «благовонные» и не переносил, например, запаха водки изо рта собеседника...

Пирыв давались только по особым случаям, и самыми продолжительными и пышными были пирыв в честь венчания на царство. Более скромные праздничные угощения назывались «столаы». Так, спустя две недели после трехдневного пира по случаю второй свадьбы Алексея Михайловича, 7 февраля 1671 года, в Золотой палате царь и царица принимали подарки от патриарха Иоасафа и церковных иерархов («властей»), а также от бояр, окольничих, думных людей, «гостей»-купцов и посадских людей, а по окончании вручения даров был устроен «стол» в Грановитой палате. Григорий Котошихин писал, что по праздникам «бывает стол на патриарха, и на властей, и на бояр, и на иные чины». В зависимости от отмечавшегося события «столаы» были более или менее торжественными, а порой из-за болезни царя или царицы или по каким-либо другим причинам отменялись вовсе.

В первой половине века на «столаы» государя приглашались обычно по два-три боярина и окольничих, приближенные лица из придворных,

родственники и духовенство. Царь Михаил Федорович, похоже, не любил больших сборищ, звал в праздник немногих, но зато чередовал приглашения, чтобы никого не обидеть. В дворцовых записных книгах каждый такой «стол» фиксировался в подробностях, указывалось, по какому поводу он устроен и кто на нем присутствовал. На свои именины, 12 июля, государь обычно приглашал патриарха и «по совместительству» отца, церковных иерархов, представителей Боярской думы, а также тех нескольких человек, которые в честь царских именин получали в подарок новый чин. (Традиция «жаловать» служилых людей в честь праздника была давней и устойчивой. Федор Алексеевич даже требовал, чтобы просители в челобитных писали: «...государь царь, пожалуй ради своих именин либо праздника».) На тридцатилетие Михаила Федоровича были приглашены, помимо Филарета и архиереев, бояре князь Иван Борисович Черкасский, Михаил Борисович Шейн, князь Григорий Петрович Ромодановский, окольный Федор Леонтьевич Бутурлин, думные дьяки Иван Грамотин и Федор Лихачев. Среди гостей значились князья Трубецкие, Шереметевы, Сицкие, Буйносовы-Ростовские. Из родни были князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский (муж царской сестры Татьяны Федоровны) и тесть царя Лукьян Степанович Стрешнев. Остальные приглашенные были случайными людьми при дворе: воеводы, недавно вернувшиеся со службы в Тюмени, Березове и других отдаленных местах, несколько пожалованных в новый чин.

Во время совместного правления Михаила Федоровича и Филарета были заведены особые «патриаршие столы», устраиваемые, как правило, на двенадцатые церковные праздники, а также на дни памяти святителей Петра и Алексия. Второй государь Филарет завел собственный придворный штат, чего до него никогда не бывало, и теперь патриаршие столы обслуживали эти мероприятия. Особенности патриарших застолий были обилие рыбных блюд и отсутствие мяса даже в скоромные дни. Среди излюбленных рыбных угощений патриарха значатся икряные блины — в тесто для их приготовления втирали севрюжью или белужью икру. Популярны были также «вязига под хреном, присол стерляжий, пупки осетровые сухие, язь паровой», лососевая, осетровая, белужья и севрюжья икра, разнообразная уха и паровая рыба (лещ, щука).

Рождение у Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны первого ребенка, царевны Ирины 22 апреля 1627 года было широко отмечено в Грановитой палате, а крестины 6 мая — в Золотой царицыной. И в последующие годы государевы «столы» в дни именин его детей устраивались регулярно. Только к концу жизни Михаил Федорович стал всё

чаще отменять застолья по праздникам в связи с болезнью. В дворцовых записях 1640-х годов появились пометы в дни самых разных торжеств: «... а стола у государя не было».

При Алексее Михайловиче «столы» стали еще пышнее и обильнее. Государь вообще любил, по его выражению, «кушать». В молодости у него собирались компании друзей по самым разным поводам, в особенности на охоте или в загородных вотчинах. После женитьбы излюбленными стали трапезы в честь именин, крестин и других праздников многочисленного царского семейства. Например, 1 сентября 1667 года, в день объявления наследником престола царевича Алексея Алексеевича, после совершенной литургии царь «пожаловал» царевичей, а также бояр, окольничих, думных и ближних людей — «велел им быть у себя, государя, у стола». Этот обед был особенным — и в силу уникальности отмечаемого события, и из-за присутствия на нем патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского. Помимо членов Освященного собора на нем присутствовали грузинский царевич Николай Давидович, касимовский царевич Василий Арсланович и его сын Федор Васильевич, сибирские царевичи Петр и Алексей Алексеевичи. Боярам велено было сидеть «без мест». У стола самого царя стояли кравчий князь Петр Семенович Урусов и стольник Дмитрий Наумов, напитки наливал стольник Иван Бутурлин, у поставца сидел боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово, «в столы сказывали» (объявляли подачи блюд) стольники князь Василий и Андрей Ивановичи Хилковы, царевичей «потчивал» стольник князь Юрий Иванович Шаховской.

На именины царя и членов его семейства еще до «стола» раздавались особенно большие именинные пироги и калачи: «а зделаны те калачи бывают долгие аршина в два и в три, толщиною в четверть аршина». Раздачи после именинного застолья также были самые большие. Так, в день крещения царевича Петра Алексеевича в 1672 году сладости получили около восьмисот человек, среди которых были не только представители духовенства, думные дворяне и дьяки, комнатные стольники, стрелецкие полковники, головы, полуголова и сотники, но также придворный доктор, три аптекаря, царицыны постельницы и мастерицы. Простым стрельцам, охранявшим Красное крыльцо и царский двор, было роздано 13 фунтов «сахаров зеренчатых», два пуда изюма, пуд винных ягод, полтора пуда чернослива... По свидетельству Г. Котошихина, в праздничные дни раздавали по 400–500 ведер вина, а пива и меда — по две-три тысячи ведер; «поденные подачи с истопниками» насчитывали три тысячи яств.

Крещения и дни ангела царевичей, в особенности первенца-

наследника, отмечались почти так же широко, как и праздники в честь государя. «Верхосыток» в этих случаях бывал более разнообразным и замысловатым. К примеру, 29 июня 1672 года по случаю рождения царевича Петра на царский «стол» в Грановитой палате было подано 120 блюд, на царицын в деревянных хоромах — 100. В основном это были коврижки и «сахары» немислимых форм и расцветок. Сначала царю подали большую коврижку в виде российского герба, затем «коричную — голова большая, расписанная с цветом, весом два пуда двадцать фунтов»; далее принесли двух больших сахарных орлов с державами — белого и красного; за ними «плыли» к столу литые из сахарного сиропа лебедь, «утя весом двадцать фунтов», попугай и голубь. Но это была только прелюдия к внесению в палату «гвоздя программы» — сахарного Кремля с конными и пешими людьми внутри. Были поданы также две башни «с орлом», четырехугольный «город с пушками», две трубы в 15 фунтов, разноцветные и узорочные марципаны и леденцы огромных размеров («сорок блюд сахаров людей конных»), блюда ягод инжира, цукатов, цитронов, «яблок мускатных», «индейских овощей» (фруктов), в частности имбиря в патоке. В общем, это было пиршество не только для желудка, но и для глаз.

Именины цариц, крестины и дни ангела царевен отмечались обычно на женской половине. Это были, как правило, сладкие столы. Несъеденное раздавалось в качестве гостинцев всем приглашенным или отсылалось по домам. Так, всегда получали угощения с царского стола грузинская царица Елена Леоновна, входившая в свиту царицы под первым номером, и ее сын царевич Николай Давидович (до сорока блюд каждый). Иногда в именины цариц и царевен «стол» не устраивали, а угощения — обычно это были разнообразные пироги и напитки («по две подачи», то есть двух сортов) — развозили по Москве строго по составленному под диктовку царицы списку, в который, как правило, входили опять-таки Елена Леоновна, боярыни, «приезжие к царице и царевнам» (то есть их «придворные дамы»), игуменьи Вознесенского, Новодевичьего, Алексеевского и других московских монастырей. Именинные пироги всегда щедро раздавали большому количеству людей.

До XVII столетия иноземных дипломатов после аудиенции приглашали к царскому столу. Сохранилось описание одного парадного обеда Ивана Грозного в Александровской слободе, составленное датским посланником Якобом Ульфельдтом. Царь рассылал разрезанные куски приготовленных кушаний гостям со своего стола, получивший «рассылку» гость вставал и кланялся на все четыре стороны, а так как «перемен кушаний весьма было много, столько вставать надобно было, и то делалось

65 раз». Та же процедура сопровождала подачу меда и вина, причем Иван Грозный пригубил вино из кубка, а затем передал его датчанину, а тот, в свой черед, переправил кубок членам посольства, «дабы все чувствовали щедрость его и милость сердца».

В XVII веке приглашения на трапезу во дворец к Михаилу Федоровичу хотя и случались, но значительно реже. Зато имеется множество известий о посылке кушаний с царского стола прямо на дом послам. Иностранцы оставили подробные описания блюд, присылаемых с приставами от имени царя. Из дворца приносили скатерть, серебряную посуду и приборы, правда, иногда рассчитанные лишь на посла, поэтому приходилось срочно доставать собственные приборы и сервировать стол. Обычно число присылаемых кушаний переваливало за 70, но все они были холодными, поскольку даже жаркое успевало остыть, пока его доставляли на больших серебряных блюдах из Кремля по улицам Москвы. Как не раз отмечали европейцы, практически вся русская пища — «никогда не виденная у нас». Вначале чаще всего подавали жареных гусей или лебедей, а иногда и журавлей. Мясо обычно было сильно нашпиговано чесноком, луком, лимонами и маринованными огурцами, а потому обладало незнакомым запахом и вкусом, к тому же было непривычно для желудков европейцев. Зато им очень нравились пироги из разных сортов муки и с разнообразными начинками. А вот подаваемые во множестве соусы, среди которых был даже шафранный, не вызывали одобрения, поскольку в них плавали куски курятины, какие-то жареные шарики и еще всякая всячина.

Сохранились описания обедов, даваемых в честь иностранных послов Алексеем Михайловичем. Так, в 1663 году английский дипломат Чарльз Карлейль, приехавший просить о возобновлении привилегий английским купцам, побывал на таком приеме, где подавалось до ста блюд из дичи и мяса домашних животных. На обеде в честь польских послов 12 ноября 1667 года в перечне угощений фигурировали: жареный тетерев со сливами, жареный зяблик с лимонами, лоб свиной, голова баранья, плечо баранье жареное, буженина, курица с лимонами, курица с огурцами, жареные лебеди и гуси, индейка под шафранным соусом, курица с луком, жареный поросенок, баранья печень, гусиные потроха, рассольник из курицы, курица в лапше, курица в каше и многое другое.

На трапезах с участием иностранцев при Алексее Михайловиче наряду с традиционными русскими медами и водками начали подавать заграничные вина. Помимо тридцати погребов Сытного дворца, где хранились русские напитки, существовал еще «фряжский» погреб «с заморскими питиями».

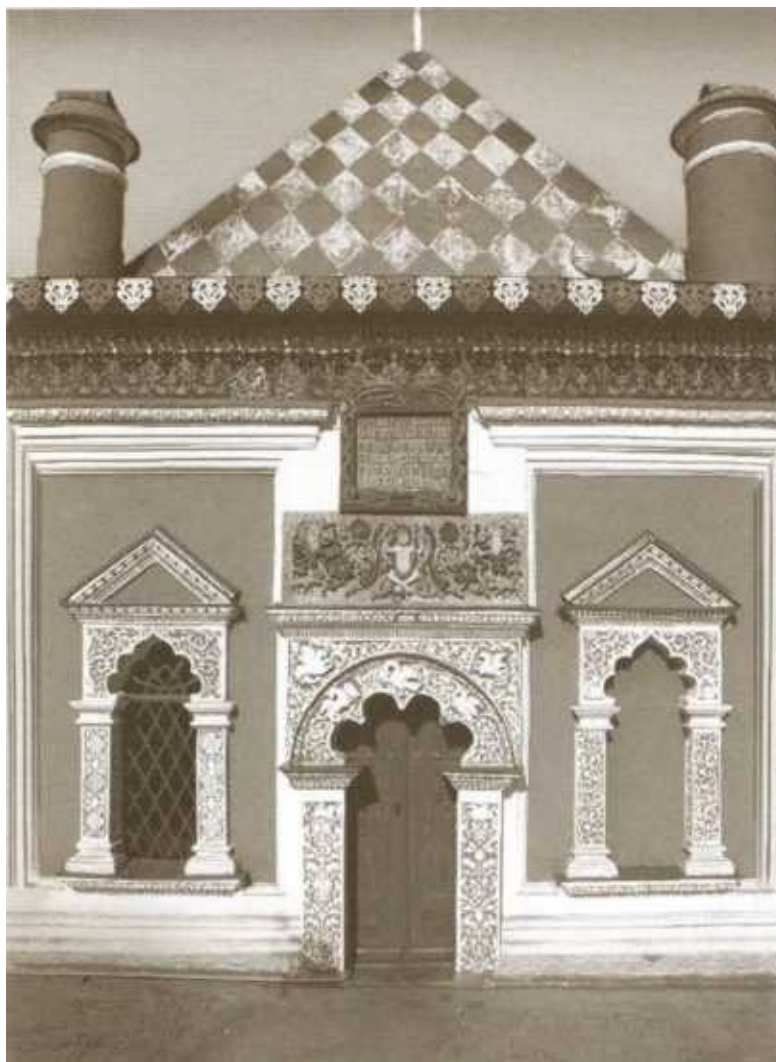

Посмертный портрет царя Алексея Михайловича.

Неизвестный западноевропейский художник. Рубеж 1670–1680-х гг. ГИМ

Теремной дворец. Акварель Д. Кваренги. 1797 г.

Златоверхий теремок на крыше Теремного дворца. Фото И. Кузнецова

Грановитая палата Московского Кремля, где проходили наиболее важные государственные мероприятия. Архитекторы М. Фрязин, П. Солари. 1487–1491 гг.

Зал Грановитой палаты

Золотое (Красное) крыльцо — главный вход в парадные комнаты Теремного дворца

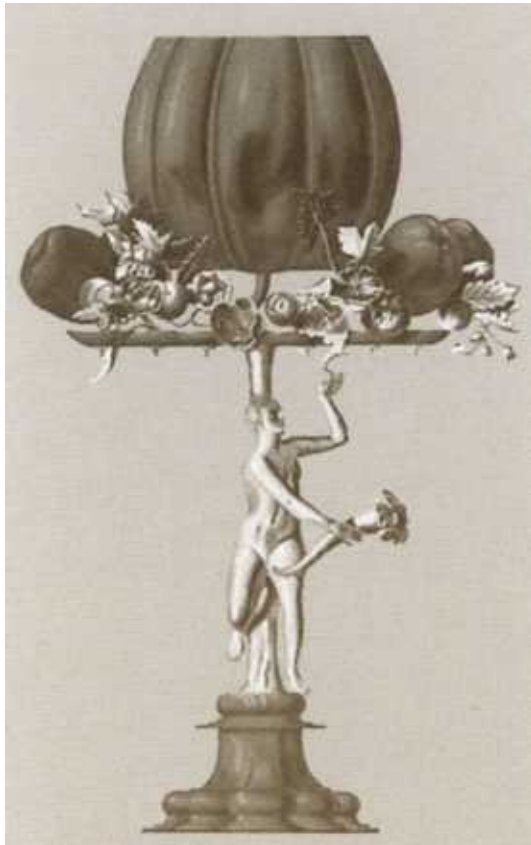
Главное помещение Теремного дворца — Крестовая (Думная) палата

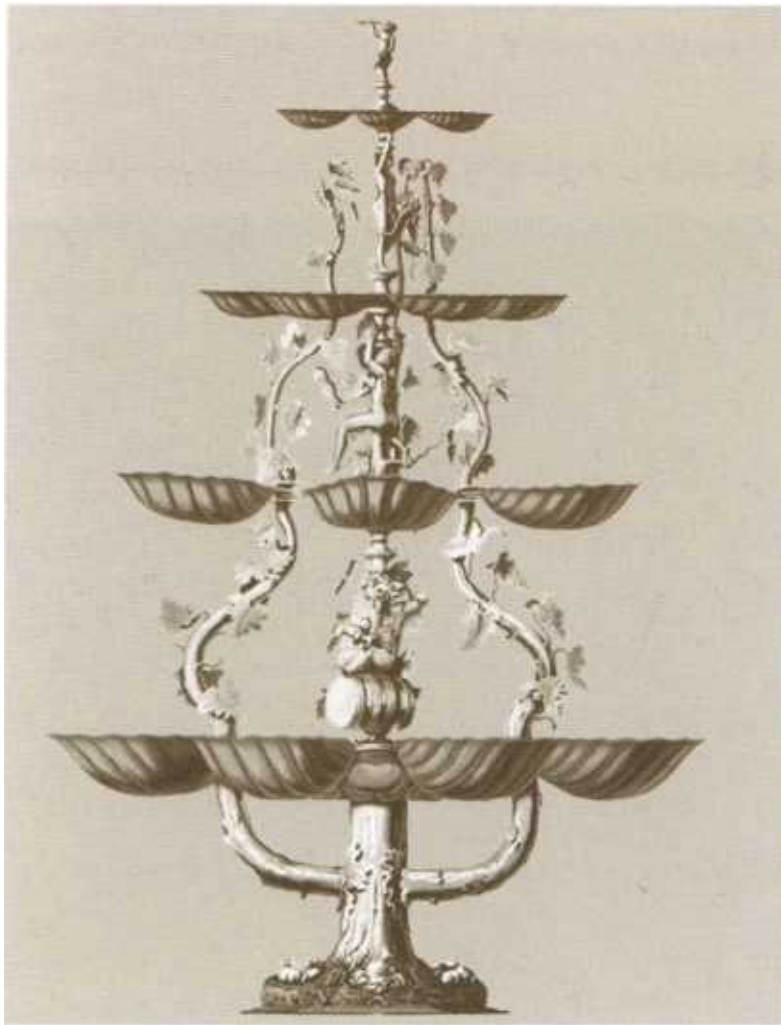

Золотая царицына палата. Хромотография по рисунку Ф. Солнцева

Дворцовая опочивальня

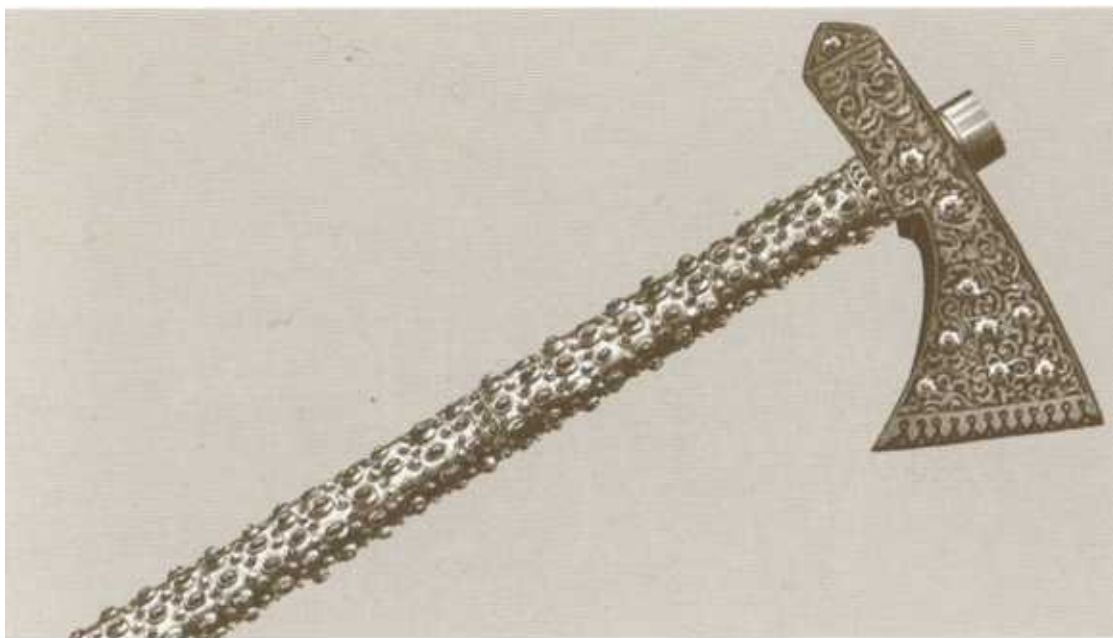
Серебряный кубок в виде дыни, фарфоровый кубок, отделанный серебром и кораллами, и «росольник» («сахарное дерево») преподнесены датским принцем Вальдемаром в 1644 году Хромофотографии по рисункам Ф. Солнцева

Серебряный кубок в виде рога изобилия — дар шведской королевы Христины в 1647 году

Серебряный ручомойник, инкрустированный драгоценными камнями и хрусталем, подарен германским императором Леопольдом I в 1675 году

Топорик персидской работы с золотой рукоятью, инкрустированной драгоценными камнями

Икона «Архангел Михаил». С. Ушаков. 1676 г. ГТГ

Дом живописца Симона Ушакова в Зарядье

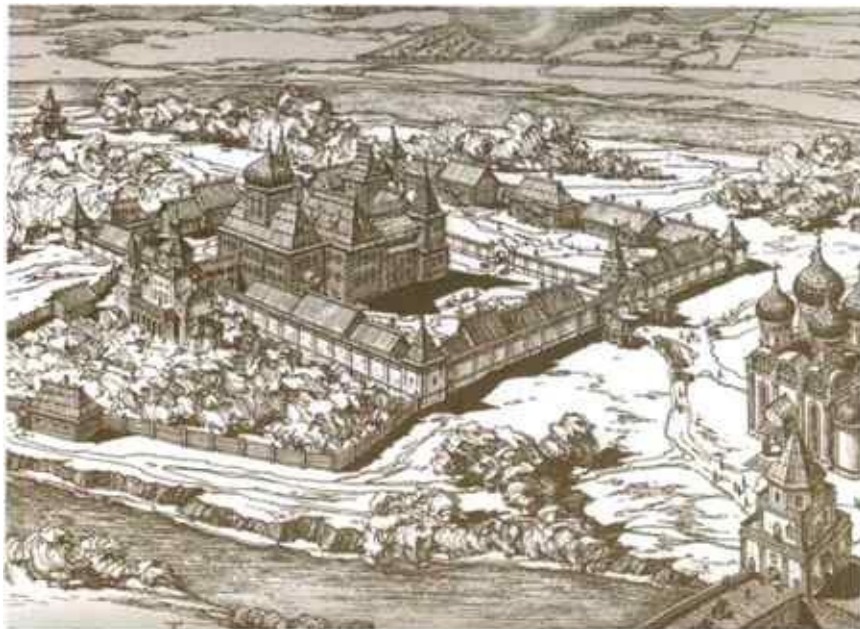
Портрет царевны Софьи «в орле», с царскими регалиями, в окружении медальонов с аллегориями Благочестия, Девства, Милости, Правосудия, Крепости и Кротости. Между 1682 и 1689 гг.

Дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском. Гравюра Ф. Гильфердинга. 1780 г.

«Беги небесные» — любимый сюжет росписи потолков. Реконструкция. Музей-заповедник «Коломенское»

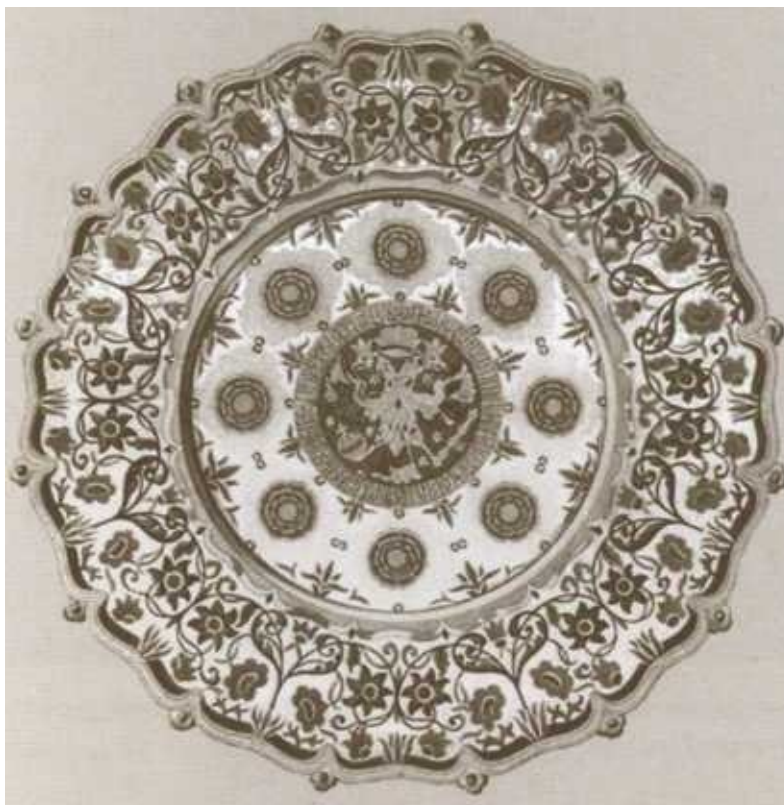

В царской загородной усадьбе Измайлово проводили агрономические опыты и держали экзотических зверей и птиц

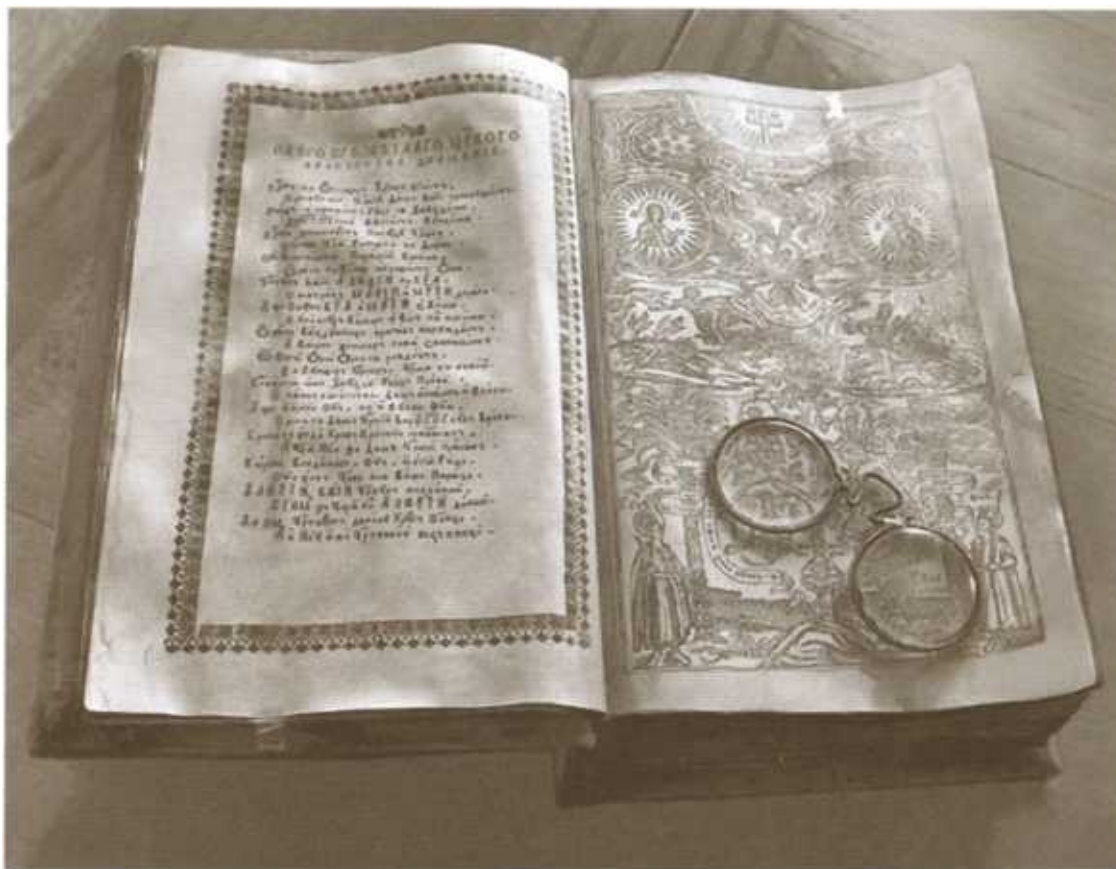
Кубки-шутихи — продукция Измайловского стекольного завода. Рубеж XVII–XVIII вв.

Золотая гербовая тарелка, украшенная эмалью и драгоценными камнями, изготовлена для Алексея Михайловича кремлевскими мастерами. 1667 г.

Царские столовые приборы

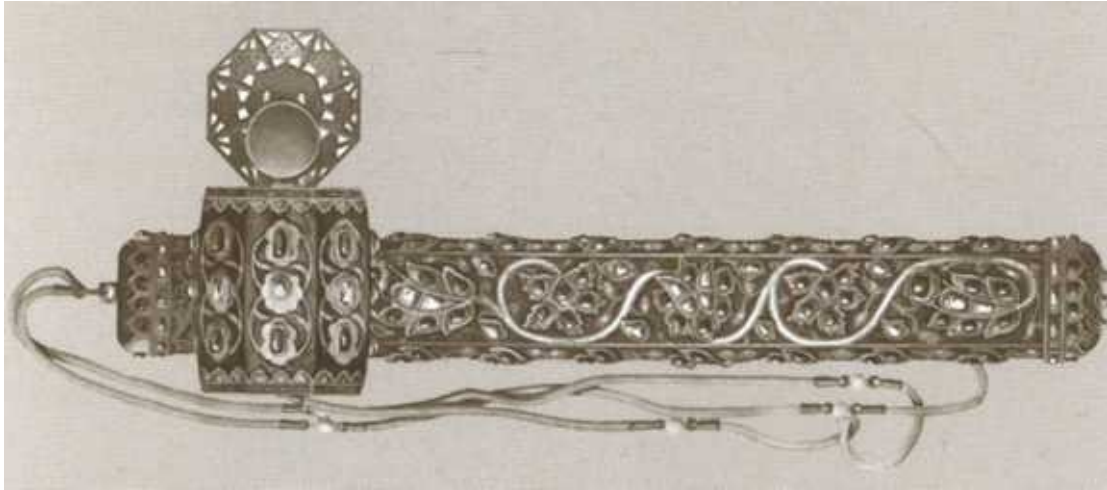
Книга из царской библиотеки и очки Алексея Михайловича. Музей-заповедник «Коломенское»

Серебряные шахматы Алексея Михайловича. ГММК

Серебряный глобус Алексея Михайловича, изготовленный немецкими мастерами, мог использоваться также в качестве кубка или подсвечника

Царские письменные принадлежности турецкой работы

Летний потешный возок царских детей. 1690-е гг. Хромофотография по рисунку Ф. Солнцева

Игрушки и детские вещи Михаила Федоровича. Фото С. Прокудина-Горского

СѢ ВАРЛААМЪ КЪПЕЦЪ БѢГІИ - ВЪРЪ КАМЕНЬ ІВѢ ДРАГІИ :

СВЯТЫЙ ВАРЛААМЪ

ЦРЬЯ ІУСАФЪ

КАМЕНЬ СВЯТЫЙ
ЗНАКЪ

СВЯТЫЙ КЪПЕЦЪ

АВТО
ГРАФИЯ
ИЗЪ

ІУСАФЪ ПОЗНАКІЕПЪ - ІВЪ СВѢТЪ И ПРОСВѢЩАЕТЪ

Одна из первых русских гравюр на меди. «История о Варлааме и Иоасафе».

А. Трухменский по рисунку С. Ушакова. 1680 г.

Царь, будучи любителем чинных торжеств, строго следил за соблюдением этикета. При нем заздравная чаша в честь государя начала сопровождаться стихами, написанными Симеоном Полоцким. Тост в честь правителя той страны, откуда прибыли послы, становился отдельным действием: сначала стольник наливал вино в царский кубок, выходил на середину зала и провозглашал здравицу иноземному правителю. Все присутствующие, в том числе и царь, вставали, послы выходили из-за стола и с поклоном благодарили его за честь, а он троекратно крестился и выпивал заздравную чашу.

Царское застолье включало в себя не только парадную еду, но и обыденную. Пища русских государей в XVII веке мало отличалась от повседневной еды последних Рюриковичей на московском престоле. Судя по «Домострою», в XVI столетии не только у государя, но даже в домах придворной аристократии была богатая и разнообразная кухня, насчитывающая более двухсот блюд, в том числе «лебедь медвяной», тетерева под шафраном, журавли под взваром, лососина с чесноком, зайцы в рассоле... Правда, при первых Романовых на троне даже повседневная царская трапеза уже включала заграничные напитки и кушанья.

Вот каков, к примеру, повседневный «рацион» Алексея Михайловича. Завтракать он, как правило, не успевал (иногда только пил чай или съедал миску каши с постным маслом), поскольку, встав в четыре часа утра, шел в свою домовую молельню (Крестовую палату), где совершал длительные молитвы, затем вместе с царицей посещал церковную службу (заутреню или раннюю обедню), которая длилась около двух часов. Известно, что во время церковных служб он клал земные поклоны, особенно много — в пост (порой более тысячи). По окончании литургии царь занимался государственными делами. Обедал он, как правило, один либо в узком семейном кругу (с царицей, но без детей), изредка — с приближенными. Любимым блюдом Алексея Михайловича в обычные дни была гречневая каша с ржаным хлебом, а напитками — овсяная брага, легкое солодовое пиво, коричневая вода. Но конечно же на царском столе бывали мясные и рыбные деликатесы, причем в больших количествах — до семидесяти блюд

ежедневно, часть которых он отправлял боярам и иностранным послам. Царь и сам любил поесть, и был хлебосольным хозяином, кормившим гостей до отвала. Его обед начинался с холодных закусок и запеченных блюд, включал жаркое и похлебки, пироги, пряники, сладости. Традиционно на царском столе часто бывала самая разная рыбная уха (налимья, щучья, стерляжья, судачья и др.), в основном с пряностями (гвоздикой и перцем). Обычно уху хлебали вприкуску с рыбными пирогами. Из обыденных напитков употребляли квас, пиво («олуй»), а также смесь пива, вина и меда с пряными кореньями — «взварец». Чай тогда почти не был известен, его только начали употреблять, в основном в качестве лекарства. Стоил он очень дорого. По сообщению шведского посла Иоганна Филиппа Кильбургера, в 1674 году фунт китайского чая в Москве продавался по 30 копеек (для сравнения: миндаль стоил девять копеек за фунт, изюм — шесть, перец — 18 копеек).

Кофе же вообще появился в России только в начале следующего столетия.

Любитель новшеств, в том числе и в еде, Алексей Михайлович приказал в 1660 году наладить разведение арбузов в украинском Чугуеве и поставлять их к царскому столу. Дыни уже давно были не в диковинку — они прочно входили в царский рацион вместе с капустой, чесноком, луком, огурцами, редькой и буряком (свеклой). А вот салаты, спаржа, артишоки тогда не употреблялись в пищу, хотя дикая спаржа, по свидетельству голландского путешественника начала XVIII века Корнелия де Брюина, росла во множестве на русских полях.

Баня, мыльня, мыленка

Московские государи, как и все их современники, любили ходить в баню, только, естественно, не в общественную, а в личную. Рядом со спальней в Теремном дворце и в загородных резиденциях всегда устраивалась «мыленка».

Любовь к мытью в бане была в крови у древнерусских людей. Еще в «Повести временных лет» от имени Андрея Первозванного дано описание банной традиции: «Диво видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся, и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут себя на прутья молодые, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят омовенье себе, а не мученье». Примерно то же видели и иностранцы, посещавшие Москву в XVII столетии. Адам Олеарий описывал банные процедуры: «...они (московиты. — Л. Ч), ложась на полках, велят бить и тереть тело разгоряченным березовым веником, затем, когда от жару сделаются красными и изнемогают до того, что уже не в состоянии оставаться в бане, они выбегают из нее голые, как мужчины, так и женщины, и обливаются холодной водой. А зимой, выскочив из бани, они валяются в снегу, трут им тело, будто мылом, а потом, остывшими таким образом, снова входят в жаркую баню. Так как бани обыкновенно строятся на реках и ручьях, то моющиеся в них из жара прямо бросаются в холодную воду». Доказано, что русская баня, которую топят березовыми поленьями, а в парной используют березовые веники, богатые дегтем, является бактерицидным средством, помогающим сохранять здоровье и предотвращать распространение эпидемий.

Как в деревнях, так и в городах были широко распространены русские бани, топившиеся «по-черному»: дым от открытого очага выходил через приоткрытую дверь и «сторонку» — отодвигаемую доску в потолке. В царских покоях, скорее всего, мыльни топились «по-белому»: дрова укладывались в каменную, кирпичную или металлическую печь с уложенными в нее камнями, а дым выходил через печную трубу.

Мыльни устраивались везде, где царь жил или даже бывал проездом: в Теремном и путевых дворцах, загородных усадьбах. Устройство царской бани воссоздает И. Е. Забелин: «...в углу стояла большая изразчатая печь с

каменкою, или каменицею, наполненною полевым серым круглым камнем, крупным, который назывался «спорником», и мелким, который назывался «конопляным». Камень раскалялся посредством топки внизу каменки». Царская мыльня принципиально не отличалась от любой другой бани того времени: полок шел вдоль всей стены от печи до другого угла, вдоль остальных стен тянулись широкие лавки. В переднем углу обязательно находились икона и поклонный крест.

Царские «мовные истопники» приготавливали всё необходимое для мытья. Прежде всего они выстилали пол мыльни свежим душистым сеном, специально закупаемым в больших количествах; так, в 1699 году во все царские мыленки было отпущено 16 с половиной копен мягкого сена, привезенного с подмосковных лугов. Его покрывали полотном, а иногда им набивали подушки и тюфяки. По углам клали пучки целебных трав и цветов «для духов», а по полу разбрасывали мелко нарубленный можжевельник. В центре комнаты ставили два больших липовых чана («площадки») с горячей и холодной водой, по 30 ведер каждый, наполняли медные луженые ковши и тазы щелоком, а берестяные теса — квасом для поливания раскаленных камней и окатывания тела. Березовые веники составляли особую статью расхода царской семьи, поскольку на год их требовалось более трех тысяч!

Все первые Романовы любили ходить в баню, но особенно это занятие нравилось Алексею Михайловичу. После парной он любил отдыхать на лавке на особой «мовной постели» — «бумажнике» (матраце, набитом хлопчатой бумагой), перине из лебяжьего и гусиного пуха и пуховой подушке («зголовье»).

Мыло попало на Русь, скорее всего, из Византии. В документах XIV–XVI веков упоминается «булгарское» и «немецкое» мыло, а также русское, которое варили в Москве, Костроме, Твери, Шуе и других городах. В XVI столетии в Россию ввозилось мыло «испанское» и «халяпское» (из сирийского города Алеппо); последнее, изготавливаемое из оливкового и лаврового масел, стоило чрезвычайно дорого. «Торговая книга» конца XVI — начала XVII века фиксировала эти цены: «Мыло халяпское меньшее 1000 [брусков] 16 руб. Среднее 1000 брусков 20 руб. Больше мыло 1000 брусков 25 руб. Мыло Ишпанское, бруски велики, пестры, на Москве, коли дешево, был фунт 2 алт. 3 деньги, а ныне (в 1575 году. — Л. Ч.) был фунт 4 алтына».

Для царского обихода в Аптекарском приказе делались заготовки для мыльного состава, куда обычно входили различные масла: гвоздичное, анисовое, коричное и др. В 1628 году, например, из дворца затребовали

«золотник (4,26 грамма. — Л. Ч.) масла коричнеого, два золотника масла анисового, три чарки водки гуляфные (розовой воды. — Л. Ч.)»; в следующем году для изготовления царского мыла потребовались «два золотника масла гвоздичного, четыре золотника масла анисового, шесть чарок водки сероборинные (настойки шиповника. — Л. Ч.)». Часто в моющий состав добавлялась крепкая водка двойной перегонки — «двойное вино с зельи» (состав «зелья» в документах не расшифровывался). Из документов Оружейной палаты следует, что царь Михаил Федорович любил употреблять греческое мыло. Так, в сентябре 1616 года в хоромы к государю были отосланы «мыла грецкаго да царице три аршина сукна». Мать государя, инокиня Марфа, получила в апреле 1619 года «десять кружков мыла иерусалимскаго и четочки араматыные». Алексей Михайлович, по-видимому, предпочитал отечественную продукцию. Если в начале XVII столетия, по свидетельствам иностранцев, лучшим русским мылом считалось костромское, к середине века покупатели стали предпочитать ярославское; именно его постоянно заказывал царь.

Помимо мыла и кваса при мытье в царском обиходе широко использовалась «гуляфная водка» — ею мыли голову. После бани для ароматизации тела употреблялись, особенно царицами и царевнами, тогдашние духи — «водки» (настойки) коричные, шалфейные, земляничные и др. Они хранились в особых склянках («сулейках»). У каждой из женщин царского дома был целый набор подобных духов и бальзамов, хранившихся в золотых, серебряных, костяных, фарфоровых и стеклянных «ароматницах». К примеру, в декабре 1679 года мастер костяного, янтарного и часового дела немец Иван Ганн изготовил для царицы Агафьи Семеновны «12 ароматников одинаких да два больших», в апреле 1680-го — еще шесть «слоновой кости больших». У царевны Феодосии Алексеевны в 1685 году имелись два «погребчика» (ящика), каждый на 16 «скляниц», изготовленных в измайловской усадьбе русскими мастерами. Большими любительницами косметики слыли царевны Екатерина и Евдокия Алексеевны.

Глава пятая

ПРИДВОРНАЯ КУЛЬТУРА

«Многие великого государя иконописные дела»

Жизнь русских царей и до XVII столетия протекала среди пышного убранства, но такого «узорочья», когда каждый сантиметр пространства вокруг монарха декорировался с особым изыском и блеском, всё же не наблюдалось. Нам мало что известно о предпочтениях в искусстве Михаила Федоровича. Что же касается его сына Алексея Михайловича, то можно с уверенностью утверждать, что он являлся тонким ценителем прекрасного, проявлял особое пристрастие к изобразительному искусству, с одной стороны, придавая огромное значение религиозному искусству, с другой — эстетизируя свой быт. Его преемник Федор Алексеевич, не окажись его жизнь столь короткой, мог бы пойти еще дальше, поскольку не только унаследовал от отца любовь к прекрасному, но и получил хорошее образование; его художественные вкусы сформировались под влиянием западноевропейских произведений живописи и декоративно-прикладного искусства.

В правление первого Романова перед художниками была поставлена задача возродить после Смуты великолепие Кремля по старым образцам. Правительство осознало потребность в постоянном присутствии в царской резиденции мастеров «стенного и иконописного дела». Первые придворные изографы были собраны со всей России в иконописную мастерскую при Оружейной палате в 1640 году в связи с масштабными работами по росписи кремлевского Успенского собора. Спустя два года, после окончания росписи главного собора страны, лучшие мастера были приписаны к Оружейной палате в качестве «жалованных», то есть постоянных, штатных работников, получавших жалованье. До 1660-х годов их было четыре-пять человек, в обязанности которых помимо выполнения царских заказов входила и передача навыков и секретов мастерства ученикам. В их число попадали не всегда добровольно. Так, уроженец села Павлова Нижегородского уезда крепостной князя Якова Куденетовича Черкасского Никита Павловец (Никита Иванович Ерофеев) в 1668 году после смерти хозяина был взят в Оружейную палату «неволею и на вечное житье», вынужденно подчинившись указу царя. Тогда же был определен в «жалованные» иконописцы ученик Симона Ушакова Георгий Терентьев Зиновьев — крепостной московского дворянина Гаврилы Островского, выкупленный у него за 100 рублей.

В 1670-х годах при Оружейной палате помимо иконописной была

организована живописная мастерская, где работали в основном художники, освоившие технику живописи маслом на полотне и ориентировавшиеся на европейское «фряжское» (итальянское и вообще западноевропейское) письмо. Живописцам поступала масса заказов не только от самих государей, но и от всех членов царской фамилии, в особенности от цариц и царевен. К концу XVII века в мастерской числились 11 мастеров и 12 учеников.

В связи со значительным увеличением спроса на произведения изобразительного искусства число «жалованных» живописцев к 1687 году возросло до двадцати семи человек. Но часто росписи были столь трудоемкими, что придворных мастеров не хватало, и тогда призывали «городовых» художников из разных мест, в основном Поволжья и Севера. Особенно известны были ярославские, костромские, холмогорские изографы — именно их чаще всего брали в Оружейную палату в «кормовые» мастера. Они привлекались по мере надобности, получали поденный «корм» (содержание) только в период непосредственной работы. Одни «кормовые» мастера постоянно состояли при Оружейной палате, другие по окончании работы распускались по домам. По своему искусству они разделялись на уровни: большую, среднюю и меньшую статьи со своим размером жалованья. Например, в 1660 году изографам большой статьи выдавалось по гривне, средней — по два алтына и пять денег (8,5 копейки); меньшей — по два алтына и две деньги (семь копеек). С Сытного двора московским иконописцам полагалось по восемь чарок «вина дворянскова», по четыре кружки «меду цежонаго», по ведру браги человеку; с Кормового двора — «по две ествы на день; с хлебного дворца потомуж». «Городовые», то есть приезжие, «иконники» получали половину этой нормы. Симон Ушаков, например, в 1668 году получил 30 рублей, по 26 четвертей ржи и овса, а кроме того — «поденного корму» по три алтына и две деньги (10 копеек) на день. Правда, часто жалованье художникам не выплачивалось вовремя, и тогда они обращались с челобитной к царю, прося выдать им положенные деньги (подобные обращения регулярно встречаются в описях Оружейной палаты).

Кроме того, и «жалованные», и «кормовые» иконописцы получали «имянинное» и праздничное жалованье. Так, в 1666 году в день Светлого Христова Воскресенья им было выдано из приказа Большого дворца «по ведру вина, по 2 ведра пива, по ломтю ветчины, по три части солонины, по пяти языков говяжьих, по пяти положков гусиных, по осьмине муки пшеничной человеку». По окончании выполнения масштабных заказов государь, если ему понравилась работа художников, одаривал их сукном,

камкой, кафтанами (иногда с серебряными пуговицами), шапками и т. п. Например, 5 декабря 1668 года Алексей Михайлович приказал выдать Симону Ушакову «с Казенного двора 8 аршин камки индейской, 4 аршина сукна аглинского... для того, что писал он в церкви Архистратига Божия Михаила (то есть Архангельском соборе. — Л. Ч.) стенное письмо». По случаю тех или иных торжественных событий в царской семье художников также не забывали «пожаловать». Так, в 1666 году по случаю рождения царевича Ивана Алексеевича каждый царский изограф получил по отрезу сукна.

Царских заказов было так много, что приходилось передавать их часть иногородним мастерам. Так, иконописцы Троице-Сергиевой лавры неоднократно по повелению царя писали иконы для подарков на Пасху. Известен случай, когда в 1673 году по царскому повелению прославленному художнику из Костромы Гурию Никитину были отправлены липовая доска и «образец» (скорее всего, западноевропейская гравюра), с которого ему следовало написать икону. Своих «жалованных» мастеров Алексей Михайлович загружал работой постоянно, в 1654–1655 годах даже брал их с собой в военные походы — они расписывали знамена и раскрашивали древки.

Ко двору московских государей приглашали и западноевропейских художников. Иоганн Детерсон (одни исследователи называют его датчанином, другие — прибалтийским немцем из Таллина), назначенный в 1643 году «жалованным» мастером, прослужил в Оружейной палате до 1655 года. После его смерти на освободившееся место сразу же попросился «смоленский шляхтич» Станислав Лопуцкий. В 1657 году он уже писал «парсуну» Алексея Михайловича на полотне и прослужил до 1669-го. В 1667-м среди живописцев появился голландец Даниил Вухтерс, прославившийся как портретист. Иноземные мастера, в совершенстве владевшие и прямой перспективой, и светотеневой моделировкой, и приемами живописи масляными красками, передавали опыт русским ученикам.

Еще один иноземный мастер прибыл в Москву из «кизибашской земли», то есть из Персии. История его появления при дворе очень интересна. В 1660 году приехавшие из Персии армянские купцы подарили Алексею Михайловичу трон с алмазами и много других необычных вещей. Среди них была медная пластинка с выгравированным на ней изображением «Тайной вечери», которое так понравилось государю, что он попросил купцов привезти в Россию исполнившего его мастера. Прошло шесть лет, и в Москву явился армянский художник с труднопроизносимым

именем, а посему его стали звать Богданом, а по принятии православия — Иваном Иевлевичем Салтановым. В 1668 году государь пожаловал ему 50 рублей «за ево доброе мастерство и пожарнова ради разоренья». В 1670–1671 годах Салтанов изготовил в дар монарху «Спасов образ и Богородицы», а также «Богоматерь с превечным младенцем» в технике гравирования на меди. Ни один крупный царский заказ не обходился без участия Салтанова. Именно он копировал роспись «бегов небесных» из Столовой палаты Кремля на потолке тронного зала в Коломенском. Царь Федор Алексеевич заказывал ему самые важные работы, в частности картину на холсте «Видение царя Константина, яко явился ему крест», поставленную в 1677 году у Золотой решетки перед входом в царские покои: картина с Распятием и предстоящими императором IV века Константином Великим и его матерью Еленой, царем Алексеем Михайловичем, царицей Марией Ильиничной и царевичем Алексеем Алексеевичем. Некоторые искусствоведы настаивают на том, что знаменитый посмертный портрет царя Федора Алексеевича (1685) был заказан царевной Софьей именно Салтанову как любимому художнику почившего царя.

Если царские заказы были небольшими по объему, художники работали индивидуально, при больших масштабах росписей объединялись в артели: «терщики» занимались приготовлением красок, «знаменщики» рисовали контуры будущего изображения, более простую работу выполняли «левкащики» (грунтовали иконную доску), «травщики» (писали фон), «златописцы» (занимались золочением); фигуры и одежды изображали «доличники», над ликами работали самые талантливые и опытные члены артели. Так, при создании в 1672 году «Книги об избрании и венчании на царство царя и великого князя Михаила Федоровича» Сергей Рожков исполнял «доличное письмо», «личное» — Иван Максимов, а «травы» писали Ананий Евдокимов и Федор Юрьев.

Обычно во главе артели, исполнявшей царские заказы, стоял ведущий художник Оружейной палаты. Именно он составлял смету — определял сроки и стоимость работ, необходимое количество живописцев и материалов; он же принимал закупленные краски и осуществлял надзор за проведением работ. Например, на возобновление росписи Грановитой палаты по смете 1667 года требовалось «50 человек добрых мастеров, середних 40 человек». В ней же Симон Ушаков указал перечень и количество необходимых материалов: «Надобно в тое Грановитую полату к стенному писму золота и красок и всяких запасов: золота сусального красного 100 000 листов, стенной лазори, да прзелени, да вохры (охры. — Л. Ч.) слизи, да

черлени немецкой по 30 пуд, вохры грецкой 4 пуда, голубцу 15 пуд, зелени 5 пуд, бакану да яри виницейской по 3 фунта, киноварю 15 пуд, черлени псковской, да вохры немецкой, да черлени слизухи^[26] по 20 пуд, белил да мелу по 4 пуда, да немецких 10 пуд, чернил копченых 300 кувшинов, земленых чернил 2 воза, олифы под золото 16 ведер, яри да сурику 2 пуда, скипидару и нефти пуд, пшеницы доброй 10 четей, клею карлуку (рыбьего. — Л. Ч.) 1 пуд, 200 аршин холста, 50 губок».

Долгое время царевых «жалованных» живописцев возглавлял Степан Григорьев Резанец, прослуживший в Оружейной палате с 1643 по 1673 год. Он заведовал реставрацией Успенского собора, писал иконы для иконостаса дворцовой церкви Преподобной мученицы Евдокии и оформлял вместе с другими мастерами «верховой» храм, Спаса Нерукотворного. В 1665 году возглавляемая им артель расписывала «переднюю и сени стенным письмом, да в церковь Екатерины Христовы мученицы, что у государыни царицы и великой княгини Марии Ильиничны на сенех, писали деисус, и праздники, и пророки, и праотцы».^[27] В росписи мастеров его имя стояло перед именем Симона Ушакова; следовательно, он считался выше по мастерству. Когда Степан заболел и не смог больше работать, его в качестве «жалованного» мастера сменил сын Тимофей, тоже носивший прозвище Резанец. Правда, он не обладал талантами отца и получил самую низшую «катеорию», но проводившие приемные испытания отметили, что он «гораздо научен» «починке» икон и «травному письму».

Симон Ушаков был переведен из Серебряной палаты в Оружейную в 1664 году и более тридцати лет был ее ведущим художником. На выполненной им гравюре с изображением семи смертных грехов есть надпись: «Сию дщицу начертал зограф Пимен Федоров сын, зовомый Симон Ушаков»; следовательно, крещен он был как Пимен. Кроме икон, он писал портреты царя Алексея Михайловича (ни один из них, к сожалению, не сохранился), делал фортификационные чертежи и карты. У него были ученики, ставшие известными живописцами, — Тихон Филатьев и Корнилий Уланов, и менее прославленные — Георгий Зиновьев, Иван и Михаил Малютины и др.

Сын оружейного мастера из Устюжны Железнопольской Иван Безмин еще мальчиком в 1661 году был отдан в ученики Оружейной палаты, а спустя девять лет стал в ней мастером. Еще в 1668 году он расписал Столовую палату царевича Алексея Алексеевича, а позднее — хоромы цариц и царевен в Кремле и ряд помещений в царских подмосковных усадьбах. Он обучил живописному мастерству 37 человек.

При приеме производилось испытание. Так, Никита Иванов написал «по указу великаго государя вновь иконнаго своего художества воображение, на одной цке образ Всемиловитваго Спаса, Пречистыя Богородицы, Иоанна Предтечи», и получил оценивавших его работу от «старых иконников» заключение, что он «мастер добрый». Но так бывало не всегда. К примеру, московские мастера решили, что галичанин Климент Еремеев «иконного воображения писать не навичен», а потому по царскому указу «тот Климка с Москвы отпущен и впредь его к иконным делам высылать не велено, а жить ему в Галиче по-прежнему». От мнения экспертов зависел и размер жалованья — его назначали «против (подобно. —Л. Ч.) жалованья» того или иного «старого» иконника.

При вступлении в число «жалованных» изографов давалась поручная запись — обещание «к государеву делу к иконному письму всегда быти готову и с Москвы не съезжать». Несколько мастеров выступали поручителями за новопоступившего в том, что он будет «у государева дела, в иконописцах, всегда с своею братиею беспрестанно и не пить и не бражничать и не ослушаться и всегда быть готову, а будет он с своею братиею беспрестанно быть не станет, и на нас, порутчиков, пеня великаго государя; а пени, что великий государь укажет, и наши порутчиковы головы в его... место».

Лучшие изографы за свое искусство даже получали от царя дворянское звание. Известно, что его удостоились Иван Безмин, Иван Салтанов и, возможно, Симон Ушаков (некоторые исследователи полагают, что он был московским дворянином по рождению). С их мнением считались. 6 августа 1667 года на царский указ о возобновлении росписей Грановитой палаты Симон Ушаков с товарищами возразили: «...вновь писать самым добрым письмом прежняго лутче или против прежняго в толикое время малое некогда; к октябрю месяцу никоими мерами не поспеть для того: приходит время студеное и стенное письмо будет не крепко и не вечно», — и начало работ было отложено.

Проживали московские иконописцы компактно, так как некоторые улицы Китай-города и Земляного города слыли иконными. Так, Симон Ушаков имел большой двухэтажный каменный дом (ныне — дом 12 по Ипатьевскому переулку) в приходе церкви Троицы в Никитниках.

Придворным художникам приходилось выполнять самые разные виды живописных работ, от росписей кремлевских соборов и «верховых» церквей до составления узоров для вышивок, выполнявшихся царицами и царевнами, декорирования игрушек царских детей. Они составляли планы городов, делали рисунки для гравирования, расписывали пряничные доски

и яичные кадки на Кормовом дворе. При этом они не только создавали новые произведения, но и постоянно что-то реставрировали, «поновляли», «починивали»... Количество царских заказов было столь велико, что перечислить всё просто невозможно, поэтому остановимся только на самых значимых и интересных.

Одной из самых масштабных художественных работ времени «тишайшего» царя было возобновление в 1652–1656 годах обветшавших фресок Архангельского собора, созданных при Иване Грозном в 1564–1565 годах. Согласно распоряжению царя новая стенопись должна была в точности повторить прежнюю, поэтому до начала работ «жалованный» мастер Оружейной палаты Степан Резанец с помощниками составил подробное описание сохранившихся в храме изображений с указанием места их расположения. Над созданием новой росписи трудились 48 мастеров из Москвы, Ярославля, Ростова, Костромы, Вологды и других городов.

Столь же колоссальными должны были стать новые росписи Грановитой палаты, однако на протяжении нескольких лет мастерам не удавалось приступить даже к их фиксации и описанию из-за загруженности другими царскими заказами. Только в 1672 году Симон Ушаков сделал, наконец, описание всех сцен, изображенных на фресках Грановитой палаты, но до их поновления дело так и не дошло. Зато в 1672 году под руководством Никиты Павловца проводилось поновление росписей Золотой палаты.

В 1674 году государь указал провести реставрацию икон в Успенском соборе Кремля, что и сделали его «жалованные» мастера. И конечно же они создавали множество новых икон. До нашего времени дошли 11 икон Никиты Павловца, одного из любимых художников Алексея Михайловича, среди которых особо выделяются «Богоматерь Вертоград заключенный» (около 1670) и «Троица», созданная совместно с Симоном Ушаковым. В июне 1670 года Никита написал икону великомученицы Екатерины, тезоименитой великой княжне Екатерине Алексеевне, в 1673-м — икону «Богоматерь Живоносный источник» «государю в хоромы».

Икону Симона Ушакова «Насаждение древа государства Российского» можно назвать изображением историко-политического характера. В центр сложной композиции помещено в овале изображение Владимирской иконы Божией Матери, его оплетает процветшее дерево с двадцатью миниатюрными портретами светских и духовных лидеров России, как бы вырастающее из недр Успенского собора, показанного за стенами и башнями Кремля; Иван Калита и митрополит Петр поливают дерево, а

рядом с ними на стенах Кремля расположены фигуры царя Алексея Михайловича и его первой жены Марии Милославской с двумя детьми; сверху над всей композицией парят Христос «на облацах» и два ангела, готовые опустить алый покров, знак божественного покровительства, на всё Российское государство. Символическое значение данного произведения столь же велико, сколь совершенно его художественное решение. Обращает на себя внимание то, что Иван Калита и митрополит Петр изображены с нимбами над головами, а здравствовавшие члены царского семейства без нимбов. В той или иной степени новшества письма содержат иконы Симона Ушакова «Спас нерукотворный» (1658), «Великий архиерей» (1658), «Богоматерь Кикская» (1668), «Троица» (1671), «Архангел Михаил» (1676) и многие другие из более чем полусотни дошедших до нас творений кисти мастера.

Но росписью храмов и изготовлением икон перечень обязанностей царевых изографов не исчерпывался. Каждый сантиметр пространства дворцовых хором, от пола до потолка, подлежал декорированию. Художники расписывали подволоки на потолках, стены, окна, двери, полы, а также печи, мебель и вещи, заполнявшие помещения. Федору Алексеевичу, например, нравились расписные столовые доски. Еще в 1675 году, будучи царевичем, он захотел иметь у себя в хоромах расписную столешницу, которую изготовил ему Иван Салтанов. На поверхности были изображены сюжеты притчи о царе Константине: «...когда Константин был не в благочестии, и взят был в плен персы, и приведен был в капище на жертву, и свободился своими рабы». На следующий год тот же изограф расписал другую столешницу, на сей раз на тему притчи о царе Соломоне. Доска имела резную кайму, покрытую золотом и серебром. Подобные столовые доски были дорогостоящим удовольствием, поскольку столы были длинные и роспись представляла собой целый набор изображений, расположенных в отдельных клеймах («местах»). Например, стол, расписанный иконописцем Оружейной палаты Тимофеем Яковлевым по прозвищу Чертенюк, включал 58 «мест» на сюжет «Александрии» — повествования о жизни Александра Македонского; стоила роспись 20 рублей — по тому времени очень большие деньги.

Именно на этот период приходится переворот в искусстве, отразившийся и в живописной манере, и в использовании новых художественных форм и материалов. Наряду с традиционными иконами, писавшимися по дереву темперными красками (на яичном желтке), и фресками, наносившимися на сырую штукатурку красками на водной основе, появляются масляные краски, предназначенные для письма по

холсту, а также другие дотоле в России невиданные техники.

Вероятно, именно выходец с Востока Иван Салтанов познакомил русских изографов с технологией изготовления «тафтяных» икон из шелковых лоскутков разного цвета с написанными масляными красками фрагментами — как правило, ликом и руками. Скорее всего, именно Салтанову принадлежит авторство «тафтяных» икон «Спас Эммануил», «Проповедь Иоанна Предтечи» и «Богоявление» и выполненного в той же технике портрета патриарха Никона, заказанного для Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, но оказавшегося в московской Высокопетровской обители.

Еще одно новшество в изобразительном искусстве, появившееся при царе Алексее Михайловиче, — гравюры на меди (ранее они делались на дереве), создававшиеся по европейским («фряжским») образцам для украшения печатных книг или интерьеров. Техника гравюры на меди была доступна лишь самым умелым мастерам. Сначала именитые художники (Иван Салтанов, Симон Ушаков и др.) «знаменили», то есть делали рисунок на бумаге, затем гравёры копировали его, вырезая на медной пластине, которую затем уже покрывали краской и делали отпечатки на гравировальных станках.

В XVII столетии произошла революция в изобразительном искусстве: зародилось новое искусство — «живоподобное», то есть реалистическое, вместо традиционного плоскостного изображения с обратной перспективой, создававшее с помощью светотени объемное изображение и использующее прямую перспективу. Происходило это постепенно, под влиянием западноевропейских гравюр. Придворные мастера начали осваивать методы «живоподобного» письма к середине века, а в 1650–1660-х годах вокруг них разгорелась острая полемика.

В русском Средневековье требования к художникам были оформлены в 43-й главе Стоглавого собора 1551 года «О живописцах и честных иконах»: «...с превеликим тщанием писати и вообразати Иисуса Христа и пречистую его Богоматерь, и святых небесных сил, и святых пророков... и всех святых по образу и подобию и по существу, смотря на образ древних живописцов и знаменито с добрых образцов». Примечательно, что в качестве образцового иконописца, с которого следовало брать пример, назывался Андрей Рублев. Работа изографа в значительной мере регламентировалась каноном, закрепленным в образцах, вошедших в руководства — иконописные «подлинники». Отклонение от традиционных форм осуждалось Церковью. Стоглавый собор назвал среди необходимых качеств художника «послушание» и «благочестие» в копировании образцов.

Сам творческий процесс был предопределен как обряд, в котором каждое действие художника приобретало глубокий религиозный смысл и наполнялось символическим значением. Особое место отводилось посту и молитве, душевному очищению, которое должно было предшествовать работе. Ценность икон обуславливалась благостью иконописца и благолепием созданного им образа (правда, при этом оговаривалось, что если Бог не дал человеку таланта, то ему следует зарабатывать на хлеб насущный другим ремеслом).

Такому подходу к иконописи способствовало и восприятие верующими икон как предметов исключительно культового поклонения. По многочисленным данным иностранных наблюдателей, русские отождествляли изображения на иконах с самим объектом поклонения (как писал из Москвы один иезуит в 1698 году, «иконы у русских называются Богом»). Святость персонажей как бы переходила на их изображения. Муромский протопоп Логгин, сказавший, что святые «честнее своих образов», по доносу местного воеводы патриарху Никону «за хуление образов Христа и Богородицы» был посажен «за жестокого пристава», то есть в тюрьму. В подобных условиях каждый новый иконописец, воспитанный на средневековых традициях, стремился повторять своих предшественников и ни в коем случае не вносить ничего нового. Таким образом, иконописание осознавалось только как священное ремесло, эстетическая ценность искусства целиком поглощалась этической. Если красота не была связана с благочестием, она считалась «ложной», совращающей и вводящей в грех: «...ничто же суть, но только прелесть и тля и пагуба».

Самый известный царский «жалованный» иконописец XVII века Симон Ушаков теоретически обосновывал новые принципы живописи в трактате «Слово к люботщательному иконного писания» и воплощал их на практике. Примечательно, что основным закон «живоподобия» он называл принципом зеркала, реально отражающего действительность. Примерно в том же духе высказывался основатель европейского реализма Караваджо: каждая картина, что бы она ни изображала и кем бы ни была написана, никуда не годится, если все ее части не исполнены с натуры, поскольку этой наставнице нельзя ничего предпочесть. Ушаков, естественно, не знал ни работ Караваджо, ни его постулатов в искусстве, но пришел к тем же выводам.

Он провозглашал, что художник свободен уже в силу таланта, дарованного ему Богом. Дар изображать окружающие предметы присущ, по мнению Ушакова, природе человека, но величина этого дара столь

различна, что одни создают подобию видимого без каких-либо усилий, как по благодати, а другие вынуждены приобретать это умение большим трудом, вымаливая его молитвами и постами. Рассуждения Ушакова о видах искусства, исторический экскурс, доказывавший, что изобразительное искусство является наиболее почетным «великия ради пользы своея» и престижным для «благородных людей» и даже «славных царей», которые «кисть скипетру присовокупляше», логически завершаются выводом автора о том, что первым «образотворцем» был сам Господь.

Примечательно, что при перечислении положительных сторон искусства Симон на первом месте назвал красоту, то есть эстетическая функция живописи ценилась им выше этической. Учитывал автор и ее познавательную, просветительскую функцию, благодаря которой зрители могли получить представление об окружающем мире. Художник, по его мнению, должен стать «зерцалом», чтобы «живо изобразати» всё увиденное, до мельчайших деталей следовать за естественными природными чертами человека или предмета. Чтобы облегчить эту задачу, Симон намеревался составить «Азбуку художеств» — атлас с гравюрами, изображавшими все части человеческого тела в разных ракурсах. «Азбука», по мысли Ушакова, могла бы заменить иконописные подлинники. Замечателен сам принцип подобного руководства: в отличие от иконописных подлинников, передающих предписанные форму бороды, позу, жесты, одежду святого, «Азбука» должна была показывать естественные черты человека. В корне должна была измениться и задача обучения изографов: вместо копирования образцов они должны были копировать жизнь и природу.

Симон пояснял, что первый образ Христа, отпечатанный на полотне и называемый Спасом Нерукотворным, доказывает необходимость писать иконы как бы «с натуры», отображая лики святых как живые лица людей. Правда, ему возражал Симеон Полоцкий, интересуясь у художника, может ли тот утверждать, что его икона «Спас Нерукотворный» соответствует истинному виду Иисуса Христа, если не видел его живым.

Трактат Ушакова был ответом на «Послание некоего изографа Иосифа к цареву изографу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу» (1656–1658). Видимо, его адресат был другом и наставником автора, Иосифа Владимировича, поскольку известно, что во время работ в церкви Троицы в Никитниках тот жил в доме Симона, находившемся неподалеку. Мастера, вероятно, неоднократно обсуждали проблемы изобразительного искусства.

Иосиф Владимирович, уроженец Ярославля, славившегося своими

традициями иконописания, был вызван в Москву в 1642 году для выполнения росписей Успенского собора в Кремле. Через десять лет его имя значилось среди мастеров, расписывавших Архангельский собор Кремля. Тогда же он писал иконы для Успенского собора, принимал участие в росписи дворцовой церкви Евдокии, передней палаты и царских комнат в Теремном дворце. Однако Иосиф не был взят в штат Оружейной палаты, несколько лет числился знаменщиком на Печатном дворе. Несомненно, выдвинутые им принципы «световидной» манеры письма он старался воплотить в собственном творчестве; к сожалению, из всех его работ до нас дошла только одна достоверно принадлежащая ему икона — «Сошествие Святого Духа на апостолов» из московской церкви Троицы в Никитниках.

В «Послании» Иосиф Владимиров излагает суть своего спора с приверженцем старины архиереем Иоанном Плешковичем. Тот, увидев «живописный образ Марии Магдалины и, плюнув, рек: яко они таких световидных образов не приемлют». Слишком живой и «прелестной», то есть обольстительной, представала человеческая красота благодаря становившейся популярной новой манере письма. Автор недвусмысленно осуждает слепых приверженцев «застарелого» в искусстве: «...яко так и величьи мнящиеся в разуме быти, а многажды о сем премудром художестве живописующих недоумевают рассудити. Прости же и невежди отнюдь в иконописании бываемых не разумеют право или криво, что застарело, того и держатся». А между тем, отмечает он, дар живописания подобен солнечному свету: когда солнце «на аер възде, то вси стихия лучами осияет и весь воздух просветит»; так и взгляд мудрого живописца: «егда на персонь чюю, на лице кому возрит, то вси чювствении человека уды (части тела. — Л. Ч.) во умных сии очесех предложит и потом на хартии или на ином чем вообразит». Он призывает вместо копирования древних образцов следовать жизни: «В премудром же живописании... всякой иконе или персонам рещи человеческим, против всякаго уда и гбежа свойственный вид благоумными живописцы составляется, и тем всякий образ или икона новая светло и румяно, тенно и живоподобне воображается... яково бо что видит или в послествовании слышит, тако и во образех, рекше в лицах, начертывает и противу слуху и видения уподобляет».

Главным противником «живоподобного» искусства был патриарх Никон, проведший прямо-таки крестовый поход против икон, написанных на «франкский лад». Другим знаменитым хулителем «живоподобных» икон был протопоп Аввакум, обвинявший в их распространении именно патриарха: «А всё то кобель борзой Никон враг умыслил, будто живыя

писать, устрояет все по фряжскому, сиречь по немецкому». Аввакум прозрел суть происходящих перемен в живописном искусстве: «А то всё писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горняя». Желание художников показать жизненную правду вызывало у неукротимого протопопа едкую насмешку, например, над изображением Христа: «...лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано»; «толстехунек миленькой стоит, и ноги те у него, что стульчики».

Поворот к рационалистической точке зрения на живопись совершился именно в среде придворных изографов. Правда, далеко не все они следовали этим принципам. Но складывается впечатление, что их главный заказчик был горячим сторонником новых веяний в искусстве. Он не только заказывал живописные полотна, выполненные в новой «световидной» манере — он был в курсе полемики, разгоревшейся вокруг нее. Именно ему адресовано послание Симеона Полоцкого о «живоподобии».

Алексей Михайлович начал выстраивать свою придворную культуру по образцу не только византийских императоров, но и современных ему монархов. Он, как уже говорилось, постоянно осведомлялся, что и как делается при дворах европейских королей, какие кружева, мебель, картины там в моде. По заказу царя было написано множество живописных полотен масляными красками на холсте. Особое внимание он уделял живописи на сюжеты из библейской и античной истории. Так, Д. Вухтерс создал по его заказу картины «Пленение града Иерусалима», «Град Иерихон», «Деяния Александра Македонского» и др. Иван Салтанов написал полотна «Рождение царя Александра Македонского», «Двор государев», «Притча о царе Дионисии, мучителе Сивилийском». Примечательно, что среди картин, созданных по заказу Алексея Михайловича, было и полотно «Чувство осязание», выполненное Карпом Золотаревым в 1672 году; это позволяет предположить, что у царя были полотна с аллегориями всех пяти человеческих чувств, что само по себе знаменательно, поскольку в западноевропейской барочной культуре эта тема была едва ли не самой популярной. Образцы подобных аллегорических изображений сохранились на чашах усольской эмали и картинах более позднего времени, где в сценках, изображающих даму и кавалера, обыгрывались «слышание», осязание, обоняние, зрение, «вкушание».

Симон Ушаков стремился следовать новой манере во всех своих работах. Его рисунки (гравированные на меди Афанасием Трухменским), в

особенности те, которые были помещены в книгах, изданных в Верхней типографии Симеона Полоцкого, явно ориентированы на западноевропейские образцы. Они великолепно передают объем (например, фигуры «Мира» и «Брани на титульном листе «Истории о Варлааме и Иоасафе») и прямую перспективу (сцена на фронтисписе «Истории о Варлааме и Иоасафе»), подчеркнутую шахматными полами и видами из арочных проемов окон.

Самыми яркими произведениями «живоподобного» искусства являлись портреты. Правда, широко известный портрет царя был написан уже после его смерти, в 1680-х годах.

Посмертные портреты, так называемые парсуны («персоны»), появились еще в начале XVII столетия, писались они на досках в иконописной манере и помещались, как правило, у надгробий. В частности, одна из первых парсун в Архангельском соборе Московского Кремля стояла у гробницы Федора Ивановича. Известна также парсуна известного полководца М. В. Скопина-Шуйского, погибшего в Смуту. Посмертные портреты Михаила Федоровича и Алексея Михайловича для Архангельского собора написал Симон Ушаков.

Однако уже при Алексее Михайловиче появились прижизненные портреты и быстро получили распространение не только в царской семье, но и в придворных кругах, в Москве и других городах. Известно, что царь неоднократно заказывал их (правда, его прижизненные портреты не сохранились, кроме довольно условных изображений в «Титулярнике» 1672 года и на гербе в издании Соборного уложения). Выше уже шла речь о том, что царевна Екатерина Алексеевна заказала наряду с «персонами» умерших родителей собственный портрет.

При Алексее Михайловиче художникам пришлось много работать над украшением не только Кремля, но и загородных царских усадеб. Так, в 1665 году Сергей Рожков (Костромитин) вместе с другими костромскими художниками Петром Аверкиевым, Дмитрием Емельяновым, Фролом Леонтьевым всего за семь дней создали две большие иконы — «Рождество Богородицы» и «Никита мученик» — для Покровского собора Измайлова. В 1672-м Федор Козлов вместе с Василием и Константином Ананьиными из Ярославля написали для Коломенского «Сошествие Святого Духа», «Страшный суд» и «Неделя Святых Отец», Станислав Лопуцкий и Иван Мирковский — «клейма государево и всех вселенских сего света государств». Иван Салтанов с помощниками писал маслом «на польских широких полотнах» подволоки и настенные картины для дворцов в Коломенском и Алексеевском.

У Федора Алексеевича были свои предпочтения в изобразительном искусстве. К нему по наследству перешли картины его отца. Часть этих работ он отдал в другие помещения дворца и приказов, а для себя заказал новые. В его покоях висели живописные портреты, в том числе его самого, французского и польского королей, патриарха Иоакима в святительских одеждах, парадный портрет и «парсуна во успении» Алексея Михайловича и др. В 1679 и 1680 годах мастер «преоспективного дела» Петр Энглес, делавший ранее декорации для придворного театра Алексея Михайловича, написал для Федора несколько полотен на сюжеты ветхозаветной истории.

Но преобладали в его комнатах гравюры, привезенные из Европы и сделанные русскими мастерами по «фряжским» образцам. Еще в его бытность царевичем для него были отпечатаны с медных досок восемь образов Деисуса. Начиная с 1677 года непосредственно в покоях государя гравюры печатались на особом станке, сделанном органистом Симоном Гуговским. В 1680 году Афанасий Зверев по заказу царя делал на медных досках «всякие фряжские рези». Вероятно, заказ был достаточно большим, поскольку в противном случае перечислялись бы названия гравюр.

При Федоре Алексеевиче кремлевские «верховые» храмы стали наполняться живописью в новой «световидной» манере. В 1678 году Сергей Рожков исполнил в Верхоспасском соборе стенное письмо и написал для него образа (например, две иконы местного чина — «Предста Царица» и «Богоматерь Иверская»), а также миниатюры для напрестольного Евангелия; он же создал икону для церкви Преподобномученицы Евдокии «Стихирь Евангельские» и 12 икон праотеческого чина «в кругах». В 1679 году Василий Познанский писал «в нашивных тафтах Господни Страсти, да восемь столпов ко гробу Господню, на Голгофу», «Страсти Христовы» на две плащаницы, плащаницу по атласу в церковь Святой Евдокии, а также образ Спаса Нерукотворного по белому атласу в царские хоромы. В следующем году снова Сергей Рожков создал для Сретенского собора во дворце иконы Николая Чудотворца и Феодора Стратилата. Тогда же царь указал Ивану Безмину изобразить на полотне для церкви Спаса Нерукотворного цикл евангельских притч («Распятие», «Страшный суд», «Снятие с креста», «Воскресение Христово», «Вознесение» и др.), а также «Богоматерь Живоносный источник», «Всех Скорбящих Радость».

Как мы убедились, изобразительное искусство на службе у русских монархов пережило в XVII веке и количественные, и глубокие качественные изменения. Был создан постоянный штат придворных художников, появились новые живописные приемы и жанры. Искусство,

ориентированное на западноевропейские образцы, мощно вторгалось в царские покои; картинами была украшена даже ведущая в них Золотая лестница.

Книга печатная и рукописная

Библиотеки царей и царевичей дома Романовых на протяжении XVII столетия росли как на дрожжах: если по описи 1634 года у Михаила Федоровича значилось всего 11 книг, умещавшихся в большой шкатулке, а к 1642 году их было 29, но по-прежнему почти исключительно религиозного содержания, то его внуки имели в десять с лишним раз больше. Так, у царевича Алексея Алексеевича, с детства приурочиваемого в наследники престола, насчитывалось по разным описям от 192 до 215 томов, из которых две трети были на иностранных языках, а после смерти его брата Федора осталось 137 книг (в том числе 24 на латыни и четыре книги на польском языке) да еще 143 издания он передал в Мастерскую палату.

Вместе с ростом царских библиотек менялся и их состав: возрастало число книг на иностранных языках, а среди русских увеличивалось количество произведений светской тематики. Если в описи 1634 года фигурируют лишь три светских издания («Книга Аристотелева», об осаде Троице-Сергиева монастыря в Смутное время и об избрании Михаила Романова на царство), то со временем ситуация изменилась кардинально. В библиотеке Алексея Алексеевича содержались 11 книг «описания земель», несколько лексиконов и грамматик, «Летописец», «Книга ратного строения», «Книга цифирная письменная», «Книга размерная», описание коронации польского короля Михаила и многие другие. Треть книг царя Федора Алексеевича была посвящена светской тематике. Среди них описи называют «Степенную книгу», «Книгу родословия великих государей», два лечебника, три чертежные книги на латинском языке, 12 экземпляров рукописных и печатных книг «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей» и очень много исторических сочинений и книг по военной проблематике («История казанская», «Хроника Матвея Стрыйковского», «Летописец римских царей», «Летописец киевский 188 году», «Гранограф» на латинском языке и многие другие).

Книга в печатном варианте, появившаяся в России, как известно, еще в 1564 году в правление Ивана Грозного, в XVII столетии была теснейшим образом связана с царским двором. Печатный двор, удовлетворявший прежде всего потребность в богослужебной и церковно-учительной литературе, находился в ведении царя. Его служащими и работниками были как монахи (в основном справщики, осуществлявшие сверку и правку

текстов), так и миряне (наборщики; батырщики, покрывавшие литеры краской; тередорщики, накладывавшие бумагу на станок, и др.); но все они хорошо осознавали, что находятся «у государева дела». Грамотные монахи, не чуждавшиеся риторики и барочной поэтики, составили группу стихотворцев, называемую исследователями «приказной школой» русской поэзии XVII века.

В 1620-х годах патриарх Филарет, будучи полновластным хозяином страны при сыне-царе Михаиле Романове, увеличил выпуск книжной продукции в полтора раза. Правда, издавались всё те же, хорошо известные тексты псалтырей, часословов, служебников, требников, прологов, миней и другой богослужебной и церковной литературы. Одной из первых в 1615 году после воцарения новой династии была издана Псалтырь, потребность в которой ощущалась особенно остро, так как по ней учили детей грамоте. В предисловии говорилось, что книга эта — «больше и выше есть всех книг... и от Псалтыри не оскудевает пение никогда же». С той же целью Василием Бурцовым в 1634 году был напечатан «Букварь».

Первые светские издания появились только при Алексее Михайловиче и были связаны с военным делом («Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 года) и законодательством (Соборное уложение 1649 года с гравюрой, изображавшей двуглавого орла, на груди которого был миниатюрный портрет Алексея Михайловича). Однако ими перечень светских книг в царской библиотеке и исчерпывается; «четьих» изданий, кроме религиозных, не было вовсе. Выпуск же церковной литературы продолжался, и царь внес в него новации. Так, Библия в полном составе впервые была опубликована в России только в 1663 году, причем издание украшала гравюра с виршами и двуглавым орлом, под которым помещался миниатюрный план Москвы. В 1649 году по указу царя специально для перевода на русский язык библейских книг были приглашены образованные монахи с Украины Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский, позднее к ним примкнул Дамаскин Птицкий. Епифаний, написавший предисловие к первому изданию Библии, стал на долгие годы основным исполнителем переводов иностранных книг по многочисленным заказам царя и патриарха — по подсчетам исследователей, он перевел и сочинил более 150 произведений, в том числе 60 поучений на церковные сюжеты и около сорока силлабических стихов-песен, а также ряд трудов по лексикографии («Книга лексикон греко-славено-латинский», «Филологический словарь» и др.). Среди его переводов выделяются «География» голландца Иоганна Блеу, «Анатомия» основоположника науки о внутреннем строении человеческого тела Андреаса Везалия,

«Гражданство обычаев детских» Эразма Роттердамского. К сожалению, не сохранился сделанный Славинецким перевод из латинского издания 1649 года рассказа о казни английского короля Карла I, но можно представить, с каким вниманием изучал его русский монарх...

Издания Печатного двора царь мог брать в свою библиотеку в неограниченном количестве, поэтому, в частности, среди книг Федора Алексеевича более десятка экземпляров «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей». Помимо печатных книг, в царском книжном собрании было много рукописных произведений и различных «тетрадей». Их число на протяжении XVII столетия также постоянно возрастало.

Множество книг переводилось с латыни, польского, немецкого и других языков. Так, по заказу Алексея Михайловича переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Милеску-Спафарий составил по греческим и русским источникам «Хрисмологион» и «Василиологион», в которых содержались жизнеописания четырех великих монархий древности и «великих князей и государей царей российских». Помимо пропаганды идеи божественного происхождения царской власти, ставшей парадигмой придворной культуры и общим местом всех придворных книг, Спафарий уделил большое внимание борьбе христианских стран с турецким владычеством.

*Гравюра из первой московской печатной Библии. Под гербом помещен миниатюрный план
Москвы. 1663 г.*

Государь имел задумку продолжить составление «Степенной книги», содержащей родословие русских великих князей и царей. Для ее осуществления 3 ноября 1657 года был создан Записной приказ. Однако назначенный его главой дьяк Тимофей Кудрявцев с работой не справился, хотя обращался и в приказы, и к частным лицам с просьбой предоставить материалы по истории Смутного времени. В 1659 году его сменил дьяк Григорий Кунаков, у которого дела пошли успешнее, поскольку он знал, где могут храниться документы и воспоминания о Смуте, и планировал привлечь материалы из Посольского и Разрядного приказов, Казенного двора и других учреждений, а также монастырских библиотек. Но вскоре руководитель приказа заболел и отошел от дел, а через несколько лет умер. Последний сохранившийся документ Записного приказа датирован 18 мая 1659 года, а затем приказ прекратил существование.

Типичным заказом Алексея Михайловича можно считать перевод с

польского языка сборника нравоучительных рассказов «Великое зеркало»; над ним работали переводчики Посольского приказа С. Лаврецкий, Г. Кульчицкий, И. Гудайский, Г. Дорофеев, И. Васютинский под контролем царского духовника Андрея Савинова. Церковно-учительная литература волновала Тишайшего более всех других жанров, поэтому можно предположить, что один из многочисленных переводов сборника богородичных легенд «Звезда пресветлая» в 1668 году был инициирован самим государем или, по крайней мере, известен ему.

При Алексее Михайловиче значительно возросло также количество переводов статей из европейских газет и «летучих листков». Знаменитые «Куранты» («вестовые письма»), известные с самого начала XVII века, с 1621 года составлялись дьяками Посольского приказа («курантельщиками») регулярно, и европейские события всё быстрее становились известны при русском дворе. Сохранились и по большей части опубликованы сделанные для «Курантов» выписки из голландских и немецких почтовых недельных ведомостей, а также из гамбургских, «цесарских», краковских газет и листков. Помимо регулярно выписываемых зарубежных газет, поступавших в Посольский приказ с 1631 года, приходили новости от иностранных корреспондентов, среди которых были голландец Исаак Масса, швед Мельхер Бекман, рижанин Юстус Филимонатус, шведский резидент в Москве Петер Крусбьёрн.

Алексея Михайловича интересовали и «фряжские листы» — гравюры, а также западноевропейские чертежи, живописные географические карты, которые изображали как бы с высоты птичьего полета здания, горы, леса, реки, жителей и т. п. Впоследствии по образцу этих чертежей делали карты в Москве («Чертеж всего света», «Новой Сибирской чертеж» и др.). Государь заказывал копии западных гравюр для своих детей, царские живописцы срисовывали для «потешных» книг иллюстрации из европейских гравированных изданий (изображения оружия, доспехов и приемов боя, бытовые зарисовки жизни крестьян, сцены охоты, фантастические существа средневековых космографий вроде «морского человека», «морской девицы», диковинные животные и пр.).

Архивные документы сохранили массу упоминаний о пополнении царской библиотеки, что происходило довольно часто, особенно в правление Федора Алексеевича. Так, в 1681 году князь Н. И. Одоевский прислал царю пять книг из ликвидированного приказа Тайных дел, а вскоре после того монарх посетил Печатный приказ, где указал взять из хранилища 13 книг, в том числе несколько иностранных («Политику» на чешском языке, «Требник киевский», жития святых на польском языке, сочинения Лазаря Барановича и др.). По указу царя Федора также переводилось много иноязычных сочинений. К примеру, в 1678–1681 годах Степан Чижинский перевел с латыни «Двор цесаря турецкого» Шимона Старовольского и «Выдание о добронравии» Яна Жабчица — сборник морально-дидактических сентенций, среди которых много метких, остроумных бытовых зарисовок, а также «Книгу о луне и всех планетах небесных» — «Селенографию» Яна Гевелия, изданную в Гданьске в 1647 году. В «Селенографии» излагались основы гелиоцентрической системы мира по Копернику, что осуждалось Церковью даже в следующем столетии. Если предположить, что Федор Алексеевич был знаком с теорией Коперника, то его представления об устройстве Вселенной соответствовали уровню самых передовых научных познаний того времени. Мы также можем предполагать, что юный царь читал сочинения по истории Польши («Хронику» Матея Стрыйковского, летопись Павла Пясецкого, повесть о короле Владиславе и др.), трактат по философии истории «О государстве» Андрея Модржевского, сочинение «Причины гибели царств» и многие другие переведенные, порой не по одному разу, книги. Скорее всего, по

желанию Федора было осуществлено несколько переводов иностранных изданий по коневодству, что неудивительно, принимая во внимание любовь молодого царя к лошадям (правда, подобные переводы могли заказать и другие «лошадники», которых было немало среди царского окружения; например, князя Черкасские славились своими великолепными скакунами).

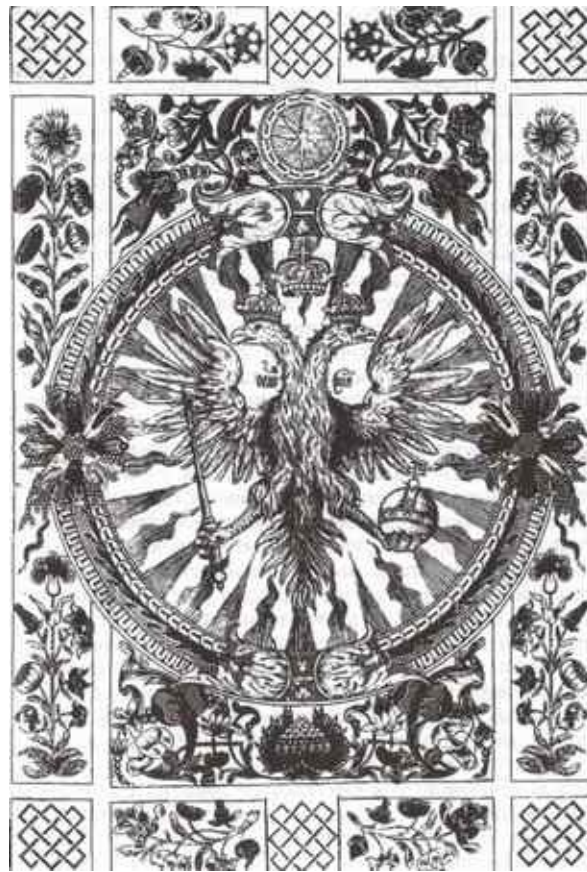
В придворном кругу были популярны описания путешествий по Индии, Алжиру, Персии, Палестине. Краткие сведения о Европе, Азии, Африке и Америке царь и его двор могли почерпнуть из очерка, озаглавленного «Перевод с книги, именуемой Водный мир, сиречь краткое описание обретения первого морского корабельного ходу и новых неизвестных земель, также описание о всех государствах», скорее всего, переведенного с голландского, поскольку несколько раз приводится в пример Амстердам.

Отличием царской библиотеки от книжных собраний придворных было скорее не обилие печатных или переводных рукописных книг (поскольку печатались по большей части богослужебные и церковно-учительные книги), а наличие западноевропейских изданий с великолепными гравюрами и русских рукописных книг с миниатюрами, изготовленных специально для поднесения царю: первые были перед глазами будущих правителей России с самого детства, а вторые играли очень важную роль — были призваны возвеличивать династию. Традицию, заложенную в XVI столетии Лицевым летописным сводом и Степенной книгой, продолжили уникальные рукописные фолианты времен Алексея Михайловича, прославлявшие Романовых.

Чтобы вписать книги в рамки церемониальной культуры царского двора, Артамон Сергеевич Матвеев в бытность руководителем Посольского приказа внес в обязанности приказных переводчиков, писцов, художников и золотописцев «строение» (то есть составление и украшение) целой серии великолепных рукописных томов. К этой работе были привлечены и мастера Оружейной палаты, возглавляемой боярином Богданом Матвеевичем Хитрово. Это были скорее не книги, а альбомы — они содержали огромное количество большеформатных миниатюр; порой картинки даже не умещались в книжный разворот, и тогда их складывали.

Первым среди этих замечательных произведений книжного искусства был поднесенный государю в мае 1672 года «Титулярник», имевший в оригинале очень длинное и подробное наименование: «Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень великих государей царей и великих князей российских, и как в прошлых годах великие государи цари и

великие князи российскийские писали в грамотах ко окрестным великим государям христианским и к мусульманским по нынешней по 180-й год (то есть 7180-й от Сотворения мира. — Л. Ч.), и какими печатми грамоты печатаны, и как к предком их государским и великим государем царем и великим князем российскийским окрестные великие государи христианские и мусульманские имянованья и титла свои пишут, и каковы которого государя их государские персоны и гербы. Состроена сия книга повелением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в нынешнем во 180-м году». Из этого обширного текста явствует, что книга была сделана по заказу царя, желавшего видеть среди правителей мира и себя, и свой «корень».

«Титулярник», созданный по заказу царя Алексея Михайловича в Посольском приказе. 1672 г.

Своеобразная портретная галерея демонстрирует изображения русских и иноземных государей с их титулами, гербами и печатями. Кроме того, «Титулярник» содержит и краткие сведения по русской истории, более

подробные начиная с правления Ивана Грозного, при этом периоды власти Бориса Годунова и Смутное время намеренно исключены из повествования. Текст составлял Николай Спафарий, помогал ему подьячий Петр Долгово. Они использовали данные «Степенной книги», «Утвержденной грамоты 1613 года об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова», «Новый летописец», «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета», «Сказание о князьях Владимирских», акты Земских соборов и летописи, а также статейные списки русских послов. Среди статей, посвященных иностранным государствам, самыми пространными были тексты о современном состоянии и политике Крымского ханства и Ногайской Орды.

«Титулярник» включает 30 акварельных портретов русских великих князей и царей, начиная с Рюрика, 11 портретов вселенских и русских патриархов, 22 портрета современных Алексею Михайловичу иноземных правителей. Их создавали жалованный иконописец Иван Максимов, учившийся у знаменитого Симона Ушакова, патриарший иконописец Дмитрий Львов, а также Федор Лопов, Матвей Андреев и Макарий Митин-Потапов, специально вызванный из Твери для написания «персон». Им помогали многие другие мастера, в том числе золотописец Григорий Благушин. Портреты монархов дополнялись гербами тридцати трех русских земель и шестнадцати иностранных государств, в описание которых были включены силлабические вирши. Ю. М. Эскин отмечает: «... иллюстрации отличались тонким искусством и замечательной остротой психологических характеристик. Здесь и упрямое, с злыми глазами, энергичное лицо патриарха Никона; и пресыщенное, немного рыхлое лицо датского короля Кристиана; и франтоватый, избоченившийся герцог флорентийский Фердинанд. Этнографически точно переданы изображения хана Бухарского, турецкого султана, грузинского царевича Николая Давыдовича и других. Но наряду с этими, проникнутыми чертами реализма «портретами», мы видим и глубоко традиционные и шаблонные изображения московских святителей и некоторых русских государей и князей».

Вторым творением практически той же команды стала «Книга об избрании на превысочайший престол великого Российского царствия великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея великия России самодержца», поднесенная его сыну Алексею Михайловичу в 1673 году. Описывая события возведения рода Романовых на российский трон, составители (переводчик Николай Спафарий, подьячий Петр Долгово и, конечно, Артамон Матвеев в качестве редактора)

опирались на хранившиеся в царском архиве акты, повествующие о заседаниях «священного собора, державствующих бояр и воевод», о церемонии венчания на царство в Кремле и торжественных пирах в Грановитой палате. Художники, возглавляемые иконописцем Иваном Максимовым, создали 21 иллюстрацию. Как было принято в артели художников, работа над каждой миниатюрой была разделена на этапы: «доличное письмо», «личное» и «травы», — выполнявшиеся разными людьми: Иван Максимов писал лица, иконописец Оружейной палаты Сергей Рожков — фигуры и одежды, а Ананий Евдокимов и Федор Юрьев работали над орнаментами. Работа миниатюристов заняла четыре с половиной месяца — с 10 ноября 1672 года по 30 марта 1673-го. Окончательную отделку книги осуществляли золотописцы Посольского приказа Григорий Благушин «со товарищи», затратив «золота красного — 1000 листов, серебра — 500 листов», используя 13 видов разной краски, два кувшина чернил, 500 яиц, 60 кистей...

Порой эти изображения содержат больше информации, чем текст, расположенный всего на пятидесяти семи страницах. Художники стремились к наиболее полной и достоверной передаче событий, деталей архитектуры, фасонов и цвета одежд. Благодаря миниатюрам современные исследователи знают тогдашний архитектурный облик Московского Кремля, Красной площади, Костромы, Ипатьевского монастыря и других мест, связанных с пребыванием семьи Романовых. Бытовые подробности, которыми также изобилуют миниатюры, дополняют картину жизни царского двора в XVII веке.

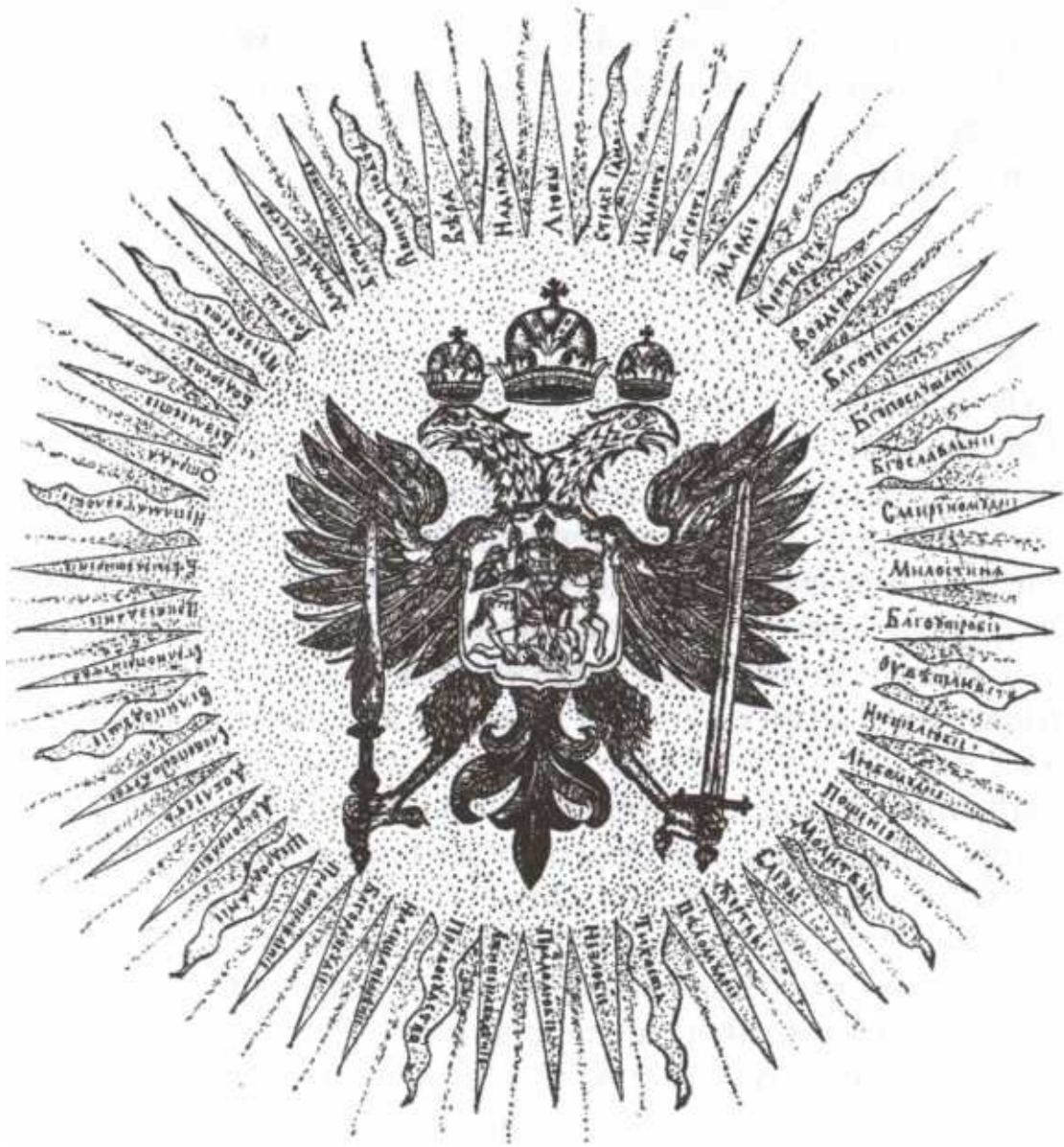
Остальные составляющие «книжного строения» были столь же безупречны: четкий полуустав писца Ивана Верещагина, роскошный переплет малинового бархата с серебряными позолоченными наугольниками и застежками, золотой обрез, титульный лист с золотыми буквами, вписанными в круг, окаймленный орнаментом из крупных цветов на золотом фоне, и пр. Все эти детали делали книгу произведением искусства, достойным украшением царева чина.

Издательская деятельность Посольского приказа продолжалась, и весьма успешно. Что-то заказывал царь, что-то «измышлял» Матвеев, стараясь угадать монаршее желание и потрафить вкусам всего царского семейства, поэтому помимо книг для взрослых его членов создавались и богато иллюстрированные книги для детей. В «поднос» царю были созданы уже упоминавшиеся «Василиологион» с двадцатью шестью цветными миниатюрами и «Хрисмологион» с двенадцатью миниатюрами, а также «Книга о сивиллах», иллюстрированная двенадцатью миниатюрами, и

«Книга избранная вкратце о девятих музах и о седмех свободных художествах», имевшая восемь иллюстраций. Возможно, руководившему всем предприятием Артамону Матвееву настолько приглянулись поясные изображения двенадцати пророчиц-сивилл, выполненные Иваном Салтановым красками на холсте в барочном стиле, что он заказал художнику повторить их для себя; во всяком случае, в 1677 году среди его имущества значились 12 «персон сивилл поясных».

Традицию «строения книг» в дар царю начал Симеон Полоцкий, приехавший в 1664 году в Москву с готовой идеей «подносных» книг с приветственными или утешительными виршами в барочном оформлении.

Вослицѣ полоцкѣи селеніе ское . Уало ш нї . втї . ѣ

Рукописная книга «Орел Российский», сочиненная Симеоном Полоцким по случаю объявления царевича Алексея Алексеевича наследником престола. 1667 г.

Одним из самых ярких произведений придворной литературы был «Орел Российский», поднесенный царю Алексею Михайловичу и его сыну

Алексею 1 сентября 1667 года по случаю объявления царевича наследником престола. Повод был экстраординарным и потребовал от поэта мобилизации всех способностей и ресурсов. «Подносной» экземпляр дошел до наших дней — это книга в шелковом малиновом переплете с золотым обрезом, включающая 57 листов текста, написанного полууставом, с раскрашенными рисунками. «Книжица приветственная» начинается с посвящений царю и царевичу, озаглавленных по-гречески «Афиеросис»; затем следует «Енкомион» — похвальное слово царю с излюбленным приемом Симеона — уподоблением Алексея Михайловича солнцу: «В рясноту светолитному царие солнцу подоблени бывают». Затем, как и положено, следовало похвальное слово царевичу — «Елогион». Если в «Чине объявления» царевича сравнивали с луной, а царя с солнцем, то Полоцкий, любивший барочные казусы, заявил, что вопреки природе он видит не одно, а два солнца:

Рекл бых един свет, но два созерцаю
Солнца, обаче иным нарицаю.

В «Орле Российском» он также позволил себе «измерить мощность» двух российских светил, заявив, что их совместный свет в семь раз превосходит свет бога солнца Феба-Аполлона. На иллюстрации царственное солнце испускало 48 лучей, каждый из которых обозначал одну из человеческих добродетелей (богопослушание, бодрость, благорассудие, доблесть, незлобие, правосудство, нищелюбие, щедрование и т. д.). В солнечном диске был нарисован двуглавый орел с мечом и скипетром, на груди которого располагалось изображение всадника, копьем поражающего змия. Просветительский пафос Симеона не мог обойтись без античных богов и героев, поэтому под этим изображением Аполлон и музы «стиховецали», растолковывая его смысл — «что орел в солнце хочет знаменати». Муза Полиимния (Полигимния), к примеру, разъясняла, что скипетр в лапе орла означает благодать, а меч в другой лапе — укрепление державы. Из уст Аполлона исходило льстивое утверждение, что ни Гомер, ни Вергилий, Демосфен или Аристотель «не способны воспеть славу нового солнца» — царевича Алексея; это под силу только Орфею «з струнами своими»! Среди раскрашенных картинок «Орла Российского» особо выделяется символическое изображение знаков зодиака, вписанных в круг.

Успех сего панегирика у венценосного читателя был несомненен.

Конечно, царю не могли не понравиться и сама идея, и ее воплощение в книге и стихотворном поздравлении.

Среди «приветственных книжиц» Симеона Полоцкого интересна также упоминавшаяся выше «Гусли доброгласная», врученная 18 июня 1676 года в день венчания на царство четырнадцатилетнего Федора Алексеевича. Книга содержит пространное заглавие, пять эпитафий из Библии, прозаическое обращение автора к «боговенчанному» царю с пожеланием стать «вторым Константином», «вторым Владимиром» для Церкви и государства, быть сильным, как Александр Македонский, добрым, как римский император Тит, кротким, как Давид, мудрым, как Соломон. Затем шли стихи в форме креста и 20 пожеланий от лица патриарха, матери и остальных членов семейства государя, бояр и других чинов и, наконец, «всех православных христиан» с утверждением, ставшим уже общим местом: «Ты — православных солнце». В книгу были включены также 24 приветствия, лабиринт с пожеланием «царству многа лета» и окончание («колофон»).

«Подносной» экземпляр, к сожалению, не сохранился, поэтому мы не знаем, были ли приложены к нему особые стихи под названием «Желание творца», вошедшие в сборник произведений Симеона Полоцкого, подготовленный к печати уже его учеником Сильвестром Медведевым, и содержащие просьбу о создании при дворе новой типографии, чтобы распространять мудрость среди подданных и умножать славу России «скоротечным типом чрез книги сущим многовечным». Наверняка Симеон неоднократно говорил об этом лично монарху. Он жаждал увидеть книги, созданные для царского семейства, и многие другие свои произведения изданными типографским способом.

Придворного поэта и наследника престола, а потом и молодого государя связывала духовная близость, основанная на общей любви к искусству поэзии, которому первый учил второго. Именно Федор Алексеевич сделал стихотворное переложение 132-го и 145-го псалмов, вошедших в 1680 году в «Псалтырь рифмотворную» Полоцкого. Несомненно также, что стихи Симеона Полоцкого о месте царей в истории, их ответственности перед народом, о мудрых советниках, к которым следует прислушиваться, изложенные в «Орле Российском», «Гусли доброгласной», «Вертограде многоцветном» и других книгах, повлияли на формирование представления Федора о миссии государя, на его реформаторские планы, осуществлению которых помешала его ранняя смерть.

Федор Алексеевич внял увещаниям наставника — по его приказу

была создана первая придворная (независимая от Церкви) Верхняя типография, ставшая поздним и любимым детищем Симеона. В феврале 1679 года были изготовлены четыре печатных стана, в марте они были отправлены в «Верх» — Кремлевский дворец, а в декабре того же года была отпечатана первая книга — «Букварь языка славенска», куда впервые были включены молебны перед началом учения («Чин благословения отроков во училище учиться священным писаниям идушим») и «Слословец» константинопольского патриарха. В следующем году вышли три крупных издания: в январе — «Тестамент, или Завет Василия царя греческого к сыну его Льву философу», в апреле — «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого; в сентябре — «История о Варлааме пустынножителе и Иоасафе царе Индейстем». Все эти книги имели указание: «Повелением царя Федора Алексеевича и с благословения патриарха Иоакима». Однако последнее утверждение не соответствовало действительности — патриарх своего благословения на издание этих книг не давал; впоследствии на этом основании они были запрещены церковным собором как еретические.

«Тестамент» был составлен по рукописному тексту — своду моральных установлений и норм византийского общества IX столетия, существовавшему в севернорусских списках XV–XVI веков. Симеон Полоцкий написал к нему стихотворное «Увещание к читателю». «Псалтырь рифмотворная» — первое переложение псалмов на русский язык стихами — предварялась разъяснением поэта, что рифмованный вариант ни в коей мере не искажает смысла псалмов царя Давида, уже многие народы имеют подобные переложения, а посему и русскому народу негоже отставать. Эти разъяснения и «увещания» делались поэтом с целью обезопасить свое творение от нападков защитников старины, упрекавших его в многочисленных «новинах», повреждающих православную веру. «История о Варлааме и Иоасафе» также опиралась на давно известный текст, но была украшена первыми русскими гравюрами на меди (ранее они выполнялись только на дереве) — великолепными рисунками Симона Ушакова, гравированными Афанасием Трухменским.

Современники прочно связывали Верхнюю типографию с именами царя Федора и Симеона Полоцкого. В документах говорилось: «...ево великого государя книжное печатное верховое дело» или «...к нему великому государю в Верхнюю типографию»; а по свидетельству немецкого путешественника Георга Адама Шлейссингера, находившегося в Москве в 1684–1686 годах, вся Москва говорила о печатне, которую устроил «какой-то поляк» (подразумевался, конечно же, выходец из Речи

Посполитой Симеон Полоцкий).

В течение всего короткого времени своего существования Верхняя типография постоянно наращивала потенциал: к четырем первым станкам добавились еще два, затем из Печатного двора в Кремлевский дворец были взяты стан глубокой печати для гравюр на меди, семь наборных касс, 26 пудов отлитых литер, различные снасти; присланы наборщики, разборщики, тередорщики, батырщики и другие рабочие — всего 24 человека. По указанию царя Печатный двор передал Верхней типографии часть своей библиотеки и регулярно присылал туда новые издания. Кроме того, Федор Алексеевич отдал в Верхнюю типографию часть личной библиотеки — исторические, естественно-научные, медицинские, математические книги, словари, лексиконы, поэтические руководства (после ликвидации Верхней типографии в Посольский приказ был передан 71 том на латинском и польском языках, которые «снесены были для книжной библиотеки ис хором блаженныя памяти... Феодора Алексеевича»).

Значение Верхней типографии в культурной жизни Москвы было тем более велико, что она, по сути, представляла собой «вольное» издательство со своей программой выпуска книг, независимое от патриарха, курировавшего печатную деятельность в России того времени. Недаром патриарх Иоаким на церковном соборе 1690 года обвинял Полоцкого: «Толико той Симеон освоеволився... дерзне печатным тиснением некия своя книги издати, оболгав мерность нашу, предписав в них, якобы за нашим благословением тыя книги печатаны. Мы же прежде типикарского издания тех книг ниже прочитахом, ниже яко либо видехом, но, яже еже печатати, отнюдь не токмо благословение, но ниже изволение наше бысть». Хотя предстоятель и не давал своего благословения, но при жизни Федора Алексеевича, покровительствовавшего Симеону Полоцкому, не решался выступить с подобным разоблачением.

Смерть Симеона Полоцкого в 1680 году на время приостановила деятельность Верхней типографии, но вскоре дело продолжил его ученик Сильвестр Медведев, поставивший себе цель издать все труды почившего наставника: «...тщуся, да соберутся вся в книги и миру да явятся». Его идею поддержал молодой царь — в письме приятелю Медведев сообщал, что «великий государь все книги издания пречестнаго господина отца Симеона благословил печатать у себя в Верхней типографии».

В октябре 1681 года был напечатан сборник проповедей Симеона «Обед душевный», а в январе 1683-го — еще один сборник его проповедей «Вечера душевная». Но на этом Верхняя типография закончила свою

работу, поскольку в 1682 году скончался царь Федор, а взошедшие на престол малолетний Петр и болезненный Иван никакого интереса к типографскому делу не проявили, не говоря уже о регентше Софье, которой и вовсе было не до печатной потехи — все силы уходили на утверждение у власти. Да и Сильвестр Медведев был теперь занят совсем другими — политическими — делами...

Судьба Верхней типографии, просуществовавшей всего четыре года и закрытой после смерти Федора Алексеевича, — яркий пример недолговечности новаций придворной культуры XVII века, целиком и полностью зависевших от прихоти монарха и уходивших вместе с ним. В 1690 году все книги Симеона Полоцкого, вышедшие в Верхней типографии, были запрещены, «яко подзор и ересь имущие, яко не благословенные».

В правление Федора Алексеевича книги печатались не только в Верхней типографии и на Печатном дворе. Царь приветствовал киевские издания, выходившие в основном в Киево-Печерском монастыре под покровительством архимандрита Иннокентия Гизеля. Так, в 1680 году ко двору был прислан печатный «Синописис, или Краткое описание о начале русского народа», составленный на материалах летописей. В стихотворном предисловии звучал панегирик монарху, начинавшийся с обыгрывания его имени, означавшего по-гречески «Божий дар»: «...святым даром российский народ наш ликовствует...» Видимо, этот опус спровоцировал царский указ о создании свода выписок не только из русских летописей, но и из греческих и латинских источников с целью издания исторического сочинения о России. В предисловии к этой книге говорится, что каждый народ должен сам написать историю о себе, поскольку никто не знает свою страну и дела ее так, как сами жители, а также подчеркивается, что давно уже иностранные ученые жаждут получить достоверные сведения о России из рук самих ее жителей, а не иностранцев. Далее приводились правила, по которым следует написать такую историю, заимствованные у древнегреческого историка Дионисия Галикарнасского и переложенные на русский лад: «...чтобы историк выбрал бы повесть красную и сладкую, чтобы сердце чтущих веселил, се есть о которых хочет историю писати; чтобы знал, откуда начинати историю и до которых мест писати, что подобает во истории молчанию предати и что пристойно объявити; чтобы всякое дело на своем месте написано было, где доведется, и пристойно расположено; чтобы душа и охота историкова была бы тихая и ничем смущенная, также и слово бы было чистое, свойственное и разумичное и ясное, тихий бы был историк и не суров, и правдою б всё писал, а не

ласкательством или иным каким страstem повинен, и чтоб к добрым делам слогом и словом своим будто совеселится, а противным сопечалуется, и та статья, хотя последняя, однакож наипаче всех надобно историку остерегать». Книга не была напечатана в связи с кончиной монарха, ее хранил у себя его ближайший друг и советник окольничий Алексей Тимофеевич Лихачев.

К рукописной книжности московских государей смело можно отнести и «чины» Алексея Михайловича, составляемые им как литературные произведения: «Урядник сокольничья пути», «Чин объявления царевича наследником престола», «Чин освящения огородов в Измайлове» и, вероятно, не дошедшие до нашего времени иные подобные произведения. Да и письма монарха порой можно отнести к эпистолярному жанру художественной литературы. Второго царя из рода Романовых можно даже назвать графоманом — настолько очевидной была его любовь к выражению своих мыслей на бумаге. Он оставил огромное количество писем, записок, посланий, указов и приказов, написанных собственноручно, причем по таким поводам и в таких случаях, когда каждый придворный мог бы сказать, что не царское это дело! Алексей Михайлович был доморощенным философом, любил всё обдумывать и на всё реагировать письменно. Создается впечатление, что он просто любил держать в руках перо и писать на бумаге. Показательно в этом плане его письмо любимому двоюродному брату Афанасию Матюшкину, написанное «тарабарщиной» — шифром — только для того, чтобы в шутку выразить сожаление, что некому покормить его плохим хлебом «с закалок», намекая на случай, когда по оплошности Матюшкина такой хлеб был подан на государев стол. В другом послании, написанном из военного похода тому же Матюшкину, монарх подбивает его на розыгрыш царевен: «...нарядись в ездовое (дорожное. — Л. Ч.) платье да съезди к сестрам, будто ты от меня приехал, да спросай о здоровье». Отдав поручение, царь рассказывает о другой своей потехе, превращенной им в упоминавшийся выше шуточный церемониал: «...тем утешаюся, что столников безпрестани купаю ежеутр в пруде... за то: кто не поспеет к моему смотру, так того и купаю!» Тех, кто был наказан, затем звали к царскому столу; а поскольку, писал Алексей Михайлович, «у меня купальщички те ядят вдоволь», то и желающих опоздать на смотр было много: «...а иные говорят: мы де нарочком не поспеем, так и де нас выкупают, да и за стол посадят.

зорисъ ахърѣ' фовионъ
 зорисъ зркъ лартъ ахърѣ-
 лартъ зркъ зорисъ-ѣно
 зорисъ таноъ нефромонъ зорѣ
 зорисъ зркъ зорисъ азъ тѣ
 зорисъ зркъ мѣ е. (тѣ тѣ нѣшкѣ
 тазъ хѣрѣ лѣ. тѣно тѣ онъ мѣ
 зркъ за зѣ азъ лѣ азъ лѣ онъ
 тѣ мѣ нѣ азъ лѣ онъ зорѣ зркъ
 мѣ нѣ зорѣ зркъ нѣшкѣ тѣнохъ
 лѣ-охъ мѣшкѣ лѣ зркъ

лѣно тѣ зркъ

*Послание Алексея Михайловича Афанасию Матюшкину, написанное шифром
(«тарабарциной»)*

Многие нароком не успевают». Подобных примеров много, в особенности в частной переписке царя с Матюшкиным: то царь опишет, как задремавший сокольник упал в костер, то поделится мыслями, то припомнит какую-нибудь историю, удовлетворяя свою страсть к писательству и природную склонность к шутке.

Придворная книжность включала в себя также массу приветственных слов, подносимых по церковным праздникам, в дни именин членов царской семьи и бракосочетания государя, тесно переплетаясь, таким образом, с придворной поэзией, которая заняла при русском дворе первых Романовых весьма почетное место.

Придворная поэзия

Царь Алексей Михайлович помимо любви к чинной красоте отличался еще и любознательностью. Увидев однажды нечто новое и интересное, он тотчас же загорался желанием иметь при своем дворе нечто подобное. Во время русско-польской войны, в 1656 году царю, во главе русских войск въезжавшему в Полоцк, была устроена пышная встреча, отроки выразительно читали приветственные вирши, сочиненные местным поэтом, «дидаскалом» православной братской школы Симеоном (в миру Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович). Возможно, монарху в первую очередь понравился сам церемониал, органично включивший поэзию в свой арсенал. Он сразу же пригласил поэта ко двору хотя в Москве к этому времени было уже полно своих «виршеплетов».

Составление виршей с простой двустрочной рифмой стало в русском обществе XVII столетия своеобразным признаком образованности. Всякий мало-мальски начитанный человек легко справлялся с версификацией и плодил несложные парные рифмы типа «желаю — чаю», «писати — знати», «явити — утвердити» и т. п. Уже в первой четверти века был составлен «Алфавит слогателной акростихитной, сиречь краестрочной», в котором в азбучном порядке были даны образцы для составления очень популярных в то время посланий в форме акростиха, когда первые буквы строк образуют слово или фразу. Исследовавший стихотворную культуру XVII века А. М. Панченко указывает четыре «Алфавита» и «Азбуковника», содержащих образцы стихов, выстроенные по алфавиту. В 1660 году монахи Соловецкого монастыря составили однострочный «Азбуковник», где поместили фразы, пригодные для составления виршевых посланий для придворных, светских и церковных властей — «скипетродержавных царей близкостоятелей». «Азбуковник двоестрочный» был создан в 1684 году монахом Прохором Коломнятиным, причем набор первых строк, к которым надо было сочинить парные рифмы, был взят из соловецкого «Азбуковника», присланного составителю псковским келарем Феодосием. Таким образом, один алфавитный набор образцов для составления вирш дополнялся другим. На протяжении всего XVII столетия составление вирш было популярным у образованных россиян занятием.

Расположенные по алфавиту образцы двустрочной рифмы легко можно было использовать для акростихов, что было крайне важно при составлении прошений или поздравлений, поскольку позволяло вставить

имя просителя или благопожелателя. Например, начальные буквы строк переложения 140-го псалма, сделанного архимандритом Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Германом, складываются в фразу «Герман монах моляся писах». «Азбуковник двоестрочный» (к сожалению, до нас дошел только текст первых пяти образцов) содержал пояснение, для чего еще нужны акrostихи:

Акrostихиды, гречески именуую, помале веселят
А творчестии разумы несытые души сладят.

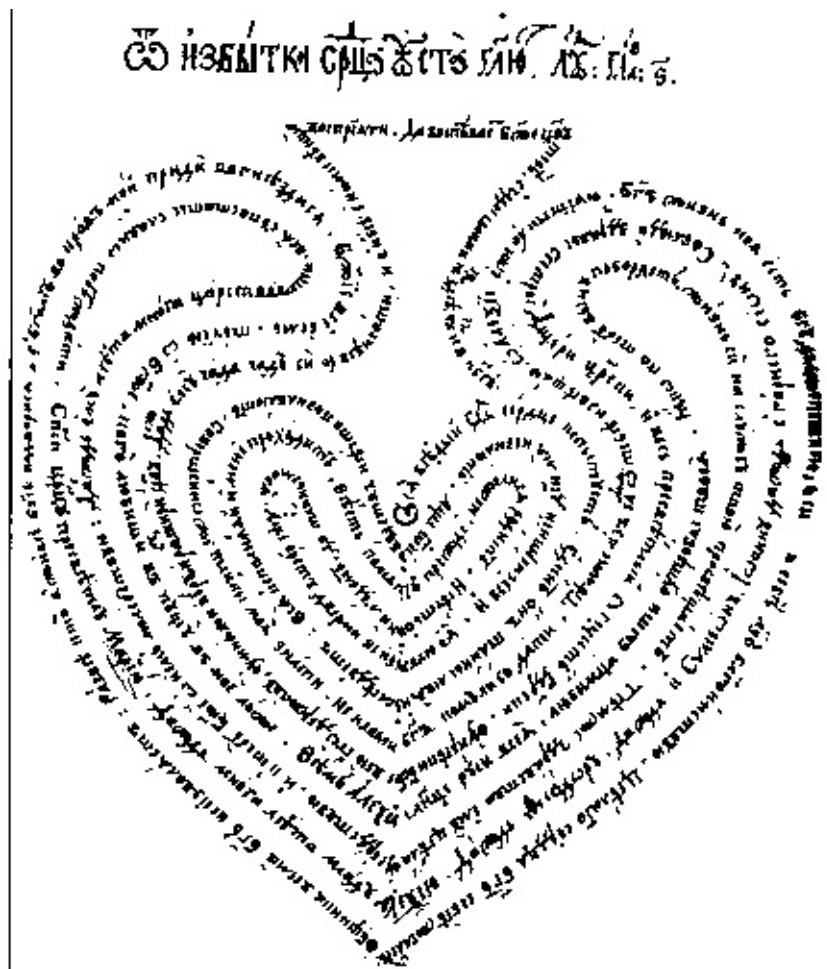
Подобные сборники использовали как при составлении вирш, так и при обучении этому мастерству Учитель князя М. Н. Одоевского монах Савватий прямо указывал на «Алфавит краестрочный» как на учебное пособие:

Слогает же ся сие тебе посланейце по Алфавиту,
Чтобы ти от Бога по сему своему учению быти имениту.
Аще же и двоестрочием счиняется,
Обаче и твое остроумие тому да научается.

Поскольку практически каждый грамотный человек мог научиться подобному стихотворству оно не особо высоко ценилось самими авторами, которые прямо называли свое умение плетением вирш. Так, справщик Печатного двора Стефан Горчак в посланиях друзьям неоднократно использовал именно этот термин: «О том себе на нас не позазри, что тако тебе плетем»; «И молим тя, да не зазриши сему нашему плетению» и т. п. Чтобы усложнить искусство плетения вирш, употребляли различные барочные приемы (серпантинный стих в виде извивающейся змеи, стихи в форме различных фигур — звезды, сердца, креста и т. п.), цифровую тайнопись и многое другое. Поэты «приказной школы» составили в 1630-х годах сборник виршевых и прозаических предисловий к различным рукописям — «Шестодневу» Василия Великого, «Повести о Варлааме и Иоасафе», «Притчам» Эзопа и др. Название сборника говорит само за себя: «Предисловия многоразлична, от риторских многовещательных наук сложено и от многих повестей помалу объявлено. Стиховно и двоестрочно счинено любящих ради философское учение проходити и в них удобнее разумевати божественная писания, вмале от великих любомудреное

познание».

Таким образом, виршеплетение было чрезвычайно распространено у образованных дьяков и монахов задолго до проникновения в придворную среду. Как видно, потребность в нем была велика не только в столице, но и на окраинах государства, в отдаленных монастырях и городах.

Стихи в форме сердца из книги «Орел Российский»

Первый придворный поэт Симеон Полоцкий сумел поднять стихосложение на новый уровень — высокой поэзии, наполненной и просветительским смыслом, и церемониальным пафосом, и царственным величием. Он стал первым автором, сознательно избравшим поэзию для самовыражения. Симеон получил образование сначала в Киево-Могилянской, а затем в Виленской академиях и рано осознал свои способности. Одно из ранних его стихотворений содержит собственную

ироничную характеристику:

Видите мене, как я муж отраден,
Возрастом велик и умом изряден.

В том же стихотворении автор утверждает, что ума у него даже излишне много («сквозь нос вытекает, да Семен умен — языком принимает»). Как бы предвосхищая известные слова Пушкина: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», — Симеон Полоцкий говорит, что его ум — его единственный товар:

Ума излишком, аж негде девати,
Купи кто хочет, а я рад продати.

С этой целью — продать свой ум — он и устремился в 1664 году из родного Полоцка в Москву. Добившись признания, он до конца жизни был главным придворным поэтом. Благодаря ему русский стихотворец не превратился в шута при московском государе, как часто случалось при дворах западноевропейских правителей, а получил статус учителя и просветителя. При этом Симеон предупреждал всех последующих придворных сладкопевцев:

Близ царя еси, честь ти сотворися,
Но тощно вины всякия блюдися:
Ибо тяжко есть оттуду падати
И неудобно паки восстати.

При Алексее Михайловиче Симеон создал образцовые вирши для произнесения при обязательном тосте за монаршее здоровье — «Стиси, внегда чашу государеву пити», — в которых использовал уже знакомые всем образы и стереотипы: «Соломон Богу един храм постави, Алексей многи созда и направи»; «Вторый Константин царь наш проявился»; «И Владимиром лепо его звати»; «Кротость в Давиде не вящая бяше, яко Алексей имать, солнце наше». Поэт постоянно называл русского царя «солнцем», хотя, будучи монахом, не мог не знать, что так в христианской традиции именуют только Господа. Значит, за уподоблением царя

небесному светилу стояло представление о святости царской власти, данной от Бога — или Симеон использовал заимствованное из Европы светское придворное клише? Европейски образованный человек, он должен был знать, что французского короля Людовика XIV называют «король-солнце» не в традиционно-христианском, а в сугубо светском смысле: с одной стороны, тот любил на маскарадах наряжаться в костюм солнца, с другой — при виде короля и его блестящего двора само собой напрашивалось подобное сравнение.

Приветственные стихи Симеона по самым разным поводам содержали не только панегирики царю и его потомкам, но и массу самых разнообразных и интересных сведений из античной истории, политики, мифологии, астрономии. Когда же на престол взошел четырнадцатилетний Федор Алексеевич, Симеон Полоцкий счел возможным включать в свои вирши поучения и наставления юному монарху.

Помимо стихов, напрямую связанных с царской персоной, Симеон Полоцкий написал и массу «слов», обращенных от отца к сыну, от внука к деду и т. п., которыми могли воспользоваться все желающие.

Приветствия разыгрывались подобно пьесам, по законам придворного церемониального чина, тщательно продумывалась драматургия. Например, «Стихи краесогласнии в день происхождения Честнаго и Животворящего Креста Господня», в которых Симеон призывал царя Федора победить крымского хана и турецкого султана и уповал на помощь Христа, стали ядром праздничного действия в Коломенском 1 августа 1679 года. Эти торжественные вирши звучали дважды: сначала в дворцовом храме, затем на Москве-реке («на воде»), вписываясь в длительное чинное действие с крестным ходом и водосвятием.

Интерес к стихотворным приветствиям, инициированный при дворе Алексея Михайловича Симеоном Полоцким, превратился в настоящий виршеплетный бум среди аристократии. Придворные начали заказывать Симеону и другим поэтам вирши для поднесения царю, родственникам и друзьям. В сборнике сочинений Симеона Полоцкого «Рифмологион» собраны стихи, написанные по заказу или в подарок Ф. М. Ртищеву, И. В. Стоянову, И. М. Милославскому, Г. А. Долгорукову, Г. Г. и Ф. Ю. Ромодановским, митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу и др. Больше всего стихов на разные случаи заказывали и получали в подарок Богдан Матвеевич и Иван Севастьянович Хитрово («К Богдану Матвеевичу от внука его», «Стиси приветные. Сын ко отцу из пути пришедшу» и др.). М. Т. Лихачеву по случаю «поятия вторья супруги» было поднесено немудреное приветственное слово:

Бог сый в небе Боже благий
Радость тебе Свете драгий
Да дарует Честь и славу
Да храниши Марфу здраву...

Полоцкий охватил своими стихами практически все ситуации в жизни царского двора, от рождения у государя детей, именин и церковных праздников до типовых приветствий, которые мог приобрести всякий придворный.

Преемник Симеона на нелегком поприще придворного поэта Сильвестр (в миру Симеон Агафонович) Медведев (1641–1691) был образованным и даровитым человеком, однако не обладал познаниями предшественника. В 19 лет он уже делал карьеру — служил подьячим в Тайном приказе, а в 24 года захотел учиться в Заиконоспасской школе, которую открыл Симеон Полоцкий, и вскоре стал его любимым учеником. Видимо, по совету учителя он в 1672 году ушел в путивльскую Молченскую пустынь, где через пару лет постригся в монахи, однако в 1677-м вернулся в Москву и стал помощником Полоцкого, а затем и справщиком Печатного двора. Как мы помним, с порученной царем Федором задачей — написать эпитафию их общему учителю Полоцкому — Медведев справился только с пятнадцатой попытки. Возможно, поэтому в годы правления юного государя он сосредоточился на руководстве Верхней типографией, готовя к изданию всё написанное Полоцким, а также на борьбе за главенство в планируемой Славяно-греко-латинской академии. Самыми известными стали его вирши, произнесенные в 1685 году при вручении им «Привилея на Академию» царевне Софье. Поэт сравнивал правительницу с великой княгиней Ольгой, которая «свет веры явила», и призывал соответствовать своему имени и явить свет науки России:

По имени ти жизнь твою ведеш,
Дивная речеш, мудрая дееши:
Слично Софии выну мудрой жити,
Да вещь с именем точна может быти.

Время от времени Сильвестр сочинял и подносил вирши кому-либо из членов царствующего дома, но делал это не так часто, как его предшественник. 2 апреля 1681 года сочиненное им «Сказание о Страстех

Христовых» было поднесено Федору Алексеевичу Львом Бурмистровым и читалось двенадцатью царскими певчими. В поздравлении царевне Татьяне Михайловне по случаю именин Сильвестр, естественно, упоминал ее тезоименитую святую мученицу Татиану («им же именем имы нареченна, государыня, Христом возлюбленна!»). Поскольку Татьяна Михайловна (1636–1706) была на тот момент старшей представительницей царствующей фамилии, поэт предусмотрительно искал ее покровительства: «Мене же, раба, ты изволь имети в твоей милости, всегда мя хранити».

Главной адресаткой виршей Медведева была, разумеется, царевна Софья. В поздравлении по случаю Пасхи он желал ей «солнечно сияти во всежеланном свете», фактически придавая царевне тот же статус, каким его поэтический предшественник Полоцкий награждал только монарха или наследника престола. Заканчивая свое краткое поздравление, Медведев не забывал и о себе:

Мене же изволь в милости щадити,
хотяща рабом твоим верным быти.
Ныне же поклон niskий содеваю,
под стопу главу мою повергаю.

Создается впечатление, что почти все вышедшие из-под пера Медведева и прозвучавшие при дворе вирши сочинялись автором с одной целью — напомнить о себе, добиться милости царской особы. Но в конце концов он все-таки предпочел положению придворного поэта-мудреца карьеру церковного деятеля, планируя сначала возглавить академию (чему помешал патриарх Иоаким), а затем получить из рук царевны Софьи патриарший сан, за что в числе прочих «вин» поплатился головой в 1691 году.

Миссию придворного поэта унаследовал его земляк и свойственник, монах из Курска Карион Истомин. В 1676 году он прибыл в Москву и стал сначала литературным секретарем патриарха Иоакима, писцом (1679), справщиком (1682), а потом и главой (1698) Печатного двора. Он был более плодовитым автором и оставил огромное число самых разнообразных сочинений и переводов («Домострой», «Букварь», ода по случаю второго Крымского похода князя Голицына и др.). Одно из главных мест в его творчестве занимают вирши, которые он писал по самым разным поводам, не забывая ни о радостных, ни о печальных событиях в царской семье. Наиболее известна его «Книга любви знак в честен брак», созданная в 1689

году по случаю бракосочетания Петра I с Евдокией Лопухиной — она построена как набор приветствий молодоженам от некоего человека в целом, его чувств (слуха, обоняния, зрения и т. д.) и «удов» — частей тела, причем автор аргументирует этот композиционный прием следующим образом:

Потребно чувствам на царския браки
Приветственный приносить знаки.
Уму бо тыя под власть покорены,
Яко же царю народы вверены.

Каждое приветствие сопровождалось весьма натуралистичным изображением глаз, ушей, ног... Содержание же стихов было однообразным: слух утверждал, что он слышит, как чествуют царя, зрение видело то же самое, «вкушение» услаждалось словесной снедью торжества и прославляло книжное учение как «зело сладкое», осязание обещало сплести венок новобрачным и венчать их стихами, ноги — «часть тела и подпора» — признавались, что с удовольствием несут своего владельца на «царское веселие»... Тогда как Симеон Полоцкий в придворных поздравлениях влагал приветствия в уста членов царской семьи, церковных иерархов, бояр, купцов, на крайний случай народа, Карион Истомина не побоялся столь смелой новации.

Карьера Истомина резко оборвалась в 1700 году, когда после смерти патриарха Адриана он остался не у дел, во главе Печатного двора был поставлен Федор Поликарпов, а Петр I и его двор обратились к совсем иным развлечениям, нежели религиозно окрашенная поэзия монахов.

В сферу придворной поэзии были вовлечены не только москвичи, но и провинциалы, имевшие под руками многочисленные образцы виршевых посланий на все случаи жизни. Уже упоминавшийся Прохор Коломнятин объединил в сборник 22 «слезодостойных послания», специально предназначенных для «отосланцев», попавших в опалу и удаленных от царского двора. Особый интерес представляет одно из них, адресованное монарху — «властодержцу, российского царствия народом богоданному пастырю», к которому обращается проситель, в результате интриг и клеветы лишенный царской милости:

Прошу и аз твоего царского милосердия прияти,
А свое рабское страдание тебе, государю, явити.

Автор послания прямо указывает, что известен монарху, и берет на себя смелость напомнить ему, что при общении с придворными следует быть осторожным, чтобы не спутать ложь с истиной:

Тебе, государю, истине и правде подобает внимати
И лжу суемудренных наношений всяко отревати.

Опальный советует правителю, как ему отличать подлинных слуг от «неслугов», опираясь на свое «остроумие»:

Ваше царское еже о подручных попечение имети,
О всех же подобает добреопасно смотрети.
Ими же кто приобретает честныя себе славы,
Хульные и тщетныя глаголы произносит на ны.
Царскому ти остроумию словам оным
Не подобает внимати речем хулным,
Когда кто глаголати на нас не посрамится,
Сей и многа зла действовати не стыдится.

Послание заканчивается просьбой выслушать на личной аудиенции оправдательные речи «отосланца»:

Величества царския светлости видети хощу,
Еже милость твою совершенну сам улучу.

Придворная поэзия включала в себя не только вирши «по случаю», но и другие стихотворные сочинения, созданные по заказу царя или в подарок ему. Например, в 1679 году по настоянию бывшего царского учителя Афанасия Ивановича Федосеева служащий Печатного двора Мардарий Хоньков сочинил специально для царя стихотворные надписи к лицевой Библии Пискатора (голландского гравера Николаса Иоанниса Фишера). Это был огромный труд, плодом которого стали 3824 одиннадцатисложные стихотворные строки — перевод оригинальных латинских подписей к гравюрам.

Придворные также культивировали виршевую поэзию, одни — в

подражание государю, другие — в силу собственного интереса. Уже в первой половине XVII столетия появились виршеплеты из знатных фамилий: князя С. И. Шаховской, Ф. А. Шелешпанский, окольный А. И. Зюзин и др. Во второй же половине века доморощенных поэтов было уже не счесть, они не только сами сочиняли вирши, но и обучали этому искусству своих детей. Поэзия стала модной, и даже сами русские правители увлеклись стихосложением. Правда, Алексей Михайлович предпринимал попытки рифмования только в письмах, но его дети от первого брака Федор и Софья, обученные Симеоном Полоцким, уже были способны делать стихотворные переложения псалмов. Так что в целом можно констатировать, что бессловесный церемониал при русском дворе во времена Алексея Михайловича и его преемников был несколько потеснен вербальным началом, воплощенным в придворной поэзии и придворном театре.

Театр

Первый придворный театр, существовавший в 1672–1676 годах, сам царь Алексей Михайлович и его современники определяли как некую новомодную «потеху» и «прохладу» по образу и подобию театров европейских монархов. Театр при царском дворе появился далеко не сразу. Русские дипломаты многократно рассказывали государю о виденных в Европе диковинных постановках. Послы Василий Лихачев и Петр Потемкин оставили любопытные описания спектаклей, увиденных ими в зарубежных путешествиях. Свой восторг по поводу чудесных сценических механизмов, ярких декораций и костюмов, батальных и ритуальных сцен дипломаты изливали молодому царю. Лихачев, посланный Алексеем Михайловичем в 1658–1659 годах во Флоренцию, в своем «статейном списке» (отчете) выделил даже целый раздел, озаглавленный «О комедиях», в котором, между прочим, писал: «Да спускался с неба на облаке сед человек в корете, да противу его в другой корете прекрасная девица, а аргамачки (лошади. — Л. Ч.) под коретами, как быть живы, ногами подрягивают...» Более всего наших соотечественников при посещении театра поражало не содержание пьес, а сценические эффекты: с «небес» на сцену спускались ангелы, а в «преисподнюю» падали грешники.

Возможно, возымели действие не только эти восторженные рассказы, но и длительные уговоры Артамона Матвеева, с которым царь особенно сблизился со времени своей второй женитьбы. Алексей Михайлович доверял Матвееву во всём, в том числе, как мы помним, в выборе для себя второй супруги. В одном из писем царь писал Матвееву: «Друг мой Сергеевич! Приезжай к нам поскорее; дети мои и я без тебя осиротили. За ними и присмотреть некому, а мне посоветоваться без тебя не с кем». Яков Рейтенфельс писал, что Артамон Матвеев управлял царским двором и был «изворотливым, как говорится в пословице». Иностранцы даже называли Артамона Сергеевича «царьком», а его «главным занятием» в качестве первого министра считали устройство «представления пьес». Царь прислушался к его мнению и в этом невиданном доселе в России деле — театр был создан.

Его своеобразие и специфика вызваны особенностями переходной эпохи, а также личными вкусами и пристрастиями монарха. Сам факт создания театра отражает перелом, произошедший в русском эстетическом развитии. Еще в 1660 году Алексей Михайлович издал указ о приискании

за границей «умеющих комедию делать». Таким образом, придворный театр изначально задумывался как развлечение на западноевропейский лад, что отражалось и в выборе сюжетов для первых пьес, и в костюмах с широкополыми немецкими шляпами, и в инструментальной (органной) музыке.

Алексей Михайлович подчеркивал, что создаваемый театр — всего лишь его прихоть, «потеха», развлечение наподобие соколиной охоты, причем потеха иноземная, не имеющая связи с русскими традициями. Последнее было крайне важно, поскольку именно в это время началась полемика о допустимости западных влияний в России. Наиболее остро разгорелась борьба «восточников» и «западников» в сфере эстетики: сторонники средневекового понимания прекрасного как «благого», «внутреннего» благочестия схлестнулись с защитниками «внешнего человека», «живоподобия» как принципа следования природе. С точки зрения первых, театр относился к сфере «внешнего», мирского, суетного, чуть ли не сатанинского начала, поскольку в нем неизбежно придание образам и идеям внешней формы.

В средневековой культуре существовало представление о «внутренней» красоте, заключенное в абсолютизации божественной идеи, которую невозможно постичь человеческим разумом, а театральное искусство занималось художественной интерпретацией мира именно с помощью разума. Барочный театр в Европе как раз и претендовал на раскрытие «внутренней» красоты через систему символов, аллегорий и эмблем. В России же затея Алексея Михайловича воспринималась как западное увлечение, смущающее души православных, как воспринимались и многие другие «новины» того времени (белокаменные статуи на Спасской башне Кремля сначала во избежание соблазна были одеты в суконные кафтаны, а потом и вовсе убраны с глаз подальше). Вероятно, поэтому театр появился лишь спустя 12 лет после первых мыслей о его создании и был превращен в придворную потеху для одного государя.

Как мы помним, царь в полном одиночестве восседал на троне в центре зрительного зала, а члены его семьи «подглядывали» за действием сквозь щели в специальной пристройке типа ложи. Для придворных чинов театральное представление превратилось в служебный ритуал, обязательную церемонию: на протяжении всего многочасового действия они стояли на сцене, являясь одновременно и зрителями, и статистами. По аналогии с современным понятием «театр одного актера» исследователи по справедливости окрестили первый театр в России «театром одного зрителя».

Хотя создание театра мыслилось как «иноземная» потеха царя, темы первых пьес находились в русле благочестивых традиций Тишайшего. Посол Потемкин со своей свитой 18 сентября 1668 года смотрел в Париже пьесу Мольера «Амфитрион» в постановке самого автора, однако, по наблюдениям исследователей, драматургия Мольера и Шекспира не была известна русскому царю. Он предпочитал пьесы на библейские сюжеты. Первым 17 октября 1672 года было показано «Артаксерксово действо», сильно понравившееся государю и повторенное несколько раз в течение года, пока готовилась вторая постановка — «Иудифь», премьера которой состоялась между 2 и 9 февраля 1673 года. В ноябре 1673-го были устроены показы спектаклей «Товий», также на ветхозаветный сюжет, и «Егориева комедия» на основе жития Георгия Победоносца (тексты обеих пьес не сохранились). В том же году был поставлен и первый спектакль на историческую тему — «Темир-Аксаково действо» о борьбе Тамерлана с турецким султаном Баязидом, а за ним — «Малая прохладная (то есть развлекательная. — Л. Ч.) комедия об Иосифе», посвященная знаменитому библейскому сюжету об Иосифе Прекрасном. На следующий год царь увидел «Орфея», который можно считать первым в русской истории балетным спектаклем. На Масленицу 1675 года в театре шла «Жалобная комедия об Адаме и Еве». Наконец, 23–24 января 1676 года, за считанные дни до смерти, Алексей Михайлович смотрел «Комедию о Бахусе с Венусом» на антично-мифологический сюжет и «Комедию о Давиде и Галиаде» — о библейском царе Давиде и великане Голиафе.

В селе Преображенском была построена специальная «комидийная хоромина». Ее возведение было завершено в конце октября 1672 года, стены обиты красным и зеленым сукном. Общее руководство театром осуществлял, естественно, глава Посольского приказа Артамон Сергеевич Матвеев. Первая «комидия» «Артаксерксово действо» так понравилась царю, что ее сыграли несколько раз подряд в течение первых двух недель ноября. Царю наверняка нравилась сцена выбора Артаксерксом невесты после изгнания гордой и не подчинившейся воле правителя Астинь, написанная под явным влиянием событий его собственной жизни (совсем недавно Алексей Михайлович устраивал смотрины, чтобы выбрать себе вторую супругу). Не могли оставить его равнодушным и заключительные слова пьесы, произносимые хором всеми актерами: «Ей, ей, ей, ей! Великая Москва с нами ся весили!»

В январе 1673 года за неделю до Масленицы Алексей Михайлович приказал построить еще одно театральное здание, уже в Кремле, «над Аптекой, что на дворце в палатах». 25 стрельцов в течение пяти дней и

ночей спешно возвели требуемую для «комидийного действия» палату, в которой и были даны две или три постановки в сопровождении оркестра немецких музыкантов под управлением «полковника Фанстадена» (вероятно, фон Штадена). Летом и осенью 1673 года спектакли снова шли в Преображенском. Реквизит и костюмы, а также ковры, сукна, стулья, органы и прочее имущество перевозили по мере надобности туда и обратно. Примечательно, что к 1674 году относятся упоминания о танцах в исполнении иноземцев и дворовых людей А. С. Матвеева под аккомпанемент «органов, фиолей и страментов», то есть виол и других струнных инструментов.

«Комидии» (а по сути — драмы) по царскому заказу писали учитель Юрий Гибнер (Гивнер), переводчик Посольского приказа Станислав Чижинский и другие сочинители из иностранцев. Первым драматургом и постановщиком стал пастор Немецкой слободы Иоганн Готфрид Грегори, сын марбургского врача и пасынок лейб-медика Лаврентия Блюментроста, прибывший в Москву в 1658 году и занявший место приходского учителя при старой лютеранской кирхе. Выбор пал на Грегори не случайно — он, по широко распространенной в Европе традиции, основал при школе небольшой театр. Алексей Михайлович приказал Грегори «учинить комидию» на сюжет библейской книги Есфири. С помощью учителя приходской школы Юрия Михайлова пастор собрал детей разных чинов служилых и торговых иноземцев, всего 64 человека; силами этой труппы в 1672 году было поставлено «Артаксерксово действие». Пьеса была написана по-немецки, затем переведена на русский язык переводчиками Посольского приказа и игралась, соответственно, на русском. В 1673 году пастор уже стоял во главе особой школы для обучения «комедийному делу», в которой числилось 26 мещанских детей. В постановке пьес ему помогали ассистент врача Блюментроста Лаврентий Рингубер, учитель Юрий Гибнер и «перспективных дел мастер» и свояк Гибнера Петр Инглес (Инглис).

После смерти пастора Грегори в 1675 году руководство театром перешло к Гибнеру. Прежде чем попасть в Россию, он много скитался по Европе: в 1649 году выехал из Саксонии в Польшу, где поступил под начало гетмана Гонсевского, после семи лет службы попал в плен и по просьбе полковника Ивана фан Говена и Вилима Брюса как человек ученый, умеющий говорить и писать на латыни и знающий немецкий язык, был отправлен в Москву, чтобы стать учителем в Немецкой слободе. В отличие от Грегори его преемник на театральном поприще не обладал достаточным талантом автора и постановщика «комидий», его участие в постановках придворного театра было кратковременным и, можно сказать,

не особенно удачным — он ни разу не удостоился похвалы и подарков от царя. В 1676 году он вернулся к прежней должности учителя латинского и немецкого языков, а в 1679-м стал переводчиком Посольского приказа; заведование же театральным делом перешло в руки Степана Чижинского.

Чижинского, происходившего из львовских дворян, судьба тоже побросала по свету. С 1657 года он служил ротмистром в войске коронного гетмана С. Р. Потоцкого, но по какой-то причине бежал в Киев, где два года преподавал латынь в Киево-Могилянской коллегии; затем он оказался в Смоленске в роли учителя сына князя М. А. Голицына и уж потом перебрался в Москву, где руководил постановкой двух пьес в придворном театре — «Комедии о Давиде и Галиаде» и «Комедии о Бахусе с Венусом», — данных 23 и 24 января 1676 года. Поскольку вскоре после этих премьер царь умер, а созданный им театр был запрещен его наследником, остаток своих дней Степан Чижинский проработал переводчиком.

Более зрелыми с точки зрения профессионального мастерства были две пьесы Симеона Полоцкого — «Комидия притчи о блудном сыне» и «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в печи не сожженных». О постановке первой из них в придворном театре Алексея Михайловича можно только строить предположения — она адресована «благородним, благочестивим, государием премилостивым», то есть не рассчитана на показ именно в «театре одного зрителя», а вот вторая, безусловно, писалась специально для него, о чем свидетельствуют обращение к царю и панегирик ему в предисловии:

Благовернейший пресветлейший царю,
Многих царств и князств великий государю,
Пречестным венцем богоувенчанный,
Всем православным яко солнце данный,
Велий его свет твой тме одолевает,
Мрак безверия веема отгоняет.

Собранные С. К. Богоявленским, Н. С. Тихонравовым и другими историками русского театра документы позволяют представить некоторые конструкции, используемые для установки декораций и перемещения действия с «неба» на «землю» или в «преисподнюю», воссоздать цветовое решение костюмов персонажей, экзотический реквизит, имена детей-актеров, исполнявших и мужские, и женские роли. Для постановок

изготавливали «перспективные рамы» — конструкции с расписанными холстами, которые по ходу действия можно было поворачивать вокруг оси и таким образом менять декорации. Добавив к этим источникам впечатления иностранцев, эстетические трактаты, дающие представление о поисках новых критериев в искусстве, мы получим довольно полное представление о первом придворном театре в России.

Из предисловий и прологов к спектаклям становится понятна задача, которую ставили перед собой постановщики: возродить к жизни давно минувшее, «аки вещь живу». С точки зрения автора «Артаксерксова действия», «не есть дивно, яко Артаксеркс, аще и мертв, повелению твоему (Алексея Михайловича. — Л. Ч.) последует. Твое убо державное слово того нам жива представляет...» Другими словами, желание русского царя возвращает к жизни «во образе отрока» библейского Артаксеркса и заставляет его «показать, како в свое время мудростию, силою и советом царство свое утверждая, державы своя распространил есть... и самое счастье, яко раба, могл смиряти».

Первая пьеса на исторический сюжет — «Темир-Аксаково действие» — содержит обращение к «велеможнейшему монарху», в котором проясняется цель «оживления» героев прошлого: «Комедия человека увеселити может и всю кручину человеческую в радость превратити, когда услышит достойное учинение, что древние славою своею показывали и живущим, как написание персони после смерти очеявно поставили для поминания, чтоб чести того ради, что в камедиях многие благие научения, так же и красные приговоры выразумети мочно...»

Соблюдался ли при постановках принцип следования исторической правде? «Артаксерксово действие» и «Иудифь» почти без отклонений повторяли ветхозаветные сюжеты. Однако заполнить всё драматургическое пространство текстами из Библии было невозможно, в «комидии» и «действия» неминуемо должен был проникнуть вымысел. Пьесы иллюстрировали хорошо известные события, канонически осмысленные и ставшие символическими. Те библейские сюжеты, которые были более знакомы венценосному зрителю придворного театра, пользовались наибольшим успехом; так, «Артаксерксово действие» и «Иудифь» исполнялись многократно, а «Товий» — пьеса о юноше, чьим попутчиком стал ангел, сюжет которой получил широкое распространение в западноевропейской культуре, но был плохо известен в России, — был показан только однажды.

Прообразность первого театра проявилась с наибольшей силой в «Артаксерксовом действе», где заглавный герой ассоциировался с

Алексеем Михайловичем, Есфирь — с царицей Натальей Кирилловной, Мардохей — с ближним боярином Артамоном Матвеевым. Вероятно, именно поэтому главный персонаж в русском варианте постановки был лишен негативных характеристик, имеющих в Библии, ведь он являлся прообразом «земного Бога» — русского царя. С другой стороны, Алексей Михайлович неизмеримо возвышен над ним: «...вельможный монарх Артаксеркс, взирая власть русского владыки... ныне во трепете бывает... понеже никого подобного ему по чести и славе не обретает». Историческая дистанция здесь как бы повернута вспять: не зритель, русский царь, должен учиться у библейского героя, а, наоборот, «оживленному» Артаксерксу надлежит уподобиться мудрому правителю, представленному вселенским идеалом монарха.

Конечно, русский придворный театр был далек от современного ему западноевропейского театра. Там даже в школьных театрах уже всюду торжествовало барокко с его сложными аллегорическими построениями и образами, с особыми принципами отражения, следуя которым драматург постоянно описывал один объект через другой или представлял его в виде борьбы аллегорий. В театре Алексея Михайловича барочному принципу отражения следовала, по большому счету, только одна из известных нам пьес — «Жалобная комедия об Адаме и Еве». В ней не только действовали аллегорические персонажи — она была насыщена противопоставлениями, столкновениями идей и символов. Уже пролог акцентировал внимание на основной идее: «Человеческое житие... во оном такожде все прохлаждение и радость взыскуем, но обретаем скорбь и беду. Ей, взыскуем в нем меру, но что же обретаем? Несмирение и брань. Взыскуем посмещение, но обретаем плач и рыдание...» Далее предисловие излагает краткое содержание последующего действия: «...о человеческом начале, так же о падении и конечной погибели его нечто в малой жалобной камедей, то есть о Адаме и Евве представим». По ходу пьесы в сцене суда над Адамом и Евой изображалось небо, на котором восседали Бог Отец, Бог Сын и аллегорические персонажи Истина, Правда, Милосердие, Мир. Прение о дальнейшей судьбе Адама после грехопадения насыщено восклицаниями, междометиями, риторическими вопросами. К примеру, Милосердие наиболее эмоционально выражает свое отношение к первому человеку словами: «О, окаянный и от потешения лишенный человеце! Кому ты уподобляти? Все волны злочастия ты открывают, никто же сие не внимает! Зелная язва твоя и неисцелная рана твоя». Образ Правды обрисован наиболее полно: специально оговаривается, что в руках эта фигура держит жезл, в то время как аксессуары других аллегорий не упомянуты. Правда

говорит, что не может смириться над Адамом и Евой, потому что «Правде достоин во всех судьбах сияться яко утренние зари, но таким противным обычаем помрачена б была». К сожалению, мы не можем в полной мере оценить назидательность пьесы, поскольку она дошла до нас без концовки.

Излюбленные приемы театра барокко — столкновение света и тьмы, резкий поворот в судьбах героев, чудеса — широко используются в первых русских пьесах, в которых низвергаются гордые и возвышаются смиренные, образуя пары: Астинь и Есфирь, Голиаф и Давид, Олоферн и Иудифь, Навуходоносор и три отрока. Приписываемая царю Давиду сентенция «Претворится печаль в радость» обыгрывается в «Артаксерксовом действе» и «Иудифи». Двигателем сюжетного действия часто выступает некое «ужасное чудо». Так, Навуходоносор при виде трех отроков, не сгоревших в печи, «ужаснувшись», моментально приходит к раскаянию.

В пьесах, написанных переводчиками Посольского приказа, ощущается влияние риторики. Персонажи «Иудифи», «Темир-Аксакова действия», «Жалобной комедии об Адаме и Еве» отличаются яркой образной речью, метафоры и сравнения символичны. Например, в первой же «сени» (действии) «Иудифи» монолог Навуходоносора содержит целый каскад образов чудесного повиновения сил природы воле всемогущего правителя: «Быстрая река Тигр киванием руки моей точно установится должна, Евфрат возбуряет гордыя своя волны по желанию моему даже до облак самых и паки повелением моим низлагает оныя ко утишению...» Народы, не пожелавшие «лобызать скифетр», он называет «полевыми мышами», на что его советник Аммон предлагает «казнить их со смехом», ссылаясь на пословицу «Ничто же воздвигает льва от своего покоища, аще и пес мимо побежит». Советник Нееман напоминает о мече, «обоюду добре изострену быти», об огне, «который легче зажечь, чем тот же паки утушити», об орле, не нуждающемся в гнезде ласточки, наконец, о «дивих зверях, кои паче зайца в царя себе имети хотят, неже великодушного льва». В «Темир-Аксакове действе» через речи представителей двух противоборствующих сторон создается иллюзия столкновения, битвы. Здесь используется принцип отражения, когда одно явление описывается через другое, один образ передается через несколько сходных или, напротив, непохожих, действие заменяется образным повествованием о происшедшем.

В целом же как тексты пьес, так и оформление спектаклей следовали средневековым эстетическим представлениям, универсальным принципом которых было соответствие «чину», под которым в данном случае

понимался прежде всего гармоничный порядок частей целого, соразмерность структуры. Так, фигура царя всегда занимала в эпизоде центральное место, другие персонажи воздавали ей должные почести, «приступали чиновно». При этом подробно не разъяснялось, что под этим подразумевается, поскольку смысл был совершенно ясен из придворного церемониала; лишь иногда оговаривалось, что актерам следует «склонить головы в почтительном молчании». Идеал грозного царя, от меча которого «вселенная трепещет» и «зелная слава» которого заставляет «вселенныя пределы» желать его милости и припадать к нему, дополнился идеей просвещенного, мудрого и милостивого правителя, озабоченного благом подданных. Образцом подобного правителя показан Артаксеркс: он много размышляет на сцене о сущности власти, своих обязанностях как монарха. Мудрость его проявляется через притчи, которые он рассказывает по ходу пьесы приближенным: о вертограде с масличным деревом, окруженным травой; о двух змеях, согретых на груди. По словам героя, благодарность за верность и преданность заложена в государев чин:

Что милость? Истинно бысть мне благодаренну
Инако бы не царь был бых в моем чину!

Поскольку государев чин априори не мог содержать негативных качеств, порок пьянства, свойственный библейскому Артаксерксу, у его сценического воплощения отсутствовал. Тимур (Темир-Аксак), пытавшийся завоевать Русь в 1395 году, из отрицательного исторического персонажа, каким он описывается в русских летописях, превратился в пьесе в положительного героя, освободившего греков от власти турецкого султана. Сообразно со своим чином изображались и другие персонажи: военачальники были наделены храбростью, жаждой боя, честолубием; воины — преданностью начальникам, отвагой, самоотверженностью; придворные — услужливостью, преданностью, мудростью.

Оформление спектаклей также отражало государев чин. Так, символика золота как образа божественного огня, перешедшего на славу царства, проявилась в обилии золотых скипетров, престолов, венцов и тому подобных вещей, украшавших сцену в нескольких спектаклях. Золото олицетворяло царскую власть, честь, достоинство, красоту. В первых пьесах костюмы главных героев изготавливались из дорогих тканей: «заморских» атласов, сукон, тафты и «флоры немецкой», а отделку имели из горностаевых мехов, немецких кружев и шемаханского шелка.

Второстепенные персонажи получали и менее дорогие одеяния из сатина, «пестрых выбойчатых тканей», с опушкой из заячьего меха. Костюмы слуг, участников пира Бахуса из «Комедии о Бахусе с Венусом», братьев Иосифа и других малозначительных или отрицательных действующих лиц делались из дешевой крашенины, киндяка (используемого в реальной жизни на подкладку верхней одежды), пестрины. [28]

Для премьеры первого спектакля царь не скупился на расходы, но в дальнейшем театр начал прибегать к бутафории.

В женских образах первых пьес придворного театра виден отход от средневековых традиций, согласно которым внешняя красота оценивалась негативно, поскольку вводила в грех. Теперь внешняя красота начинает признаваться «естественной», заложенной в природу человека самим Богом, и выстраивается обратная связь: внешняя красота первична по отношению к внутренним достоинствам, которые должны ей соответствовать. Формируются новые, светские нормы оценки красоты. Положительные героини первых пьес — не только добродетельные кроткие жены, преданные Богу и царю (Есфирь, Иудифь), но в первую очередь красавицы. Так, царица Астинь характеризуется другими действующими лицами как «предивный образ», «прекрасная», «предивная голубица», «краснейша всех, всех жен избраннейшая», «благолепна чином», но поскольку она персонаж отрицательный, то наделена гордыней, приведшей ее к изгнанию. Подобные же эпитеты достаются и Есфири: ее называют не имеющей себе равных в красоте и мудрости, пророчат, что она будет «в красоте чину равняться», то есть станет идеалом красоты. Служанка Дина говорит главной героине:

Истинно, княгиня ты еси родилась
Ни злаго чина тесных стоп,
Но самое убо, убо естество
К вящим путем тя избирало,
Истинно, тебе что естество воздало,
Знаменует, яко еси венца достойна.

Таким образом, именно благодаря красоте бедная девушка Есфирь оказывается достойной царского титула (вспомним, что и Наталья Кирилловна Нарышкина происходила из незнатного рода и стала царицей благодаря своей красоте). Другой положительный женский образ, Иудифь, соединяет «красоту и целомудрие во едином теле», являет собой

«ангельский образ, яко Господь Бог сам оной сие благозрачие во очеса вложил есть».

Новым, но уже привычным для придворной культуры было обращение к античной мифологии, в русском Средневековье внесенной в черный список «внешних лжей и баснословных повестей». В первых же пьесах герои постоянно сравниваются с античными богами. Например, в «Артаксерксовом действе» Аман говорит: «Но желаем в ваше упокоение, дабы в вышних небесных пределех оный Фебус в зависть прочим приял, тогда убо множество богов лики познают, яко пред вами не суть велики. Кто весть, аще и самый Юпитер тебе возглаголет «Ты еси царь!», и ты на престоле своем восхощет посадити, Юнона же ты, о, царица, на колеснице имать возводити». В «Иудифи» Сисера сравнивает Юпитером Навуходоносора, а с Марсом — Олоферна. Один из второстепенных персонажей называет себя Меркурием, «понеже сию богиню Венус к Марсу привел есмь». В «Темир-Аксакове действе» после обращения к Алексею Михайловичу на сцене появляется одинокая фигура Марса «с воинскою свещею», произносящая «сяростию»: «Гром и большой пушечный наряд, град и стрельяние из мушкетов гранат, и ракеты огненные, молния и град, подкоп и разорвание! Выступи, Плут (Плутон. — Л. Ч.) изо дна земли з болшою яростию».

Почти целиком из античных персонажей состоял балет «Орфей»; к сожалению, о его постановке известно крайне мало. До нас дошли панегирические куплеты, посвященные царю, которые пел Орфей перед «французскими плясками», в передаче Якова Рейтенфельса. Слова, произнесенные главным героем в адрес царя, «прежде чем начал плясать между двумя движущимися пирамидами», мало чем отличались от других вступлений к придворным спектаклям: «Наконец-то настал тот желанный день, когда и нам можно послужить тебе, великий царь, и потешить тебя! Всеподданнейше должны мы исполнить долг свой у ног твоих и трижды облобызать их! Велико, правда, твое царство, управляемое твоею мудростью, но еще больше слава о доблестях твоих, высоко превозносящая тебя...» Далее говорилось о наступлении мирных времен после долгой войны (подразумевалась война с Польшей 1654–1667 годов). Правда, основная мысль — о величии русского царя — выражалась здесь уподоблением не единому христианскому Богу как в прологах к другим пьесам, а «богам»: «Высокие качества твои должно приравнять качествам богов, ибо тебе уже теперь все уступают». Звучало в словах Орфея и сравнение царя с небесными светилами: «О, светлое солнце, луна и звезды русских!» Заканчивалось вступление перед танцами словами: «Кто так

близок к божествам, тот должен процветать! Итак, зазвучи же приятно, струнный мой инструмент; а ты, гора-пирамида, приплясывай под мое пение».

Далее, собственно, и начинались «французские пляски». Весь балет длился полчаса и служил как бы прологом перед очередным просмотром самого любимого спектакля царя — «Артаксерксова действия». Из других источников известно, что в балете участвовали 20 мещанских детей, обученных танцам инженером Н. Лимой; они были одеты в киндячные платья пяти цветов, широкополые немецкие шляпы и немецкие башмаки. Скорее всего, «французские пляски», как назвал балет Рейтенфельс, представляли собой некие плавные движения под музыку, что само по себе было новацией в придворной культуре, ведь ранее ни танцы, ни инструментальная музыка никогда не использовались в качестве царского развлечения. Как мы знаем, Алексей Михайлович поначалу сопротивлялся сей новации, его с трудом удалось уговорить, что понятно, если вспомнить о том, что даже на его первой свадьбе звучали не привычные трубы и свирели с барабанами и тимпанами, а только религиозные песнопения царских певчих.

С другими персонажами из античных мифов русский царь познакомился, смотря «Комедию о Бахусе и Венусе». Помимо Бахуса (Вакха) и его супруги Венус (Венеры) в пьесе участвовали также их сын Купидон, пьяницы, девицы, «бордачник», отец пьяниц, слуги, музыканты, шут. Для Бахуса была изготовлена большая полотняная голова с приклеенными к ней волосами и бородой. Он восседал на винной бочке на колесах. Нетрудно предположить, о чем шла речь в пьесе, носившей, по-видимому, гротескный характер.

Можно представить, какое сильное воздействие оказывал театр на впечатлительного Алексея Михайловича.

Ему нравилось всё — и сюжеты пьес, и игра мальчиков и юношей, набранных из Мещанской слободы и детей придворных, и панегирики в свой адрес, и пафосные речи, и юмористические моменты... После каждого представления государь обычно награждал всех участников. Так, посмотрев премьеру «Артаксерксова действия», он особенно богатыми подарками (сукном, камками, деньгами) одарил семнадцатилетнего сына своего врача Блюментроста за «чинно» произнесенный вступительный монолог. Только однажды, после премьеры пьесы «Товий», монарх не проявил желания вознаградить постановщика и актеров за труды.

Вероятно, следует согласиться с тем, что своеобразие первого придворного театра обуславливалось переходным характером русской

культуры в целом, переплетением средневековых и барочных черт. Если воспользоваться излюбленным в XVII столетии сравнением театра с зеркалом, то можно сказать, что первый русский театр оказался на стыке восприятия внутренней сущности вещей и человека: средневекового отражения одним-единственным зеркалом — и системой выпукло-вогнутых зеркал эпохи барокко, преломляющих истину многократно и непредсказуемо.

За недолгий срок существования придворного театра уже наметилось очевидное направление его эволюции: от средневековой традиции, оперирующей сюжетами и персонажами Библии, к новым идеям, уводящим то к античной мифологии, то к исторической драме, то к зарождающемуся балету.

После смерти Алексея Михайловича в январе 1676 года театр был закрыт по настоянию патриарха Иоакима.

Музыка

Если музыкальная культура при дворах русских великих князей и царей до XVII столетия была почти точной копией народной, тяготела, с одной стороны, к скоморошеству, с другой — к церковным песнопениям, то в переходный период от Средневековья к Новому времени она была богата новшествами. Самыми значимыми переменами в ней можно назвать быстрое развитие светской инструментальной музыки и теории гармонии, появление партесного пения,^[29] превращение певчего в композитора, пишущего новую — барочную — музыку и записывающего произведения не крюковой нотацией, а на новом линейном стане.

При Михаиле Федоровиче придворная музыка была еще традиционной и близкой к народной культуре. При дворе числилось около сорока трубников и сурначей — исполнителей на различных духовых инструментах (половина из них проходила по документам Иноземского приказа), а также домрачей и гуслияры, игравшие на струнных, и ударники с бубнами, литаврами и барабанами (накрами и тимпанами). И. Е. Забелин указывает, что во дворце московских государей еще в XV веке появился первый орган, привезенный «органым игроцом» Иваном Спасителем, а Федор Иванович получил в подарок от английского дипломата и купца Джерома Горсея клавикорды (цимбалы).

В начале XVII столетия при царском дворе органы и клавикорды были уже не в диковинку и занимали свое место среди увеселительных инструментов в Потешной палате. «Цынбальник» Томила Бесов (безусловно, иностранец) в 1614 году входил в список царских музыкантов. На свадьбе Михаила Федоровича в 1626 году среди «веселых» (скоморохов), тешивших царских гостей музыкой, упомянуты «скрыпотчики Богдашка Окатьев, Ивашка Иванов, Онашка да Немчин новокрещен Арманка», домрачей Андрюшка Федоров и Васька Степанов, гусельники Богдашка Власьев со товарищи, а также игроки на цимбалах и варганах — целый придворный оркестр.

Царь, по всей видимости, очень любил слушать музыку, в том числе органную. В 1630 году голландские часовщики Анс и Мелхарт Луны подарили царю невиданный дотоле механический «струмент на органное дело», исполнявший музыку «без человеческих рук» и имитировавший голоса соловья и кукушки, фигурки которых украшали орган наряду с резьбой и росписью разноцветными красками по золотому фону. По

царскому распоряжению инструмент был поставлен в углу Грановитой палаты. В Москве концертировали заезжие органисты, среди которых было много поляков. Так, в 1638 году на царской службе числились органисты Юрий Проскуровский и Федор Завальский.

Однажды в 1644 году во время пребывания в Москве датского королевича Вальдемара в качестве жениха царской дочери Михаил Федорович, находясь у него в гостях, был поражен игрой прекрасного оркестра, привезенного датчанином в Москву. Государь проявил живейший интерес к иноземной музыке — снова и снова просил исполнить неизвестные ему европейские мелодии.

В XVII столетии при царском дворе существовал большой штат певчих дьяков, которые занимались переписыванием музыкальных рукописей, сочинением и исполнением церковных распевов. К концу века число певчих и придворных крестовых дьяков едва не достигало шестидесяти человек. Государев хор конкурировал с патриаршим, который также включал более пятидесяти певчих.

В документах Оружейной палаты, ныне хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, царские певчие упоминаются неоднократно. Так, известно, что в 1616 году певчому Самойле Евтихиеву было выдано государево жалованье: «два сукна на однорядку и на кафтан».

Алексей Михайлович с детства пристрастился к церковному пению и даже сам сочинял распевы, поэтому неудивительно, что он особо жаловал церковных певчих и столь же сильно не любил скоморохов. Во время его правления несколько раз издавались строгие указы, предписывавшие изгонять скоморохов из городов, отбирать и уничтожать их инструменты. По наблюдениям Григория Котошихина, свадебные пиры русских царей сопровождалась традиционной музыкой: «А как то веселие бывает, и на царском дворе и по сеням играют в трубки и суренки и бьют в литавры; а на дворах чрез все ночи для светлости жгут дрова на устроенных местех; а иных игр, и музык, и танцев, на царском веселии не бывает никогда». Но даже это «царское веселие» Алексей Михайлович на своей первой свадьбе отменил...

Однако новшества в музыкальной культуре, как и во многом другом, проявились именно в эпоху Алексея Михайловича. К концу жизни он изменил свое отношение к светской музыке. Новая инструментальная музыка сопровождала театральные представления придворного театра. Сначала царь был не очень доволен ее появлением в своем театре, но потом смирился. Сведения о музыкальном оформлении спектаклей можно почерпнуть из слов персонажей. Артаксеркс, например, приказывал: «Ныне

же трубы и тимпаны возглашают... Радуйтесь убо с пением и плясанием весь нынешний день со всяким веселием». Олоферна встречают «со вербами, со венцы и со свещами, воспевающе и увеселяющесея в тимпанах и свирелях».

В домах знати — царского дяди Н. И. Романова, князя В. В. Голицына и многих других придворных — было по несколько органов. В 1690 году после ссылки Голицына в казну попали «органы на деревянном крашеном рундуке, цена 200 рублей; органы на стоянце деревянном, цена 200 рублей; органы, цена 120 рублей; органы, цена 30 рублей; органы худые поломанные, цена рубль; клавикуорты писаны краски, цена 3 рубля; домра большая басистая (виолончель. — Л. Ч.) во влагалище деревянном черном, цена рубль; да сурна деревянная, цена 10 денег».

Несмотря на церковные запреты, светская инструментальная музыка продолжала существовать и развиваться, обретая всё больше поклонников среди царского окружения, и Алексею Михайловичу волей-неволей пришлось приспособливаться к новой моде. В царских потешных хоромаш тоже был не один органый инструмент. Среди них был большой четырехголосный орган «с рыгалом» (имитацией львиного рыканья на 270 труб; его, по-видимому, так часто использовали, что к 1687 году он пришел в негодность: «50 труб нет, кругом резьбы нет, клеветура (клавиатура. — Л. Ч.) поломаны»). Алексей Михайлович настолько ценил органы, что даже посылал их в дар южному соседу — персидскому шаху. В 1663 году он указал шляхтичу Симону Гутовскому сделать впрок «арганы большие самые, как не мочно тех больши быть, а сделали б на двенадцать голосов». Сам же мастер и отвез изготовленные инструменты в Персию, за что получил от царя 50 рублей.

Принял Алексей Михайлович и новшество в горячо любимом им певческом искусстве — партесное хоровое пение. Царь не прислушался к резкой критике новой манеры исполнения, звучавшей из уст «ревнителей древлего благочестия», в особенности протопопа Аввакума: «На Москве поют песни, а не божественное пение, по латыни, и законы и уставы у них латинские: руками машут, главами кивают, и ногами топчут, как обыкло у латинников по органам... Послушать нечего — по латыне поют, плясавицы скоморошьи». Напротив, архидиакон Павел Алеппский, посетивший в то время Москву, называл старое русское знаменное пение грубым, а новое партесное сладкозвучным и удивлялся, что русские «насмеваются над казаками за их напевы, говоря, что это напевы франков и ляхов».

Партесное пение пришло вместе с киевскими «вспеваками», прибывавшими в Москву в 1650-х годах по царскому приглашению и

указам патриарха Никона, а также по договорам со знатными ценителями певческого искусства Ф. М. Ртищевым, П. В. Шереметевым, В. В. Голицыным и др. Киевский распев зазвучал и в Успенском соборе Московского Кремля, и в Новоиерусалимском (Воскресенском) монастыре, и в московском Андреевском монастыре, и в других храмах, а также в домах аристократии. Партесное пение стало увлечением Алексея Михайловича — он даже составил четырехголосную хоровую композицию, — а также Федора Алексеевича. Известно, что в 1681 году царь Федор заказал сочинение партесного «Сказания о Страстях Христовых» (по одной из версий исследователей, его автором был Сильвестр Медведев), которое было исполнено в Великую субботу 2 апреля 1681 года двенадцатью певчими. В 1689 году от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей и «великой государыни царевны» Софьи Алексеевны была послана грамота «именитому человеку» Григорию Дмитриевичу Строганову с просьбой прислать в Москву в государев хор «двух лучших басистов и двух же самых лучших альтистов, и за сие ожидал бы милости».

Главные «новины» в музыкальной культуре произошли уже после смерти Алексея Михайловича. В конце 1670-х годов в Москву приехал выдающийся украинский музыкант Николай Павлович Дилецкий, мастер партесного пения, одно время руководивший хором у промышленника Г. Д. Строганова. В Москве он тесно контактировал с людьми, поддерживавшими новые веяния в культуре, прославился как автор хоровых многоголосных произведений, в частности Воскресенского канона, называемого специалистами «энциклопедией партесного пения». В одной из рукописей московского периода, содержащей канты, есть указание: «справлено Дилецким», — то есть он принимал участие в редактировании этого сборника. Вскоре московские музыканты признали Николая Дилецкого «пресловущим мастером»; композитор Василий Титов отдавал ему пальму первенства в композиторском искусстве, называя его «всех премудростию своею превосходящим инспектором», а себя «грубым» и «убогим».

В 1675–1681 годах Дилецкий создал главный музыковедческий труд переломной эпохи «Идея грамматики мусикийской», в котором собрал все существовавшие на то время приемы партесного пения и дал определение музыке: «...пением своим или игранием сердца человеческие возбуждает ко веселию, или сокрушению, или плачу». Для него эмоциональное воздействие на слушателей было главным. Он не видел ничего плохого в обращении композитора к мирскому пению: «...как и духовное, церковное, в своей основе имеет ут, ре, ми, фа, соль, ля...» Концерты исполнялись

после литургии во время причащения духовенства в алтаре для заполнения паузы — «ради праздного времени», поскольку «людям стоять без пения скучно». Дилецкий же считал сочинение концертов самым перспективным видом музыкального творчества, предвидя в них новый музыкальный жанр. Он предсказывал также развитие инструментальной музыки, излагал основы гармонии мажорного и минорного ладов и доказывал, что инструментальная музыка столь же важна, как и вокальная, а орган необходим для обучения композиторов искусству гармонии, в то время как ортодоксы, напомним, особенно осуждали именно орган и инструментальную музыку.

«Идею грамматики мусикийской» Николая Дилецкого предваряло предисловие, написанное дьяком кремлевского Сретенского собора Иваном Кореневым с целью разрешить все споры, шедшие тогда в русских певческих кругах, и защитить западноевропейские новации. Коренев порицал тех, кто видел в новых музыкальных явлениях утрату русской национальной традиции знаменного пения и приравнивал ее к утрате веры: «Истинный юродивый говорит: одно дело — русское знамя... а другое — музыкальная нота... если ты разделяешь пение, то я тщательно соединяю, сливаю и совокупляю. Ибо не только русское, но и греческое, и римское пение... для знающего одинаково».

И Дилецкий, и Коренев восхищались музыкой как «свободным художеством», отдавая предпочтение вокальной, однако допуская в светской («мирской») жизни и инструментальное исполнение — «пусть и на неодушевленных инструментах в радостный час восхваляют Бога». Автор «Идеи грамматики мусикийской» призывал создавать новые музыкальные сочинения в соответствии с требованиями риторической теории: они должны были иметь *inventio* (изобретение), *dispositio* (расположение), *elocutio* (украшение). В разделе о расположении частей музыкального произведения теоретик уделил особое внимание вступлению («О эскордии, то есть о начале композиции») и заключению («О сочинении каденций»), которые следовало особо выделять.

Многоголосная хоровая музыка концертов, псалм (трехголосных духовных песен), кантов была лиричной и близкой к народной песне, простой в исполнении, легко запоминалась, а посему быстро завоевала популярность и начала использоваться для домашнего музицирования. При этом новая музыка отличалась такой малозначимой ранее характеристикой, как ритм, что облегчало ее восприятие. Динамика, заложенная в самых основах музыки Нового времени, проявилась в произведениях Ивана Протопопова, Степана Беляева, уже упомянутого Николая Дилецкого,

Симеона Пекалицкого, Ивана Календы и других композиторов. Так, Беляев и Протопопов создавали партесные гармонизации древнерусских песнопений.

Крупнейшим композитором переходной эпохи являлся Василий Титов, сочинивший более двухсот музыкальных произведений: литургии, циклы «Богородичны воскресни», «Догматики», около сотни партесных концертов, насчитывающих порой 24 голоса. Ему приписывают кант «Все языци руками плещите...», включающий помимо переложенного 46-го псалма, приветствие царю Федору Алексеевичу. С 1678 по 1698 год он значился царским певчим дьяком, к концу столетия его называют также «верховым диаком, царственным мастером, что у Спаса в Нове» (то есть при кремлевском Новоспасском храме). Одним из самых известных его произведений был цикл барочных песнопений к «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого, созданный после 1680 года. Рукопись со своим сочинением композитор поднес царевне Софье, предварив его стихотворным посвящением:

...Псалтырь вершами новоизданная
Во славу Богу написанная
Нотами ново улепототвався,
Ей же, премудрой царевне, подася
От Василий диака певчего
Титова, раба их всемирного...

В 1690-х годах он слыл уже известным композитором, сочинил концерты «Златокваную трубу восхвалим днесь...», «Всеи Скорбящим Радосте...» и др. Музыка Василия Титова была только хоровой (во всяком случае, пока не найдено его инструментальных сочинений), но он проявил себя как сложившийся, мощный и своеобразный композитор, прекрасно освоивший барочную теорию гармонии и создававший такое великолепие хорового исполнения на множество голосов, которое сравнимо со звучанием целого оркестра.

Глава шестая
ЦАРСКИЕ ЗАБАВЫ

Домашние «потехи»

В то время как церемониал представлял собой наиважнейшую часть придворной культуры, царские потехи составляли ее развлекательную часть. До XVII века они мало чем отличались от народных: кулачные бои, представления скоморохов, прогулки в садах, придворные певчие, «калики перехожие» с былинами и духовными стихами, шутки карликов и уродцев, обитавших при царском дворе. В зависимости от личных склонностей царя в повседневной жизни двора преобладали те или иные составляющие традиционного набора развлечений.

При Михаиле Федоровиче большинство обитавших при дворе «потешников» играли на гуслях, домрах, трубах, литаврах, накрах. Правда, и среди подобных занятий можно найти неожиданные «инновации». К примеру, в 1642 году иноземец Ивашка Ермис подал царю челобитную, в которой рассказал, что ранее обучал «государевых трубников двадцать человек да из Иноземского приказа девятнадцать человек., ходить по канату и метальники метатца», теперь же ему поручили «великое дело» — обучать стрельцов «ратному строению», которое без переводчика не осилить, поскольку русский язык ему «не весь сполна за обычай». Когда 15 июня был назначен смотр шести сотням обученных Ермисом стрельцов, вскрылось, что канатоходец и фокусник из Европы с поручением не справился, вследствие чего и появилось упомянутое прошение.

Михаил Федорович любил играть в шахматы, шашки («саки»), смотреть в подзорные трубы — их у него имелось несколько. Известно, например, что такой оптический прибор был куплен для него в 1614 году у московского гостя Михаила Смывалова: «брусок скляной, во что смотрятца: трубочка, что дальнее, а в нее смотря, видится близко». Тогда же царь приобрел и «очки хрустальные, с одной стороны гранены, а с другую гладки, что в них смотря, много кажется». Видимо, подобный оптический обман развлекал монарха, любившего различные диковинки и «хитрые» устройства «на немецкое дело». У него для потехи имелось несколько «ящичков», в которых под стеклом размещались различные «вощаные» фигурки, составлявшие сценки: «мужик с женкою, жена со младенцем на осяти, мужик наг, а за ним лев, три жены со младенцем, мужик вощяной стар с бородою да голова звериная, немка вощяная волосата с ребенком да собака» и т. п. Среди диковин значатся также «бочечка костяная точеная, в ней лунное течение да часы солнечные», и

«сосуд — птичка хрустальная, под нею под крылы и у поддона золочено, крылышко вымаётся». Были у царя и «большое зажигательное стекло», то есть лупа, «магнит в серебре, железо гранено с костыльком». Все эти предметы можно было рассматривать часами, забавляясь самому и развлекая домочадцев.

Традиционной потехой всей царской семьи служили попугаи и другие комнатные птицы. Попугаев привозили иностранцы в дар государю. Например, в 1613 году английский купец Фабиан Ульянов поднес Михаилу Федоровичу попугая в железной клетке, а в декабре 1620-го года английский посол князь Иван Ульянов Мерик — двух индийских попугаев. Попугаи забавляли царя даже во время деловых встреч, о чем свидетельствует челобитная дьяка Булгака Милованова: 10 апреля 1622 года, придя по делам в государевы покои, он лишился шапки, которую поклевал попугай. Михаил Федорович, конечно же, пожаловал ему новый головной убор взамен испорченного, но про себя наверняка повеселился по сему курьезному поводу. Попугаи были всеобщими любимцами, для них даже пекли специальные лепешки.

Алексей Михайлович продолжил эту традицию. Он заказывал птиц иноземным купцам (в 1654 году Андрей Виниус и Иван Марсов доставили из-за границы трех попугаев, а еще один умер, не перенеся дальней дороги). В 1667 году государь узнал, что в Новоиерусалимском монастыре живут попугаи бывшего патриарха Никона, отправленного в дальнюю ссылку, и приказал привезти их во дворец. Правда, были доставлены только два попугая — серый и зеленый; остальные вроде бы не дожили до переселения в царские хоромы. Царь неоднократно дарил птиц супруге. В 1650-х годах у царицы Марии Ильиничны жили пять попугаев.

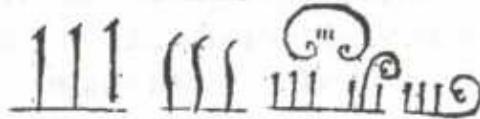
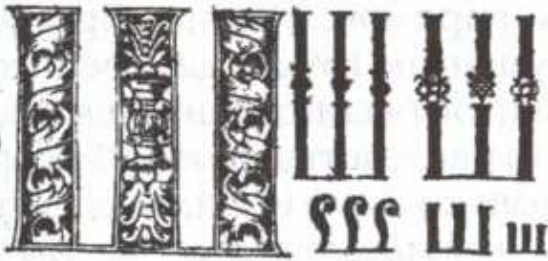
Канарейки были практически у всех членов царской семьи. Их тоже либо принимали в дар от иностранцев, либо покупали в Охотном ряду по довольно высоким ценам (за шесть — восемь рублей). Например, у царевича Алексея Алексеевича была канарейка, «которая на руке поет», подаренная голландскими и гамбургскими купцами. В дворцовых покоях также висели клетки с менее экзотическими птицами: соловьями, снегирями, щеглами, перепелками и пр. Мелких птах часто помещали в одну клетку на два — четыре яруса. Из документов Оружейной палаты известно, что в 1669 году для царских хором было сделано десять проволочных клеток для домашних птиц.

Царица Евдокия Лукьяновна, слышавшая среди придворных «простушкой» из незнатного рода, выросшей в полях и лесах, как будто даже подтверждала эту репутацию своими потехами. У нее в покоях

обитали лесные зверушки. В 1628 году для царицыных горносталя и белки были куплены медные цепочки, а для последней еще и колокольчик.

При Алексее Михайловиче придворных домрачеев и трубников потеснили «верховые богомольцы», певшие духовные стихи и рассказывавшие «старины». Вместе с ними в особых теремах жили и царские «дураки» — шуты, а также «карлы». (Впрочем, карликов и других шутов держали все члены царского семейства. Как отмечает И. Е. Забелин, царевен практически безотлучно сопровождали их любимые карлицы.) Алексей Михайлович заботился не только о «верховых карлах», но и о их семействах. Для первых на Казенном дворе постоянно шилось платье. Так, в апреле 1674 года для Петра Бисерова были сшиты суконный кармазинный кафтан с серебряными позолоченными пуговицами и шапка. Когда карлик Петр Гаврилов умер, то его мать и сестру государь определил в богадельню царицы Марии Ильиничны, располагавшуюся у Боровицких ворот.

Среди тихих игр Алексей Михайлович отдавал предпочтение шахматам, коих у него было великое множество. Он и детей своих приучал к игре в шахматы и шашки. Так, по указу царя в апреле 1672 года в покои царевича Федора были отправлены две шахматные доски «писаны по золоту цветными красками». Вообще Алексей Михайлович очень внимательно следил за потехами своих отпрысков: игрушки для них делали лучшие мастера, а расписывали ведущие художники Оружейной палаты. Показательна в этом плане история с созданием потешной лошадки. В Оружейной палате сохранилось более десятка документов, связанных с изготовлением в 1673 году игрушечной лошадки для годовалого царевича Петра, покрытием ее белой кожей с шерстью, созданием драгоценной сбруи (уздечка была из серебра с чернью). Всё, что окружало царских детей, должно было быть красивым. По требованию Алексея Михайловича даже стрелы для игрушечных луков золотили мастера Оружейной палаты. Ведущий живописец Иван Салтанов параллельно с росписью нового царского дворца в Коломенском в 1672 году должен был раскрашивать пять барашков, двух козчиков и две булавы для царевича Федора!

SZ^β

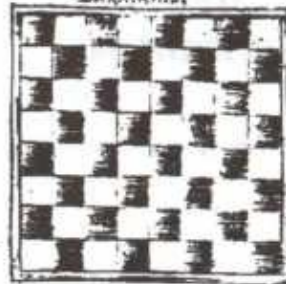
ШИШАКЪ

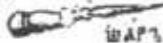
ШАПКА

ШАХМАТЫ

ШИЛО

ШАРЪ

ШУБА

Въ слакнорѣскомихъ
имѣють дѣло
Шапка поперекъ
ширинка великъ
Шило едомостивѣ
иноше бѣланъ
Гласъ шаръ вездѣ
вѣгрьѣ шахматѣ
Безпогѣ мошно
токъмъ все творѣ

пиемъ шѣ изъщѣ
писанемъ вѣ лицѣ
и женѣ и мужу
шпирѣти нѣжѣ
шншакъ вѣ полкѣ нѣженѣ
людѣмъ вѣсмѣ хѣсѣженѣ
вѣсѣжѣтѣ тѣи капѣнѣ
нѣ всамѣи сѣипѣнѣ
имѣтѣи забѣвѣ
нѣ ежѣю слѣкѣ

Федор Алексеевич, воспитанный на потехах и увеселениях отца, также любил и шахматы с шашками, и комнатных птиц. Еще в бытность его царевичем в его покоях жили канарейки в двух клетках и попугай. В 1678 году по его повелению были изготовлены три большие клетки для попугаев и пять канареечных. В 1680-м у часового мастера Ивана Яковлева были куплены для государя три канарейки вместе с клеткой. Птицы в клетках служили для царского увеселения и в загородных дворцах. Известно, что в Преображенском в 1671 году в покоях Федора висела птичья клетка «о четырех житьях», то есть на четыре яруса. Были в Преображенском и попугаи; по документам 1692 года известно, что для подъема и спуска клеток были сделаны две медные «векши» (блока).

По наследству от отца Федору Алексеевичу достались не только 8200 икон, поднесенных Алексею Михайловичу монастырями и частными лицами, но и разные диковины, в том числе сосуд из нефрита по цене шесть тысяч рублей! У царя было несколько комплектов шахмат, от дорогих и изысканных до самых обыкновенных. Федор интересовался различными техническими новинками. — у него имелись заграничный компас в «костяном кожухе», увеличительные стекла и другие приборы, как правило, подаренные послами и посланниками европейских стран. Вынужденный подолгу не покидать своих покоев, Федор Алексеевич значительно больше, чем его отец и дед, был привержен к тихим «утехам» и «отдохновениям».

«Ловы»

Охота, в отличие от народных потех, считалась занятием царским. Охота на медведей и лосей была опасным делом, достойным настоящих мужчин. Именно ей отдавал предпочтение Михаил Федорович, пока позволяло здоровье. В Кремле держали «дворных» медведей, и порой царь любил посмотреть, как псаря устраивают медвежью травлю, загоняя зверя. Иногда эта потеха кончалась трагически. Так, 11 сентября 1620 года псаря Кондратий Корчмин и Сенька Омельянов «тешили государя дворными медведями гонцами», но не сладили со зверем, и он «изъел у Кондрашки руку, а у Сеньки изъел голову». Сохранилось множество известий о том, что государь жаловал смельчаков, выходивших на поединок с медведем, давал деньги «на лечбу» ран от медвежьих лап и зубов, дарил новые кафтаны взамен изодранных зверем. Видимо, Михаилу Федоровичу очень нравилось наблюдать, как псаря и стрельцы, вызвавшиеся потешить государя, ловко орудуя вилами и рогатинами, нападая на медведя или защищаясь от него. Государь не забывал об охоте даже во время «Троицына хода» на богомолье и сына начал сызмальства приучать к медвежьей потехе. Например, в 1631 году в селе Тайнинском во время первой остановки по дороге к Троице стрелец Андрей Прох развлекал царя и двухлетнего царевича Алексея борьбой с медведем (правда, вряд ли эта потеха была кровавой — она представляла собой скорее игру).

Михаил Федорович охотился и на других зверей. Так, в 1637 году, будучи по меркам того времени уже немолодым (ему перевалило за сорок), царь «тешился» охотой на лося, оставив «беречь Москву» боярина князя Ивана Андреевича Голицына, князя Андрея Васильевича Хилкова и окольничего Степана Матвеевича Проестева. Любил он и соколиную охоту, хотя и не так страстно, как его сын. Во всяком случае, в 1631 году придворный потешник Иван Лодыгин развлекал государя и его сына соколами. Не тогда ли маленький царевич Алексей полюбил эту забаву, да так, что оставался верен ей всю жизнь?

Царь любил упражняться в стрельбе из лука и пистолета по мишеням, особенно по колпакам и шапкам своих слуг. Находилось много желающих угодить государю и подставить свой головной убор под его стрелы. Все знали, что испорченный колпак обернется щедрым пожалованием. Весной 1636 года семилетний царевич Алексей начал подражать отцу в стрельбе по колпакам; правда, для его забавы головной убор был не снят с головы

придворного, а куплен в Колпачном ряду.

К охоте на крупного зверя наследника престола стали приучать после совершеннолетия. В 15 лет он уже ходил на медведя, причем делал это довольно часто. В 1644 году царевич пригласил на медвежью охоту датского королевича Вальдемара, жившего тогда в Москве в качестве жениха царевны Ирины Михайловны. Обычно охотились с длинной, в человеческий рост, рогатиной. Нужно было вонзить рогатину точно в горло поднявшегося на дыбы зверя и держать, пока он не ослабеет от потери крови. Если же медведь двигался на четырех лапах и бросался всем телом, охотнику надо было попасть рогатиной в медвежью грудь. Только очень смелый и уверенный в своих силах человек мог совершить короткий, без замаха, но очень мощный удар рогатиной.

В первые годы своего царствования Алексей Михайлович тоже выезжал «тешиться на медведя». Существует предание, согласно которому в одну из таких охот в звенигородских лесах вышедший из чащи медведь бросился к царю, оказавшемуся в одиночестве, без свиты, отправившейся искать медвежье логово. Алексей Михайлович чуть не простился с жизнью, но в это мгновение рядом с ним возник чернец, при виде которого зверь ретировался. На вопрос царя, как его зовут, старец ответил: «Савва»; но в близлежащем Сторожевском монастыре не оказалось ни одного монаха с этим именем. Тогда-то все поняли, что спас государя святой Савва. Якобы после этого знамения произошло обретение честных мощей Саввы Сторожевского...

Сохранилось шутивное письмо Алексея Михайловича, датированное 1646 годом и адресованное «старым» боярам Б. И. Морозову, Н. И. Романову, Я. К. Черкасскому и другим, с приглашением приехать в село Озерецкое и принять участие в медвежьей охоте. Послание царь написал собственноручно от имени своих «полчан» — компании молодых друзей, в основном сыновей старых бояр, оставшихся в Москве; «полчане» же — Ф. М. Ртищев, Ю. А. Долгоруков, Ю. И. Ромодановский и др. — «приложили руку», то есть подписали царскую «челобитную». Государь как будто упрашивал стариков уважить его и присоединиться к охотничьему «полку»: «Пожалуйте, поступитеся, о чем я вас со своими полчаны прошу». Царь предлагает два варианта времяпрепровождения в Озерецком. Первый вариант: в среду он едет «братъ медведя», а «как Бог даст изымет», будет «кушать» с гостями, ночевать отправится в деревню Козловскую, а в четверг снова на охоту. Второй вариант был проще и безопаснее: из Озерецкого ехать в дворцовое село Павловское, «приехавши б в четверг мне кушить, и кушавши б мне с тупными медведями тешится старыми, а

послать по ним заранее», а в пятницу всем вернуться в Москву. Чтобы убедить бояр приехать, царь прибегает к характерному приему — напоминает, какие их личные просьбы (о пожаловании в чин, воеводстве, отпуске со службы, отсрочке в судебном деле) он не оставил без внимания. Так, к князю Федору Семеновичу Куракину обращены слова: «А ты боярин... бивал челом почасту в деревню и я тебя всегда жаловал, отпускал». К сожалению, неизвестно, приехали ли к молодому монарху его старые бояре «тешиться на медведя» или отписались, сославшись на государственные дела.

В зрелые годы Алексей Михайлович переключился на соколиную охоту, которой отдавался со всей страстью. Он внес в эту потеху элементы «чина». Соколиная охота была подчинена приказу Тайных дел. Сокольники стали приближенными слугами, особо доверенными людьми царя — им поручалось немало государственных дел, явно не входивших в их компетенцию. Соколы превратились в самый дорогой подарок государя своим придворным в знак отличия и особого поощрения. Так, за заключение договора с Польшей об избрании Алексея Михайловича на польский престол после смерти Яна Казимира глава Боярской думы Никита Иванович Одоевский получил в награду аж четырех кречетов! Царь также дарил ловчих птиц персидскому шаху. 15 мая 1672 года он указал отправить «к Сулейману Шохову Величеству в подарках с Андреем Приклонским 5 кречетов со всем птичьим нарядом». Руководство своими любимыми птицами царь доверил самым близким друзьям детства — Афанасию Матюшкину (1650) и Василию Голохвастову (1674). Сохранилось письмо, в котором государь наставлял Матюшкина, как организовать дело: «..да однолишно б вам с Васильем для Бога и для меня быть в совете и любви; а будет вы Бога и меня не послушаете, и вы да будете прокляты в сей век и в будущий... И сокольником приказать, чтоб они так же были в совете меж себя и в дружбе и раздору б меж их не было никакова». В конце обстоятельного письма монарх демонстрирует принцип кнута и пряника: «Я тепере кладуся на вас во всём, как лутче так и делайте; а будет вашим небрежением Адарь или Мурат, или Булат, или Стреляй, или Лихач, или Салтан умрут, и вы и меня не встречайте, а сокольщиков всех велю кнутом перепороть, а если убережете, и вас милостиво пожалую, а сокольников также пожалую».

В 1656 году по приказанию царя была составлена «Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути». В работе над ней, несомненно, участвовал сам Алексей Михайлович, поскольку в подлиннике есть приписки, сделанные его рукой, а многие положения этого

объемного труда перекликаются с идеями, изложенными в царских письмах. В частности, в наставлении сокольникам, процитированном в «Уряднике», царь указывал их обязанности: «...тешить нас, великого государя, от всего сердца своего до кончины живота своего, и во всём нашем государеве повелении быть готову с радостию, и во всякой правде быть постоянно, и твердо, и однослову, и ото всякова дурна быть чисту, и за нашею государевою охотою ходить прилежно и безскучно, с радостною охотою...» Он внес в «Урядник сокольничья пути» собственноручную правку — после слов, призывавших не забрасывать из-за соколиной охоты важных дел («Правды же и суда и милостивыя любве и ратного строя николи же позабывайте») — добавил: «Делу время и потехе час». Царь заменил в известной поговорке противительный союз «а» на соединительный союз «и», чем в корне переиначил ее смысл, поскольку теперь явственно проступало равноправие дела и потехи. Тем самым государь защищал свое право на потеху как закономерную часть царева чина, в котором всё должно быть в меру. Правда, Алексей Михайлович мог заниматься охотой целыми днями, забывая обо всём на свете, даже в период паломнических поездок, не говоря уже о военных походах во время русско-польской войны, когда сокольники с птицами сопровождали его постоянно.

В «Уряднике» подробно описывались действия сокольников (с указанием имен и фамилий), их слова, костюмы и обувь. Сначала шли три статьи, посвященные подготовке к охоте («Статьи до государева пришествия ко устроению, ко уряжению, к славочестию нововыборному»), а затем описание сокольничего чина «по прибытии государя» — например: «...приняв кречета, мало подступает к царю и великому князю благочинно, смиренно, урядно; и станет поодоле царя и великого князя человечно, тихо, бережно, весело и кречета держит чесно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявително к видению человеческому и х красоте кречатье». Почти в каждой статье упоминаются чин и красота, становясь рефреном: «Время чина и час красоты».

«Урядник сокольничья пути» подробно описывает поставление в «начальные (главные. — Л. Ч.) сокольники». Для совершения церемонии специально приготавливали сокольничью избу: в переднем углу на лавке оборудовали место для царя (стелили ковер, на него клали пуховую подушку), напротив обустраивали «поляново» для посвящения — в центре клали сено и покрывали его попоной, а по углам ставили четыре стула, на которых сажали соколов — двух самцов («челигов») и двух самок-«дикомитей»). На отдельном столе позади «полянова» лежали наряды сокольника и птиц. Для сокольника предназначались горностаевая

шапка, перевязь через плечо с небольшой бархатной сумкой, на которой золотыми нитями была вышита райская птица Гамаюн, а также рукавица с особыми «притчами» (по мнению И. Е. Забелина, под «притчами» подразумевались изображения поощрения — в виде богатого кафтана — и наказания, которое символизировала тюремная решетка). Кроме того, сокольник должен был иметь «кречатьи вабила» (два связанных крест-накрест гусиных пера на длинном шнурке с крюками и с «кляпышами» на вертлюгах-шарнирах — перья подбрасывались вверх для приманки птиц), а также «тулунбас» — маленький барабан или бубен — и серебряный рожок. Для птиц изготавливались клобучки, закрывавшие голову, колокольцы, «обнажцы и долгики» (ремешки). Около стола выстраивались рядовые сокольники в «лучших платьях», чтобы подчеркнуть торжественность момента. Новоизбираемого начальника обряжали в дарованные царем цветной кафтан и желтые сапоги. Когда всё было готово, государь входил в избу и садился, а подсокольник, ведущий церемонию, обращался к нему с вопросами, испрашивая разрешение начать то или иное действие: «Время ли, государь, образцу и чину быть?»; «Время ли... по нововыборного посылать и украшения уставлять?» и т. п. Весь процесс наряжания птиц детально изложен в «Уряднике». Особо подчеркивалось, что сокольники должны обращаться с птицами «тихо и стройно», «премудровато и образцовато», а к царю подступать «благочинно, смиренно, урядно, становится поодаль человечно, тихо, бережно, весело».

Опуская подробности, отметим только, что в «Уряднике» расписан чин посвящения в начальные сокольники — он содержит речи царя и новоизбранного, последовательность действий церемонии шаг за шагом, с указанием всех предметов, входивших в набор сокольника (к сожалению, без разъяснения их назначения и описания внешнего вида). Ритуал завершался словами подсокольничего при вручении кречета новоизбранному начальному сокольнику: «Великий государь... указал тебе свою государеву охоту отдать челига кречатья и иныя птицы; и тебе бы ходить за ево государевую охоту прилежно, с радостью, от всего сердца своего, и хранить его государеву охоту как зеницу ока, безо всякой лености, со всяким опасением, и его государя тешить до конца живота своего безо всякия хитрости...» Посвящаемый принимал кречета «образцовито, красовито, бережно; держал честно, смело, весело, подправительно, подъявительно к видению человеческого и ко красоте кречатьей; стоял урядно, радостно, уповательно, удивительно и, приняв кречета, не кланялся, доколе шапку положат, потому что шапкою венчалось всё дело». В реальности «дело венчалось» не горностаевой шапкой, возлагаемой на

голову новоиспеченного главного сокольника, а царским угощением, устраиваемым в той же избе.

Из «Урядника» и писем Алексея Михайловича совершенно недвусмысленно явствует, сколь серьезно воспринимал он соколиную охоту. Он любил рассказывать всем и каждому, как надо заботиться о птицах, учить их, как вести охоту. Государя радовал не только высокий и красивый полет, как охотник он добивался, чтобы ловчие птицы не просто хорошо летали, но и «слезали» на добычу. Так, в одном из писем Алексей Михайлович восхищался: «...отпустили сокола... так безмерно какво хорошо летел, так погнался, да осадил в одном конце два гнезда шилохвостей... да вдругоряд погнался, так понеслось одно утя шилохвост, как ее мякнет по шее, так она десятью перекинулась...»

Всё, что требовалось сокольникам и их подопечным птицам, изготавливалось на казенные деньги и отличалось красотой и даже изысканностью. Царь призывал и собственных сыновей, и всех придворных: «Будьте охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно и угодно, и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякие...» Он брал с собой на соколиную охоту не только сыновей, но и жену с дочерьми. Например, в последние годы жизни вся царская семья часто «тешилась», наблюдая за ловчими птицами в Коломенском, Измайлове, Алексеевском, Соколове и других загородных вотчинах. Бывало, что соколиную охоту устраивали в пригородах столицы, на Девичьем поле, в Сокольниках и других местах. Конечно, в конце жизни царь уже не мог целыми днями заниматься соколиной охотой, да и количество выездов на нее сократилось.

Охота не стала любимой потехой юного Федора Алексеевича, который из-за болезни ног был малоподвижен. Но стрельба из лука ему нравилась, у него было большое количество луков «государевой статьи» и «расхожих турецких», из которых он стрелял в основном при посещении загородных усадеб. Среди его потех преобладали конные прогулки, книги, сады и музыка. Заменой охоты стало для него увлечение лошадьми.

Еще в детстве у царевича было 27 «потешных» лошадей, а также верблюды и осел. В Кремле от Боровицких ворот вдоль Москвы-реки в гору тянулось здание Конюшенного дворца («аргамачных конюшен»). Там содержались не только аргмаки (скаковые лошади восточной породы), но и иноходцы, мерины, жеребцы, лошади «государева седла», а также «возники» — упряжные, возившие сани, колымаги, кареты. Число их доходило до 150, а в подмосковных царских конюшнях по данным 1681 года содержалось пять тысяч лошадей.

Федор Алексеевич много читал о лошадях и собирал литературу о них. Так, в 1677 году ему подарили перевод французской книги Антуана де Плювинеля (Антония де Плувинелла) «Наставление королю в искусстве верховой езды» («Учение, како подобает объезжати лошадей, се есть художество о яздении»), а чуть позднее перевод с немецкого языка «Книги конского учения» и перевод с польского «Руководства по коннозаводству». Наверняка были и другие переводные книги, посвященные коневодству. Страсть к лошадям еще в детстве обернулась для Федора неприятностью — при падении с лошади он получил травму, которую некоторые исследователи считают причиной болезни его ног; однако сохранилось заключение консилиума иностранных докторов, что болезнь эта проистекала не от внешних причин, а от «внутреннего устройства» «персоны царской».

При дворе Федора Алексеевича не просто разводили лошадей, но было организовано некое подобие конного цирка, в котором лошади проделывали разные удивительные маневры. Сохранилось описание одного из представлений, организованных «конного учения мастером» Тарасом Ростопчиным. Сначала кони прыгали то на двух, то на четырех ногах, изгибая при этом тела «в странные дуги». Затем трюки усложнились: четыре коня стали крестообразно и начали прыгать и скакать, «как будто они стремились превзойти друг друга в ловкости». Одну лошадь дрессировщик заставил встать на колени и отбить земной поклон царю по русскому обычаю, после чего она легла «спать» в обнимку с конюхом. Самым сложным, пожалуй, был аттракцион, в котором лошадь подняла передние ноги и оперлась ими о стену, в это мгновение один конюх вскочил ей на спину, а другой захватил ее передние ноги и положил их себе на плечи. Затем лошадь двинулась на задних ногах и, по замечанию голландца Конрада фан Кленка, оставившего это описание, «она стала даже искать в голове конюха, как это делают обезьяны». Конечно, подобные трюки, да еще юмористически окрашенные, вызывали у публики смех и, по видимому, доставляли юному царю, заядлому лошадинику, несказанное удовольствие. Мастера «конского учения» получали богатое вознаграждение за этот «лошадиный театр», который как бы заменил царю Федору театр настоящий, созданный при его отце и прекративший существование после его смерти под влиянием патриарха Иоакима.

Стремлением царя к ограничению роскоши был вызван указ об использовании упряжек в шесть лошадей: боярам, окольниковым и думным дворянам разрешалось ездить в санях или каретах, запряженных парой, в праздники — четверней, и только на сговоры и свадьбы — шестерней;

стольникам, стряпчим и дворянам полагалось зимой запрягать в сани одну лошадь, а летом ездить верхом.

«Вертограды» [30]

В XVII столетии сад, и до того являвшийся неотъемлемой частью русской жизни, приобрел в придворной культуре новый статус, особую эстетическую значимость и ценность, превратился из простого места отдыха и выращивания плодовых или лекарственных насаждений в объект любования, созерцания и наслаждения. Теперь сады имели причудливую планировку, украшались беседками, скульптурами, фонтанами, каскадами и водопадами, они должны были удивлять посетителей и демонстрировать эрудицию хозяина.

Ренессансные и барочные достижения в развитии садового искусства, уже давно широко использовавшиеся в Западной Европе, в это время проникли и в Россию. Московские государи и их приближенные в своих городских или загородных усадьбах воплощали в жизнь проекты новых садов, приглашая для этой цели зарубежных специалистов и щедро вознаграждая их за труд.

Христианское представление о саде так или иначе восходило к образу рая — места абсолютного благоденствия и изобилия, изначально данного человеку Богом и утраченного в результате нарушения установленного там порядка. Рай как идеальная, рационально обустроенная среда обитания был тем недостижимым образцом, на который ориентировались христиане в освоении окружающей природы и создании своего обжитого пространства (поселения, храма, жилища, рода, сообщества и т. п.), противопоставляемого дикому и неорганизованному пространству. При этом сад определенным образом олицетворял связь мира, обустроенного человеком, с Эдемом, созданным Господом.

По данным 1702 года, царское семейство владело пятьюдесятью двумя садами в Москве и Подмосковье, в которых насчитывалось 46 694 яблони, 1565 груш, 9136 вишен, 582 сливы, 17 лоз винограда, семь деревьев грецких орехов, 23 дерева чернослива, восемь кедров, две пихты, тысячи кустов смородины, малины, крыжовника, шиповника и много других растений.

В Кремле до XVII века сады существовали как жизненно необходимый придаток царского быта. Они создавались прежде всего для хозяйственных нужд, состояли из плодовых деревьев, типичных для среднерусской полосы (яблонь, груш, слив, вишен и др.), а также кустарников смородины, малины, крыжовника, шиповника и пр. Были и так называемые красные

сады — как правило, небольшие парадные садики для прогулок и отдохновения. Они могли включать в себя три-четыре дерева и несколько кустарников и цветников.

В царствование Михаила Федоровича в Кремле на скате Боровицкого холма были устроены на сводах старых разрушенных дворцов Бориса Годунова и Лжедмитрия I набережные сады — Верхний и Нижний. По свидетельству современников, государь интересовался разведением садов, тратил много средств на приобретение за границей новых, неизвестных в России дорогих растений. Так, по его указу гамбургский купец Петр Марселис, снабжавший царский двор заграничными товарами, привез в Москву махровые и прованские розы. Немецкий ученый Адам Олеарий свидетельствует о том, что розы эти были взяты из готторпских садов герцога Голштинского. По приказанию Михаила Федоровича в Астрахани были заведены царские виноградники, из собираемых с них ягод изготавливалось вино, поступавшее в государевы погреба. Например, в 1630 году было отправлено в Кремль 50 бочек белого и красного вина. При Михаиле Федоровиче виноградные лозы посадили даже непосредственно в кремлевских садах, где уже шел эксперимент по выращиванию грецких орехов.

Алексей Михайлович уделял садам столь же большое внимание, как и его отец. Он также выписывал из-за границы растения. Так, в 1654 году «августа 22 пришли... на голландском корабле иноземцы гость Андрей Виниус да Иван Марсов и сказали воеводе Борису Пушкину, что де по царскому указу купили они на государев обиход заморем в Голландии... девятнадцать дерев садовых заморских овощей: 2 дерева оранжевых яблоч (апельсинов. — Л. Ч.), 2 дерева лимонных, 2 дерева винных ягод (шелковицы. — Л. Ч.), 4 дерева перзиковых слив, 2 дерева априкозовых яблоч, 3 дерева шпанских вишен мореллен, 2 дерева миндальных ядер, 2 дерева больших сливы».

Во времена Тишайшего кремлевские сады уже не могли конкурировать с загородными усадебными, располагавшимися в царских резиденциях, в особенности в Измайлове, но Федор Алексеевич снова стал уделять им много внимания. Со стороны набережной Москвы-реки сады защищала каменная стена с окнами, с внутренней стороны была построена каменная же решетка. По углам Верхнего сада стояли большие беседки, в которых можно было «прохлаждаться», любуясь окрестными видами на реку и Замоскворечье. В 1681 году был выкопан пруд, дно и стенки которого выложили свинцовыми плитами. Этот водоем стал первым «морем» для будущего императора Петра I, который в раннем детстве плавал по нему в

потешных карбасах и шнявах. При Федоре Алексеевиче в Верхнем и Нижнем набережных садах помимо плодовых деревьев и кустарников (яблонь, груш, вишен, смородины и пр.) выращивались лекарственные травы (гвоздика, анис, шалфей, тимьян) и цветы, в том числе розы. Так, по описи 1702 года в Верхнем набережном саду насчитывалось 130 яблоневых деревьев, 25 грушевых, восемь кустов винограда, куст барбариса, 23 куста шиповника, 410 кустов смородины, шесть кустов красных пионов, девять ящиков гвоздики. Тогда же в Нижнем набережном саду росло шесть виноградных лоз, 25 кустов шиповника, десять кустов красной смородины и 20 черной, десять кустов малины, тысяча «тюльпанов цветных» и три тысячи средних и мелких, 70 нарциссов, 82 лилии, пять ящиков гвоздики и пр. Тюльпаны привозились из Голландии и стоили очень дорого.

Садовники царя Федора продолжили опыты по выращиванию южных растений, начатые еще при деде и отце государя. В кремлевских садах были разбиты виноградники и бахчи с арбузами и дынями. Для вызревания плодов теплолюбивых растений впоследствии были устроены 12 оранжерейных палат (по шесть в каждом из набережных садов), отапливаемых изразцовыми печами. В летнее время сады защищались от птиц сетями из медной проволоки. Построенная в 1687 году Водовзводная башня доставляла воду для полива растений.

Примечательно, что обустройство Нижнего набережного сада включало и картины «преоспективного письма», которыми художник Петр Энглес, когда-то создававший декорации для постановок в придворном театре Алексея Михайловича, украсил стены, беседки, столбы и решетки.

Практически возле каждого жилого помещения Кремлевского дворца существовали маленькие садики, называемые «красными» — по мнению И. Е. Забелина, за красоту оформления; современный исследователь В. Д. Черный считает, что этим названием подчеркивалась их функция парадного объекта. Эти сады именовались также верховыми, поскольку и сами хоромы царя и членов его семьи находились на втором и третьем этажах Кремлевского дворца, а сады были устроены на каменных сводах над палатами и погребями, что дало исследователям основание называть их также «висячими». Известно, что садовник Назар Иванов в 1623 году при устройстве верхового сада выбирал по всем садам Москвы лучшие яблони и груши и высадил в него из собственного сада «три яблони большие наливу да грушу царскую». В 1635 году садовники Иван Телятевский и Тит Андреев «строили сады в Верху и на Цареборисовском дворе», а садовник Никита Родионов «поднес царю Михаилу и сыну его царевичу Алексею в их сады яблони и груши». Особенно любили висячие сады царицы и

царевны, вынужденные почти всё время проводить во дворце. В этих «домашних» садиках росло всего по несколько деревьев и кустарников (в основном яблони и груши), цвели цветы, висели шелковые клетки с певчими птицами...

Самым большим из них был Верхний государев сад, находившийся возле Столовой избы, напротив царской Постельной палаты. По предположению И. Е. Забелина, он существовал уже при Иване Грозном. При Алексее Михайловиче в 1657 году по образцу «аптекарского сада» там были посеяны и высажены «розные цветы» лекарственного назначения, поскольку сделать это повелевалось «дохтуру», а не садовнику. В 1665 году по указу царя был разбит и «верхний новый сад»; столбы и решетки в нем были расписаны красками (в основном красной свинцовой — суриком). Для отдыха государя в нем было устроено деревянное царское место, расписанное красками иконописцем Ф. Евтифеевым. Сверху кресло украшал позолоченный двуглавый орел с короной, внутри оно было обито красным сукном, а лежавшая на нем подушка набита «бумагою хлопчатою». В 1667 году этот сад получил имя собственное: «Красный сад, что на сених». Там висели клетки с соловьями, обтянутые зеленой тканью.

При Федоре Алексеевиче, из-за больных ног иногда неделями не выходящем из покоев, комнатный сад стал играть особо значимую роль. Еще до восшествия на престол у него был свой верхний сад, про который известно только, что в нем были расписные перила и двери. Уже будучи царем, в 1679 году Федор указал создать новый верховой висячий сад возле Екатерининской церкви в сторону Патриаршего двора; для него были сделаны деревянная резная и расписная беседка, 15 решеток, десять больших дверей, 100 круглых столбов и столько же капителей, «базов» и «маковиц», 37 четырехугольных столбов с прописанными «дорожниками». Сад был большим, в нем росли плодовые деревья, кустарники и цветы; из дворца в него вели каменные переходы с окнами, балясинами и решетками, а из покоев царя — отдельная лестница.

В 1681 году Федор Алексеевич приказал разобрать Столовую избы и верховой государев сад своего отца, сделать на том месте площадь, а садовые строения перенести в Нижний набережный сад.

Сады не стали страстью юного Петра Алексеевича. Он интересовался не комнатным садом своей матери, а Потешной площадкой, устроенной около его комнат. Вместо яблонь и груш у его хором располагались потешный шатер, изба, рундук с колодами для деревянных пушек с ядрами, обшитыми кожей, и другие предметы военного быта. В садах же его привлекали только пруды, на которых можно было потренироваться в

вождении малых судов и поиграть в морские сражения.

У цариц были собственные комнатные сады, а у царевен — один общий, в который выходили окна их хором и который тянулся узкой полосой в 23 аршина (16,5 метра). Он представлял собой несколько квадратов гряд и цветников, между которыми прокладывали доски для прогулок. Выращивали там, по мнению И. Е. Забелина, только цветы: пионы, тюльпаны, лилии, нарциссы, розы, гвоздики, фиалки, а также «цветы касатис» (ирисы), «мымрис», «орлик» (аквилегию), «девичью красу» (фуксию), «коруны» («венцы») и др.

Известно, что в 1685 году был перестроен сад около хором вдовой царицы Натальи Кирилловны: его основание перекрыли свинцовыми досками, чтобы подвести воду и сделать небольшой пруд; насыпали земли и сделали гряды и ящики для цветов, посадили 24 яблони и восемь груш, грецкие орехи и «цареградский орех» (бук), кусты «сереборинника» (шиповника). Этот сад принадлежал впоследствии сыну Петра Великого Алексею и просуществовал до пожара 1737 года. Так же, как и в мужских комнатных садах, в верховых садах цариц и царевен на лето вывешивались клетки с соловьями, канарейками, перепелками и попугаями.

За стенами Кремля на противоположном берегу Москвы-реки еще со времен Ивана III (1462–1505) существовал большой Государев сад, созданный после страшного пожара 1493 года. Его схематичное изображение можно найти на планах Москвы конца XVI–XVII века. Государев сад в Замоскворечье имел вытянутую форму неправильного прямоугольника, в длину простиравшегося примерно на то же расстояние, что и кремлевские стены вдоль Москвы-реки. На наиболее подробных планах — М. Мериана (1643) и А. Олеария (1656) — видны ряды деревьев (два вдоль восточной стены сада, один вдоль южной стены и шесть в центре), отмечены квадратные участки-куртины (шесть в западной стороне сада и 12 в восточной), каждая делилась пересекающимися крест-накрест аллеями, образуя четыре квадрата с центральной круглой клумбой. На плане Олеария впервые обозначена церковь Святой Софии, находившаяся в центре сада; неподалеку от нее нарисована одна большая грядка, а еще шесть прямоугольных гряд изображены в северо-восточном углу сада. По наблюдениям историков, замоскворецкий Государев сад к 1661 году был уже частично потеснен городской застройкой вдоль реки, что отразил план А. Мейерберга, датируемый этим годом. На планах Москвы последующего времени этого сада уже нет, что объясняется, скорее всего, постепенным его исчезновением. По всей видимости, интерес царской семьи к нему угас, хотя, как видно из плана Олеария, в середине века сад был в полном

порядке и даже в расцвете. Должно быть, Алексей Михайлович любил с высоты кремлевских стен и башен озирая окрестности и наслаждаться видом своего сада за рекой. Но позднее, когда началось активное создание садов в загородных царских усадьбах, где можно было развернуться во всю мощь, царь, видимо, перестал уделять внимание замоскворецкому Государеву саду.

Существовали и другие царские сады за пределами Кремля, имевшие хозяйственное или лекарственное назначение. Из переписи дворцовых садов 1701 года известно, что «аптекарский сад» занимал участок в 140 квадратных саженей (300 квадратных метров) от реки Неглинки до «воловьего двора»; Васильевский сад находился в Белом городе и отличался от других тем, что его садовники не получали жалованья и выращивали «про себя сверх садового строения и на продажу капусту, огурцы и иной всякой летний овощ».

Во времена первых Романовых, в особенности при Алексее Михайловиче, сады в подмосковных царских вотчинах стали предметом не только хозяйственного, но и художественного интереса. В каждой загородной усадьбе — Коломенском, Воробьеве, Рубцове-Покровском, Острове, Воскресенском, Алексеевском, Преображенском, Измайлове — наряду с большими имелись малые «красные» сады. В 1663 году царь приступил к реализации своего проекта создания образцового хозяйства в Измайлове, в который помимо пашен, лугов, «аптекарского огорода», пчельников, прудов для разведения рыбы и водоплавающей птицы, зверинцев, полотняного, стекольного, чугунолитейного производств были включены и сады разных видов, размеров и местоположения.

Эти сады органично вписываются в ряд новомодных «потех» и «прохлаждений» Алексея Михайловича. Они создавались не по традиционным древнерусским образцам, а по ренессансным и барочным европейским стандартам приехавшими из Европы специалистами. В Измайлове царь приказал разбить несколько замечательных садов. В 1667 году были построены обводной канал и несколько запруд на реке Серебрянке, что позволило окружить территорию Государева двора водой и таким образом создать искусственный остров. Уже тогда на спуске к воде существовал террасный сад, с юга к острову примыкали роща и часть лесного массива.

Ближайшим к усадьбе был квадратный Виноградный сад, располагавшийся за прудом севернее острова, самый большой по площади (он занимал 16 десятин, то есть более 16 гектаров). В его центре на квадратных участках высевали гречку, рожь, овес, коноплю, ячмень,

пшеницу; высаживали мак, «немецкие цветы и травы», смородину, малину, яблони, грецкие орехи и др. По краям на четырех круглых куртинах должны были расти груши, сливы и вишни. Свое название сад получил благодаря винограду, из которого царь, по словам голландского дипломата Конрада фан Кленка, «для курьежа велит делать вино». Центральная часть (10–12 метров), между делянками пшеницы и смородины была покрыта алыми маками.

Для любования садом в дождливую погоду были сооружены гульбища — крытые галереи с четырьмя шатровыми резными воротами — и увеселительные расписные терема «со всходы и красными окнами, кругом их перила; около теремов пути, меж путей столбцы точеные», с большими окнами, сквозь которые можно было любоваться великолепием планировки и цветового решения сада.

Второй по величине и значимости измайловский сад — «аптекарский огород» — был на итальянский лад круглым (диаметром 280 метров), делился дорожками на три концентрических кольца и радиально на десять секторов, которые заполнялись деревьями, кустарниками, цветами и травами. В конце каждой дорожки живописец Петр Энглес установил иллюзорные перспективные картины. В «аптекарском огороде» планировалось выращивать березы, рябины, тутовые деревья (правда, опыты с его разведением не увенчались успехом). В каждом сегменте садового кольца должно было расти по 378 кустов «сереборинника»; барбарис соседствовал с овощными культурами (капустой, горохом и др.), цвели маки, гвоздики, васильки. Лекарственные растения были представлены шалфеем, девясилом, пижмой, цикорием, мятой, «зельем святого Иоанна» (зверобоем), «цыпочной травой».

В трех километрах от царской усадьбы располагался Просьянский сад, разбитый на одноименной пустоши. По описи, сделанной после смерти Алексея Михайловича, в нем росли 142 яблони, а также были устроены развлекательные западные диковины: «..два чердака (беседки. — Л. Ч.), один несовершен, да перспективно писаны красками. Меж творил столбы и к ним прибиваны грядки, писаны красками. Меж столбов и меж грядок барбарис и крыжовник, малина и смородина. А творила обиваны тесом, а в сад тестеры ворота и в том числе двое ворота с вышками, крыты тесом, одне писаны красками, наверху три яблока золочены; четверты ворота крыты шатрами тесом. Да в том же саду смотрильня и пруд...» Яков Рейтенфельс, побывавший в Измайлове, назвал это место «знаменитым обширным садом с четырьмя высочайшими, широко распахнутыми воротами, со многими извивающимися дорожками».

Сохранился так называемый план неизвестного поля, скорее всего, предназначенный для одной из загородных усадеб Алексея Михайловича, возможно, для того же Измайлова. Он предусматривал создание каменной беседки с арками и конусообразной кровлей с флюгером в виде двуглавого орла. По углам квадратной площадки должны были быть фонтаны со скульптурами четырех аллегорических зверей, символов четырех царств: Вавилонского (медведь), Македонского (барс), Римского (лев) и царства Антихриста (рогатое чудовище). Площадку планировалось окружить двенадцатью цветниками причудливых форм и квадратами кустарников, высаженных в шахматном порядке. Был ли осуществлен этот проект, неизвестно, но сам принцип организации подобного сада лишней раз подтверждает страсть царя к подобного рода «потехам» и «прохлаждениям». Такой план можно было почерпнуть из иностранных книг по садово-парковому искусству, которые, оказывается, были в библиотеке Артамона Матвеева, курировавшего обустройство измайловской вотчины царя. «Книга огородного и палатного строения в лицах» на немецком языке после смерти Матвеева попала в библиотеку В. В. Голицына вместе с шестнадцатью другими изданиями.

Измайлово было экспериментальным хозяйством, где занимались агротехникой — не только выращивали экзотические растения, но и искали пути повышения урожайности льна, гречихи, хмеля. Иногда, чтобы южные растения лучше прижились, почву для них доставляли из тех же мест, откуда они привозились. Так, в 1673 году в Измайлово из Астрахани было привезено 200 пудов «арбузной» и «виноградной» земли. В Москву вызывались специалисты, имевшие опыт разведения теплолюбивых растений. Например, в 1666 году был прислан из Киева садовый мастер старец Филарет, а в 1670-м — старцы Геннадий и Анофрий из Мгарского монастыря города Лубны.

Историк В. К. Кузаков считал, что в Измайлове «сказался новый подход к ведению хозяйства — стремление максимально использовать каждый клочок земли, чтобы при минимальной затрате труда получать от него как можно больше». Исследователь предположил, что именно из опыта Измайлова в православно-хозяйственную книгу «Домострой» попали рекомендации по устройству грядок, удобрению земли, прополке сорняков и борьбе с насекомыми-вредителями. В измайловских (как, впрочем, и во многих других царских) садах проводились опыты по прививке «от дерева к дереву». Царя интересовало, можно ли привить на одно дерево все остальные известные в мире деревья, на что садовник-иноземец резонно отвечал, что сие неисполнимо...

Столь же экспериментальный характер носил зверинец царя, где содержались олени, кабаны, львы, тигры, барсы, белые медведи и рыси, соболи, черные лисицы, дикобразы, ослы. Зверинец постоянно пополняли животные, привозимые в дар Алексею Михайловичу от иностранных правителей. Скорее всего, туда же попали доставленные калмыцкими посланниками в 1674 году барсы и бобр. По мнению исследователей, основной целью устройства зверинца было разведение всех этих животных с последующим расселением по русским лесам.

В тридцати семи измайловских прудах выращивали карпов, стерлядей, линей, окуней, карасей, плотву. Иностранные гости Измайлова отмечали, что там водились ручные щуки, приплывавшие за кормом по звонку.

Таким образом, сады Измайлова вписывались в ряд сельскохозяйственных экспериментов пытливого Алексея Михайловича, с одной стороны, увеличивая производительность дворцового хозяйства, с другой — давая царю возможность удовлетворить свою любознательность и реализовать стремление передать свой опыт другим землепользователям. Царь наверняка не только показывал свои достижения многочисленным русским и иностранным гостям, но и рассказывал, каким путем были получены впечатляющие результаты.

В других царских вотчинах — Коломенском, Преображенском, Покровском, Алексеевском — такого барочного садового великолепия не было. В основном загородные сады служили утилитарным хозяйственным целям. В Коломенском, согласно описи 1701 года, было пять садов. В небольшом «красном», на государевом дворе у задних ворот, переписчики насчитали 67 яблонь, девять груш, десять слив, 70 кустов красной смородины, 20 кустов крыжовника и малина на 20 саженьях. В другом саду, напротив государевых хором, росли 11 вишен. Третий сад, обозначенный как «Старый большой, что посторонь государева двора», имел 1850 яблонь, 36 груш и дулю (грушевое дерево с мелкими плодами), семь кедров, пихту, две черные сливы, два «черешника», 30 кустов белых вишен, 200 кустов красной смородины, 20 гряд малины и пр. Четвертый сад располагался за церковью Казанской иконы Божией Матери и немногим уступал Старому большому по количеству деревьев и кустарников тех же пород. Самым большим (310 сажень в длину и 270 в ширину) был «Новый сад против государева двора» — в нем насчитывалось свыше четырех тысяч яблонь, более тысячи вишен, а малина и черная смородина росла на бороздах в 500 саженьях. Если первые четыре сада обслуживали 16 человек и их урожай («садовое слетье») использовался только на государев обиход («в патоку и квасы»), то в огромном Новом саду работали 12 садовников, а урожай шел

на продажу.

Конечно, хозяйственное назначение коломенских садов очевидно, однако огромный яблоневый сад, хорошо видный из окон нового деревянного дворца Алексея Михайловича, во время цветения был прекрасен и, несомненно, доставлял эстетическое наслаждение хозяевам и посетителям усадьбы.

Плодовые сады в других царских усадьбах также давали большой урожай фруктов и ягод, шедших на нужды царского двора и на продажу. Так, в Преображенском было три сада. В «красном» росли 20 яблонь «прививошных», 11 вишен, 100 кустов черной смородины, восемь кустов барбариса, 400 кустов красной смородины, клубника на восьми грядках и т. д. В «малом» саду на действительно небольшой площади помимо тринадцати яблонь, двух грецких орехов, кипариса, трех виноградных лоз, двух «кустов Божья дерева» (полыни лечебной), пятнадцати кустов барбариса были посажены цветы: восемь кустов «пиони мохроватой», 18 кустов «пиони семянной», десять «корун желтых», 50 тюльпанов, два куста «венцов», пять белых лилий, 20 кустов «нарцицы белой» (нарцисса), 20 кустов желтых лилий, три куста «рож алых» (мальв), 13 кустов «мымрису», 15 кустов «орлику», 50 кустов душистой гвоздики, 10 кустов «девичьей красы» и многое другое. Три сада имелось и в селе Покровском.

Садовое искусство при царском дворе в XVII столетии частично перешло в руки заграничных специалистов, имевших опыт организации садов в стиле ренессанса и барокко, разведения тутовых деревьев, восточных пряностей или лекарственных растений. В 1666 году был подписан контракт с голландским садовым мастером Хендриком Каспером Паупсом (Индриком Кашпиром). Голландские медики и садовники работали в Покровском и Измайлове над созданием «аптекарьских садов». Труд иноземных садовников стоил 12 рублей в месяц — в два раза дороже, чем труд их русских коллег, а еще четыре рубля с полтиной шли «толмачу»-переводчику. «Немчины» Григорий Хут и Валентин Давид, «строившие сады» (создававшие планировку построек, насаждений и украшений) в Измайлове, за свою работу получали в десять раз больше, чем русские садовники, находившиеся у них в подчинении. Среди документов Оружейной палаты сохранилась роспись 1669 года: «...Что надобно на хоромное строение иноземцу Фалентину садовнику: горница с комнатою, цена 30 рублей; анбар 3-х да 3-х с полутретьи сажень, цена 5 рублей; анбар на погреб 3-х да полчетверти сажени, цена 3 рубли. В те ж хоромы надобно лавки, пол, колоды, потолок, доски на двери да на окна желобья, крюки да прибоины, дрань на все четыре хоромины, ворота, 2 вереи, 2

щита, 2 печи. И всех на хоромное строение надобно денег 50 рублей». Особенно ценились голландские «вертоградари», их выписывали из-за границы не только цари, но и придворная аристократия, чтобы не отстать в оформлении своих садов от монарха.

Барочные сады включали в себя массу дополнительных украшений, которые изготавливали также в основном иноземцы. Как мы помним, художник Петр Энглес рисовал «перспективы» в садах Измайлова. Лабиринты, фонтаны, скульптуры, беседки и иные дополнения вкуче с общим планом и структурой делали царские сады похожими на итальянские, что отмечали посещавшие их иноземцы. Так, польский посол Бернгард Таннер в 1678 году подчеркнул, что один из измайловских садов «убран наподобие садов итальянских».

И раньше прогулки по саду под щебетание птиц были любимым видом отдыха не только московских государей, но и всего царского семейства. Теперь же в загородных садах — ренессансных итальянского типа и барочных голландского типа — культивировался новый подход к садовому времяпрепровождению. С одной стороны, оно было приближено к царскому церемониалу, поскольку теперь в садах начали принимать иностранных послов и других гостей; с другой стороны, «вертоград» стал превращаться в визуальное искусство, близкое к театральному и изобразительному, предполагающее эстетическое наслаждение от созерцания гармонии расположения частей и цветовой гаммы куртин и клумб, архитектуры и живописи, садовой скульптуры, фонтанов, беседок, оград, ворот и тому подобных украшений.

Послесловие

К четырехсотлетию дома Романовых издано много научной и популярной литературы, посвященной разным периодам в истории династии и отдельным ее представителям и их государственной деятельности. Мы же решили посмотреть на первых царей из романовского рода с иной стороны — их повседневной жизни: как был устроен их быт, чем они интересовались, как отдыхали...

На их плечи легла тяжесть утверждения династии на российском престоле, начиная с избрания Михаила Федоровича в Смутное время, через «бунташную» середину столетия, выпавшую на долю Алексея Михайловича, и заканчивая преддверием преобразований Петра Великого, при Федоре Алексеевиче. Если основатель династии направлял все силы на доказательство прав своего рода на царствование, еще неуверенно держа скипетр, то его сын чувствовал себя «природным» царем — порой философски-отстраненно взирал на труды своих служилых людей, считая себя судьей над ними, поставленным самим Богом, внук же успел всего за несколько лет своего правления продемонстрировать реформаторский потенциал рода Романовых, вскоре ярко проявившийся в преобразованиях его младшего брата.

Мы коснулись практически всех сторон повседневной жизни московских государей в XVII веке.

Венчания на царство были точкой отсчета нового бытия в статусе «государя царя», выполнения государева чина и соблюдения государевой чести. Преемственность власти членов новой династии подчеркивалась объявлениями царевичей-наследников народу Другие дела «государевой важности», включая приемы иностранных послов и принятие важнейших постановлений, демонстрируют степень личного участия в них каждого из самодержцев.

Не случайно большое внимание в книге уделено делам семейным — они составляли весомую часть государева чина и обеспечивали будущность династии. Свадьбы государей были лишь вершиной айсберга отношений с «царицной родней», грозившего разрушить устоявшийся расклад сил при дворе. Именно поэтому кандидаткам в царицы приходилось преодолевать большое количество препятствий, созданных монаршим окружением, много было «ведовских дел», личных трагедий и даже смертей. Не случайно из шести цариц в XVII столетии только одна — Мария

Долгорукова — происходила из княжеского рода, остальные были незнатного происхождения — их родственники не считались конкурентами знати и не могли существенно повлиять на расклад сил при дворе...

Особый интерес представляют воспитание и обучение царских детей. Волею Провидения всем представителям мужской части семьи Романовых, дожившим до зрелого возраста, суждено было занять место на троне. На протяжении XVII столетия изменилось положение цариц и царевен — «теремные затворницы» начали участвовать в придворной и культурной жизни, украшать свой быт произведениями нового «живоподобного» искусства, проявлять свои творческие способности в театральном деле.

Придворная культура XVII столетия наиболее ярко и отчетливо демонстрирует переход от норм Средневековья к сюжетам, образам и формам Нового времени и в литературе, и в изобразительном искусстве, и в музыке. Для этой эпохи характерно сочетание традиций старины и новаций, идущих от нового понимания человека как разумного существа, постоянно ищущего «пищу для ума», во многом почерпнутых из западноевропейской, в особенности польской культуры.

Черты византийско-древнерусские еще четко прослеживались в самых ответственных видах презентации власти: в чине венчания на царство, в монарших регалиях, в приемах иностранных послов. В украшении тронов и «царских мест» европейские львы по-прежнему занимали подножия, а византийские орлы «парили» наверху. Однако при Алексее Михайловиче происходила эстетизация традиционного русского чина за счет новомодных западноевропейских деталей, свидетельствующая о сближении с обычаями королевских и императорских дворов Европы. Государь, хотел он того или нет, разрушал систему средневекового православного чина, лишая его значения образца миропорядка. Внешняя красота царских церемониалов начала отходить от средневекового благолепия, стала самодовлеющей и самодостаточной. Алексей Михайлович сделал шаг от восточной пышности к европейской разумности, что образно можно назвать переходом от «Артаксеркса» к «Орфею»... Он завел первый придворный театр с инструментальной музыкой и «балетом», «преоспективными» декорациями и многими другими новшествами. Впрочем, все стороны придворной культуры, как и частной повседневной жизни царя, подчинялись «чину красоты», а посему Алексея Михайловича можно именовать не только «тишайшим», но также и «чиннейшим» из всех русских правителей.

Мы показали скрытые механизмы изменений, происходивших в жизни московских государей и их окружения. Придворные нравы и обычаи

должны были служить образцом для простых подданных, но в то же время порой не поспевали за новациями, что заставляло царя ускорять темпы внедрения новых явлений во дворец. Русские правители впервые занялись таким новым для себя делом, как культурная политика. «Тишайший» Алексей Михайлович включил в арсенал средств по утверждению своей власти и придворную культуру.

Первые Романовы устремили внимательные взоры в сторону европейской культуры и в особенности придворной жизни соседних монархов. Можно утверждать, что по форме повседневная жизнь царского двора XVII столетия сближалась с западноевропейской, но по духу была еще очень далека от нее. Невольно вспоминается образ Европы, изображенный на одной из средневековых географических карт в виде дамы в пышном платье: Пиренейский полуостров являлся ее головой, а подол платья приходился на Польшу. Русская придворная культура вписывается в этот образ в виде несколько тяжеловесных, но дорогих кованых металлических кружев на подоле платья Европы, придавая этому платью по-азиатски роскошный вид.

Московские цари в XVII столетии занимались не только государственными, военными и религиозными делами — в их жизни была масса самых разнообразных потех и «прохлаждений», и на одном из первых мест среди них стояла охота. Традиционная охота на медведя в царствование Алексея Михайловича сменилась соколиной, более созерцательной и чинной, с ярким эстетическим оттенком охотой. Наконец, трансформация простых и незатейливых, по большей части имевших хозяйственное назначение царских садов в произведения барочного искусства с фонтанами, лабиринтами и скульптурой позволяет еще раз убедиться в том, что скорлупа средневековых традиций придворного быта начинает трескаться.

Мы постарались создать цельное представление о повседневной жизни первых государей из династии Романовых. Насколько это удалось — судить читателям.

Библиография

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5 т. Т. 2. СПб., 1841; Т. 4. СПб., 1842.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук В 4 т. Т. 1–3. СПб., 1836.

Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903.

Андреев И. Л. «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20–40-е гг. XVII в. // История СССР. 1990. № 5.

Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

Архив князя Ф. А. Куракина: В 10 кн. / Под ред. М. И. Семевского. Кн. 1. СПб., 1890.

Барокко в славянских культурах: Сборник статей. М., 1982.

Барское Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.

Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. М., 1883.

Бартенев П. И. Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856.

Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912.

Баталов А. Л., Беляев Л. А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.

Бахрушин С. В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987.

Белокуров С. А. Деяния московского церковного собора 1649 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1894. Кн. 4.

Белокуров С. А. Дневальные записки приказа тайных дел 7165–7183 гг. М., 1908.

Белокуров С. А. О Посольском приказе. СПб., 1906.

Белокуров С. А. Сказание об успении Пресвятой Богородицы, правленное царем Алексеем Михайловичем // Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902.

Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831.

Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междоусобицу. СПб., 1832.

Берх В. Царствование царя Феодора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1834; Ч. 2. СПб., 1835.

Библиотека А. А. Матвеева (1666–1728): Каталог. М., 1985.

Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. 2-е изд. СПб., 1995.

Богданов А. П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009.

Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии: В 5 т. Т. 1. М., 1940.

Богоявленский С. К. Научное наследие о Москве XVII в. М., 1980.

Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946.

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа: В 2 ч. / Сост., подг. текста и вступ. ст. С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского. М., 1979. Ч. 1.

Бражников М. Древнерусская теория музыки. М., 1972.

Брайловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902.

Бусева-Давыдова К. Л. Россия в переломную эпоху: искусство и культура в XVII в. М., 2006.

Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990.

Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961.

Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. М., 1995.

Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. Пг., 1916.

Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913.

Васенко П. Г., Платонов С. Тураева-Церетели Е. Ф. Начало династии Романовых: Исторические очерки. СПб., 1912.

Васильев М. И. Русские сани: историко-этнографическое исследование. Великий Новгород, 2007.

Введенский А. А. Торговый дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Вести-Куранты. 1600–1639. М., 1972.

Вести-Куранты. 1642–1644. М., 1976.

Вести-Куранты. 1645–1646. М., 1980.

Вести-Куранты. 1648–1650. М., 1983.

Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1. Русские тексты. М., 2009; Ч. 2. Иностранные оригиналы к русским текстам. М.,

2008.

Витсен Н. Путешествие в Московию 1664–1665: Дневник / Пер. со староголл. В. Г. Трисман. СПб., 1996.

Бовина-Лебедева В. Г. Новый летописец с продолжением до 1645 г. // IN MEMORIAM: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.

Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М., 1988.

Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951.

Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея России самодержцев (с 1632 по 1682 г.) / Сообщ. П. М. Строев. М., 1844.

Гадло АВ. Бытовой уклад жизни первых Романовых и русская народная культура XVII в. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.

Герасимова-Персыдская Н. А Русская музыка XVII в.: встреча двух эпох. М., 1994.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Гиббенет Н. А Историческое исследование дела патриарха Никона: В 2 ч. СПб, 1884–1887.

Голицын Н. Н. Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. СПб., 1911.

Голубцов А Прения о вере, вызванные делом датского королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891.

Гордон П. Дневник генерала, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г.: В 2 ч. М., 1892.

Горсей Д. Записки о России. XVI — начало XVII в. М, 1990.

Горский А Д, Невоструев К И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Т. 1–5. М, 1855–1869.

Гражданство обычаев детских // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М, 1985.

Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVII вв. М, 1990.

Гуревич А Я. Категории средневековой культуры. М, 1972.

Гурлянд И. Я. Иван Гебдон, комиссариус и резидент. Ярославль, 1903.

Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.

Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии // Вопросы истории. 1968. № 1,3,4.

Дворцовые разряды: В 4 т. Т. 1. СПб, 1850; Т. 2. СПб, 1851.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М, 1987.

Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII в. М, 1977.

Деяния московских Соборов 1666 и 1667 годов. М, 1893.

Дилецкий Н. Иде а грамматики мусикийской / Вступ. ст. и публ. В. Протопопова // Памятники русского музыкального искусства. Вып. 7. М, 1979.

Дополнения к актам историческим, собранным Археографической комиссией. Т. 3. СПб, 1848.

Дополнения к тому 3 Дворцовых разрядов. СПб, 1854.

Древнерусское искусство. XVII в. М, 1964.

Дурново Н. Н. Сильвестр Медведев. Приветствие брачное, поднесенное царю Феодору Алексеевичу 18 февраля 1682 г. Харьков, 1912.

Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990.

Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978.

Желябужский И. А. Дневные записки // Рождение империи. М, 1997.

Живов В. Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культур и проблемы переводимости. М., 1986.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. 2-е изд. М., 1960.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992.

Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1995.

Забелин И. Е. Попыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. Ч. 1. М., 1872; Ч. 2. М., 1873.

Забелин И. Е. Охотничий дневник царя Алексея Михайловича 1657 г. М., 1858.

Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. М., 1847.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986.

Замысловский Е. Е. Царствование Феодора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1.

Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937.

Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв: Сводный каталог. М., 1958.

Иванов П. И. Описание Государственного разрядного архива. М., 1842.

Иерусалим в русской культуре. М., 1994.

Из истории русской культуры. Т. 3. XVII — начало XVIII в. М., 1996.

Извеков Н. Д. Московские кремлевские дворцовые церкви и служащие при них лица: Историко-археологическое исследование. М., 1906.

Иконников В. С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Киев, 1874.

Каган М. Д. Повесть о кончине царя Михаила Федоровича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3-Ч. 3. СПб., 1998.

Кантор А. М. Духовный мир русского горожанина: Вторая половина XVII в.: Очерки. М., 1999.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления православных обрядов. Сергиев Посад, 1913.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: В 2 т. М., 1996.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. Т. 2. Париж, 1959.

Кызветтер А. А. День царя Алексея Михайловича: Сцены из жизни Москвы XVII в. М., 1904.

Киселевы. П. О московском книгопечатании XVII в. // Книга: Исследования и материалы. Вып. 2. М., 1960.

Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.

Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения: В 8 т. Т. 1–3. М., 1957.

Книга об избрании на царство великого государя царя и великого князя всея Руси Михаила Федоровича... Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском государственном архиве Министерства иностранных дел. М., 1856 г.

Козлова Н. В. Общественное призрение и его государственное регулирование в допетровской Руси // *Paleobureaucratica*: Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М., 2012.

Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии: История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М., 1997.

Колман Н. Соединенные честью: Государство и общество России раннего Нового времени. М., 2001.

Копреева Т. Н. «Ведомство желательным людям» (Из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник. 1964. М., 1965.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Полное издание в одном томе. М., 2010.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.

Кошелева О.Е. Бояре и их деньги в XVII в.// *Paleobureaucratica: Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой.* М., 2012.

Кошелева О. Е. Детство и воспитание царя Алексея Михайловича // Свободное воспитание. Вып. 3. М., 1993.

Кошелева О. Е. Как сочинять послания в виршах? «Уроки» Прохора Коломнятина (1680-е гг.) // Человек читающий: между реальностью и текстом источника: Сборник статей. М., 2011.

Кошелева О. Е. Лето 1645 г.: смена лиц на российском престоле // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999.

Красавин И. Т, Щавелев С. П. Анализ повседневности. М., 2004.

Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. М., 1983.

Кремлевская медицина от истоков до наших дней. М., 1997.

Кристенсен С. О. История России XVII в.: Обзор исследований и источников. М., 1989.

Кудрявцев И. М. «Издательская деятельность» Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга: Исследования и материалы. Вып. 8. М, 1963.

Курдюмов М. Записки о церемониях, происходивших при дворе царя Алексея Михайловича по случаю объявления похода против польского короля Яна-Казимира. СПб, 1910.

Курукин И. В. Романовы. М, 2012 (серия «ЖЗЛ»).

Куриц Б. Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М, 1914.

Кутепов Н. Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. СПб, 1898.

Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М, 1990.

Леонтьев А. К. Быт и нравы // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. М, 1979.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М, 1970.

Лукичев М. П. Григорий Васильевич Львов — учитель царя Алексея

Михайловича.

Лукичев М. П. Боярские книги XVII в. М, 2004.

Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л, 1970.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. с голл. М, 1937.

Матвеев А. А. Записки // Рождение империи. М, 1997.

Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии. М, 1997.

Мельникова О. Б. Образ империи: Церемониальные процессии в России в XVII–XVIII вв. // Образы власти в политической культуре России. М, 2000.

Мордовцев Д. Л. О русских школьных книгах XVII в. М, 1862.

Мордовцев Д. Л. Русские исторические женщины. СПб, 1874.

Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб, 1889.

Морозова Л. Е. Две редакции чина венчания на царство Алексея Михайловича // Культура славян и Русь. М, 1998.

Морозова Л. Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. № 1.

Морозова Л. Демин А. В. История России в лицах. М, 2001.

Московский театр при царях Алексее и Петре: Материалы, собранные С. К. Богоявленским. М, 1914.

Музыкальная эстетика России XI–XVIII вв. / Сост. А. И. Рогов. М, 1973.

Невыль дела Ф. Записки о Московии. М., 1996.

Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах (XVII–XVIII вв.). Л., 1989.

Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы: В 2 т. 2-е изд. М., 2004.

Новые черты в литературе и искусстве XVII — начала XVIII в.: Сборник статей. М., 1976.

Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1965.

«Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. / Под ред. Е. В. Чистяковой; сост. Н. М. Рогожин. М., 1989.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск, 2003.

Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1.

Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. М., 1977.

Остен: Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865.

Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. Г. Муркоса // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1898. Кн. 3.

Павленко А. А. Организация живописного дела в Москве во второй половине XVII — начале XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук М., 1989.

Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 1. М., 1988; Кн. 2. М., 1989; Кн. 3. М., 1994.

Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александром Голубцовым. М., 1892.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.

Пересветов Р. Неожиданная разгадка: О расшифровке тайнописного письма царевича Федора Алексеевича к Алексею Михайловичу // Наука и жизнь. 1996. № 7.

Пиотух Н. В. Дворец царя Алексея Михайловича в селе Коломенском (К вопросу о времени и объеме строительства) // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1992.

Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. СПб, 1904.

Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1526–1658. М., 1848; Т. 5. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896.

Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII вв. М., 1928.

Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович: Опыт характеристики // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник: В 6 т. / Под ред. В. В. Калаша. Т. 1. М., 1912; репринт — М., 1991.

Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. М., 1875.

Подарки патриарха царю при венчании (1676 г.) // Временник общества истории и древностей российских. 1849. Кн. 2. Смесь.

Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадькин А. В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры 1618–1652 гг.: от восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001.

Покровский Н. В. Очерки памятников христианского искусства и иконографии. СПб., 1899.

Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича / Публ. Л. П. Лаптевой // Вопросы истории. 1970. № 1.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: В 45 т. СПб., 1830. Т. 1–4.

Полное собрание русских летописей. Т. 10. СПб., 1885; Т. 11. СПб., 1897; Т. 13. СПб., 1906; Т. 14. СПб., 1910; Т. 26. М.; Л., 1956; Т. 34. М., 1978.

Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869.

Послание некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу / Вступ. ст. и коммент. Е. С. Овчинниковой // Древнерусское искусство. XVII в. М., 1964.

Посольство Конрада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900.

Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006.

Преображенский А. Морозова Л. Е., Демидова Н. Ф. Первые Романовы на российском престоле. 2-е изд. М., 2000.

Пресняков А. Е. Московское государство первой половины XVII в. // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник: В 6 т. / Под ред. В. В. Калаша. Т. 1. М., 1912; репринт — М., 1991.

Прозоровский А. Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896.

Протопопов В. В. Четырехголосая хоровая композиция царя Алексея Михайловича // Памятники культуры. Новые открытия. 1991. М., 1997.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Л., 1978.

Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII в. М., 1982.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. М., 2011.

Пчелов Е. В. Романовы. История династии. М, 2003.

Пьяев М. И. Старое житье: Очерки и рассказы о бывших в отошедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. СПб., 1892; репринт — М, 1990.

Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). М., 1972. Т. 1. Первые пьесы русского театра; Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.

Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. М, 1997.

Робинсон А. Н. Первый русский театр как явление европейской культуры // Новые черты в русской литературе и искусстве XVII — начала XVIII в. М, 1976.

Ровинский Д. История русских школ иконописания. М, 1881.

Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... М, 2002.

Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М, 1985.

Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л, 1970.

Русская старопечатная литература. XVI — первая четверть XVIII в. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М, 1981.

Русская старопечатная литература. XVI — первая четверть XVIII в. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.

Русское искусство позднего Средневековья. Образ и смысл: Сборник статей. М, 1993.

Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб, 1896.

Саверкина И. В. Вещь в культуре России второй половины XVII — 1-й четверти XVIII в.: Учебное пособие. СПб, 1995.

Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М, 1991.

Сазонова Л. И. Свадебные церемонии первых царей из дома Романовых // Славяноведение. 2013. № 2.

Салтыков А А Эстетические взгляды Иосифа Владимировича // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 18. Л, 1974.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII в. СПб, 2006.

Сильвестр Медведев. Письма / Сообщ. С. Н. Брайловский // Памятники древней письменности и искусства. СПб, 1901. Т. 144.

Сильвестр Медведев. Созерцание краткое лет 7190,91 и 92, и в них же что содеяся во гражданстве // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1894. Кн. 4.

Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. И. П. Еремина. М.; Л, 1953.

Симеон Полоцкий. Орел Российский. М, 1915.

- Симеон Полоцкий*. Псалтырь рифмотворная. М, 1680.
- Симон Ушаков*. Слово к люботщательному иконного писания // Вестник древнерусского искусства при Московском публичном музее: Материалы. М, 1874.
- Скворцов Г. А.* Патриарх Адриан: Его жизнь и труды в связи с состоянием русской Церкви в последнее десятилетие XVII в. Казань, 1913.
- Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л, 1985.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 1. СПб, 1992; Ч. 2. СПб, 1993; Ч. 3. СПб, 1998; Ч. 4. СПб, 2004.
- Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб, 1899.
- Смирнов С.* Историческое описание Саввина Сторожевского монастыря. М, 1860.
- Снегирев И. М.* О звериной и птичьей охоте и зверинцах в Москве до XVIII в. М, 1861.
- Снегирев И. М.* Памятники Московской древности. М, 1842–1845.
- Снегирев К. М.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М, 1852.
- Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб, 1903.
- Собрание государственных грамот и договоров: В 5 ч. Ч. 2. М, 1819.
- Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 6. История России с древнейших времен. Т. 11–12. М, 1991.
- Софронова Л. А.* Культура сквозь призму поэтики. М, 2006.
- Сочинения царя Алексея Михайловича // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 1. М, 1988.
- Спафарий Н.* Эстетические трактаты / Подг. текста О. А. Белобровой. Л, 1978.
- Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. М, 1990.
- Старинный театр в России. XVII–XVIII вв. Пг, 1923.
- Статистическо-географическое описание Российского государства в начале XVII столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 11.
- Строев П. М.* Выходы государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 г.). М, 1844.
- Стромилов Н. С.* Измайлово: Первая царская ферма в XVII в. СПб, 1872.
- Суздаев В. Е.* Очерки истории Коломенского до конца царствования

Петра Великого. М, 1997.

Талина Г. В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М, 1996.

Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М, 1891.

Татарский И. Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность. М, 1886.

Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства. М., 2008.

Топычканов А. В. Роль подмосковных дворцовых усадеб второй половины XVII в. в трансформации российской политической культуры // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 10. М., 2007.

Топычканов А. В. Российские и европейские резиденции XVII в.: Опыт сравнительного анализа // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 12. М., 2009.

Успенский А. И. Словарь патриарших иконописцев. М., 1917.

Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в.: Словарь. Т. 1–4. М., 1910–1914.

Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

Успенский Б. А. Избранные труды: В 3 т. М., 1996–1997.

Форштен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Май.

Хилимончик И. И. «...Образы суть живот памяти...»: Атрибуция Михаилу Чоглокову портрета царицы Натальи Кирилловны из собрания ГРМ // Русский исторический портрет. Эпоха парсуны. М., 2003.

Хромов О. Р. «Приветство» Симеона Полоцкого на «вселение» Алексея Михайловича в Коломенский дворец как исторический источник // Русская культура второй половины XVII — начала XVIII в. Ч. 4. М., 1993.

Хромов О. Р. Подмосковные вотчины Алексея Михайловича // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 4. М., 1996.

Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII в.: В 2 кн. / Под ред. В. В. Бычкова. М., 1996.

Хьюз Л. Царевна Софья / Пер. с англ. и науч. ред. С. В. Лобачева. СПб., 2001.

Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999.

Цветаев Д. В. Из истории брачных дел в царской семье московского периода. М., 1884.

Цветаев Д. В. Избрание Михаила Федоровича на царство. М., 1913.

Цветаев Д. В. Литературная борьба с протестантством в Московском

государстве. М., 1887.

Челобитная патриарха Иосифа 1649 года, февраля 11, государю Алексею Михайловичу на царского духовника, благовещенского протопопа Стефана Вонифатьевича, с жалобой, что Стефан поносил бранными словами его, патриарха, и весь освященный собор. М., 1887.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М, 1978.

Черный В. Д. Русские средневековые сады: Опыт классификации. М, 2010.

Чин избрания на Патриаршеский Российский Престол, 1640 г. // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 6. М, 1788.

Чин поставления на царство благочестивейшаго государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца. СПб, 1882.

Чубинская В. Г. Иконы С. Ушакова «Богоматерь Владимирская», «Древо Московского государства», «Похвала Богоматери Владимирской» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 38. Л, 1985.

Шлейссингер Г. А. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей: Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича // Вопросы истории. 1970. № 1.

Шокарев С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М, 2012 (серия «Живая история»).

Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М, 2009.

Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется». М, 1988.

Adamson The Marking of the Ancient-Regime Court. 1500–1700 // The Princely Courts of Europe: Ritual, Politic and Culture under the Ancient-Regime Court. 1500–1700. L, 2000.

Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: the Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York; Oxford, 1992. P. 128–149.

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, NJ, 1983.

Crummey R. O. Court spectacles in Seventeenth-Century Russia: Illusion and Reality // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus, OH, 1985.

Duindam J. Myths of Power: Norbert Flias and the early modern European Court. Amsterdam, 1995.

Medieval Russian Culture / Ed. by H. Birnbaum, V. Flier // California Slavic Studies. № 12. Berkeley; Los Angeles; London, 1984.

Roosen W. Early Modern Diplomatic Ceremonial: A System Approach

//Journal of Modern History. 1980. Vol. 52. № 3.

Von Moskau nach St. Petersburg. Das russische Reich im 17. Jahrhundert.
Wisbaden, 2000.

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ.

С. Эшгут
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ОТ ЭПОХИ
ВЕЛИКИХ РЕФОРМ
ДО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

А. Митрофанов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ГОРОДА В XIX ВЕКЕ

С. Яров
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЛОКАДНОГО
ЛЕНИНГРАДА

Жан Поль Креспель
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИМПРЕССИОНИСТОВ.
1863—1883

С. Шокарев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
МОСКВЫ

ISBN 978-5-235-03648-2

9 785235 036482 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

См.: Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея России самодержцев (с 1632 по 1682 г. /Сообщ. П. М. Строев. М., 1844; *Бартенев П. И.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856; *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896; *Барсов Е. В.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. М., 1883; *Кутепов Н.* Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. СПб., 1898; *Кизеветтер А. А.* День царя Алексея Михайловича: Сцены из жизни Москвы XVII в. М., 1904; *Белокуров С. А.* Дневальные записки приказа тайных дел 7165–7183 гг. М., 1908; *Заозерский А. И.* Царская вотчина XVII в.: Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937, и др.

См.: *Гадло А. В.* Бытовой уклад жизни первых Романовых и русская народная культура XVII в. // *Дом Романовых в истории России.* СПб., 1995; *Зарин А. П.* Царские развлечения и забавы за 300 лет. М., 1991; *Кошелева О. Е.* Детство и воспитание царя Алексея Михайловича // *Свободное воспитание.* М., 1993. Вып. *Лукичев М. П.* Григорий Васильевич Львов — учитель царя Алексея Михайловича // *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII в. М., 2004; *Семенов И. Н.* У истоков кремлевского протокола: История возникновения российского посольского церемониала и нравы Кремля в XV–XVII вв. М., 2006; *Сазонова Л. И.* Свадебные церемонии первых царей из дома Романовых // *Славяноведение.* 2013. № 2, и др.

Миропомазание — одно из семи таинств православной церкви, совершающееся после таинства крещения и заключающееся в смазывании частей тела человека особым ароматическим маслом — миром, через которое передается божественная благодать. Коронационное миропомазание не считалось особым таинством, но трактовалось как высшая степень сообщения даров Святого Духа, потребных для высокого и трудного царственного служения, совершалось при венчании на царство: чело, уши, перси, плечи и обе стороны обеих рук смазывались с повторением каждый раз слов: «Печать и дар Святого Духа». Лишь на восьмой день после помазания царь мог умыться и сменить одежду.

Опашень — старинная русская мужская и женская верхняя одежда, часто носимая внакидку — «на опашь». В справочной литературе даются сильно различающиеся его описания: одни предполагают, что он имел короткие и широкие рукава, другие — что рукава были длинные, до пола, откидные, с прорезями для рук. Согласно энциклопедии Р. М. Кирсановой «Костюм в русской художественной культуре» (М., 1995), это легкая, обычно шелковая, длинная одежда свободного покроя с длинными сужающимися к запястью рукавами, носимая без пояса, поскольку ее передние полы были значительно короче заднего полотнища, украшенная пуговицами, число которых иногда превышало сотню. Расхождения в описаниях связаны с тем, что опашень, часть гардероба только богатых и знатных людей, полностью вышел из употребления с введением европейского платья при Петре Великом.

Верховые пушки (мортиры) — короткоствольные артиллерийские орудия крупного калибра с навесной траекторией стрельбы каменными ядрами, предназначавшиеся для разрушения крепостных сооружений и зданий.

Камка — шелковая однотонная ткань с двусторонним атласным и матовым узором.

Шпынь (южнорус.) — шут, насмешник.

Здесь: языческие жрецы.

Стихарь — прямая длинная церковная одежда типа туники с широкими рукавами.

Аksamит — плотная ворсистая, часто узорчатая ткань из шелка и серебряной или позолоченной нити. Кожух — верхняя одежда, подбитая мехом.

Так назывались различные монеты, чеканенные по стандарту венгерского («угорского») дуката.

Ферезея — парадная одежда без пуговиц, завязывавшаяся на шнурки у шеи.

Объярь — блестящая переливчатая шелковая ткань с муаровым эффектом разводов. Миткаль — тонкая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения.

Часослов — богослужebная книга суточных неизменяемых молитв.
Псалтырь — библейская книга Ветхого Завета, состоящая из 151 песни-псалма.

Октоих — богослужбная гимнографическая книга, содержащая изменяемые песнопения седмичного круга богослужения. Стихирарь — собрание духовных песнопений.

Аргус — персонаж древнегреческой мифологии, многоглазый великан, прозванный Паноптесом (всевидящим); в переносном смысле — неусыпный страж

Инрогом (единорогом) называют не только мифическое существо, похожее на коня с рогом во лбу, но и нарвала. Это морское млекопитающее отряда китообразных подотряда зубатых китов имеет два верхних зуба, причем, как правило, только левый развивается у самцов в бивень длиной до двух-трех метров и весом до десяти килограммов, закрученный левой спиралью. Неоднократно описываемый иностранцами посох Ивана Грозного был именно из бивня нарвала. В России за рог единорога могли выдавать также бивни мамонта, а в качестве лекарственного средства использовать порошок из оленьих пантов, действительно обладающий лечебными свойствами.

Безуй (безоар) — «животный камень», окатыш из шерсти, растительных волокон, извести, образующийся в желудках диких коз, считался панацеей от болезней, а также средством от сглаза и порчи. Родственники отвергнутой невесты царя Михаила Федоровича Марии Хлоповой отказались лечить ее растворами, выписанными придворными врачами, а поили «святой водой с честных крестов» и давали «камень безуй». Лишенный сана Никон жаловался в ссылке, что его отравили крутицкий митрополит и чудовской архимандрит, прислав дьякона Феодосия «со многим чаровством», так что он едва отпился «безуем камнем с индроговым песком». Вскоре после смерти Алексея Михайловича мастерам Серебряной палаты было приказано изготовить для нового государя, болезненного Федора Алексеевича, «чашку с кровлею, гладкую на поддонце с подписью государева имени, а в чашку и в кровлю вставить по безую восточному и позолотить сплошь». 4 апреля 1676 года она была доставлена во дворец.

Люнет, люнетта (фр. lunette — лунка) — арочный проем в своде или стене, ограниченный снизу горизонтально.

Бакан — ярко-красная краска из органических веществ, чаще всего из насекомого червца (кошенили) или растения марены (красильного корня). Венецианская (венецейская) ярь — ярко-зеленая краска, получаемая из уксуснокислой окиси меди.

Так назывались спиралевидные лабиринты, поскольку считалось, что подъем на Вавилонскую башню шел по спирали.

Тафья (от *араб*, шапка) — пришедшая с Востока маленькая круглая шапочка типа тибетейки или ермолки, прикрывавшая только макушку и служившая «домашним» головным убором. Шили их из сафьяна, бархата и парчи, украшали вышивкой и отделывали драгоценными камнями.

Гурмыжский (гурмыцкий, бурмицкий) жемчуг — самый дорогой, добывавшийся в Персидском заливе («Гурмыжском море»).

«Турский» (турецкий) кафтан не имел воротника и застегивался у шеи на левом боку.

Напиток, напоминавший топленое коровье молоко, получали из распаренных, растертых и залитых кипятком зрелых маковых зерен. В отстоявшийся процеженный настой могли добавлять мед для придания сладковатого вкуса.

Киноварь — сульфид ртути, неорганический пигмент, оттенок красного цвета, напоминающий кровь. Черлень (червлень) — красные и красно-бурые минеральные краски с окисью железа. Слизуха — прозрачная (как слизь) краска.

Деисусный, праздничный, пророческий, праотеческий чины — ряды иконостаса.

Киндяк — бумажная набивная ткань, обычно красного или желтого цвета. Пестрина (пестрядь) — ткань из остатков льняной, шерстяной, шелковой пряжи разного цвета.

Партесное пение (от лат. partes — части) — пришедшее на смену унисонному знаменному распеву многоголосное хоровое пение в православной церкви, разделенное на голоса (как правило, от трех до двенадцати) или партии, зародившееся на Украине в противовес звучанию органа в католических храмах.

Вертоград — сад (*церк. — слав.*), отаurtigards (*готск.*) — сад, огород.
Ср.: orchard (*англ.*) — фруктовый сад.